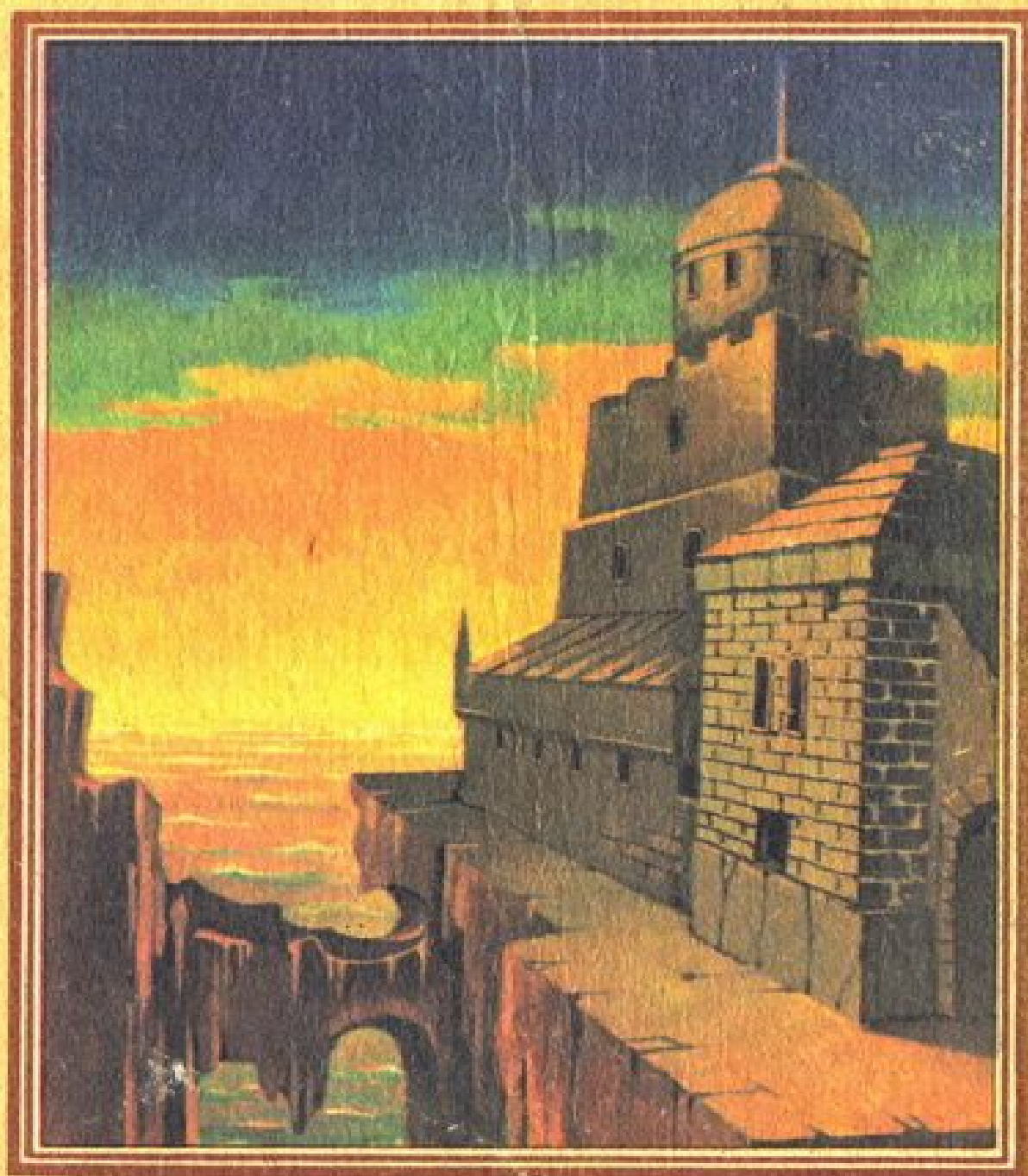

Андре НОРТОН

КОМАНДОВАТЕЛЬ МАЯ

I • II

Андрэ Нортон

Колдовской мир

Часть первая. Сулькар

1

ГИБЛОЕ МЕСТО

Над грязной улицей висела завеса косого дождя. Дождь смывал сажу с обшарпанных стен, оставляя кислый привкус во рту рослого мужчины, который, держась поближе к домам, шел широким шагом, настороженно вглядываясь в темные проемы подъездов и расщелины переулков.

Саймон Трегарт сошел с поезда часа два или три назад. Впрочем, ему больше незачем следить за временем, ибо куда же спешить беглецу, загнанному в угол, как крыса. Но нет, он не прячется! Саймон вышел на открытое место — как всегда в полной боевой готовности, с высоко поднятой головой.

Это сперва, когда все только началось, когда у него оставалась хоть искра надежды и он пускал в ход всю свою звериную ловкость, изворачивался ужом, заметал следы, уходя от погони — вот тогда все решали минуты, тогда он убегал. Теперь он идет, и будет идти, пока прямо перед ним не встанет смерть, притаившаяся в одном из этих подъездов или устроившая засаду в каком-нибудь переулке. Но и тогда он не остановится, он еще покажет ей свои когти! Правая рука, глубоко засунутая в промокший карман плаща, сжимала гладкую рукоять смертоносного оружия, пригнанную к его кисти так, что пистолет казался просто продолжением руки.

Красно-желтые кричащие огни рекламы мутными пятнами лежали на мокром асфальте. Его знакомство с этим городишкой ограничивалось прилегающими к отелю кварталами, парой ресторанов и магазинчиков — все, что удастся запомнить побывавшему здесь проездом. Саймона тянуло на открытое место. Он был уверен, что конец этой охоте наступит нынче ночью или, в крайнем случае, на рассвете.

Саймон устал, его клонило в сон, но опасность заставляла все время быть начеку. У освещенного входа он все-таки замедлил шаг и уставился на вывеску под провисшим тентом. Швейцар распахнул дверь, и утомленный человек принял безмолвное приглашение, шагнув навстречу теплу и запахам кухни.

Скверная погода распугала клиентов, возможно поэтому к нему сразу подошел метрдотель. А может быть, лучшим столиком и расторопным официантом он был обязан покрою дорогого костюма, не успевшего промокнуть под плащом, или своему усталому виду, впрочем несколько не умалявшему того врожденного высокомерия, которым отмечены люди, привыкшие командовать другими и не отдающие приказов дважды.

Глядя в меню, Саймон усмехнулся, подумав о том, что и обреченный человек не прочь хорошо поужинать. Он увидел свое улыбающееся отражение, искаженное кривой поверхностью никелированной сахарницы: правильные черты, морщинки в уголках глаз, рот резко очерчен — смуглое мужественное лицо, ничего не говорящее о возрасте его обладателя. Таким оно было в тридцать, таким будет и в шестьдесят.

Трегарт ел медленно, тщательно пережевывая каждый кусок, позволив наконец своему телу расслабиться, насладиться уютом и придирчиво выбранным вином. Но рассудку и нервам эта передышка не давала ничего, Саймон знал — это конец, и был готов ко всему.

— Прошу прощения...

Вилка не остановила своего движения ко рту, но несмотря на отменную выдержку, веко Саймона дрогнуло. Спокойно прожевав мясо, он поднял голову.

— В чем дело?

Человека, вежливо стоящего у столика, можно было принять за врача или адвоката, он выглядел чересчур располагающе, как-то профессионально располагающе. Такого Саймон не ожидал. Подошедший был слишком респектабелен, слишком учтив и корректен, чтобы оказаться смертью. Впрочем, у организации множество подручных, которые специализируются в самых разных сферах.

— Если не ошибаюсь, полковник Саймон Трегарт?

Саймон разломил булочку и стал намазывать ее маслом.

— Саймон Трегарт, но не полковник! — жестко сказал он. — И вам это прекрасно известно!

Мужчина несколько смешался.

— Простите за бестактность, Трегарт! Осмелюсь заметить, я не являюсь членом организации. И более того, если угодно, я ваш друг. Позвольте представиться — доктор Йорг Петроний. Могу добавить — к вашим услугам.

Саймон поглядел по сторонам. Он полагал, что отпущенное ему время истекло, и уж никак не рассчитывал на подобную встречу. Впервые за эти поганые дни в глубине его души затеплился огонек надежды.

У него не было никаких оснований сомневаться в истинности слов невысокого мужчины, который глядел на него сквозь толстые линзы очков. Черная массивная оправа, казалось, скрывает лицо Петрония под полумаской, вроде тех, какие носили веке этак в восемнадцатом. Доктор Йорг Петроний пользовался широкой известностью в тех кругах, где Трегарт вращался последние годы. Если запахло жареным и, на твоё счастье, у тебя не перевелись деньги — иди к Петронию. Все, рискнувшие обратиться к нему, исчезали бесследно, избегая карающей длани закона и мести сообщников.

— Сэмми в городе, — сказал Петроний.

— Сэмми? — Саймон пригубил вина. — Весьма польщен.

— Трегарт! У вас отличная репутация. По вашу душу организация отрядила свои лучшие кадры, но вы уже разделились с Кочевым и с Лэмпсоном, и остался один Сэмми, но он из другого теста. Простите за настойчивость, но ведь дела ваши плохи, и вы давно в бегах.

Саймон улыбнулся. Он не терял бдительности, но получал удовольствие от недомолвок доктора равно как и от вкусной пищи, одобренной хорошим вином.

— По-вашему, дела мои плохи? Какое же средство вы предлагаете?

— Свои услуги.

Саймон слишком резко поставил бокал с вином, и несколько красных капель выплеснулось на скатерть.

— Говорят, ваши услуги не дешевы.

— Естественно! — доктор развел руками. — Зато я гарантирую полное исчезновение! Жалоб еще не поступало.

— Жаль, но ваши услуги мне не по карману.

— Как? Вы все растратили? Трудно поверить. В Сан-Педро у вас было двадцать тысяч. Невозможно спустить столько так быстро. Кстати, если вы встретитесь с Сэмми, то все, что осталось, попросту вернется к Хансону.

Саймон стиснул зубы, в его глазах вспыхнула дикая злоба — именно так он глянул бы в глаза Сэмми, доведись им встретиться.

— Зачем и как вы...

— Зачем? — Петроний снова развел руками. — Вы поймете чуть позже. Я ведь ученый, исследователь, так сказать, экспериментатор. А как выследил? Слухами земля полнится, Трегарт! Человек вы заметный и, надо признать, кое для кого очень опасный, а потому вы под колпаком. Смеем заметить также, что на свою беду человек вы порядочный.

— Да знаете ли вы, чем я занимался? — Саймон сжал кулаки.

Петроний засмеялся: послышалось легкое пофыркивание, приглашающее собеседника насладиться юмором создавшегося положения.

— Трегарт! Зачастую порядочность и закон несовместимы! Не будь вы человеком исключительной честности, вы бы никогда не пошли против Хансона. Словом, я уверен, вы уже созрели для моих услуг, идемте!

Как бы помимо своей воли Саймон расплатился и последовал за Петронием. Их ждала машина, и, хотя доктор не назвал шоферу адреса, она понесла их куда-то в дождливую ночь.

— Саймон Трегарт, — голос доктора потерял всякое выражение, словно он читал справку. — Предки из Корнуолла. Десятого марта 1939 года поступил на службу в Армию США. От сержанта дошел до полковника. Служил в оккупационных войсках, отстранен от службы. Посажен в тюрьму... За что, полковник? Ах, да! За махинации на черном рынке. К несчастью, храбрый полковник поздно узнал, что втянут в грязное дело. Тут-то вы и встали по другую сторону закона, не так ли, Трегарт? И, потеряв карьеру, решили не выходить из игры? После Берлина вы участвовали в нескольких сомнительных операциях, а потом не придумали ничего лучшего, как встать Хансону поперек дороги. Опять по неведению? Какой-то вы невезучий, Трегарт! Будем надеяться, удача улыбнется вам этой ночью.

— Мы куда? В порт?

— В ту сторону, но не в гавань, — Саймон снова услышал пофыркивание доктора. — Мои клиенты отправляются не морем, не сушей и не по воздуху. Полковник, вы знакомы с легендами своей родины?

— Какие там легенды у Мэтчема в Пенсильвании!

— Я имею в виду не захолустный шахтерский городишко на этом континенте, а древний Корнуолл.

— Предки мои действительно из Корнуолла, но больше мне нечего добавить.

— В ваших жилах течет благородная кровь, ибо Корнуолл уходит корнями в глубокую древность и легенды его связаны с Уэльсом. Там воевал король Артур, там укрывались римляне, сметенные боевыми топорами саксов. А до римлян там жили другие народы. И они тоже приносили с собой крупницы древнего знания. Честное слово, Трегарт, вы доставите мне истинное наслаждение... — наступила пауза, предназначенная для вопроса, но Саймон молчал, и доктор продолжил:

— Я напому вам одну из древних легенд. Очень интересный эксперимент... Вот мы и приехали!

Машина остановилась перед входом в темную аллею, Петроний выбрался из нее и открыл ворота.

— У моего дома единственный недостаток: дорожка узка для машины, так что придется выйти здесь.

Глядя в темноту, Саймон раздумывал. Не привез ли его доктор в место, уготованное для расправы? Может быть, он в сговоре с Сэмми? Однако, Петроний включил фонарик и поводил им перед собой.

— Не беспокойтесь, тут всего несколько шагов. Следуйте за мной.

Дорожка вскоре кончилась, и они оказались перед небольшим домиком, примостившимся между двух массивных зданий с какими-то башенками.

— Перед вами анахронизм, Трегарт, — доктор возился с замком. — Так сказать, заповедник прошлого, а именно — семнадцатый век посреди двадцатого, если хотите. Возможно, в это трудно поверить, но он существует. Милости прошу.

Обсыхая у камина и потягивая коктейль, Саймон подумал, что «заповедник прошлого» — это сказано точно. Для полноты картины хозяину не доставало только шлема с шишаком и меча у пояса.

— И куда я отсюда? — спросил он наконец.

— Вы отправитесь на рассвете, Трегарт, — Петроний поправил кочергой огонь в камине. — А вот куда, еще увидим.

— Зачем ждать рассвета?

Как бы нехотя, Петроний отставил кочергу, вытер платком руки и повернулся к своему клиенту.

— Лишь на рассвете откроется ваша дверь. Именно ваша! Вы все равно не поверите, пока не убедитесь сами. Да, что вам известно о менгирах?

Странно, но Саймон обрадовался, что может ответить.

— Менгиры — это такие камни. В древности их устанавливали в круг, скажем, в Стоунхендже...

— Верно, иногда в круг. Но их использовали и по-другому! — доктор вдруг посуровел, словно всем своим видом требовал полного внимания к своим словам. — В древних легендах упоминаются магические камни. Один из них — Камень Фал, привезенный в Ирландию племенем богини Дану. Когда истинный король ступал на него, камень издавал громкий крик в знак приветствия. Это был коронационный камень, одно из трех великих сокровищ. А короли Англии разве не держат и поныне под своим троном Скунский Камень? Ну а в Корнуолле был свой магический камень и называли его Гиблое Место. Говорят, он мог оценить достоинства человека и отдать его на волю судьбы. И будто сам волшебник Мерлин открыл эту тайну королю Артуру, а тот поставил камень вместо одного из сидений за Круглым Столом. Шестеро рыцарей садились на этот камень — и все исчезли. Но двое других выдержали испытание и не пропали — то были Персиваль и Галаад.

— Что вы мелете! — Саймон был жестоко разочарован, тем более жестоко, что он уже начал на что-то надеяться. Петроний — псих, дело ясное, и значит, спасения нет. — Король Артур, Рыцари Круглого Стола — это сказки для маленьких детей! Вы говорите так, будто...

— Будто это подлинная история?! — подхватил Петроний. — Да кто же теперь скажет, что было, чего не было! Каждое слово, дошедшее до нас из древности, прошло через призму знания и предрассудков. История питается легендами, но что такое легенда, как не изустное предание? Все искажается даже на глазах одного поколения. Вот вы, к примеру, ложными показаниями совершенно исказили свою жизнь. А эти показания записаны и теперь принадлежат истории, и, согласитесь, абсолютно ложной истории! История вершится людьми и подвержена всем, присущим человеку, заблуждениям. В легендах есть крупинцы истины, а в общепризнанной истории полным-полно лжи. Я знаю, что говорю, поскольку Гиблое Место существует!

Есть такие теории развития исторического процесса, которые радикально отличаются от всего, что нам вдалбливали в школе. Вы когда-нибудь слышали о ветвящихся мирах, которые расходятся в бифуркационных точках времени? Возможно, в одном из таких миров вы, Трегарт, не солгали той злополучной ночью в Берлине. А в другом — вы час назад не встретились со мной и отправились прямым ходом на свидание с Сэмми!

Петроний встал и начал раскачиваться на пятках. Саймон почувствовал, как энтузиазм доктора передается и ему.

— Какую же из теорий вы намерены проверить на мне?

Петроний рассмеялся:

— Имейте терпение выслушать меня до конца и не принимайте за сумасшедшего, я все объясню! — обернувшись, он посмотрел на большие стенные часы. — Время еще есть. А дело примерно вот в чем...

Доктор пустился в пространные объяснения, напоминавшие бред сивой кобылы, но Саймон покорно слушал. Тепло, выпивка и передышка — что еще надо?! Все равно рано или поздно придется уйти, и от свидания с Сэмми не отвертеться. Саймон отогнал эти мысли и попытался сосредоточиться на словах Петрония. Трижды раздавался мелодичный бой старинных часов, прежде чем доктор остановился. Трегарт глубоко вздохнул. Возможно, доктор просто болтун, но что, если все это правда? Репутация у Петрония безупречная... Саймон достал бумажник.

— Сакарзи и Вулверстайн после встречи с вами как сквозь землю провалились...

— Вот именно! Каждый из них шагнул в свою дверь и попал в мир, о котором втайне мечтал всю жизнь. Все как я вам рассказывал. Человек садится на камень — и перед ним открывается бытие, в котором его дух и разум, или, если угодно, душа, чувствуют себя как дома, то есть, человек отправляется навстречу своей судьбе.

— Почему же вы сами не воспользуетесь?

— Почему? — доктор опустил взгляд на свои пухлые руки. — Да потому, что оттуда нет возврата! Мосты сжигают только в безвыходном положении, ибо войдя туда, не пойдешь на попятный. Я много

говору, но все не подберу нужных слов. У Камня было немало хранителей, но редко кто пробовал его силу на себе. Возможно, в один прекрасный день... а пока у меня не хватает духу.

— Вы продаете свои услуги тому, кто хочет лечь на дно. Недурно! Вполне приличный способ делать деньги. Любопытно было бы взглянуть на список ваших клиентов.

— Да уж! Через мои руки прошли многие известные люди! Особенно в конце войны. Вы бы не поверили, обнаружив в нем имена тех, от кого тогда отвернулась фортуна.

— И то сказать, многих военных преступников недосчитались, — заметил Саймон. — Если ваши слова не выдумка, можно представить себе, в какие жуткие миры они перекочевали!

Саймон встал, потянулся, затем подошел к столу и стал отсчитывать деньги. Банкноты были большей частью старые, засаленные, словно грязные дела наложили на них свой отвратительный отпечаток. Когда у него осталась одна единственная монета, Трегарт подбросил ее, и она со звоном упала на полированный стол. Орел!

— Оставляю себе!

— На счастье? Берите-берите! — Доктор копошился с банкнотами, аккуратно укладывая их в стопку. — Удача вам не помешает. К сожалению, я вынужден поторопить дорогого гостя, ибо сила Камня ограничена во времени, мгновение решает здесь все. Пожалуйста сюда!

Саймон подумал, что подобным образом приглашают в кабинет к зубному врачу, и наверное поэтому, следуя за доктором, чувствовал себя полным идиотом.

Дождь кончился, но на задворках старого дома было еще темно. Петроний щелкнул выключателем, хлынул свет, и Трегарт увидел ворота, сложенные из трех камней. Прямо перед ними лежал четвертый камень — такой же бесформенный и грубо отесанный. За каменными воротами виднелись прогнившие доски некрашеного, покрытого копотью забора, до которого было метра три черной влажной земли.

Глядя на все это, Саймон проклинал себя за минутную слабость и излишнюю доверчивость. Конечно же, сейчас появится Сэмми — и Петроний получит честно заработанные деньги.

Однако, доктор решительно указал на камень.

— Перед вами Гиблое Место. Садитесь, полковник, пора.

Понимая всю нелепость своего поведения, Саймон криво улыбнулся, но, немного постояв под воротами, сел на камень, в котором обнаружил даже округлую выемку для сидения. Пошарив вокруг себя, он нашел еще два углубления для рук — и несколько не удивился.

Ничего не произошло! Тот же забор, та же полоска мокрой земли. Саймон хотел уже встать...

— Время! — торжественно объявил Петроний.

В глазах все помутилось, расплылось...

Перед Саймоном лежало большое болото, над которым вставал серый рассвет. Свежий ветер трепал волосы, доносил незнакомый, будоражащий запах, вдруг пробудивший в Трегарте нечто, неодолимо зовущее найти источник этого запаха, заставляющее броситься вперед и нестись по болоту, подобно гончому псу.

— Ваш мир, полковник! Желаю удачи!

Саймон машинально кивнул, но человек, произнесший это, его больше не интересовал. Может, мир вокруг — только иллюзия, и все равно это было именно то, о чем он мечтал всю свою жизнь. Не прощаясь, Саймон встал и шагнул в ворота.

В это мгновение им овладел дикий страх. Он даже представить себе не мог, что существует такой страх, страх, который невыносимее любой физической боли, когда кажется, будто мироздание грубо разрывается надвое и ввергает тебя в ужасное ничто. Саймон ничком упал в осоку.

ТРАВЛЯ НА БОЛОТЕ

Светало, но из-за густого тумана не было видно солнца. Саймон встал, обернулся и увидел два грубо отесанных столба из красноватого камня, а за ними никакого двора, только серо-зеленое болото, уходящее далеко в туман. Петроний не обманул — это другой мир!

Саймон поежился: на нем был плащ, но шляпу он забыл у доктора, и холодные струйки текли с намокших волос за шиворот. Надо что-то делать, куда-то идти. Он осмотрелся по сторонам и решил идти прямо. Да не все ли равно куда, если вокруг, сколько видит глаз, болото?

Пока он пробирался через заросли осоки, небо посветлело, туман рассеялся, и характер местности начал понемногу меняться. Появились выходы красного камня, подъемы и спуски. На горизонте показалась какая-то гряда, наверное, горы, но Саймон не мог определить, насколько они далеко. Хотелось есть. Он сорвал лист с какого-то куста и пожевал — кисло и совсем невкусно. Вдруг откуда-то донеслись звуки охоты: несколько раз протрубил рог, послышался лай собак и какой-то приглушенный крик.

Ускорив шаг, Саймон вышел на край оврага, прислушался и понял, что звуки доносятся с противоположной стороны, и определенно приближаются к нему. Будучи в прошлом опытным десантником, он, не теряя времени, спрятался за двумя большими валунами.

Из зарослей на другой стороне оврага выскочила женщина. Она бежала легко и уверенно, но на краю оврага замешкалась и обернулась. Ее гибкое смуглое тело едва прикрывали какие-то лохмотья, и в рассветных лучах на фоне серо-зеленой растительности оно казалось пятнистым. Женщина нетерпеливо отбросила со лба прядь черных волос, провела рукой по лицу и принялась искать спуск.

Снова призывно зазвучал рог, и разнесся собачий лай. Женщина вздрогнула, и Саймон встал из своего укрытия, неожиданно поняв, что именно она является дичью в этой жуткой охоте.

Пока женщина пыталась отцепить колючую ветку терновника от своих лохмотьев, он снова присел. От резкого движения женщина поскользнулась, потеряла равновесие и сорвалась, но, даже падая, не вскрикнула. Ухватившись руками за куст, несчастная старалась найти опору для ног, и тут из зарослей выскочили собаки.

Тощие, белые, они двигались так, словно у них не было костей. На краю обрыва псы остановились и торжествующе завывали, устремив на женщину заостренные морды. А та продолжала отчаянно извиваться, пытаясь за что-нибудь зацепиться ногами, надеясь все-таки уйти от погони. Возможно, ей и удалось бы это, но появились охотники.

Они были на лошадях. Тот, у которого на ремне, перекинутом через плечо, висел рог, остался в седле, а другой спешил и, распахивая собак ногами, подошел к краю обрыва. Увидев женщину, он потянулся к кобуре.

Несчастная, повисшая над обрывом, подняла на охотника свое бесстрастное, ничего не выражающее лицо, а тот, доставая оружие, довольно ухмыльнулся, явно наслаждаясь беспомощностью своей жертвы.

В этот момент Саймон выстрелил. Охотник вскрикнул, покачнулся и упал с обрыва.

Еще не смолкло эхо от выстрела, а другой охотник уже скрылся в кустах, и Саймон отметил, что оставшийся противник довольно сообразителен. Собаки же словно взбесились, начав носиться из стороны в сторону с диким лаем.

Тем временем женщина, наконец, нашла опору для ног и начала медленно спускаться вниз по склону. Краем глаза Саймон заметил какое-то движение и тут же обнаружил в двух дюймах от себя большую иглу, которая, войдя глубоко в землю, еще покачивалась. Бой принят!

Лет десять назад Трегарт ежедневно играл в такие игры, и, надо признать, с большим удовольствием. Старые навыки не забылись, и он, затаившись в укрытии, стал ждать. Собаки устали и тяжело дыша распластались на земле. Теперь все решала выдержка, а уж этого Саймону было не занимать. Наконец,

заметив, как на той стороне качнулась ветка, он выстрелил — и в зарослях раздался крик.

Вдруг поблизости послышался какой-то шорох. Саймон подполз к краю обрыва и нос к носу столкнулся с женщиной. Ее темные раскосые глаза на узком лице смотрели так пристально, что Саймону стало не по себе. Ухватив женщину за плечо, он втащил ее в свое укрытие и неожиданно остро ощутил опасность и какую-то дикую потребность бежать через болото, словно спасение было только там, за его краем, в направлении, противоположном тому, откуда он пришел.

Ощущение опасности было таким сильным, что Саймон сначала пополз вдоль кустов, а потом поднялся на ноги и побежал бок о бок с женщиной. Вой собак за их спинами, становился все глуше.

Женщина пробежала, судя по всему, уже много миль, но угнаться за ней оказалось не просто. Наконец, они добрались до возвышенности, где болото сменили заросшие озерца, окруженные густым тростником. Ветер снова донес издали зов рога, но женщина только рассмеялась и поглядела на Саймона, словно приглашая его разделить с ней радость. Затем она показала рукой на озерца, поясняя жестом, что им туда.

Впереди клубился густой туман, он стелился по земле, преграждая бегущим дорогу. Саймон пригляделся внимательней, подумав, что за такой завесой можно, пожалуй, чувствовать себя в безопасности, но странное дело, туман, казалось, исходит из одного источника, и это настораживало.

Женщина подняла руку, на ее широком браслете что-то ярко вспыхнуло, и луч света утонул в плотном мареве. Другой рукой она придержала Саймона, и ему почудилось, что в тумане движутся темные тени.

Вдруг из-за белой завесы раздался голос, и хотя слов Трегарт не разобрал, однако интонация была явно вопросительной. Женщина что-то коротко сказала, но, получив ответ, сразу сникла. Догадавшись, что в помощи им отказано, Саймон сжал ее руку в своей.

— Что дальше? — спросил он.

Понять его слов женщина, конечно, не могла, но смысл определила верно. Она послунила палец и подняла руку. Ветер сдул с ее лица черные пряди, и Саймон увидел на ее щеке багровый кровоподтек и черные тени под глазами. Не отнимая своей руки, женщина повлекла его налево: они побежали по глубоким вонючим лужам, где какая-то зеленая гадость расступалась под их ногами, прилипая к ее голым икрам и его мокрым брюкам.

Они бежали по краю болота, а непроницаемая стена тумана двигалась параллельным курсом. У Саймона сосало под ложечкой, и к тому же он стер ноги в мокрых ботинках. Но рога больше не было слышно — вероятно, собаки сбились со следа.

Они продрались через заросли тростника и выбрались на хорошо утопанную дорогу, скорее даже на широкую тропу, бежать по которой стало значительно легче.

Уже перевалило за полдень, хотя судить о времени в этом сером сумраке было трудно. Они поднимались круто вверх, когда впереди показались какие-то укрепления из красного камня, напоминавшие грубо сложенную стену; в ней зияла брешь, через которую тропа уходила дальше.

Но уже под самой стеной удача вновь отвернулась от них. Из придорожных зарослей выскочил какой-то черный зверек и бросился женщине под ноги, та упала, вскрикнула и схватилась за лодыжку. Саймон подбежал к ней и, осмотрев поврежденную ногу, понял, что перелома нет, но и продолжать сейчас путь она не сможет. И тут, как назло, раздался звук рога.

— Проклятье! — буркнул Трегарт себе под нос и кинулся к брешу в стене. По ровной, как стол, равнине тропа уходила к реке. Укрыться там было негде. Тогда Саймон внимательно осмотрел стену, быстро сбросил плащ, снял мокрые ботинки и полез наверх. Вскоре он обнаружил небольшой карниз, который с тропы был почти не виден, и вернулся за спутницей, чтобы помочь ей подняться.

Кое-как добрались они до своего не очень-то надежного убежища, а там ледяной ветер заставил их тесно прижаться друг к другу, и Саймон почувствовал на щеке ее горячее дыхание.

Женщину била дрожь, Трегарт набросил на нее свой плащ, она благодарно улыбнулась, и он вдруг заметил, как сильно потрескались ее губы. Вообще, он не решился бы назвать ее красивой — слишком

измождена, худа и бледна. И хотя лохмотья едва прикрывали женское тело, он не испытывал к нему никакого влечения. В следующий миг Саймон почувствовал, что женщина каким-то непостижимым образом прочла его мысли, и они вызвали у нее улыбку.

Она придвинулась к краю карниза и прижалась к Трегарту плечом, затем, откинув плащ, положила руку с широким браслетом к себе на колено и начала время от времени потирать пальцами вправленный в него овальный кристалл.

Ветер опять донес до них звуки рога и собачий лай. Саймон достал пистолет, и пальцы женщины устремились к нему, пробежали по холодной стали, словно так она хотела понять, что у него в руке. На тропе появились две белые точки. За собаками следовало четверо всадников, и Саймон сконцентрировал на них все свое внимание.

Они ехали открыто, определенно чувствуя себя в полной безопасности, и это навело его на мысль, что их преследователи еще не знают, что беглецов стало уже двое. Во всяком случае, Саймону очень хотелось в это верить.

Всадники были в железных шлемах с зазубренными гребнями, верхнюю часть их лиц прикрывали резные забрала. Камзолы, напоминавшие покромом гимнастерки, были зашнурованы от пояса до горла. На широкой портупее — кобура, зачехленные ножи, а также разной величины сумки и прочее снаряжение, о назначении которого Саймону приходилось только гадать. Сине-зеленые камзолы, облегающие штаны и ботфорты — все это очень напоминало военную форму, тем более, что справа на груди у каждого красовалась одна и та же эмблема.

Змееголовые псы бросились к подножию стены и начали злобно скрести ее лапами как раз под карнизом. Помня о давешней бесшумной игле, Саймон выстрелил первым.

Охотник, ехавший впереди, вскрикнул и сполз с седла, но одна нога застряла в стремях, и лошадь потащила по тропе безжизненное тело. Саймон выстрелил еще раз, и второй охотник с криком схватился за плечо. Лошадь, продолжавшая тащить мертвеца, миновала пролом в стене и понеслась к реке.

Собаки примолкли. Они улеглись под стеной, устало вывалив языки, глаза их горели жутким желтым огнем. В Саймоне при виде их глаз стало расти беспокойство, — по лагерям для военнопленных он имел хорошее представление о сторожевых собаках. А эти огромные зверюги явно были убийцами — достаточно посмотреть на их кровавые морды. Конечно, он мог бы попросту перестрелять их, но не хотелось зря тратить патроны.

Мрачный день близился к концу, но надвигающаяся ночь и темнота тем более не сулили им ничего хорошего. Влажный ветер с болота по-прежнему насквозь продувал их жалкое убежище.

Саймон придвинулся к краю карниза. Одна из собак тотчас же вскочила, заскребла стену и угрожающе зарычала. Женщина тронула Саймона за плечо и настойчиво потянула его назад, а он через прикосновение узнал о том, что она чувствует: несмотря на их отчаянное положение, женщина не боялась. И еще Саймон понял — она чего-то ждет.

«Может, нам стоит перебраться на гребень стены?» — подумал он, и заметил, как его спутница отрицательно покачала головой, словно опять прочла его мысли.

Собаки вскоре уgomонились, но Саймон еще пристальнее вглядывался во тьму, понимая, что где-то там их хозяева договариваются о дальнейших действиях. Он был отличным стрелком и не сомневался в себе, но сгущающийся мрак мог ему серьезно помешать.

Женщина вдруг шевельнулась, что-то воскликнула и тронула руку, в которой Трегарт сжимал оружие. Он еще ничего не успел понять, как женщина вырвала у него пистолет и со всей силы обрушила его рукоять на ползущую тварь.

Раздался пронзительный визг. Первым делом Саймон отобрал у женщины пистолет и лишь затем поглядел на корчащееся существо, у которого, похоже, был перебит позвоночник. Сначала бросились в глаза зубы — белые кривые иглы, затем — маленькая плоская голова и тело, покрытое шерстью. Наконец, Саймон столкнулся взглядом с красными глазами существа и — черт возьми! — в них светился разум. Тварь умирала, но даже в предсмертных судорогах все еще пыталась дотянуться до женщины, издавая злобное

шипение. Саймон с отвращением спихнул ногой эту тварь с карниза так, что она упала прямо к собакам.

Те кинулись врассыпную, словно он бросил вниз гранату, но сквозь лай и скулеж Трегарт разобрал куда более приятные звуки. Его спутница тихо смеялась, а глаза ее просто сияли ликованием. И пока Саймон вглядывался в темноту под стеной, пытаясь разглядеть, что стало с мерзкой тварью, женщина все кивала и радостно смеялась.

Неужели притаившиеся внизу охотники спустили на них такую гадину? Но почему тогда разбежались собаки? Что-то здесь не сходится... Не могут собаки разбежаться от какого-то трупа ни с того ни с сего. Но он не стал больше ломать голову, а попросту приготовился к бессонной ночи. Ведь если эту тварь подослали их преследователи, значит последуют и другие ходы.

Тьма сгущалась, однако, внизу не было слышно ничего подозрительного, только псы вернулись и опять разлеглись широким полукругом у подножия стены.

Стемнело окончательно, и женщина зашевелилась. Закоченевшими пальцами она погладила кристалл на запястье, затем тронула руку Саймона, и в его мозгу сразу возник образ ножа. Ей нужен нож! Он отвел ее руку и едва успел достать складной нож, как женщина быстро выхватила его.

Саймон не понимал, что происходит, но у него хватило ума не мешать ей. Мутный кристалл браслета слабо засветился. Женщина, не раздумывая, вонзила нож себе в палец, кровь капнула на кристалл и затмила его на какое-то мгновение.

Овальный камень светился все ярче и ярче, и, наконец, из него ударила, подобно молнии, вспышка света. Женщина довольно засмеялась, а кристалл вскоре снова померк. Она положила свою руку на пистолет, и вновь Трегарт понял без слов, что оружие больше не понадобится, помощь близка.

Вокруг стены завывал гнилой ветер с болота, женщину была дрожь, Саймон обнял ее за сутулые плечи и прижал к себе, согревая. И вдруг огромный зазубренный меч багровой молнии рассек небо у них над головами.

3

САЙМОН ПОСТУПАЕТ НА СЛУЖБУ

Снова прямо над ними небо расколосось от страшного удара молнии. И это были только первые залпы жестокой битвы, которую начали между собой небо и земля. Подобной бури Саймон еще не видывал. Он не забыл, как во время войны вжимался в землю от грохота канонады, подобного щелканью гигантских бичей. Но разразившаяся гроза была страшнее, ибо казалось, что все эти громы и молнии неуправляемы.

Стена содрогалась в такт ударам грома и, словно два перепуганных зверька, они жались друг к другу, зажимаясь при каждой вспышке молнии. Стоявший вокруг непрерывный грохот ничуть не напоминал раскатов обычного грома, скорее, можно было представить, будто огромный барабан отбивает какой-то жуткий ритм, от которого стынет кровь и мутится в голове. Женщина спрятала лицо на груди у Саймона, словно там для нее была единственная надежда на спасение в этом агонизирующем мире, и он крепко обхватил ее дрожащее тело.

А гроза все продолжалась. Вспышка молнии и грохот, новая вспышка и снова грохот, и ветер, ветер, ветер, но ни капли дождя!

После очередного мощного разряда Саймон на какое-то время ослеп и оглох, и вдруг все кончилось... Даже ветер выдохся, ослабел, и Трегарт поднял голову.

Воняло паленым мясом, вокруг стены горели кусты. И тишина... Женщина высвободилась из его объятий, но Саймону уже передалась ее уверенность, уверенность, смешанная с торжеством, словно закончилась какая-то игра, которая, к ее вящему удовольствию, завершилась победой.

Саймон напряженно всматривался во тьму, силясь разглядеть, что там внизу с охотниками и собаками. Под стеной белела куча неподвижных тел, неподалеку на тропе лежала лошадь, а на ее шее покоилась рука придавленного всадника.

Женщина тоже придвинулась к краю карниза и жадно смотрела вниз. Не успел Саймон оглянуться, как она уже спустилась со стены, и он, опасаясь внезапного нападения, быстро последовал за ней, но у подножия стены все было спокойно.

От горящих зарослей на них дохнуло теплом, и его спутница с наслаждением протянула руки к огню. Саймон обошел собак, превращенных ударом молнии в обугленное месиво, и приблизился к мертвой лошади, намереваясь забрать оружие всадника, как вдруг увидел, что пальцы, вцепившиеся в гриву лошади, шевелятся.

Охотник был смертельно ранен, но после давешней охоты на болоте Трегарт не испытывал к нему никакой жалости. Но и оставить без помощи человека, попавшего в такую ловушку, он тоже не мог. Саймон с трудом приподнял мертвую лошадь и выволок из-под нее искалеченного человека поближе к огню, чтобы получше его рассмотреть.

В искаженном, залитом кровью лице раненого не было признаков жизни, но раздавленная грудь все еще вздымалась, и он непрерывно стонал. Саймон затруднялся отнести этого человека к какой-либо известной ему расе, разглядывая коротко остриженные серебристые волосы, орлиный нос и широкие скулы — сочетание довольно необычное. Ему почему-то подумалось, что охотник еще молод, хотя перекошенное от боли лицо трудно было назвать юным. На ремне, перекинутом через плечо, висел резной рог, а богатое убранство и усыпанная жемчугом брошь говорили о том, что этот всадник не из простых воинов. Поняв, что помочь умирающему невозможно, Саймон переключил внимание на его снаряжение.

Нож всадника он заткнул себе за пояс, а затем осторожно извлек из кобуры какое-то странное оружие, имеющее ствол и нечто похожее на курок. Саймон прикинул самострел в руке — сбалансировано неважно, да и ручка неудобная, тем не менее он сунул его за пазуху.

Трегарт отстегивал какой-то узкий цилиндр, когда из-за его спины метнулась бледная рука и выхватила очередную находку. Охотник пошевелился, словно именно это прикосновение привело его в

сознание, и открыл глаза, глаза умирающего, но в глубине их, как у кошки в темноте, бегали дикие искорки. Встретившись взглядом с раненым, Саймон невольно отшатнулся.

На своем веку он достаточно повидал страшных людей: видел убийц, пришедших за его жизнью, всего лишь потому, что это их работа; ему приходилось сталкиваться лицом к лицу с теми, кто ненавидел его и кого ненавидел он сам. Но никогда еще не встречал он такой ненависти, какая горела в этих зеленых глазах.

Однако, Саймон быстро понял, что этот взгляд обращен не на него. Рядом с ним, немного скособочившись, чтобы уменьшить нагрузку на поврежденную ногу, стояла женщина и вертела в руках жезл, только что выхваченный у него из-под рук.

Вопреки его ожиданиям, женщина смотрела на умирающего совершенно бесстрастно. Тот зашевелил губами, затем с мучительным усилием приподнялся и плюнул в ее сторону. Голова раненого тут же снова откинулась, и он затих, словно на этот заключительный всплеск ненависти ушли его последние силы. Действительно, в следующую минуту лицо охотника вдруг обмякло, и в свете затухающего пламени Саймон увидел, как приоткрылся его рот.

— Ализон, — тщательно выговаривая каждый слог, произнесла женщина, переводя взгляд с Трегарта на труп охотника. — Ализон, — повторила она, ткнув пальцем в эмблему на груди мертвеца.

— Ализон, — повторил вслед за ней Саймон и встал на ноги. У него пропало всякое желание осматривать вещи мертвого.

Женщина повернулась лицом к бреши в стене, куда уходила тропа.

— Эсткамп, — произнесла она столь же тщательно и указала рукой в сторону реки. — Эсткамп, — повторила она и прикоснулась ладонью к своей груди.

Словно в ответ на ее слова из-за стены донесся пронзительный свист, как будто кто-то дал условный сигнал. Женщина что-то коротко крикнула, ее слова подхватил ветер, и они эхом разнеслись по округе.

Немного погодя послышался стук копыт и позвякивание металла. Поскольку его спутница смотрела на тропу с нескрываемой радостью, Саймон почел за благо ждать и не открывать огня раньше времени. Лишь ради предосторожности он сунул руку в карман и направил ствол пистолета на проход в стене.

Один за другим появлялись всадники. Двое, держа оружие наготове, миновали стену и остановились по разные стороны тропы. Увидав женщину, они что-то радостно закричали, после чего у Трегарта не осталось никаких сомнений — это друзья. Один из всадников направился напрямик к беглецам. Его могучая лошадь словно специально была выбрана для тяжелого седока, хотя сидящий в седле был настолько мал ростом, что, покуда не спрыгнул на землю, он казался Саймону мальчиком.

В свете пламени доспехи воина сверкали. Был он действительно невысок, но недостаток роста с лихвой окупался шириной плеч, а такие длинные руки и могучая грудь могли бы принадлежать человеку втрое большему. Одежда его напоминала кольчугу, она так плотно облегала тело, что казалась сделанной не из металла, а из какой-то эластичной, не стеснявшей движений ткани. Шлем был увенчан изображением птицы с распростертыми крыльями. А может, это и была настоящая птица, застывшая в полете по чьему-то мановению? Ее мерцающие глаза, казалось, следили за Саймоном с невыразимой яростью. Гладкие скаты шлема переходили в кольчужный шарф, спереди и сзади прикрывавший шею воина. Тот нетерпеливым движением отвернул шарф, открыв свое лицо, и Саймон обнаружил, что и на этот раз не ошибся в своих догадках — воин с соколом на шлеме оказался очень молодым, но при этом явно и очень сильным человеком.

Изучающе глядя на Саймона, юноша что-то спросил у женщины. Та ответила ему потоком слов и начертила рукой в пространстве между Саймоном и воином какой-то знак, после чего тот сразу же прикоснулся рукой к шлему, очевидно, приветствуя чужестранца. Но судя по всему, право отдавать приказы принадлежало здесь, все-таки, женщине.

Указывая на воина, та продолжила урок языка:

— Корис.

Саймон сообразил, что так зовут молодого воина. Он ткнул себя в грудь и произнес:

— Трегарт, Саймон Трегарт, — и посмотрел на женщину, ожидая, что та назовет свое имя.

Однако, она лишь повторила за ним:

— Трегарт, Саймон Трегарт, — произнесла женщина по слогам, как бы запоминая.

Не услышав ничего более, Саймон решил спросить прямо:

— Кто? — он указал рукой на свою спутницу.

Корис немедленно схватился за оружие и выступил вперед. Женщина нахмурилась, ее взгляд стал холодным и отчужденным, и Саймон понял, что допустил ошибку.

— Извини, — сказал он, виновато разводя руками и надеясь, что хоть этот его жест будет правильно истолкован. Возможно, он совершил промашку, но ведь только по незнанию. Женщина, похоже, так и поняла, ибо принялась что-то объяснять молодому воину, но Корис еще долго косился на Саймона, не проявляя к нему особого расположения.

С большим почтением, которое не очень-то вязалось с лохмотьями этой, вероятно, привыкшей командовать женщины, Корис посадил ее за собой на спину крупной черной лошади. Саймон уселся за спиной другого всадника и всю дорогу крепко держался руками за его пояс. Они двинулись в сторону реки и даже крошечная тьма не помешала воинам пустить лошадей рысью.

Много времени спустя Саймон неподвижно лежал на мягком ложе под пологом и тупо смотрел вверх на резной деревянный навес. Если бы не широко открытые глаза, можно было бы подумать, что он спит, но Трегарт тщательно анализировал все свои впечатления и почерпнутые сведения, стараясь по разрозненным фактам составить хоть какое-то представление о том, что находится за каменными стенами этой комнаты.

Дорога, по которой их везли, была, как он понял, одновременно и границей Эсткарпа, так как на всем ее протяжении располагалась цепь фортов, где они меняли лошадей, наскоро ели и вновь продолжали бешеную скачку. Хотя Саймон так и не узнал, чем была вызвана столь дикая спешка. Потом он увидел город с какими-то круглыми башнями, такими же серо-зелеными, как и земля, из которой они поднимались. Вспомнилась кольцевая городская стена в бледных лучах рассвета, и еще какие-то высокие здания, и гордые люди с темными глазами и такими же, как у Саймона, черными волосами; люди с осанкой древних владык и с печатью времени на челе.

Но к тому времени, когда они прибыли в город, Саймон был настолько утомлен, настолько поглощен своим ноющим телом, что в памяти сохранились лишь разрозненные обрывки. Объединяло их, разве только, общее впечатление невероятной древности. Эти башни и стены, казалось, являли собой продолжение гор. Саймон насмотрелся на старые европейские города, видел дороги, по которым следовали римские легионы, и все-таки здесь покров времени, лежащий на всем, был гораздо ощутимее.

Его поместили в главном здании города. Эту каменную громаду с равным успехом можно было принять за величественный храм и за неприступную крепость. Саймон с трудом вспомнил, как коренастый воин по имени Корис привел его сюда и указал на ложе. И все, больше ничего...

Так-таки и ничего?

Он сдвинул брови и попытался сосредоточиться. Корис, комната, ложе... Вот и опять, взглянув на хитросплетения резного узора над головой, он уловил в нем что-то знакомое, до боли знакомое, словно эти витые знаки имели тайный смысл, который того и жди ему откроется.

Эсткарп древен, очень древен — и страна, и город, и уклад жизни... Саймон напрягся. С чего он это, собственно, взял?.. Да просто так оно и есть, было и есть, и не менее реально, чем ложе, на котором покоится его избитое верховой ездой тело, или деревянный навес над головой. Женщина, за которой гнались охотники, принадлежала народу Эсткарпа, а ее преследователи — другому, враждебному им племени.

В гарнизонах пограничных фортов все воины были высоки, стройны, черноволосы и угрюмы; один только Корис совсем не походил на людей, которыми командовал. И хотя его приказы выполнялись

бесспорно, было очевидно, что спутница Трегарта обладает здесь неизмеримо большей властью.

Саймон посмотрел по сторонам, размял руки под одеялом, приподнялся на ложе и тут же повернул голову налево, туда, где висел тяжелый синий занавес, из-за которого донесся легкий звук шагов. Звякнули кольца, полог раздвинулся, и Трегарт увидел перед собой того, кто только что занимал его мысли.

Без кольчуги и без вооружения Корис выглядел еще безобразнее. Сразу бросались в глаза его непомерно широкие плечи и длинные, достающие до земли руки. Ростом он был невелик, к тому же его тонкая талия и ноги вообще никак не вязались с верхней частью туловища. На широченных плечах сидела голова настоящего мужчины, каковым и был бы Корис, не сыграй с ним природа злую шутку. Пшеничные волосы обрамляли лицо совсем недавно возмужавшего юноши, и он был бы поразительно красив, когда бы не уродство фигуры, при котором голова героя красовалась на теле чуть ли не обезьяны!

Саймон спустил ноги с высокого ложа и встал, испытывая некоторую неловкость от того, что вынуждает этого человека смотреть на себя снизу вверх. Но Корис вдруг по-кошачьи отскочил и забрался на широкий длинный камень, лежащий под узкой бойницей, так что глаза его оказались на одном уровне с глазами Трегарта. Изящным жестом, какого трудно было ожидать от него, он указал Саймону на стоящий рядом сундук, где была сложена одежда.

Саймон не нашел там своего твидового костюма, который он снял перед тем как лечь, но зато пистолет и все прочее содержимое его карманов в идеальном порядке было разложено рядом с новой одеждой. Стало быть, на каком бы положении он ни находился в этой комнате, по крайней мере, он здесь не узник!

Трегарт натянул кожаные штаны, такие же, как у Кориса. Кожа была темно-синяя и мягкая, как лайка. У сундука же стояла пара невысоких сапог, сделанных из темно-серого материала, напоминавшего с виду змеиную кожу. Обувшись, Саймон повернулся к воину и показал жестами, что хочет умыться.

Впервые на лице Кориса появилось подобие улыбки, и он указал на нишу в стене. Там Трегарт обнаружил, что, несмотря на средневековое обличье Эсткарпа, его обитатели имеют вполне современные представления о водоснабжении и гигиене. В его распоряжении оказалась вода, причем теплая, и потекла она из трубы в стене, едва он нажал на рычажок. Тут же стоял сосуд с ароматной пеной, которая, стоило ее наложить на лицо и затем стереть, начисто сняла всю щетину. В процессе этих открытий продолжался и урок языка — словарный запас Саймона пополнился множеством слов, которые Корис терпеливо повторял.

Вообще, воин держался подчеркнуто нейтрально, и, если не считать лингвистических упражнений, не выказывал никаких знаков расположения и никак не реагировал на попытки Саймона вступить с ним в более тесный контакт. Покуда Трегарт облачался в нечто среднее между рубахой и камзолом, Корис стоял на камне под окном вполборота к нему и смотрел на синее небо.

Трегарт прикинул в руке пистолет, наблюдая за реакцией Кориса, но тому, похоже, было безразлично, пойдет он с оружием или без. Саймон сунул пистолет за пояс и сделал знак, что он готов.

Дверь комнаты выходила в коридор, а оттуда вниз вела лестница. Стертые каменные ступени и бегущий по левой стене желобок, вытертый за многие столетия тысячами рук, словно лишний раз говорили о глубочайшей древности этого мира. Слабый свет исходил от шаров, подвешенных в металлических корзинах, но об источнике этого света Саймону приходилось только гадать.

Лестница кончилась, и они вышли в большой зал. Здесь стоял караул гвардейцев, облаченных в чешуйчатые латы, и еще несколько воинов, одетых так же легко, как и он. Воины приветствовали Кориса и с настороженным любопытством молча уставились на Трегарта, отчего ему сделалось немного не по себе. Но тут Корис тронул его за плечо, подошел к занавешенной двери и отдернул портьеру, предлагая следовать за ним.

Они миновали еще один зал, каменные стены которого были увешаны коврами и гобеленами с изображениями тех же знакомых знаков, что Саймон видел у себя над головой, лежа в постели. В дальнем конце зала стоял вооруженный гвардеец, при их приближении он поднял рукоять своего меча до уровня губ. Корис отвел рукой очередную портьеру, но на этот раз пропустил Саймона вперед.

Из-за высокого сводчатого потолка эта комната казалась значительно больше, чем была в действительности, да и освещение здесь было поярче. Хотя свет, исходящий от шаров, не достигал самого верха, его вполне хватало, чтобы рассмотреть всех присутствующих.

Две женщины ожидали Трегарта в святой святой этой древней цитадели, и далеко не сразу Саймон узнал в одной из них ту самую, что убегала от ализонских охотников. Она стояла, опершись правой рукой о спинку высокого кресла, в котором сидела другая женщина. Волосы его недавней спутницы, прежде висевшие жалкими сосульками, были теперь тщательно завиты и уложены под серебристой сеточкой, и вся она была закутана в тунику того же серебристого цвета. Единственным ее украшением был дымчатый кристалл овальной формы, который висел на цепочке между небольших бугорков ее груди.

— Саймон Трегарт! — произнесла сидящая женщина так властно, что он сразу же перевел взгляд на нее и почувствовал, что больше не в состоянии отвести глаза.

У этой женщины было такое же узкое лицо, такой же пристальный взгляд и такие же черные волосы, как у его знакомой, но от нее исходила сила, которая буквально лишала воли. Возраста этой женщины Саймон определить не смог, но у него возникло такое чувство, что она вполне могла присутствовать при закладке первого камня в основание Эсткарпа. В то же время казалось, будто она вообще не имеет возраста. Сидящая взмахнула рукой и бросила Трегарту какой-то шар, выточенный все из того же дымчатого камня, как и кулоны, украшавшие наряды обеих женщин.

Саймон поймал шар, и тот, вопреки ожиданиям, оказался не холодным, а теплым. Инстинктивно он сжал его обеими руками, и обе женщины сделали то же самое со своими кулонами.

Впоследствии Саймон так и не смог взять в толк, что же, собственно, тогда произошло. Совершенно непостижимым образом в его мозгу, одно за другим, словно кадр за кадром, пробежало все, что предшествовало его появлению в Эсткарпе. При этом Трегарт отчетливо сознавал, что все это видят и обе женщины, и не только видят, но в какой-то мере переживают то же самое. А потом его захлестнул поток информации.

Он находится в главной крепости страны, которой угрожают нападением, и страна, возможно, обречена. Древнему Эсткарпу грозят с севера и с юга, а также с моря на западе. Единственно благодаря тому, что они унаследовали древнее знание, эти смуглые люди еще способны давать отпор. Но, вероятно, их сил хватит не надолго. Тем не менее они будут биться до последнего вздоха последнего гвардейца.

Неодолимое чувство, то самое, которое заставило Саймона шагнуть под каменные ворота во дворе дома Петрония и войти в этот мир, овладело им вновь. Эти люди слишком горды, чтобы просить о помощи. Но он и без просьб уже присягнул на верность этой женщине, встав на ее сторону с чистым сердцем и юношеским энтузиазмом. Вот так, не сказав ни слова, Саймон Трегарт стал воином Эсткарпа.

СУЛЬКАР ЗОВЕТ НА ПОМОЩЬ

Саймон поднес к губам тяжелый кубок. Поверх него он внимательно смотрел по сторонам. Первое время ему казалось, что люди Эсткарпа мрачны и отягощены бременем веков, что эти немногочисленные остатки вымирающей расы живут лишь воспоминаниями о былом величии. Но со временем он понял, что первое впечатление обмануло его. Сидя с гвардейцами за одним столом, он разглядывал их смуглые лица и чувствовал, что люди, с которыми он делит тяготы службы и радости короткого отдыха, нравятся ему все больше и больше.

Оружие у них, конечно, весьма своеобразное. Саймону, например, пришлось учиться работать мечом. Зато с самострелом, напоминавшим пистолет, дело обстояло куда проще, хотя до Кориса, боевое искусство которого вызывало у Саймона восхищение, ему было еще далеко. И все же, лишним Трегарт себя не чувствовал, поскольку он знал тактику иных войн, иных сражений — и к его мнению всегда прислушивались.

Поначалу Саймон недоумевал — как это его взяли в гвардию? Ведь кругом враги, и любой пришлый человек может оказаться шпионом. Но тогда он еще плохо представлял, что такое Эсткарп. Только здесь могли поверить его дикому рассказу, только здесь, ибо сила этой древней страны была в колдовстве!

Потягивая вино, Трегарт размышлял о природе колдовства. Конечно, за этим словом могут скрываться ловкие трюки или невежественное суеверие. Но может стоять, о чем он узнал здесь, и подлинная сила! Колдовство Эсткарпа могло превратить волю, воображение и веру в страшное оружие. Здесь знали такие методы концентрации воли, которые позволяли воспринимать многое из находящегося обычно вне пределов человеческих чувств.

Колдовство Эсткарпа и было причиной ненависти соседей. Для Алисона на севере и для Карстена на юге сила колдуний Эсткарпа была злом. Сколько невинных женщин, по поводу и без повода, пало жертвой «охоты на ведьм» в том мире, откуда Саймон явился сюда...

Только женщины Эсткарпа владели колдовством и при необходимости без колебаний пускали его в ход. Оказывается, Саймон спас колдунью, бежавшую из Алисона, где она была глазами и ушами Эсткарпа.

Колдунья... Саймон отпил вина. Далеко не всякая женщина здесь владела Даром Колдовства. Из поколения в поколение этот дар передавался от матери к дочери. Одаренных девочек отправляли в главный город страны, где их обучали и посвящали в тайны древнего знания. Имена девочек тщательно скрывали, ибо знание имени давало определенную власть над человеком. Только теперь Саймон понимал, как нелепо он выглядел, спросив имя колдуньи, с которой бежал через болото.

Но Дар мог изменить колдунье, мог, против ее воли, отказать в решающую минуту, а после известного момента в их жизни пользоваться им становилось практически невозможно. Поэтому кроме колдуний в Эсткарпе была и вооруженная гвардия, а также цепь пограничных фортов.

— Жарковато что-то, Саймон! — вошедший тяжело опустился на стул да так, что тот хрустнул. Он поставил на стол шлем, и его длинная рука протянулась за кубком.

Сокол со шлема пристально смотрел на Саймона стеклянными глазами, а тот разглядывал изумительной работы кованные перья — не отличишь от настоящих! Пока Корис пил вино, на него со всех сторон сыпались вопросы. Вообще-то в Гвардии Эсткарпа порядки строгие, но вне службы все были равны и за общим столом оживленно обсуждали любые новости. Корис поставил кубок и сказал:

— Слышали рог за час до закрытия ворот? С запада пришел Магнус Осберик. С ним вооруженная свита. Похоже, Горм опять зашевелился.

Гвардейцы притихли. Даже Саймон знал, что значит Горм для Капитана Гвардейцев. По праву законного наследника Гормом должен владеть Корис. Правда, его несчастья и начались на этом острове, а затем еще более усугубились, когда он покинул его в дырявой рыбацкой лодке, израненный, брошенный всеми на произвол судьбы.

Однажды Хильдер, владыка Горма, во время сильной грозы заблудился на болотах, что между Ализоном и долинами Эсткарпа. Отстав от свиты, он остался один и, упав с лошади, сломал руку. Полуживой, измученный болью и лихорадкой, Хильдер забрел в земли торов — загадочного народа, который ревниво оберегал свои болота от чужих глаз.

Никто так и не узнал, почему торы не убили его, и даже не прогнали. Несколько месяцев спустя Хильдер в добром здравии вернулся на Горм, да не один, а с молодой женой. Население Горма, особенно женщины, были недовольны этим браком и распускали слухи, что торы вынудили их господина пойти на него под угрозой смерти. Дело в том, что жена Хильдера была уродлива, по их представлениям о красоте, и, кроме того, была себе на уме — ведь в ее жилах текла кровь племени торов. В том же году она родила Кориса и вскоре пропала. Может, умерла, а может, сбежала на болота к своим родичам. Хильдер, похоже, знал точнее, но помалкивал. А люди Горма были до того рады избавлению от незваной своей госпожи, что особенно и не расспрашивали.

Но остался Корис — с головой владыки Горма и лягушачьим телом своей матери. Забыть ему об этом, конечно, не давали. Жители Горма воспряли духом, когда Хильдер взял в жены Орну, дочь достойного купца и морехода, а затем с великой радостью приняли рождение Уриана — второго сына владыки. Любо-дорого было смотреть на его стройное тело, в котором, к тому же, нет ни капли чужой крови!

Хильдер умер. Он умирал долго, и у заговорщиков было время подготовиться. Но, сделав ставку на Уриана, они просчитались. Орна как дальновидная женщина не желала быть игрушкой в руках интриганов, и Уриан был еще ребенком, когда она стала регентшей, а так как это не всем понравилось, ей пришлось употребить власть.

Мать Уриана умело натравливала своих врагов друг на друга, внося раздор в их лагерь и укрепляя тем свои позиции, но однажды она совершила роковую ошибку, обратившись за помощью к чужестранцам. Именно Орна обрекла Горм на гибель, тайно призвав на помощь флот кольдеров.

Кольдеры явились откуда-то из-за моря, но никто не знал, откуда именно. Моряки держались подальше от их берегов и никогда не заглядывали в их мрачные гавани, так как ходили слухи, что кольдеры не похожи на других людей, а связь с ними грозит гибелью.

В ту ночь, когда умер Хильдер, кольдеры высадились на Горме, и началась кровавая резня. Только нечеловеческая сила помогла Корису вырваться из чудовищной ловушки. А Горм, как таковой, перестал существовать — его захватили кольдеры, и с тех пор он стал Кольдером. Та же участь постигла и побережье материка — там, на голом берегу всего за год поднялись высокие башни замка Иль, но никто из Эсткарпа не бывал в нем — по доброй воле.

Костью в горле стоял замок Иль между Эсткарпом и его могучим союзником на западе — крепостью Сулькар, в которой жило племя воинов и мореходов, промышлявших торговлей в самых дальних странах. С согласия Эсткарпа они возвели свою крепость-порт на мысу, глубоко вдающемся в море. Мореходы Сулькара были не только славными купцами, но и умелыми воинами, они безбоязненно заходили в любую гавань. Даже воины Алисона и щитоносцы Карстена не осмеливались задирать сулькарцев, хотя прекрасно знали, что те в союзе с Эсткарпом.

— Без особой нужды Магнус Осберик к нам не обращается, — заметил Танстон, один из военачальников Эсткарпа. — Готовьте оружие! Когда Сулькар просит помощи, мы обнажаем мечи!

Корис молча кивнул. С отсутствующим видом он жевал хлеб и, окуная палец в вино, водил им по столу. Заглянув ему через плечо, Саймон увидел, что тот начертил карту побережья — примерно такую он видел в главном зале крепости.

Большой полукруг залива: на южном мысу — Сулькар; на севере — Ализ, главный порт Алисона; в глубине залива — остров Горм. Здесь Корис поставил жирную точку, обозначив город Сиппар.

Как ни странно, замок Иль стоял на юго-западной стороне мыса и выходил не в залив, а в открытое море. Кроме того, здесь было слишком сильное течение, и к скалистому берегу едва ли мог пристать корабль. Южнее лежало герцогство Карстен. Горм издавна считался морскими воротами Эсткарпа.

Некоторое время Капитан Гвардейцев рассматривал свое произведение. Затем решительно провел по

нему ладонью.

— Много ли дорог на Сулькар? — спросил Саймон. — С юга Иль, с севера Горм — кольдеры вполне могли перекрыть дорогу.

Корис рассмеялся.

— Дорога одна, и она стара, как мир. Наши предки даже в страшном сне не могли себе представить кольдеров на Горме. Путь на Сулькар будет безопасен лишь тогда, когда мы будем здесь! — он ткнул пальцем в Сиппар и с силой надавил, словно у него под ногтем оказалось отвратительное насекомое. — Борясь с болезнью, нужно уничтожить ее очаг, а не лихорадку. Она говорит лишь о наличии болезни. Но мы ничего не знаем о кольдерах! — Корис мрачно взглянул на Трегарта.

— А разведка?

— Мы отправили на Горм двадцать воинов! Они добровольно пошли на перевоплощение, не зная, увидят ли когда-либо вновь свое собственное лицо в зеркале. Снаряжая их, мы задействовали все известные нам средства. Но ни один не вернулся из Сиппара, ни один! Кольдеры не похожи на других людей, и мы ничего не знаем об их обороне, кроме того, что она непробиваема! Кончилось тем, что Верховная Владычица вообще запретила подобные вылазки. Сил уходит много — и все без толку. Я и сам хотел было, но колдуньи наложили на границу заклятье, и пройти мне не удалось. Все говорят, на Горме меня ждет смерть, а я нужен Эсткарпу живым. Э-э, да нет смысла беречь эту рану.

— Но Сулькар в опасности.

— Мы выступим, друг Саймон! — Корис взял со стола шлем. — Кстати, есть одна странная закономерность: когда кольдеры бьются на своей земле или на своих кораблях, победа всегда за ними, но на чужой земле, куда еще не пала их тень, мы можем с ними потягаться.

— Я еду с вами! — решительно сказал Трегарт. Он готов был ждать и учиться. Последние семь лет жизни еще в том мире научили его терпению. Саймон отлично понимал, что боевое искусство значит здесь жизнь или смерть — и без него нет речи о независимости. Сколько раз, стоя в ночном карауле, задавал он себе вопрос: «Отчего я все это терплю? Или тут замешана хваленая Сила Эсткарпа?» Но если даже так, то сейчас действие чар кончилось! Сейчас он серьезно намерен узнать, как устроен этот мир, и если его не возьмут, он пойдет сам.

Корис внимательно посмотрел ему в глаза.

— Мы отправляемся не на прогулку.

Саймон не вставал, зная, что Корису неприятно, когда на него смотрят сверху.

— Разве я похож на любителя легких побед?

— Тогда готовь самострел. С мечом ты не опаснее карстенского конюха!

Саймон не вспыхнул, ибо Корис был абсолютно прав. В стрельбе из самострела он мог поспорить с лучшими воинами Эсткарпа, и в рукопашном бою без оружия, где он использовал приемы дзюдо, ему не было равных, так что слава его достигла самых дальних фортов Эсткарпа. Но мечом он владел не лучше безусого новобранца. А булава, с которой Корис управлялся, как с игрушкой, казалась ему чуждой гирей.

— Самострел так самострел, — с готовностью сказал Саймон. — Но я еду!

— Хорошо. Но сперва посмотрим, едем ли мы.

Это решал военный совет, где собрались колдуньи и офицеры во главе с Корисом. Хотя Саймон не был членом совета, он последовал за Капитаном Гвардейцев, и никто его не остановил. Он отошел к бойнице и оглядел собравшихся.

Возглавляла совет Верховная Владычица, управлявшая не только крепостью, но и всеми землями Эсткарпа, та самая женщина, которой он добровольно присягнул на верность. За спинкой ее кресла стояла колдунья, убегавшая от ализонских собак. На Совете присутствовало еще пять колдуний — все женщины как бы без возраста. И каждая обладала столь пронизательным взглядом, что Саймон не хотел бы оказаться в стане их врагов. Он никогда не встречал женщин с такой силой духа.

Перед колдуньями стоял огромный мужчина, в любом другом месте он бы главенствовал безоговорочно. Люди Эсткарпа, стройные и высокие, выглядели просто подростками рядом с этим закованным в броню гигантом. Одной железной пластины, прикрывавшей его грудь, хватило бы на два щита для гвардейцев Эсткарпа. Длинные руки, широкие, как у Кориса, плечи; но и нижняя половина его тела не уступала верхней, не нарушая гармонии.

Саймон присмотрелся к обветренному лицу гиганта. Густые сросшиеся брови и пышные усы, но подбородок тщательно выбрит. Шлем увенчан искусно выкованной головой медведя с угрожающе оскаленной пастью, а вместо плаща — медвежья шкура, отделанная галунами. Под квадратным подбородком поблескивали золотые застёжки в виде медвежьих лап.

— Сулькар блюдет торговый мир, — воин старался говорить потише, но в небольшом зале голос его рокотал подобно морскому прибою. — Однако, нас заставляют обнажить мечи! Но что наше железо против колдовства? Нет, я не порицаю древнего знания, — он обращался непосредственно к Владычице. — Все верно, каждому свое. Но ведь Эсткарп никому не навязывает своей воли и веры, а эти кольдеры... Они набегают, как волны, и убивают! Госпожа! Если мы не объединим усилий, наш мир обречен. Нужно остановить волны жестокости и мрака!

— Знаешь ли ты, Мореход, человека, рожденного женщиной, который мог бы управлять волнами?

— Управлять — нет, но одолеть — да! В этом моя сила! — воин ударил себя в грудь, и никто не усомнился, что он имеет право говорить так. — Кольдеров голыми руками не возьмешь. Они готовят нападение на Сулькар. Умники из Алисона отсиживаются в стороне, но их ждет участь Горма. А Сулькар не сдастся! Но, если волны поглотят нас, они двинутся сюда, госпожа. Говорят, ты имеешь власть над ветром и бурей; твои заклятья могут изменить внешность человека и помутить разум. Может ли твое колдовство противостоять Кольдеру?

Владычица погладила кристалл на груди.

— Скажу тебе правду, Магнус Осберик. Я не знаю. Кольдер загадочен. Мы не смогли проникнуть туда. В остальном же ты прав. Пришло время объединить наши силы. Капитан! — обратилась она к Корису. — Что скажешь?

Красивое лицо Кориса было мрачным, но в глазах вспыхнуло торжество.

— Если нужны наши мечи, мы готовы! С твоего согласия, мы выступаем в Сулькар, госпожа.

— Решено, Эсткарп идет на помощь Сулькару! Ты, Капитан, говоришь как воин. Мечи мечами, но с вами будет и наша, дарованная от веку, Сила.

Бежавшая из Алисона колдунья вышла из-за кресла и встала по правую руку от Верховной Владычицы. Ее темные раскосые глаза, оглядев собравшихся, остановились на Саймоне, притихшем в стороне, и по ее губам пробежала тень улыбки. Или ему только показалось? Как бы то ни было, Трегарт почувствовал, как некая невидимая тончайшая нить протянулась между ними.

Их отряд выступил в полдень. К своему удивлению, Саймон обнаружил, что держится рядом с колдуньей, которая, как и все гвардейцы, надела кольчугу с кольчужным шарфом. Словом, с виду женщина ничем не отличалась от других воинов, даже на поясе у нее, как и у прочих, были меч и самострел.

— Мы снова вместе, воин из другого мира! — тихо сказала колдунья, улучив момент.

Ее спокойствие почему-то раздражало Саймона.

— Будем надеяться, теперь мы охотники, а не дичь.

— Все мое время, — сухо откликнулась она. — В Ализоне меня предали и лишили оружия.

— Зато теперь у тебя меч и самострел.

Колдунья посмотрела на свое оружие и рассмеялась:

— Да, Саймон Трегарт, меч, самострел и еще кое-что! Но ты прав в своих предчувствиях — впереди у нас мало хорошего.

— Предчувствия, госпожа? — он разозлился, не желая верить ни одному ее слову, поскольку больше

полагался на силу оружия. А все эти намеки, взгляды, предчувствия...

— Предчувствия, Саймон, — она пристально посмотрела на него и чуть заметно улыбнулась. — Мне ничего не надо от тебя, чужестранец. Но я знаю, что Верховная Владычица связала наши жизни воедино. Наши чаяния могут не оправдаться. Скажу одно: берегись места, где высятся скалы и кричат орланы.

— Госпожа, — Саймон принужденно улыбнулся, — в этой стране я, кажется, вижу все, словно у меня глаза на затылке. А воевать мне не в новинку.

— Знаем-знаем! Иначе ты не поехал бы с Соколом, — она кивнула в сторону Капитана Гвардейцев. — Корис непревзойденный боец и прирожденный военачальник. Гордость Эсткарпа!

— Ты предвидишь беду в Сулькаре?

Колдунья пожала плечами.

— Наш Дар, как известно, не дает нам полной картины. Лишь обрывки, детали. Но городских стен я не вижу. И кажется, это не у моря. Приготовь-ка лучше самострел и не забудь про свои знаменитые кулаки! — она дружелюбно засмеялась, и Саймон понял, что должен принимать дружбу на ее условиях.

БИТВА С ДЕМОНАМИ

Войско поспешало, но, когда после ночевки в последнем пограничном форту оно вышло на трakt, ведущий к морю, впереди был еще целый день пути. Продвигаясь от форта к форту, всадники меняли лошадей, и миля за милей войско приближалось к своей цели.

Сулькарцы, не привыкшие к верховой езде, были мрачноваты, да и седла гвардейцев оказались им малы, так как большинство из них своей комплекцией почти не уступало Магнусу Осберику. Но мужественные мореходы не отставали — стиснув зубы, они держались в седлах так, словно само время превратилось в их заклятого врага.

Стояло ясное утро. Множество пурпурных цветов под ярким солнцем развернуло свои лепестки; пахло морем, и у Саймона поднялось настроение, чего уже давненько с ним не случалось. Он и сам не заметил, как стал напевать. Слева раздался знакомый глухой голос:

— Рано пташечка запела!

— Не каркай! День больно хорош! — сказал он добродушно.

Колдунья отвернула кольчужный шарф.

— Море... Оно уже близко, оно в ветре... — Она смотрела вперед, туда, куда уходила дорога. — Море в крови у нас. Поэтому и сулькарцы по крови нам не чужие. Когда-нибудь я уйду в море... Сбегающие с берега волны так и тянут меня за собой!

Она не сказала ничего особенного, но Саймон вдруг насторожился, даже в горле пересохло. Может, и не было у него дара предвидения, но что-то в нем дрогнуло, напряглось... Он не раздумывая поднял руку, давая сигнал к остановке.

— Да! — колдунья тоже подняла руку. Корис обернулся и остановил весь отряд. Он передал командование Танстону и поскакал к ним, выслав вперед дозорных.

— В чем дело? — спросил он, подъехав.

— Впереди что-то есть. — Саймон смотрел вперед, изучая местность, такую тихую и безмятежную в лучах утреннего солнца. Тишина... Лишь высоко в небе кружили большие птицы. Ветер стих. Ни один листик на кустах не шелохнулся. Но Саймон готов был поклясться, что впереди их ждет ловушка.

Корис перевел взгляд с Саймона на колдунью. Женщина вся подалась вперед, ноздри ее раздувались, словно она принюхивалась, пытаясь выявить опасность. Наконец, бросив поводья, колдунья сделала пальцами какие-то знаки и утвердительно кивнула.

— Он прав. Впереди пустота, за которой я ничего не вижу. Похоже на силовой барьер, прикрывающий засаду.

— Но как он-то смог? У него же нет Дара? — воскликнул Корис и с подозрением посмотрел на Саймона. Затем, отдав несколько приказов, Капитан двинулся вперед — туда, где дорога делала поворот.

Саймон, доставая самострел, тоже с удивлением думал: «Как мне это удалось?» Хотя нечто похожее бывало с ним и раньше. Скажем, в ночь, когда он встретил Петрония. Но никогда прежде чувство опасности не было таким сильным, тем более, оно все увеличивалось и обострялось...

Колдунья держалась рядом с ним, за спинами передового отряда. Он и не заметил, когда она извлекла из-под кольчуги свое главное оружие — дымчатый кристалл. Подняв камень над головой, колдунья что-то громко крикнула, но этого языка Саймон не знал.

Впереди показались остроконечные скалы, напоминающие очертаниями клыки чудовищной пасти. Дорога шла как раз между двух таких «клыков», словно под аркой. Подножие гор скрывали густые заросли кустарника.

Вдруг из кристалла колдуни в скалу ударил яркий луч и тотчас оттуда повалили клубы дыма, застилая

все вокруг едкой завесой.

И тут появились нападающие! Закованные в броню воины бежали в полном молчании — ни выкриков, ни приказов. Глухие шлемы с заостренными забралами придавали им вид остроклювых, хищных птиц. Это безмолвное нападение казалось каким-то сверхъестественным.

— Сулькар! Сулькар! — грянул боевой клич мореходов. Во главе с Магнусом Осбериком они двинулись навстречу врагам, обнажив мечи. Гвардейцы шли в бой молча. И Корис не отдавал никаких команд, но стрелки уже целились и стреляли, и мечники двинулись вперед, держа оружие наготове. В одном войско Эсткарпа имело безусловное преимущество — безмолвное воинство врага было пешим.

Саймон досконально изучил вооружение Эсткарпа и знал, где слабые места в их доспехах, но какова броня у кольдеров — никому не известно... Саймон прицелился под мышку одному из нападавших, который бросился с мечом на гвардейца. Кольдер неестественно повернулся и рухнул, его заостренное забрало воткнулось в землю.

— Сулькар! Сулькар! — гремел боевой клич. Поначалу Саймону было не до наблюдений. Он целился и стрелял. Но вскоре действия нападавших показались ему очень странными.

Воины Кольдера совершенно не защищались! Они шли напролом и один за другим находили свою смерть; никто не пытался увернуться от меча, никто не подставлял щита, не парировал ударов противника. Словно ослепленные яростью, пешие воины механически размахивали мечами, в точности, как заводные игрушки! Их завели — они и пошли!

Но кольдеры в этом мире считались непобедимыми! А эти воины падали и падали, будто ребенок играючи толкнул строй оловянных солдатиков.

Саймон опустил самострел, что-то мешало ему стрелять в несчастных кукол. Он повернул лошадь направо, и кажется, вовремя — прямо на него стремительно бежал кольдер. Но, против ожидания, воин бросился не на Трегарта, а на колдунью, ехавшую рядом.

Лишь то, что колдунья была хорошей наездницей, спасло ее от всей мощи этого натиска. Она взмахнула мечом, обрушивая его на врага, но меч скользнул по шлему, и удар пришелся в плечо.

Как ни странно, кольдер, нападавший на колдунью, отлично владел оружием: меч в его руке так и сверкал на солнце. Неуловимым движением он выбил оружие из рук женщины, а затем, бросив свой меч на землю, начал стаскивать ее с коня. Колдунья отчаянно сопротивлялась, но руки в железных перчатках все-таки вырвали ее из седла, и она уже билась в объятиях кольдера, а Саймон все не решался нанести удар мечом. Тогда, высвободив ногу из стремени, он подъехал сзади и со всей силы пнул врага пяткой по затылку, да так, что отбил себе ногу, а тот, потеряв равновесие, рухнул лицом вниз, увлекая колдунью за собой. Саймон осторожно спрыгнул с коня, оберегая ушибленную ногу, схватил кольдера за бронированное плечо и отвалил его от задыхающейся женщины. Кольдер лежал, словно перевернутый на спину жук, и слабо шевелил конечностями. Прорезь клювообразного забрала была обращена к небу.

Сбросив железные перчатки, женщина встала на колени и принялась расстегивать ремни на шлеме поверженного.

— В седло! — скомандовал Саймон, подводя своего коня.

Колдунья отрицательно качнула головой, продолжая заниматься своим делом. Наконец, тугой ремень поддался, и она сняла с воина шлем. Саймон боялся даже представить, что он может увидеть, воображение рисовало ему самые ужасные картины, но открывшееся лицо совершенно не оправдало его мрачных предположений.

— Херльвин!

Над воином склонился шлем Кориса — Капитан Гвардейцев встал на колени рядом с колдуньей и, казалось, хотел обнять воина как старого друга.

Взору Трегарта предстало такое же благородное лицо, как у Кориса, такие же сине-зеленые глаза, но они, похоже, ничего не видели — ни неба, ни склонившихся людей. Колдунья отвела руки Кориса, твердо взяла воина за подбородок, не давая двигаться его голове, и внимательно вгляделась в эти ничего не

видящие глаза. Немного погодя она решительно оттолкнула от себя голову поверженного и с ожесточением принялась вытирать руки о траву. Корис, сурово наблюдавший за ней, неуверенно спросил:

— Херльвин?

— Убей! — буркнула колдунья сквозь зубы, и Капитан молча потянулся за мечом.

— Стой! — крикнул Саймон. — Нельзя же убивать так безжалостно!

Лежащий, в самом деле, не представлял на его взгляд никакой опасности, поскольку находился в полубессознательном состоянии.

Колдунья холодно взглянула на Трегарта и кивнула на дергающуюся голову поверженного:

— Посмотри сам, человек из другого мира!

Саймон почувствовал, что не очень-то хочет это делать, и все-таки взял голову кольдера обеими руками, но тотчас отдернул их, не ощутив тепла человеческого тела. Однако, то был даже не холод металла или камня, но холод слизняка, ощущение отвратительной податливости было тем омерзительней, что внешне голова человека казалась вполне обычной. Посмотрев еще раз в немигающие глаза, Саймон подумал, что никакой удар не мог бы вызвать в человеческих глазах такой пустоты, какую он обнаружил там. Ничего подобного он еще не встречал: даже в человеке, сошедшем с ума, остается хоть что-то, вызывающее жалость, но к существу, лежащему перед ним, Саймон не испытывал вообще никаких чувств, и не мог представить, чтобы это отвратительное ничто могло ходить по земле, видеть солнце...

Последовав примеру колдуньи, он вытер руки о траву, быстро встал и пошел прочь, чтобы не видеть, как Корис взмахнет мечом над тем, кто давно уже был мертв, мертв и проклят.

Кольдеров перебили всех, но двое гвардейцев и один сулькарец, рассеченный мечом до седла, тоже остались на поле боя. Нападение казалось таким бессмысленным, что оставалось только гадать, зачем его вообще предприняли. Саймон шел рядом с Корисом и чувствовал, что капитан тоже находится в недоумении.

— Снимите с них шлемы! — гвардейцы передавали его приказ по цепочке. Под каждым остроклювым шлемом они находили все те же бледные лица, светлые волосы и сине-зеленые глаза...

— Мидир! — Капитан остановился подле одного тела. Рука поверженного дернулась, в горле застрял предсмертный хрип.

— Убить! — Приказ прозвучал твердо и был немедленно выполнен.

Одного за другим, Корис осмотрел всех, и еще трижды отдавал тот же приказ — уголки его рта подергивались, и лучше было не видеть его глаз. Они подошли к Магнусу и колдунье.

— Все с Горма! — мрачно произнес Капитан.

— Были с Горма, — уточнила женщина. — Горм погиб в ту минуту, когда открыл свою гавань кольдерам. Это не те, кого ты знал, Корис! Они давно уже не люди, очень давно. Ты же сам видел, это — механические солдаты, которыми управляют хозяева. В них нет жизни. Когда Сила выкурила их из засады, они подчинялись одному-единственному приказу — хватать и убивать! Кольдер использует их в войне против нас, чтобы истощить наши силы прежде, чем он прибегнет к другому оружию.

Губы Капитана дрогнули в жесткой усмешке.

— Что если это их слабое место? Может, у них не хватает людей? — Он с силой вложил меч в ножны. — Да вообще, кто знает, что у них на уме? Раз они способны на такое, можно ожидать от них чего-нибудь и похуже.

Саймон поехал в авангарде. Покидая место, где они встретились с войском Кольдера, он не хотел видеть, как исполняется последний приказ колдуньи, и не мог спокойно думать об обезглавленных мертвецах, с трудом веря в реальность происходящего.

— Мертвые не воюют! — Саймон не заметил, как сказал это вслух.

— Херльвин — прирожденный мореход, — откликнулся Корис. — Я помню, как он ходил на меч-рыбу

с одним ножом. Мидир — совсем еще мальчик. Он едва владел оружием, когда прозвучал набат и кольдеры вторглись на Горм. Я хорошо знал их. Но то, что осталось там, на поле — это не Херльвин и не Мидир.

— Человека определяют тело, разум и душа, — вмешалась в разговор колдунья. — Разве в твоём мире, Саймон, дело обстоит иначе? Вряд ли. Ведь ты двигаешься, думаешь и чувствуешь. Убей тело — останется душа. Убей разум — останется тело, вызывающее жалость у окружающих. Но убей душу, оставив тело и разум, — голос колдуньи дрогнул, — это будет самый тяжкий грех... Воинов с Горма лишили души. То, что двигалось в их обличье, уже давно не люди, Саймон. Каким-то кощунственным вмешательством, чуждым нашему миру, их сделали таковыми.

— То же самое уготовано нам, госпожа. Сулькар ожидает участь Горма, — сказал Магнус Осберик, поравнявшись с колдуньей на своем могучем коне. — Здесь мы их одолели. Но что если легионы таких мертвецов полезут на наши стены? Гарнизон в крепости невелик, поскольку время горячее, и почти все корабли вышли с товаром в море. Придется рассредоточить силы вдоль крепостной стены. Человек силен духом, но силы его не беспредельны. Враг может одолеть нас числом, просто смять, вы же видели — они ничего не боятся и лезут напролом.

Ни Корис, ни колдунья не нашлись что ответить. И лишь несколько часов спустя, когда Трегарт увидел Сулькар, он почувствовал себя несколько увереннее. Хотя сулькарцы были прежде всего мореходами, они знали толк и в фортификации. При строительстве крепости использовались все преимущества выбранного для нее места. С суши Сулькар защищала неприступная стена со сторожевыми башнями, ошестинившимися множеством бойниц. Но лишь когда Магнус Осберик провел их за стены крепости, Саймон оценил всю ее мощь.

С обеих сторон гавани, подобно двум клешням краба, в море выдавались скалы. На каждой «клешне» высились стены укреплений, дозорных постов и фортов, которые были связаны с цитаделью разветвленной сетью подземных ходов. Отвесные стены укреплений уходили прямо в воду, не оставляя никаких шансов подняться на них с моря.

— Похоже, строители Сулькара рассчитывали на военные действия, — одобрительно заметил Трегарт.

Магнус Осберик коротко рассмеялся:

— Сулькарцы кровно заинтересованы в безопасности торговых путей Эскарпа, а отчасти, Карстена и Алисона. И мы платим за это золотом кое-кому. Но кроме того, бывая в других странах, мы показываем не только наш товар, но и наши мечи, ибо Сулькар — лакомый кусочек! Видишь пакгаузы — в них товары, а в торговле вся наша жизнь. Сколько владык и морских разбойников спят и видят себя здесь! Может, кольдеры и есть сущие демоны, да только и они не прочь завладеть нашими богатствами, так и тянут сюда свои грязные лапы. Сулькар — наша твердыня! Но если он падет — захватчикам ничего не достанется! — в сердцах Магнус ударил кулаком по парапету. — Сулькар построен еще во дни моего прадеда, дабы наш народ имел безопасную гавань во время любой бури — будь то ярость волн или войн. И, похоже, час испытаний настал.

— В гавани три корабля, — заметил Корис. — Торговое судно и два военных.

— Торговое прибыло на рассвете с товаром из Карстена. Оно под флагом герцога, и вряд ли его команда схватится за оружие в чужом порту, — сказал Осберик. — Говорят, герцог женится, и в трюме этого судна стоит сундучок с драгоценным ожерельем для белой шеи Альдис. Похоже, Ивиан хочет посадить птичку в клетку, но сам в ней сидеть не собирается.

Колдунья пожала плечами; Кориса тем более не занимали придворные сплетни соседней страны.

— А военные? — спросил он.

— Это наши сторожевые корабли. Они патрулируют подходы к Сулькару.

Саймон пошел вместе с Корисом осматривать укрепления. Он подумал, что хороший бомбардировщик мог бы уничтожить Сулькар за один-два захода, а для тяжелой артиллерии разнести эти толстые стены было бы делом какого-нибудь часа. В скалах под фундаментом располагались склады и подземные ходы. Те из них, что вели к морю, имели крепкие двери и прочные запоры. Если только у

кольдеров нет какого-нибудь необычного оружия, мореходам не о чем беспокоиться. Но на это мог рассчитывать лишь тот, кто забыл невидящие глаза давешних воинов с Горма.

Саймон обратил внимание, что в крепости большие казармы и много оружия, но людей явно недостаточно. Кое-где стояли караулы, а все остальные находились на стенах. Сулькар мог вооружить тысячное войско, но сейчас здесь не набиралось и сотни человек.

Саймон, Корис и колдунья втроем поднялись на сторожевую башню, обращенную к морю. Свежий ветер насквозь продувал их кольчуги.

— Если вызвать сюда подкрепление, Эскарп останется без гарнизона! — проговорил Корис, словно продолжая с кем-то спор. — И тогда с севера тут же вторгнется Ализон, а с юга — Карстен! Хотя Сулькар — это раковина, которая вряд ли по зубам даже кольдерам, но в ней сейчас слишком мало мяса! О чем Магнус Осберик думал раньше? Будь здесь побольше людей, он устоял бы, но с этой горсткой воинов — сомневаюсь.

— Ты, конечно, можешь сомневаться, Корис, — бесстрастно заметила колдунья, — но все равно примешь бой — так нужно. Может статься, что именно здесь Кольдер обломает себе зубы. А нападут они обязательно, Магнус совершенно прав.

Корис посмотрел на колдунью.

— Ты можешь предсказать что-либо, госпожа?

Она покачала головой.

— Не жди от меня большего, Капитан. Я ведь даже засады не видела, только натолкнулась на пустоту и только по ней распознала кольдеров. Это пока все, что я могу. А ты, Саймон?

Трегарт обернулся.

— Я? Но я ведь не претендую на владение Даром, — он помолчал. — Не знаю... Умом я понимаю, что эта крепость неприступна, и все же чувствую себя, как в ловушке. — Саймон говорил, не задумываясь, но чувствовал, что он прав.

— Не надо говорить об этом Осберику, — заметил Корис.

Все трое молча стояли и смотрели на гавань, на заходящее солнце, и чем дальше, тем больше эта крепость казалась им не убежищем, а клеткой.

ГИБЕЛЬ В ТУМАНЕ

Она появилась вскоре после полуночи — полоса тумана, ползущая с моря. Туман глотал звезды, а перед ним катилась волна пронизывающего до костей холода. Маслянистыми каплями туман оседал на кольчугах воинов, оставляя на губах слабый привкус гниющих водорослей и соли.

Туман уже поглотил фонари, что освещали выходящие в море укрепления — один за другим они тонули в этой завесе, превращаясь в мутные желтые пятна. Казалось, вот так, дюйм за дюймом, шаг за шагом белая пелена захватит весь мир.

Саймон мерял шагами небольшую смотровую площадку главной сторожевой башни. Из виду пропала уже половина гавани, непроницаемая завеса рассекла надвое один из военных кораблей. Нет, этот туман был какой-то неестественный, совершенно не похожий ни на знаменитые лондонские туманы, ни на смог больших промышленных городов Америки. Безостановочно напалзал он с запада сплошной пеленой, словно нарочно был послан прикрыть готовящееся нападение.

Вдруг раздалось приглушенные удары гонга, донесшиеся с передовых укреплений гавани. В дверях башни Саймон столкнулся с колдуньей:

— Они напали?!

— Еще нет. Это бьют штормовые гонги, такова традиция — по ним ориентируются корабли, находящиеся в море.

— Корабли Кольдера!

— Как знать. Но древних обычаев не изменить в одночасье. Гонги Сулькара веками служат тем, кто в море, и только Магнус Осберик может отдать приказ, чтобы они замолчали.

— Здесь часто такие туманы?

— Туманы здесь не редкость. Но такого что-то не припомню. — Колдунья вышла на смотровую площадку и так же, как минуту назад Саймон, некоторое время смотрела на быстро исчезающую гавань. — Мы, владеющие Силой, можем в известных пределах управлять явлениями природы. Но все равно никогда не знаем заранее, получится или нет. Любая из моих сестер умеет вызывать туман, который не только затмит противнику глаза, но и помутит на время его рассудок. Но это — не такой туман.

— Он, хотя бы, естественный? — спросил Саймон, почему-то уверенный в обратном.

— Когда гончар кладет глину на гончарный круг, разве она не естественна? Но искусные пальцы мастера придают глине задуманную форму, и она становится произведением искусства, произведением разума. Я думаю, некто — или нечто — соединил частицы воды и воздуха, придал им задуманную форму и теперь использует в своих целях.

— Что ты скажешь, госпожа? — Корис подошел к ним сзади и, опершись на парапет, встал рядом. — Мы похожи на слепых котят!

Колдунья даже не обернулась. Она по-прежнему не сводила глаз с тумана, как естествоиспытатель, проводящий ответственный эксперимент.

— Есть два способа сделать нас слепыми котятками, и если это наваждение — ответим им тем же!

— Туман против тумана?

— Не совсем так, здесь клин клином не вышибить. Они призвали на помощь воду и воздух. Мы тоже призовем их, но уже по иному. Сейчас нужен неожиданный ход. Пойдемте спустимся к воде. Пусть Магнус прикажет принести на главный причал несколько поленьев, а еще лучше сухих щепок. Если щепок нет — путь принесут ножи, мы сделаем все сами. Да, и еще нужна материя.

Глухие удары гонга эхом разносились по гавани. На причал принесли охапку щепок, и колдунья выбрала из них самую маленькую. Неумело работая ножом, она выстругала подобие кораблика —

заостренный нос, закругленная корма. Саймон взял у женщины нож и принялся обстругивать кораблик сам. Его примеру последовали другие воины.

Вскоре у них появился целый флот из тридцати корабликов, каждый не больше ладони, с мачтой и парусами, сделанными из лоскутков. Игрушечный флот поставили в ряд на краю причала, Опустившись на колени, колдунья склонилась над самой водой и тихо подула в парус каждого кораблика.

— Ветер и вода, ветер и вода, — начала она нараспев. — Ветер, гони! Вода, неси! Туман, обмани! — женщина, быстро перебирая руками, один за другим ставила кораблики на воду. Туманная пелена почти скрывала их, но она была еще не настолько густой, чтобы скрыть от Саймона поразительное зрелище: выстроившись клином, кораблики в боевом порядке двинулись прямо в самую гущу тумана. Когда головной кораблик достиг границы видимости — он был уже не жалкой, наскоро выструганной игрушкой, но великолепным могучим кораблем — не чета сторожевым кораблям Магнуса Осберика, которыми тот так гордился.

Опершись о руку Саймона, колдунья поднялась с колен.

— Не верь глазам своим, человек из другого мира. Это только наваждение, но будем надеяться, что оно окажется не менее действенным, чем их туман, и отобьет у кольдеров охоту нападать.

— Не может быть! Они же не настоящие! — воскликнул Саймон.

— Мы слишком доверяем нашим чувствам. Раз можно обмануть зрение, обоняние и осязание, то почему бы наваждению не обмануть все сразу? Скажи, Саймон, вот если бы ты собирался войти в гавань, чтобы штурмовать крепость, и вдруг увидел в тумане идущий навстречу твоим кораблям вражеский флот, которого ты никак здесь не ожидал; не призадумался бы ты, прежде чем очертя голову броситься на штурм? Я ведь только пытаюсь выиграть время, ибо, подвергшись испытанию на реальность, наваждение быстро исчезает. Первый же корабль кольдеров, который попытается взять наше судно на бордаж, сразу обнаружит обман. Но иной раз и минута решает многое.

Вероятно, колдунья оказалась права. Во всяком случае, если противник и намеревался подойти к крепости под прикрытием тумана, он этого не сделал. В ту ночь сигнал о нападении так и не прозвучал, хотя плотная завеса над городом не рассеялась даже с наступлением рассвета.

Три корабля в гавани тщетно ожидали приказов Магнуса Осберика, а тот пережидал туман. Саймон пошел вместе с Корисом проверять посты гвардейцев, выставленные на стене, обращенной к морю. Временами им приходилось цепляться за одежду друг друга, чтобы не потеряться. В соответствии с приказом равномерно били гонги, но уже не для безопасности находящихся в море кораблей, а для того, чтобы посты хотя бы слышали друг друга. Люди устали и, находясь в постоянном напряжении, чуть что — хватались за оружие. Опоздавший произнести пароль рисковал угодить под молниеносный удар меча.

— Если так и дальше пойдет, — заметил Трегарт, едва увернувшись от меча одного из сулькарцев, на которого они неожиданно натолкнулись, — кольдерам незачем штурмовать крепость. Мы сами перебедем друг друга, едва кому-нибудь померещится, что твое забрало похоже на клюв!

— Имей в виду, — откликнулся Корис, — противник тоже использует наваждения, порожденные нашими страхами. Но что еще нам предпринять?

— Пароль нетрудно подслушать, — Саймон не скрывал своих опасений. — Пост за постом, вся стена может оказаться в руках врага.

— Может, нападение уже началось? — полувопросительно произнес Корис. — Человек из другого мира, если ты знаешь, что нам теперь делать — приказывай! Я охотно подчинюсь твоим приказам. Я воин и умею воевать. Точнее, кажется, умел. Я думал, что знаком и с колдовством, ибо всем сердцем предан Эсткарпу, но, честно говоря, ничего похожего раньше не видел, и полагаю, сделал все, что в моих силах.

— Я тоже не слыхал о подобных методах ведения войны, — поддержал его Саймон. — Такое любого поставит в тупик. Впрочем, мне кажется, с моря они не нападут.

— Потому что мы их оттуда и ждем? — быстро сообразил Корис. — Пожалуй, с суши им Сулькар тоже не одолеть — морские бродяги строили на совесть. Здесь нужны осадные машины и не одна неделя времени.

— Море, суша... Что остается?

— Земля и воздух, — сказал Корис. — Земля! Подземные ходы!

— На все ходы нам не хватит людей.

Вдруг глаза Кориса яростно вспыхнули, как и в тот раз, когда Саймон увидел его впервые.

— Есть способ охранять ходы без людей! Скорее к Магнусу! — Капитан Гвардейцев побежал по извилистым коридорам, со скрежетом чиркая ногами по каменным стенам на поворотах.

На столе стояли в ряд пять медных сосудов различной формы. В каждый Корис положил по металлическому шарiku, и их унесли, чтобы расставить по крепостной стене, как раз над подземными ходами. Теперь при любой попытке взломать дверь, находящуюся глубоко внизу, шарик в сосуде загремит и даст знать о нападении.

С подземными ходами они разобрались. Оставался воздух. Не потому ли, что Саймон был знаком с воздушными боями, он напряженно вслушивался и до ломоты в шейных позвонках вглядывался во мглу, окружавшую башни крепости? Колдовство колдовством, но цивилизация, находящаяся на уровне примитивных самострелов, мечей, щитов и кольчуг, вряд ли может произвести нападение с воздуха — и все же...

Благодаря медным сосудам Кориса защитники вовремя узнали о первой атаке кольдеров, которая началась во всех пяти местах одновременно. Примыкающие к дверям подземные помещения были заранее забиты доверху всевозможными горючими материалами, какие только нашлись на складах крепости: тюками с шерстью и щетиной, дорогими тканями и мешками с зерном. Все это залили огромным количеством масла и смолы, которой корабельные смолили днища судов.

Когда шарики в сосудах загремели, подвалы забросали факелами и наглухо закрыли, перекрыв все проходы в цитадель.

— Пусть попробуют сунуть туда свои собачьи морды! — Магнус Осберик с яростью ударил боевым топором по дубовому столу в главном зале цитадели. С тех пор как туман обложил крепость, владыка мореходов впервые не казался озабоченным. Как всякий моряк, он ненавидел туман и опасался его, будь то порождение природы или сверхъестественных сил.

— Аххххх! — Гул голосов в зале заглушил не просто крик боли. Лишь нечеловеческий ужас мог исторгнуть такой вопль из людских глоток.

У защитников Сулькара кровь застыла в жилах. Магнус Осберик набычился, словно готовясь ринуться на врага. Корис, держа меч наготове, пригнулся к земле, как будто набирался от нее силы. Остальные воины, находящиеся в зале, мгновенно смолкли.

Саймон напряженно ждал чего-то еще, и возможно, поэтому первым понял, откуда исходит угроза. Он побежал вверх по лестнице, которая тремя этажами выше выводила к сторожевому посту на крыше.

Но до третьего этажа Трегарт не добрался. Его остановили крики и лязг оружия. Саймон замедлил шаг и достал самострел. Какой-то воин кубарем скатился вниз по лестнице, едва не задев его; кровь хлестала на стены и ступени из перерезанного горла сулькарца. Саймон поднялся еще немного и увидел страшную картину.

На площадке третьего этажа двое гвардейцев и трое сулькарцев, прижавшись спинами к стене, отчаянно пытались сдержать нападавших, которые наступали столь же яростно, как и те, что набросились на войско Эскарпа из засады. Саймон несколько раз выстрелил, но сверху напирала такая могучая волна остроклювых шлемов, что остановить ее самострелом было немыслимо. Очевидно, противник сумел каким-то образом перебросить силы по воздуху и теперь захватил верхние этажи цитадели.

Враг прорвал оборону, но не время гадать, как это произошло, нужно действовать. Упали еще двое сулькарцев, погиб гвардеец. Убитые и раненые, свои и чужие, все тонуло в море остроклювых шлемов, а трупы скатывались вниз по лестнице, не останавливаясь до самого подножия башни.

Саймон пробился на второй этаж и распахнул двери, выходящие на площадку. Мебель сулькарцев оказалась весьма тяжелой, но кое-что можно было все-таки сдвинуть с места. Собрав все свои силы,

Трегарт начал выдвигать мебель на площадку, чтобы забаррикадировать проход.

Он как раз выносил тяжеленный стул, когда перед ним появился воин в остроклювом шлеме. Едва увернувшись от меча, Саймон обрушил свою ношу на голову противника, но и у него на щеке появилась большая ссадина.

— Сулькар! Сулькар!

Налившееся кровью лицо Магнуса Осберика стало таким же красным, как медная щетина его усов — он уже яростно орудовал боевым топором, сдерживая натиск кольдеров у завала на площадке.

Потом Трегарт только и помнил, как беспрерывно заряжал самострел, прицеливался, стрелял, снова заряжал, а когда иссяк запас, он стал снимать обоймы с поясов убитых гвардейцев, но ни на минуту не прекращал стрельбы.

Враги оттеснили их небольшой отряд в зал, и оттуда — на другую лестницу, но каждая ступень вниз давалась нападавшим дорогой ценой. Вдруг появились струйки дыма. На мгновение Саймону показалось, что в крепость проникли щупальца тумана, но скоро начало разъедать глаза, запершило в горле, и все-таки он продолжал стрельбу, пока это было возможно.

Лестница кончилась. Люди хрипло кричали, а едкий дым становился все гуще. Тыльной стороной ладони Саймон провел по слезящимся глазам и плотнее запахнул кольчужный шарф. Его душил кашель.

Они отступали почти вслепую, запирая за собой тяжелые пятидюймовые двери, одну за другой, пока не оказались в помещении, где находилась какая-то установка. Она возвышалась даже над гигантом Магнусом, который с безумным взглядом устремился к ней так, что мореходы и гвардейцы расступились.

Магнус Осберик потерял шлем, его лицо побледнело и казалось сильно постаревшим, плащ порвался и висел на одном плече. Боевой топор лежал на кожухе установки и с него на каменные плиты стекала кровь. Широко открытыми глазами Магнус смотрел на окружающих — и не видел их. Саймон понял, что этот могучий человек близок к шоку.

— Уходите! — владыка мореходов схватил топор и взмахнул им, никого не подпуская к установке. — Они напали с воздуха! Это крылатые демоны! Люди не могут сражаться с демонами! — Он вдруг засмеялся так ласково и радостно, словно собирался обнять возлюбленную. — Но у нас есть управа и на демонов! Сулькар никогда не будет гнездом этих вырожденцев!

Магнус взмахнул топором, красноречивым жестом отсекая своих подданных от гвардейцев.

— Вы доблестно сражались, братья из Эскарпа. Но больше вам здесь делать нечего. Сейчас мы освободим энергию, питающую город, и взорвем крепость. Уходите и постарайтесь отомстить за нас этим летучим демонам! И будьте уверены, мы их всех захватим с собой! Уходите, братья! Предоставьте Сулькар его судьбе!

Гигант был настолько страшен, что гвардейцы, которых осталось человек двадцать, отступили в угол. Среди них, цел и невредим, стоял Корис — только сокол на его шлеме потерял в битве крыло. Тихо шевеля губами, колдунья спокойно подошла к своим воинам.

Обнажив мечи, гвардейцы дружно отсалютовали остающимся.

— Будет вам, люди Эскарпа. Сейчас не время для парадов. Уходите! — буркнул Магнус, указывая на небольшую дверь в подземный ход. Капитан гвардейцев уходил последним — плотно затворив за собой дверь, он запер ее снаружи. Шары в подземелье еще горели, пол был ровным, и гвардейцы стремительно продвигались вниз по туннелю к выходу.

Все явственней становился плеск воды, и наконец, они вышли в пещеру, где у причала покачивалось несколько шлюпок.

— Ложись! — Корис толкнул Саймона в спину, и тот упал в одну из шлюпок. Места было мало, и люди набивались плотно, буквально друг на друга, и вскоре Саймон оказался придавленным к самому дну. Дверь, через которую они вышли в пещеру, закрылась, свет погас, и наступила полная тьма. Саймон лежал неподвижно, пытаясь представить, что же будет дальше...

Шлюпки качались на волнах, и людей бросало от борта к борту. Саймон, ожидая взрыва,

инстинктивно закрыл голову руками. Но тут качка усилилась, и его стало подташнивать — моряк он был неважный. Пытаясь совладать с тошнотой, он на какое-то время позабыл обо всем, и поэтому чудовищный взрыв застал его врасплох. Трегарту показалось, будто мир обрушился на него в этот миг, оглушив, раздавив...

Стоял полдень, когда Саймон поднял голову и глотнул свежего воздуха. Не обращая внимания на протесты, он выбрался из-под груды тел и осмотрелся: туман исчез, небо было чистым, а их шлюпки несло в открытое море, прочь от источника жара и пламени.

Одна... две... он насчитал три шлюпки. На корме их шлюпки у руля сидел Корис — Саймон сразу узнал его по фигуре. Кажется, они избежали преисподней, в которую превратился Сулькар, но не мешало бы знать, куда они направляются теперь.

Тумана не было и в помине, а весь берег охватило зарево огромного пожара; волнение на море усиливалось. Похоже, этот ужасный шторм был вызван взрывом, уничтожившим Сулькар. Жестокая качка снова заставила Саймона лечь на дно шлюпки, и в тот момент он отчетливо понимал одно — до полного спасения им еще далеко.

Часть вторая. Верлен

1

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР НА ТОПОРЕ

Всюду, сколько видел глаз, расстилалось тускло-серое море, море цвета мутного стального зеркала, цвета лезвия топора, которое, сколько ни полируй, никогда не заблестит. Небо над морем — столь же блеклое, и кажется, нельзя увидеть, где кончается вода и начинается воздух.

Глядя в узкую бойницу башни, Лоиса поежилась. Она боялась высоты. Выдаваясь полукругом из стены замка, башня нависала прямо над острыми береговыми скалами, окруженными кипящей пеной. У девушки кружилась голова, но ее все время тянуло к бойнице, ибо морская даль, изредка перечеркиваемая полетом птицы, казалась ей воплощением свободы.

Уцепившись длинными пальцами за внешний край бойницы, она подтягивалась поближе и заставляла себя смотреть вниз, точно так же, как заставляла себя делать многое, чему противились ее природа и разум. Ей, дочери Фалька, давно пришлось отгородиться от всего ледяной стеной, стеной, которую не могут пробить ни побои, ни оскорбления.

Похоть ее отца не знала границ. Женщины появлялись и исчезали в Верлене одна за другой, а Лоиса с самого детства равнодушно смотрела на любовниц отца, иногда сравнивая их с собой. Ни на одной из них Фальк не женился, так как ни одна, к тайной радости дочери и великому гневу отца, не принесла ему потомства. Дело в том, что Верлен не принадлежал Фальку по праву рождения, и властвовал он здесь единственно потому, что женился на ее матери. Лишь покуда жива Лоиса, Фальк мог владеть замком, учиняя разбой и мародерство на суше и на море. В случае ее смерти в Карстене нашлось бы немало охотников из числа влиятельных родственников ее матери, готовых немедленно заявить свои права на Верлен.

Но родись у него сын от какой-нибудь из женщин, которые силком или своей волей оказывались на огромном ложе владыки Верлена, тогда другое дело. Тогда он мог бы рассчитывать не только на пожизненное владение замком, но и в соответствии с новым законом герцогства Карстен, передать свои права сыну. Согласно древним обычаям наследование шло по женской линии, а теперь — по мужской, но правда, если мужская линия обрывалась, в силу снова вступал древний закон.

В глубине души Лоиса надеялась сохранить замок за собой. Если Фалька убьют в одном из разбойных набегов или он падет жертвой мести — а мстить было кому! — тогда и она, и Верлен обретут свободу, и тут уж она всем покажет, на что способна женщина! Они еще увидят, что долгие годы заточения не сломили ее.

Лоиса оторвалась от бойницы и прошла по комнате. Здесь было мрачновато, с моря тянуло прохладой, но девушка уже привыкла к холоду и полумраку — они стали неотъемлемой частью ее жизни.

Пройдя мимо ложа, занавешенного пологом, Лоиса остановилась перед тщательно отполированным щитом, заменявшим ей зеркало. В ее безрадостной жизни стало привычным занятием стоять вот так и рассматривать свое тусклое и несколько искаженное отражение.

Лоиса была невысока. Только это и роднило ее с пышнотелыми женщинами, которые ублажали подданных отца. С теми, что получше, владыка Верлена развлекался сам. Лоиса была худа и стройна, как юноша, лишь едва обозначенные округлости бедер выдавали в ней женщину. Прямые распущенные волосы ниспадали по плечам до самого пояса. Чуть желтоватые, даже на солнце они казались седыми, как у старухи. Бесцветные брови и ресницы придавали ее лицу какое-то отстраненное, почти пустое выражение. Тонкое бледное лицо, гладкая кожа, плоская грудь. Казалось, даже губы ее не имеют цвета. Тем удивительнее, что это чахлое дитя полумрака сохранило в себе ту силу, имея которую, опытный воин тяжелому топору предпочитает гибкое лезвие меча.

Неожиданно Лоиса подняла руки к груди, сжала их и затем быстро опустила. Под свисающими

рукавами она с такой силой стиснула кулаки, что ногти впились в кожу, но не повернулась к двери, ни одним жестом не выдавая того, что услышала звук отодвигаемого засова. Девушка прекрасно знала, что может позволить себе в отношениях с Фальком, и никогда не преступала хрупкой границы. Иногда она в отчаянии думала, что отец вообще не замечает ее неприязни.

Дверь распахнулась. Владыка Верлена не терпел никаких препятствий, он сметал их на своем пути, словно врвался во вражескую крепость. Фальк ввалился в комнату дочери с видом победителя, которому только что на острие меча поднесли ключи от взятого им города.

Если Лоиса была бледным порождением мрака, то Фальк казался повелителем солнца и пламени. Беспутная жизнь уже оставила на его лице свои отметины, но он все еще был красив: благородные черты, огненно-рыжие волосы, голова гордого принца. Люди Верлена боготворили своего господина. Под настроение тот бывал щедр и великодушен, а его пороки несколько не смущали распутных подданных.

Лоиса увидела Фалька в зеркале. В присутствии этого здоровяка она еще более поблекла.

— Приветствую тебя, владыка Фальк, — без особой радости произнесла она, не оборачиваясь.

— Владыка Фальк? Я научу тебя разговаривать с отцом, девка! Сейчас проверим, ледышка ли ты на самом деле!

Он грубо схватил ее за плечо и повернул к себе с такой силой, что синяки, наверное, останутся надолго. Лоиса знала, что это сделано умышленно, и не подала виду.

— Я принес тебе новость, узнав которую, любая девка плясала бы от радости. Но что-то я не вижу ничего похожего на твоей рыбьей морде, — с деланным весельем сказал Фальк, но глаза его светились недобрым огнем.

— Мой господин не сообщил мне эту новость.

Пальцы Фалька еще сильнее впились в ее плечо, словно он хотел переломать дочери кости.

— Сообщу! Такая новость заставит выскочить из груди сердце любой девушки. Свадьба, девочка моя, свадьбочка!

Лоису охватил неведомый прежде страх, но она сделала вид, что не поняла.

— Владыка Верлена женится? Да будет судьба благосклонна к нему на этот раз.

Пальцы Фалька снова сомкнулись на ее плече, и, как бы шутя, он с силой встряхнул девушку.

— Хоть ты и уродина и нет в тебе ничего от женщины, ты вовсе не так глупа, как хочешь казаться. Морочь голову кому-нибудь другому. В твоём возрасте давно пора быть женщиной. По крайней мере сейчас у тебя появился прекрасный шанс для этого. И послушай моего совета — не вздумай играть в свои игры с будущим мужем. Говорят, в постели он любит послушание!

Итак, случилось то, чего она больше всего боялась и против чего была совершенно бессильна.

— Но брак требует обоюдного согласия... — устыдившись минутной слабости, Лоиса прикусила язык.

Фальк расхохотался, наслаждаясь вырванным из ее уст протестом и опять так сжал плечо, что девушка невольно застонала. Затем он развернул ее, словно деревянную куклу, и ткнул лицом в зеркальный щит. При этом Фальк с наслаждением обрушил на нее поток оскорблений, зная, что грубость принесет ей куда большие страдания, нежели любая физическая боль.

— Посмотри на это бесформенное ничтожество, посмотри на то, что ты называешь лицом! Думаешь, найдется мужчина, который без содрогания сможет прижаться к нему губами? Благодарю судьбу, девка — что у тебя есть еще кое-что кроме твоей рожи и костлявого тела. Ты станешь женой любому, кто попросит твоей руки. Да скажи спасибо мне, твоему отцу, который не даст тебя в обиду. Ты вообще должна ползать на коленях и благодарить судьбу за такого отца, как я!

Слова Фалька доходили до ее слуха, словно раскаты отдаленного грома. Объятая ужасом, Лоиса бессмысленно смотрела в зеркало, думая о том, кому из отцовских прихвостней, какому животному она достанется? Какая в том выгода Фальку?

— Сам герцог, — в голосе отца звучали торжество и недоверие одновременно. — Подумать только! Карстен и этот кусок непропеченного теста! И ты еще толкуешь об обоюдном согласии? Да ты просто спятила! — он неожиданно отпустил ее, Лоиса ткнулась головой в щит, и тот загремел, ударившись о каменную стену. Едва устояв на ногах, девушка повернулась к Фальку.

— Герцог?! — Она не могла в это поверить. Зачем могущественному Ивиану просить руки дочери мелкого барона с побережья, даже если у нее древняя и славная родословная по женской линии?

— Вот именно, герцог? — Фальк плюхнулся на край ложа и принялся болтать ногами. — Тебе повезло, детка! Ты родилась под счастливой звездой. Сегодня утром прибыл герольд герцога с предложением брачного договора на топоре.

— Зачем ему я?

Фальк перестал болтать ногами. Он не то чтобы помрачнел, но лицо его приняло серьезное выражение.

— Причин много. Как и ножей, которые точат за его спиной! — Фальк начал загибать пальцы.

— При всем своем могуществе, прежде чем занять трон Карстена, герцог был простым наемником. Сомневаюсь, вспомнит ли он хотя бы свою мать, не говоря уже об отце. Он сокрушил всех своих соперников, но это было давно. Герцог не желает больше воевать, он устал выкуривать бунтовщиков из замков и хочет провести остаток дней в удовольствиях. Породнившись со знатью, он приобретет залог мира! Хотя Верлен и не самый богатый замок в Карстене, но в жилах его баронов течет благородная кровь. Разве не этим тыкали мне в нос, когда я просил руки твоей матери? Я ведь не из знати — всего-навсего младший сын Фартома с Северных Холмов. — Губы Фалька скривились, словно он вспомнил прежние унижения. — А ты — наследница Верлена. Для герцогини лучшего не придумаешь!

Лоиса рассмеялась.

— Трудно поверить, владыка, что во всем Карстене я единственная девушка из благородного рода.

— Верно, детка, можно найти и получше. Но, как я уже сказал, дражайшая моя, ты имеешь не только костлявое тело, но кое-что еще. Верлен стоит на берегу моря, и очевидно, герцог намерен мирным путем получить куда больше, чем взял силой оружия. Как тебе понравится, детка, если здесь будет большой торговый порт?

— А что на это скажет Сулькар? Мореходы блюдут свои привилегии и не допустят здесь...

— Скоро им будет не до того, — жестко и уверенно сказал Фальк. — У Сулькара беспокойные соседи. Они усиливаются, а Эсткарп, который обычно приходит Сулькару на помощь, ныне пустая раковина, выведенная колдовством. Один хороший удар — и страна колдуний падет. С ними давно пора покончить.

— Значит, Ивиана прельщает моя родословная и планы строительства порта? — Лоиса никак не могла поверить. — Но разве герцог вправе посылать свой топор с предложением брака? Хотя я живу здесь затворницей, но мне известно, что в Карсе у него есть некая Альдис, приказы которой выполняются беспрекословно всеми, кто носит эмблему герцога.

— У Ивиана может быть и Альдис, и еще полсотни женщин, только тебя это не касается, детка. Роди ему сына. Сомневаюсь, правда, что твое чахлое тело вообще способно зачать мужчину. Дай ему сына, седи с ним за одним столом и не требуй от него ничего, кроме обычной учтивости, да гордись оказанной тебе честью. А если будешь умницей, в свой час разберешься и с Альдис, и со всеми прочими. Помни, Ивиан вспыльчив и злопамятен. — Фальк встал и собрался уходить, но перед уходом он снял с цепочки на поясе маленький ключ и бросил его Лоисе. — Хоть ты и чучело, детка, украшения для свадьбы тебе не помешают. С тобой пойдет Бетти, вкус у нее недурной, она поможет выбрать платье. И фату, фату не забудь. А за Бетти проследи, чтоб не брала себе больше, чем сможет унести.

Лоиса поймала ключ с такой радостью, что Фальк рассмеялся.

— Все-таки ты женщина! Любишь украшения, как всякая девка. Ничего. Один-два шторма — и мы снова пополним нашу сокровищницу.

Фальк вышел, оставив дверь открытой. Крепко зажав ключ в кулаке, Лоиса закрыла за ним дверь.

Долгие месяцы, пожалуй, даже годы она мечтала заполучить этот кусочек металла, и теперь, когда он у нее в руках, ничто не помешает ей взять из сокровищницы Верлена то, что ей нужно на самом деле.

С тех пор как на скалах между двух мысов, окруженных рифами, поднялся замок Верлен, море принесло его владыкам богатый улов. Все эти сокровища находились в полном распоряжении хозяина замка. Должно быть, сделка с Ивианом была очень выгодна Фальку, раз он так расщедрился. Общества Бетти Лоиса не боялась, зная, что последняя любовница Фалька столь же жадна, сколь и красива. Если не мешать ей поживиться, она и не глянет в сторону Лоисы.

Девушка подбросила ключ на ладони, и улыбка, наконец, появилась на ее бледном лице. Знал бы Фальк, что возьмет себе его дочь в сокровищнице Верлена! Он удивился бы еще больше, узнав, что ей известно о древних стенах этого замка, за которыми он чувствует себя в полной безопасности. С горящими глазами она стояла перед зеркальным щитом.

Раздался торопливый стук в дверь. Лоиса презрительно скривила губы. Бетти! Приказы Фалька исполняются мгновенно! Хорошо еще, что у нее не хватает наглости входить к дочери своего любовника без приглашения. Лоиса открыла дверь.

— Владыка Фальк... — начала женщина, стоящая в дверях. Ее броская красота и цветущий вид не могли не прельстить такого молодца, как Фальк.

Лоиса показала женщине ключ.

— Да-да. — Даже не назвав наложницу по имени, Лоиса рассматривала ее круглые обнаженные плечи и пышную открытую грудь. За спиной Бетти стояли двое слуг с сундуком. Лоиса вскинула брови, и женщина нервно засмеялась.

— Владыка Фальк велел тебе выбрать свадебный наряд, госпожа. Он не желает, чтобы ты скромничала в сокровищнице.

— Владыка Фальк щедр, — спокойно произнесла Лоиса. — Идем.

Женщины прошли через большой зал, направляясь во внешние помещения замка. Сокровищница находилась в самом основании цитадели, там, где располагались и покои Фалька. Лоису это вполне устраивало — она старалась держаться подальше от придворной жизни замка и редко бывала внизу. Наконец, девушка открыла ключом заветную дверь, слуги внесли сундук и удалились, что ее тоже вполне устраивало.

Три шара под потолком освещали ящики и сундуки, тюки и сумки. С видом рыночной торговли, предвкушающей барыши, Бетти провела руками по бедрам — от обилия сокровищ у нее разбежались глаза. Она алчно переводила взгляд с одной кучи добра на другую, и тогда Лоиса, положив ключ в кармашек на поясе, решила подлить масла в огонь.

— Я думаю, владыка Фальк не будет против, если ты выберешь кое-что для себя. Кое-что — он так и сказал. Только не теряй головы и не жадничай.

Бетти всплеснула пухлыми руками и прижала их к груди. Лоиса прошла на середину сокровищницы к столу и откинула крышку стоящего на нем ларца. Блеск драгоценностей на мгновение ослепил ее. Она и представить себе не могла, что за долгие годы грабежа в Верлене скопились такие богатства. Из-под груды спутанных цепочек и ожерелий Лоиса извлекла несколько аляповатую тяжелую брошь, отделанную красными камнями. Украшение было не в ее вкусе, но вполне подходило цветущим телесам любовницы отца.

— Взгляни-ка... — Лоиса протянула брошь женщине.

Та было схватила ее обеими руками, но тут же отдернула их. Переводя взгляд с броши на Лоису, она облизывала пухлые губы. Преодолевая отвращение, Лоиса приложила тяжелую брошь к глубокому вырезу платья Бетти и едва не отдернула брезгливо руку, коснувшись ее нежной кожи.

— Тебе идет. Возьми! — помимо воли, слова Лоисы прозвучали жестко, как приказ, но все-таки наживка была заглочена — не отрывая глаз от драгоценностей, Бетти стояла у стола. Теперь хоть на какое-то время девушка могла делать здесь все, что пожелает. Лоиса осмотрелась, прикидывая, где можно

найти то, что ей нужно, и стала медленно переходить от одной груды добра к другой. На многих сундуках белели пятна высохшей соли, от мешков исходили резкие незнакомые запахи. Наконец, обнаружив сундук, в котором было то, что она искала, Лоиса отгородилась от Бетти ящиками.

Только с виду наследница Верлена казалась слабой и хрупкой. Подобно тому, как она научилась управлять своими чувствами и мыслями, она тренировала и свое тело. С трудом подняв тяжелую крышку сундука, она уловила запах смазки и поняла, что не ошиблась. Содержимое сундука было прикрыто белой тряпкой, которую Лоиса осторожно убрала, стараясь не запачкать руки и не оставить следов. Затем Лоиса достала из сундука кольчугу и примерила ее. Великовата. Она испугалась, что здесь вообще может не оказаться ничего, подходящего ей по размеру, но продолжила поиски.

Девушка перебирала кольчугу за кольчугой, и, наконец, удача улыбнулась ей — на самом дне сундука она все-таки нашла небольшую кольчугу, которую, наверное, сделали по заказу для малолетнего сына какого-нибудь барона. Свернув плотнее свою находку, она убрала остальные кольчуги на место, чтобы никто ничего не заподозрил.

Бетти все еще не могла оторваться от ларца с драгоценностями, и Лоиса не сомневалась, что куча украшений уже переключалась к той за пазуху — однако, именно это дало ей возможность вести свои поиски почти в открытую. Сложив в сундук, принесенный слугами, еще кое-какие необходимые вещи, девушка прикрыла их сверху шелком, бархатом и меховой накидкой.

Для отвода глаз Лоиса подошла к столу и тоже выбрала себе кое-какие драгоценности, а затем позвала слуг и приказала отнести сундук в свою комнату. Больше всего она боялась, что Бетти увяжется за ней помогать разбирать вещи, но той было не до этого. Ей не терпелось поскорее остаться одной и полюбоваться наворованным.

Не теряя времени, но и не забывая об осторожности, Лоиса принялась за работу. Наспех выбранные платья, кружева и шитье она свалила на ложе, а затем, встав на колени, достала то, что было ей сейчас дороже всего. С великим тщанием, которого не удостоились свадебные наряды, Лоиса складывала в заплечный мешок и в седельные сумки все, что она приготовила заранее, собираясь бежать из Верлена: кольчугу, кожаную куртку под нее, оружие, шлем, золотые монеты и пригоршню драгоценных камней.

Она немного запыхалась, но вовремя успела убрать заплечный мешок и седельные сумки на дно сундука, навалив сверху свадебные наряды. Все было в порядке, когда послышались шаги Фалька, возвращающегося за ключом.

Лоиса быстро накинула на голову кружевную фату, шитую серебром и отделанную жемчугом. Она подошла к зеркальному щиту и усмехнулась: вид у нее был самый дурацкий, но именно этого она и добивалась — ее папаше будет над чем погоготать.

2

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Не прошло и двух дней, а те обстоятельства, которыми Лоиса хотела воспользоваться, чтобы исчезнуть из Верлена, обернулись против нее. Ивиан не соизволил явиться в замок самолично. Он не пожелал даже взглянуть на невесту, полагая, что с нее довольно и герцогских послдов. Поэтому Лоисе пришлось быть на людях и под маской безразличия скрывать нетерпение и еще более возросшее отчаяние.

В конце концов, девушка возложила все свои надежды на свадебный пир, рассчитывая на то, что в замке все перепьются. Перед приближенными герцога Фальку наверняка захочется показать свое гостеприимство, и он откроет винные погреба, а уж тогда ей предоставится отличная возможность осуществить свой план.

Накануне вдруг начался сильный шторм. Всю свою жизнь Лоиса прожила у моря, но такого страшного ветра и таких огромных волн никогда еще не видала. Пенные гребни разбивались о стены башни, доставая почти до бойниц ее комнаты. Бетти и служанка, которых Фальк прислал, чтобы они помогли ей подготовить свадебное платье, вздрагивали при каждом ударе.

Вдруг с расширенными от ужаса глазами Бетти встала, уронив на пол шелковую ленту. Она сложила пальцы в священный знак, вспомнив, как это делали в ее деревне, когда она была еще девочкой.

— Колдовской шторм. — Сквозь крики чаек ее шепот едва дошел до слуха Лоисы.

— Здесь же не Эсткарп, — возразила она спокойно, стежок за стежком, пришивая кружево к воротнику платья. — У нас нет власти над ветром и волнами. А Эсткарп не выходит из своих границ. Это самый обычный шторм. Если хочешь нравиться владыке Фальку, ты не должна бояться штормов, они в Верлене не редкость. Да и откуда, по-твоему, берутся все наши сокровища? — Лоиса вдела нитку в иголку.

Бетти повернулась к ней лицом, и сначала сложила губы бантиком, а затем оскалилась, показывая мелкие острые зубки.

— Я выросла на побережье и знаю, что такое ураган на море! После шторма я ходила по берегу, собирая дары моря, и побольше твоего, госпожа! Но такого шторма я никогда не видела. Да и не слышала о таком! В нем беда, говорю я тебе — большая беда!

— Беда тому, кто оказался в море. — Лоиса отложила платье. Она подошла к окну, но в пенном кружеве ей не удалось ничего рассмотреть.

Служанка и не думала работать. Придвинувшись поближе к пылающему очагу, она раскачивалась взад и вперед, прижимая руки к груди, словно у нее болело сердце, и Лоиса подошла к ней. Обычно у нее не возникало ни жалости, ни интереса к женщинам, живущим в замке, но на этот раз, против обыкновения, она спросила:

— Болит?

Эта служанка выглядела поопрятней других, а может быть, ей просто приказали вымыться, прежде чем идти сюда. Но что-то в ее лице привлекло Лоису. Конечно же, она явно не из деревни, не из тех крестьянских девушек, которых приводят в замок на потеху солдатам, а потом отправляют на кухню. Ее черты были искажены страхом, который, похоже, так долго был с ней, что превратил ее лицо в застывшую маску. Но под этой маской угадывалось и нечто другое.

Бетти зло рассмеялась.

— Ничего у нее не болит. Дурные воспоминанья. Она не так давно пережила кораблекрушение. У, дрянь! — Сафьяновым сапожком Бетти пнула девушку, едва не опрокинув ее в огонь.

— Оставь служанку в покое! — не сдержала гнева наследница Верлена.

Фальк имел право на грабеж, и Лоиса ничем не могла ему помешать, а поэтому, чтобы не растревлять

душу ужасными сценами, она после шторма всегда держалась подальше от берега, и чаще всего не знала, что или кого выловили подданные отца.

Бетти принужденно улыбнулась — она не смела перечить дочери владыки Верлена, но все же буркнула:

— Гони ты прочь эту упрямую дуру! Все равно, пока шторм не кончится, никакого проку от нее не будет. Да и после придется ждать, когда еще очухается! Одно только и есть, что к шитью способна, а то бы отправить ее на корм угрям.

Лоиса подошла к широкому ложу, где были разложены ее свадебные наряды, взяла большой платок, отделанный по кайме шелком, и набросила его на плечи дрожащей служанки. Не обращая внимания на остолбеневшую Бетти, наследница Верлена опустилась на колени, взяла девушку за руки и посмотрела ей в лицо.

Бетти потянула Лоису за рукав.

— Как ты смеешь! — грозно одернула та.

Но к Бетти уже вернулась ее обычная наглость, пухлые губы расплылись в хитрой улыбке.

— Нам некогда, госпожа. Владыка Фальк разгневется, узнав, что в то время как он подписывает брачный договор, ты возишься с этой дрянью. Что я скажу ему о причине твоей задержки?

Лоиса спокойно посмотрела наложнице в глаза.

— Я во всем послушна воле моего отца. Но не вздумай учить меня ты, девка! — Она нехотя отпустила руки служанки. — Оставайся у меня, здесь тебя никто не тронет. Слышишь? Никто!

Поняла ли она? Служанка продолжала раскачиваться из стороны в сторону, очевидно испытывая страшные душевные муки, хотя страдания телесные, казалось бы, давно канули в прошлое.

— Ты мне больше не нужна. — Лоиса повернулась к Бетти, и та вспыхнула, но спорить не стала.

— Госпожа, тебе не мешало бы узнать кое-какие женские хитрости. — Голос Бетти окреп. — Я могу научить тебя обвораживать мужчин. Нужно подчеркнуть брови и ресницы. Алая помада для губ... — Бетти воодушевилась — в ней проснулась кокетка. Она окинула Лоису оценивающим взглядом, а та, вопреки своему презрению к Бетти и ей подобным, молча прислушивалась к ее словам. — Да, госпожа, если послушаешься меня, ты, быть может, отворишь очи своего господина от этой Альдис. Есть много способов прельстить мужчину. — Бетти облизала губы. — Госпожа, я многому могу научить тебя. — Она придвинулась к Лоисе, в ее глазах вновь появился алчный блеск.

— Ивиан берет меня и так, — сказала Лоиса, отвергая все поползновения Бетти. — И должен быть доволен!

Бетти пожала плечами.

— Как знаешь, госпожа. Но в таком случае, ты очень скоро убедишься, что не все обернется по-твоему.

— А когда оно было по-моему? — спросила Лоиса. — Ступай. Ты же сказала, что нам скоро идти, а у меня еще много дел.

Во время подписания брачного договора Лоиса сохраняла свое обычное безразличие. Герцог прислал за своей невестой троих приближенных, их-то она и разглядывала с интересом.

Вот маршал Гунольд, верный друг Ивиана еще со времен наемничества. Даже в такую глухомань, как Верлен, докатилась слава о его воинской доблести. Вопреки ожиданиям, внешность Гунольда никак не соответствовала ее представлениям о прославленном воине. Лоиса ожидала увидеть такого громилу, вроде сенешаля отца — ну, может быть, не такого грубого и неотесанного. Гунольд же оказался разнеженным вельможей в шелковом камзоле, и трудно было поверить, что в иные времена он носил кольчугу. Круглый подбородок, гладкие щеки и длинные ресницы придавали ему моложавый и добродушный вид. Пытаясь сопоставить внешность этого человека со всем тем, что она слышала о нем, Лоиса зашла в тупик и начала его побаиваться.

Старик Сирик представлял Храм Судьбы. Завтра, когда ее рука в знак верности Ивиану ляжет на рукоять боевого топора, он скажет положенные слова. Равнодушное красное лицо. Лоб пересечен вздувшейся синей жилкой. Слушал ли он или говорил что-то мягким низким голосом, Сирик непрерывно сосал леденцы. Подле него всегда находился слуга с баночкой наготове. Объемистый живот Сирика облегала желтая ряса священника.

Третьим был Дуарт, представитель знатных семейств Карстена. Маленький и тощий, он тоже не очень подходил для своей роли. Нижняя губа Дуарта постоянно дергалась, казалось, он чувствует себя не в своей тарелке и даже тяготится возложенной на него миссией. Этот человек большей частью молчал, открывая рот лишь тогда, когда его о чем-либо спрашивали. Из всех троих он один обратил на невесту хоть какое-то внимание, но в его задумчивом взгляде не было и намека на сочувствие или обещание поддержки в будущем. Скорее, он видел в Лоисе некое препятствие, которое следует рано или поздно убрать с дороги.

А наследница Верлена благодарила в душе древний обычай, избавляющий ее от необходимости присутствовать на ночном пиршестве. Завтра на свадебном пиру ей, конечно, придется сидеть за столом от начала и до конца. Но как только вино польется рекой... Остановившись на этой мысли, девушка поспешила к себе в комнату.

Лоиса совсем забыла о служанке. Войдя в комнату, она обнаружила ее у открытого окна. Вой урагана стихал, и шторм как будто шел на убыль, но ее поразил какой-то неясный звук, похожий на безнадежный стон. Соленый ветер дохнул на нее из окна.

Раздраженная своими заботами и всем происходящим в замке, Лоиса решительно подошла к окну, оттолкнула от него служанку и с силой захлопнула раму. Хотя ветер ослабел, в тучах по-прежнему сверкали молнии. При очередной вспышке Лоиса, наконец, увидела то, за чем уже давно наблюдала девушка.

Прямо на скалы замка несло корабли. Такие суда каботажных торговцев разбивались здесь и раньше, если во время шторма попадали в коварное прибрежное течение. Именно это течение было источником богатства и проклятий для Верлена.

По всей видимости, на скалы несло остатки большого флота. В свете молний Лоиса не увидела на кораблях ни одного человека, не заметила никаких попыток избежать неминуемой гибели. Корабли, словно призраки, неслись навстречу смерти, но моряков, похоже, это нисколько не волновало.

Люди Фалька уже выходили из ворот, с горящими факелами, спеша на берег — каждый хотел поживиться. Хотя вся добыча принадлежала Фальку и сокрытие ее грозило виселицей, многим удавалось на берегу что-нибудь урвать — люди Верлена занимались привычным делом. Они ставили сети, чтобы ловить обломки, а заодно и людей, потерпевших кораблекрушение. Лоиса оттащила служанку от окна и закрыла ставни.

К ее удивлению на лице девушки уже не было прежнего страха. В глубине ее темных глаз светились ум, воодушевление и нарастающая сила.

Склонив голову набок, служанка прислушивалась, словно пыталась разобрать что-то сквозь грохот волн. Лоисе стало совершенно ясно — в какой бы стране ни жила эта девушка до того, как волны выбросили ее на берег Верлена, она никогда не была простой солдатской девкой.

— Та, что долго жила в заточении, — неожиданно зазвучал глухой, но сильный и твердый голос. — Пришло время выбора. В эту ночь решается судьба стран и народов!

— Кто ты? — спросила Лоиса.

Девушка менялась на глазах. Нет, она не казалась чудовищем, способным по своей воле принимать образ зверя или птицы, что всякие болтуны приписывают колдуньям Эсткарпа... Но то, что в ней было задавлено, почти вытравлено, вдруг ожило, пробудилось и вышло наружу.

— Кто я? Никто... ничто. Но грядет та, что сильнее меня. Сделаешь верный выбор, Лоиса, наследница Верлена — будешь жить. Ошибешься — умрешь, как умирала я, по кусочкам, день за днем.

— Корабли... — Лоиса обернулась к окну.

Возможно ли, чтобы нашелся такой отчаянный завоеватель, который готов пожертвовать кораблями

ради захвата маленького плацдарма на скалах, чтобы затем атаковать оттуда замок? Безумие! Корабли обречены, и едва ли кто из моряков доберется живым до берега, где их, к тому же, поджидают грабители Верлена.

— Корабли? — повторила девушка. — Там нет кораблей. Только жизнь или смерть. В тебе, Лоиса, есть что-то от нас. Докажи это — и ты победишь!

— Что-то от вас? Но кто ты?

— Я никто и ничто. Спроси лучше, кем я была, прежде чем ваши люди выловили меня из моря.

— Кем ты была? — как послушный ребенок повторила Лоиса.

— Я из Эсткарпа, женщина с побережья. Теперь ты поняла? Я владела Силой, покуда в зале, что под нами, ее не вырвали из меня гогочущие мужчины. Ибо Дар, которым владеют наши женщины, теряется, когда над нами совершается насилие. В Верлене увидели лишь мое женское тело, и здесь я потеряла все, что было моей жизнью. Я потеряла себя. Понимаешь ли ты, что значит потерять себя? — Она внимательно посмотрела на Лоису. — Я готова поверить, что понимаешь, ибо ты стремишься сохранить в себе то, что имеешь. Дар во мне угас, его затоптали, как затаптывают тлеющие угольки в костре. Но зола еще осталась. Поэтому я знаю, что волны несут сюда ту, которая во много раз сильнее меня. От нее зависит наше будущее. И не только наше!

— Колдунья! — Лоиса не отшатнулась в страхе, напротив, она даже воодушевилась. О колдуньях Эсткарпа ходили легенды. Она внимательно выслушивала все рассказы об их чудесах, что доходили до Верлена с севера. Теперь Лоиса корила себя за упущенное время — почему так поздно узнала она об этой женщине?..

— Да, я колдунья. Так называют нас. Но не думай, Лоиса, что я смогу тебе чем-нибудь помочь. Теперь я всего лишь обуглившаяся головешка. Лучше ты сама собери всю свою волю и разум, чтобы помочь той, что грядет.

— Волю и разум! — Лоиса хрипло рассмеялась. — Есть у меня и то, и другое, но нет и не было власти! Ни один солдат не подчинится моему приказу, даже пальцем не двинет! Обратись лучше к Бетти. Когда отец доволен ею, она может оказать протекцию.

— Когда придет та, тебе нужно будет лишь воспользоваться случаем. — Девушка сняла с плеч платок и аккуратно свернула, положив его на край ложа, она направилась к выходу. — Не упusti случая, Лоиса. Эту ночь можешь спать спокойно. Твой час еще не пробил.

Она быстро вышла. В растерянности Лоиса даже не сделала попытки удержать ее, а в комнате стало настолько пусто, словно девушка унесла отсюда последнюю искру жизни.

Не спеша Лоиса сняла свадебный наряд и, не глядя в зеркало, расплела волосы. Ей почему-то не хотелось смотреть в зеркало, все казалось, будто кто-то стоит у нее за спиной и подглядывает. С тех пор как Фальк стал хозяином Верлена, много грязных дел свершилось в большом зале замка. Но теперь Лоиса была полна решимости отомстить хотя бы за одно преступление, отомстить за эту женщину из Эсткарпа.

Погрузившись в мрачные размышления, она совсем забыла, что сегодня канун ее свадьбы. Впервые за последние дни Лоиса не достала со дна сундука военное снаряжение, чтобы проверить его и помечтать.

Над морем завывал ветер, но волны уже не были такими высокими, как прежде. Спрятавшись от ветра, люди Фалька терпеливо ждали добычи. Корабли, так красиво выглядевшие из окна башни, с берега казались еще прекраснее.

Запахнув поплотнее плащ, Гунольд пристально вглядывался во мглу. Корабли не из Карстена. Значит, кораблекрушение только на руку герцогству. Гунольд был уверен, что они станут свидетелями гибели вражеского флота. Как все удачно складывается! Ему выпала возможность проследить за действиями Фалька в таких обстоятельствах. По слухам, благодаря мародерству в Верлене скопились огромные богатства. Раз уж Ивиан женится на этой затравленной девке, он вправе потребовать отчета обо всех сокровищах. Гунольду явно повезло — он все увидит собственными глазами и доложит лично герцогу.

Стало уже очевидным, что корабли обречены и не смогут миновать рифов. Люди Фалька дружно

высыпали из укрытий и принялись устанавливать на берегу фонари. Если эти дураки на кораблях примут их за маяки — тем лучше. Они только сэкономят им время!

Свет фонарей выхватил из мрака нос первого корабля, волны неумолимо несли его на берег, где мародеры спорили о том, в каком именно месте он разобьется. Высоко задрав нос, корабль поднялся на гребне волны и упал днищем на камни. И вдруг — исчез!

Люди на берегу остолбенели от неожиданности. Они были совершенно уверены, что прямо на их глазах корабль разбился и его обломки плывут в сети. Но сети были пусты, только ветер свистел в них. Ни корабля, ни обломков...

Никто на берегу не мог сделать ни шагу, люди не верили своим глазам, а тем временем приближался второй корабль. Он шел прямо на скалу, где стояли Гунольд и Фальк, словно его направлял невидимый рулевой, ведь у снастей никого не было, и палуба пуста.

Снова волны подняли прекрасный корабль, чтобы обрушить его на острые скалы. На этот раз судно было так близко к берегу, что Гунольду не составило бы труда прыгнуть на пустынную палубу. Нос корабля задирался все выше и выше, резной фантастический зверь на носу поднял к небу оскаленную пасть. И — вниз! Вода закипела...

Но и этот корабль исчез!

Гунольд схватил Фалька за плечо и увидел на его побледневшем лице маску невероятного ужаса. Появился третий корабль, но люди Верлена с дикими криками ринулись прочь. Брошенные на берегу фонари освещали расставленные сети, в которые, помимо грязной пены, не попало в этот раз ничего.

Чуть позже за сеть ухватилась чья-то рука, она вцепилась в нее отчаянной мертвой хваткой. Волны перекачивали тело, но унести в море уже не могли — сеть была закреплена надежно. Затем, отдышавшись, полумертвый, избитый о камни пловец ползком выбрался на пляж, распростерся на песке и затих...

3

ПЛЕННАЯ КОЛДУНЯ

Все обитатели Верлена решили, что исчезнувшие корабли — не что иное, как насланное демонами наваждение. Даже на следующее утро Фальку вряд ли удалось бы заставить своих людей выйти на берег. Да он и не приказывал им, не рискуя лишний раз испытывать границы своей власти.

Все формальности с брачным договором он хотел завершить прежде, чем слухи о случившемся докатятся до Карса и послужат герцогу предлогом для отказа от наследницы Верлена. А чтобы хоть как-то отвлечь его послов от суеверных страхов, Фальк повел их в сокровищницу. Всем троим он сделал дорогие подарки, самому же герцогу, в знак восхищения его воинской доблестью, владыка Верлена просил преподнести от своего имени меч и ножны, усыпанные драгоценными камнями. Постоянно помня о ночном кошмаре, Фальк покрывался холодным потом и все время боролся с собой, чтобы не отдать приказа обыскать все закоулки и темные углы в замке.

От него не ускользнуло, что посланцы герцога избегают говорить о ночном происшествии, но оставалось только гадать — хорошо это или плохо. Однако, примерно за час до брачной церемонии, когда они расположились в покоях Фалька, Гунольд вдруг извлек из своего подбитого мехом плаща какую-то вещицу. Он осторожно поставил ее на подоконник поближе к свету.

Тяжело пыхтя и придерживая руками живот, Сирик наклонился, с любопытством ее разглядывая.

— Что это, маршал? Зачем отобрали игрушку у деревенского мальчишки? — спросил он, отдуваясь.

Гунольд поднял на ладони грубо выструганный игрушечный кораблик с обломанной палочкой вместо мачты.

— Это, Святейший, могучий корабль! — ласково сказал он. — Один из трех, что разбились нынче ночью под стенами замка. Ты прав, Сирик, это игрушка, только мы в такие игры не играем. Именем Карстена я требую от барона Фалька ответа! Что за дела у него с исчадиями тьмы — колдуньями Эсткарпа?

Фальк напрягся, лицо его побледнело, а затем побагровело от прилива крови. С изумлением глядя на деревянный кораблик, он огромным усилием воли подавил гнев, понимая, что если сейчас сорваться — то все пропало.

— Разве послал бы я на берег своих людей собирать обломки такого кораблика? — Фальк старался сохранить видимость спокойствия. — Ты, вероятно, подобрал эту штуку на берегу сегодня утром. Но с чего ты решил, что эта щепка и давешние корабли — одно и то же, да еще связал их с колдовством Эсткарпа?

— Да, я подобрал это на песке, — согласился Гунольд. — Но я давно знаю про колдовские наваждения, а поэтому прошел по берегу со своими людьми, и будь уверен, то, что мы нашли — настоящее сокровище, не чета тому, что ты показывал нам утром. Эй, Марк, Джо!

Вошли два оруженосца и ввели связанную женщину, к которой оба, это было заметно, относились с большой опаской.

— Вот тебе флот! — Гунольд бросил кораблик Фальку. — А вот тебе человек, который, если я не ошибаюсь, и построил его!

Пленники, выброшенные волнами на берег, владыке Верлена были не в диковинку. С пленницами он тоже долго не возился, и дело, как правило, заканчивалось всегда одним и тем же. Похоже, гроза миновала, к Фальку вернулась его самоуверенность.

— Итак, — улыбаясь в предвкушении забавы, он откинулся на спинку кресла, — тебе попалась колдунья! — С видом знатока он окинул женщину взглядом. Кожа да кости, но несмотря на это в ней чувствовалась сила. Можно и поразвлечься. Может, Гунольд сам пожелает укротить ее? Хотя колдуньи и не красавицы... А эта вообще выглядит так, словно волны носили ее по морю целый месяц. — Он пригляделся к обрывкам ее одежды, что едва прикрывали тело, покрытое белым налетом высохшей соли.

«Такие кожаные куртки одевают под кольчугу, — подумал он. — Значит, у нее было оружие? — Фальк

поежился. — Колдунья в кольчуге и в придачу призрачный флот! Неужели Эсткарп идет походом на Верлен? У колдуний с ним старые счеты. Но ведь с севера не поступало никаких тревожных известий. Есть над чем подумать... Но потом, потом. Сейчас все внимание на Гунольда. Как бы в последний момент не поссориться с герцогом».

Фальк старательно избегал взгляда женщины, но при всем том он чувствовал себя хозяином положения.

— Дорогой маршал, похоже, в Карсе не знают, что колдуньи силой взгляда способны подавить волю человека. Как я вижу, твои оруженосцы не приняли надлежащих мер предосторожности.

— А ты, похоже, хорошо знаком с колдуньями?

«Осторожнее, — подумал Фальк. — Гунольд стал правой рукой Ивиана благодаря не только мечу, и спорить с ним не стоит. Пусть увидит, что в Верлене нет предателей и болванов».

— Просто Эсткарп не впервые платит дань нашим скалам, — улыбнулся Фальк.

Увидев его улыбку, Гунольд тотчас распорядился:

— Эй, Марк! Набрось-ка плащ ей на голову.

Женщина стояла неподвижно. С тех пор как ее привели, она не проронила ни слова. Может, от длительного пребывания в воде или от удара о камни она еще не пришла в себя и находится в полубессознательном состоянии? Но люди Верлена не теряли бдительности, ибо эта женщина не кричала, не просила пощады и не сопротивлялась попусту. Как только ей на голову накинута плащ, Фальк придвинулся поближе. Его слова были обращены к сидящим вокруг мужчинам, хотя, на самом деле, они адресовались только женщине. По ее реакции Фальк хотел убедиться в правильности своего предположения.

— Разве маршалу не известно, как можно обезвредить колдунью? Это очень просто! И даже немножко приятно... — с видимым удовольствием он пустился в непристойные объяснения.

Сирик расхохотался. Обеими руками он держался за трясущийся живот. Гунольд тоже, наконец, улыбнулся.

— У вас в Верлене весьма изысканные развлечения.

Один только Дуарт, казалось, не разделял общего веселья. Опустив глаза, он молча теребил пальцы, но вскоре и на его бледных щеках, которые скрывала коротко стриженная седая борода, проступила краска.

Женщина с плащом на голове стояла неподвижно и не издала ни звука.

— Уведите ее, — приказал Фальк. — Пусть сенешаль присмотрит. Мы еще поразвлекаемся с ней. Все мое время. — Он опять стал радужным хозяином, перестав опасаться за свое положение. — Что же, согласно воле герцога, приступим к брачному договору.

Фальк терпеливо ждал. Если бы хоть кто-нибудь знал, с каким нетерпением жаждал он услышать заключительные слова, которые должен был произнести Гунольд. Даже тогда, когда Лоиса, положив руки на рукоять топора, будет стоять перед алтарем редко посещаемой часовни Верлена, даже когда Сирик, тяжело пытая, будет произносить положенное по обряду, Гунольд может еще именем герцога отказаться от этого брака. Но если Лоиса все-таки станет герцогиней Карстена — ничто не помешает Фальку осуществить свой план. Он вынашивал его долго и рассчитал на много ходов вперед.

— Да-да, — Сирик запыхтел и тяжело встал, поправляя рясу. — Бракосочетание... Не будем томить невесту, Дуарт... Эх, молодость, горячая кровь... Да-да... Бракосочетание!

«Теперь все у меня в руках, — подумал Сирик удовлетворенно. — А этому лупоглазому солдафону нечего высказывать. Другое дело благородный Дуарт. Только ему и приличествует держать топор от имени своего повелителя. Это он, Сирик, посоветовал герцогу послать Дуарта. Ивиан все понял и тепло попрощался с ним перед отъездом из Карса. Скоро Ивиан поймет и то... А пожалуй, уже понял, что в союзе с Братством Храма и при поддержке древних родов Карстена ему незачем якшаться с бунтовщиками вроде Гунольда. Пусть этот брак ознаменует собой начало конца Гунольда!»

Похолодало. Лоиса быстро уходила по галерее главного зала. Она терпеливо выслушала все заздравные речи, но ее тошнило от этих велеречивых пожеланий счастья. Какое там счастье... Ей не нужно ничего, кроме свободы!

Захлопнув за собой дверь, она закрыла ее на все три засова. Теперь, чтобы проникнуть сюда, понадобился бы хороший таран. Лоиса принялась за работу. Первым делом она сняла с себя все украшения. Свадебный наряд — долой! Расстелив на полу платок, она стояла босиком перед зеркальным щитом, слишком возбужденная, чтобы чувствовать холод, идущий от каменных плит. Тяжелые распущенные волосы сбегали по ее плечам до обнаженных бедер.

Сначала Лоиса отрезала их на глазок, безжалостно работая ножницами, и волосы, прядь за прядью, бесшумно падали на платок. Затем, более осторожно, девушка подравняла стрижку так, чтобы волос не было видно из-под шлема. Теперьгодились и наставления Бетти. С большим тщанием Лоиса подчеркнула сажей белесые брови и короткие ресницы, она так увлеклась деталями, что забыла на миг о целом. Отступив от зеркала, девушка внимательно оглядела свое отражение и просто поразились происшедшим с ее лицом переменам.

Теперь Лоиса чувствовала себя уверенней, и не сомневалась, что ей удастся пройти через главный зал никем не узнанной. Она подошла к ложу и стала облачаться в военное снаряжение. Затянув на поясе португую, она уже нагнулась за седельными сумками, но неожиданно ее рука остановилась. Что-то мешало ей немедленно покинуть Верлен. Весь день, пока длилась брачная церемония, она терпела, и только мысль о бегстве помогала ей держаться. Она так ждала этого вечера, понимая, что для прикрытия ее бегства ничего лучше, чем свадебный пир, и придумать нельзя — весь замок будет кутить, и вряд ли караульные устоят перед хмельным соблазном. А кроме того, она нашла потайной ход!

Но что-то не давало ей уйти, заставляло терять драгоценное время, что-то неодолимо тянуло ее на галерею главного зала, где кипел свадебный пир... Помимо своей воли, Лоиса ринулась к двери.

Что там говорила служанка?.. Кто-то грядет на крыльях бури... Не упустит случая, Лоиса, наследница Верлена! Вот он, ее случай! Она не упустит его! Она употребит всю свою хитрость, всю осторожность, выработанные за долгие годы унижений в замке Фалька.

Девушка бросилась не в потайной ход, о котором Фальк и его люди даже не подозревали, а в дверь, ведущую к главному залу. Не в силах бороться с этим чувством, Лоиса не заметила, как ее руки сами отодвинули засовы. И вот уже ее каблуки стучат по лестнице на галерею...

Тепло от очага внизу сюда не доходило; даже голосов нельзя было разобрать. Пирующие ели, пили, и, похоже, скоро они перейдут к иным развлечениям. Лоиса вздрогнула от отвращения, но не двинулась с места. Она не отрывала взгляда от главного стола и сидящих за ним людей, словно ей было важно не пропустить ни одного их жеста.

В часовне Верлена Сирик показался Лоисе весьма величественным. А может, это ряса священника преобразила его на время. Теперь же он являл собою сплошное пузо, и все еще отправлял себе в рот содержимое бесконечных блюд и подносов, в то время как его сотрапезники давно насытились и только пили.

Покуда Лоиса не ушла из-за стола, любовнице отца там не было места, и Бетти это прекрасно знала. Фальк настоял на соблюдении всех приличий. Но сейчас Бетти торжествовала. С богатой брошью на груди — той самой, что Лоиса дала ей в сокровищнице — она вилась у резного подлокотника высокого кресла Фалька и любезничала с ним. Поскольку Лоиса почти ничего не слышала, ее зрение обострилось. От ее внимания не ускользнуло, как Бетти зыркает по сторонам и строит глазки Гунольду, не упуская случая выставить на всеобщее обозрение свои белые плечи и грудь, соблазнительно выглядывающие из открытого красного платья.

Дуарт сидел на краешке кресла, погружившись в какие-то мрачные размышления. Он с таким выражением смотрел на свой кубок, словно на дне его увидел какое-то жуткое предзнаменование. Простой покрой его фиолетового камзола и старческая худоба придавали ему вид лекаря в этой расфуфыренной компании. Он явно не разделял общего веселья.

«Нужно уходить, и немедленно!» — спохватилась Лоиса. В дорожном плаще, прикрывающем кожаную куртку и кольчугу, смутной тенью промелькнет она в затуманенных глазах пирующих и какое-то время сможет чувствовать себя в безопасности. Правда, сейчас холодно, но ничего, скоро весна! Лоиса сделала пару шагов, но немой приказ, который привел ее сюда, опять вернул ее к перилам галереи.

Гунольд наклонился, что-то говоря Фальку. Видный мужчина, не зря Бетти поглядывает на него. Лисье лицо, такие же, как у отца, рыжие волосы. Маршал что-то быстро показал Фальку пальцами, и до слуха Лоисы приглушенным эхом дошел дикий хохот владыки Верлена.

Лицо Бетти вдруг исказилось, она схватила Фалька за рукав, и губы ее зашевелились, а тот даже головы не повернул, но с такой силой оттолкнул любовницу от стола, что она упала на каменный пол позади кресла.

Дуарт поставил кубок и встал. Застегнув меховой воротник плаща, он что-то мрачно сказал, и Лоиса поняла — старик против чего-то возражает. Затем, увидев, как Дуарт отвернулся от стола, девушка догадалась, что он нарвался на очередную пошлость своих сотрапезников.

Гунольд засмеялся, а Фальк ударил кулаком по столу, приказывая налить вина. Тем временем старейший из посланцев герцога, петляя между столов, направился к выходу на лестницу, ведущую в отведенные ему покои.

У центральной двери вдруг засуетились. В зал вошли воины в кольчугах и встали в две шеренги, образуя проход к возвышению, на котором стоял главный стол. Шум несколько стих, когда ввели пленника, руки которого были связаны за спиной. Лоисе сначала показалось, что это мужчина. Но зачем у него на голове мешок? Не видя дороги, он спотыкался, а люди вокруг гоготали.

Проведя рукой по столу, Фальк очистил место между собой и Гунольдом. При этом он смахнул со стола недопитый кубок Дуарта, опрокинув его на Сирика, который начал было возмущаться, но никто не обратил на него внимания. Фальк достал из кармана две монеты, подбросил, они упали на стол вверх надписями. Фальк подвинул их Гунольду, предоставляя ему право бросать первым. С интересом разглядев монеты, Гунольд отпустил какую-то шутку и бросил — выпало два профиля. Теперь была очередь Фалька. Несмотря на недавнюю грубость своего любовника, Бетти подползла поближе и не сводила глаз с вертящихся в воздухе монет. Когда они упали, женщина прижалась к креслу Фалька, словно результат придал ей сил и отваги, а Фальк рассмеялся и шутливо отсалютовал своему гостю.

Гунольд встал и направился в конец стола. Воины вокруг пленника расступились. Не снимая с его головы мешка, Гунольд принялся расстегивать ремни его кожаной куртки, затем рывком сдернул ее и обнажил пленника по пояс. От неожиданности все присутствующие ахнули.

Под взглядами ухмыляющихся мужчин Гунольд схватил женщину за плечо. С неожиданной для его телосложения силой, он легко поднял женщину на руки и двинулся к лестнице. Видя, что понаблюдать за забавой не удастся, Фальк выразил недовольство, и многие подданные поддержали его, но Гунольд отрицательно покачал головой и не остановился.

Почему-то из всех жертв владыки Верлена, которых Лоиса столько перевидала на своем веку, эту нужно было непременно спасти. Девушка с тревогой подумала о том, что ей не справиться с Гунольдом, а тем более с Фальком, если тот решит отправиться следом, но что-то неодолимо заставляло ее действовать вопреки здравому смыслу.

Лоиса поспешила в свою комнату. В мужской одежде бежать оказалось значительно легче. Снова она заперла дверь на все три засова и, сбросив плащ, стремительно подошла к зеркальному щиту. Не взглянув на свое отражение, она решительно отодвинула щит в сторону, открывая вход в систему потайных ходов замка, которую обнаружила три года назад.

Она побывала здесь много раз, исследуя каменные лабиринты, и сейчас, очутившись в темноте, напрягла память, определяя нужное направление.

Спускаясь, Лоиса считала ступеньки: еще немного вниз — и крутой поворот направо. Чтобы все-таки не сбиться с пути, девушка придерживалась рукой за стену.

Опять ступеньки, но на этот раз они ведут вверх. Вот круглое пятно света — это слуховая дыра. Здесь

жилая комната, и в ней кто-то есть. Лоиса привстала на цыпочки и заглянула — все верно, это одна из опочивален.

Дуарт, показавшийся ей еще более изможденным и дряхлым, прошел мимо высокого ложа к камину и протянул руки к огню. Теперь на нем не было плаща с меховым воротником. Губы его шевелились, словно он в бессильной ярости проклинал кого-то.

Лоиса двинулась дальше. Следующая слуховая дыра была темной, и она решила, что это покои Сирика, который еще не вышел из-за стола. Лоиса поспешила к следующему отверстию, откуда бил золотой луч света. Не сомневаясь в том, что она достигла своей цели и даже не заглянув в дыру, Лоиса принялась открывать потайную дверь.

Послышалось невнятное бормотание... Звуки борьбы... Всем телом Лоиса налегла на скрытую пружину, но механизм заело. Об этих ходах в замке кроме нее, похоже, никто не знал, и, конечно, никому не было нужно поддерживать двери в рабочем состоянии. Проход был узким. Упершись руками в противоположную стену, Лоиса налегла на дверь спиной; та внезапно подалась, и девушка едва устояла на ногах, ухватившись за косяк. Она развернулась и выхватила меч с ловкостью, которую приобрела за долгие годы тайных упражнений.

Гунольд, борющийся на ложе со своей отчаянно сопротивляющейся жертвой, поднял на Лоису изумленное лицо. С быстротой кошки маршал отскочил к дальней стене комнаты и схватил висевшую на стуле портупею с оружием.

ПОТАЙНЫЕ ХОДЫ

Лоиса не сразу сообразила, что в воинском облачении Гунольд принимает ее за мужчину, явившегося помешать его забаве. Держа в руке обнаженный меч, он против всяких правил, выхватил из кобуры самострел, но тут его внимание переключилось на женщину, которая, несмотря на связанные руки, ползла на него по смятой постели.

Повинуясь скорее инстинкту, чем рассудку, Лоиса схватила попавший под руку камзол Гунольда и швырнула ему в лицо. Это спасло ей жизнь. Рука Гунольда дрогнула, и игла вонзилась в стойку ложа, совсем рядом с девушкой.

Изрыгая проклятия, Гунольд отшвырнул камзол и резко повернулся к женщине, та уже стояла лицом к нему, пристально глядя в глаза маршала. Когда он обернулся, она даже не шевельнулась, только вдруг разжала губы, из ее рта вывалился овальный предмет и закачался, повиснув на короткой цепочке, которую женщина сжимала в зубах.

Гунольд остолбенел. Его полузакрытые глаза начали блуждать из стороны в сторону, следя за качающимся на цепочке дымчатым камнем.

Лоиса тоже застыла у ложа, наблюдая за происходящим — такое могло привидеться только в кошмарном сне. Женщина повернулась спиной к Лоисе, и Гунольд, не сводя глаз с камня, повернулся следом за ней. Глаза Гунольда остановились лишь тогда, когда перестал раскачиваться камень, нижняя челюсть маршала отвисла, на лбу выступили капельки пота.

То чувство, которое привело сюда Лоису, по-прежнему руководило ею, все время побуждая исполнять некую, строго отведенную ей роль в этой чужой игре. Девушка молча перерезала мечом веревку, туго стягивающую руки женщины, обрывки упали на пол, оставив после себя багровые рубцы на запястьях, а женщина тяжело уронила руки, словно они больше не повиновались ей.

В это время зашевелился Гунольд — его рука, держащая самострел, стала разворачиваться с таким неимоверным напряжением, будто на нее давила огромная сила. Маршал взмок от пота, из приоткрывшегося рта на грудь текли слюни.

В нем жили, казалось, только глаза — они горели ненавистью и ужасом, но отвести их от дымчатого камня он не мог. Рука с самострелом медленно разворачивалась... Плечи маршала тряслись. Стоя в нескольких шагах от него, Лоиса физически ощущала все напряжение этой безмолвной борьбы. Гунольд уже не хотел убивать — он желал только спастись, но спасения для него не было.

Ствол самострела уперся, наконец, в горло, и Гунольд тихо взвыл, как зверь, пойманный в капкан. Щелкнул курок. Из горла хлынула кровь. Гунольд повалился вперед, и женщина отскочила в сторону, оттолкнув Лоису. Маршал рухнул на колени перед ложем и уткнулся головой в пол, словно еще умолял о пощаде, в предсмертной агонии цепляясь руками за покрывало...

Впервые за все это время женщина повернулась лицом к Лоисе. Она попыталась поднять распухшие руки, чтобы взять камень, но не смогла, и тогда снова всосала его в рот, а затем повелительно указала взглядом на проем в стене.

Всю свою жизнь Лоиса жадно слушала рассказы о колдуньях Эсткарпа. Но то были сказки о дальних странах, в которые можно верить, а можно и не верить. Еще сегодня, когда Бетти, помогавшая ей одеваться к брачной церемонии, красочно описывала исчезновение кораблей прошлой ночью, Лоиса была настолько поглощена своими планами и опасениями, что не придавала ее рассказу никакого значения.

Но увиденное сейчас перевернуло все ее представления о женщинах Эсткарпа и их колдовстве. От прикосновения колдуньи Лоиса вздрогнула и шагнула в потайной ход, желая в тот миг лишь одного — поскорее оказаться подальше от этой женщины. Но та решительно двинулась следом, и девушка поняла — у колдуньи еще много сил, несмотря на то, как с ней обращались в плену.

Лоиса торопилась уйти отсюда побыстрее еще и потому, что опасалась появления отца. Ненасытный Фальк мог ворваться в покои Гунольда в любую минуту. Но все же она не пожалела времени и усилий, чтобы закрыть потайную дверь. Почувствовав в темноте прикосновение безвольной руки колдуньи, Лоиса содрогнулась всем телом, но, несмотря на это, ухватила колдунью за пояс и повлекла за собой.

Они направились в ее комнату. Время дорого. Вдруг Фальку захочется проведать маршала? Или войдет камердинер Гунольда? А может, отцу взбредет в голову послать за Лоисой? Нет, этого она ждать не будет, и еще до рассвета покинет Верлен — с колдуньей или без нее! Утвердившись в этом решении, Лоиса почувствовала себя уверенней.

Однако, оказавшись снова в освещенной комнате, Лоиса не смогла в угоду своему рассудку, оставаться равнодушной к мукам своей спутницы. Она обмыла и перевязала мягкой тканью опухшие руки колдуньи, а затем подобрала для нее кое-что из своей одежды.

Немного погодя колдунья смогла наконец поднести руки к губам, и камень скользнул изо рта в ее горсть. Женщина демонстративно отстранилась, давая понять, что Лоисе нельзя касаться камня, но девушка и так не сделала бы этого ни за какие коврижки.

— Мне на шею, — это были первые слова колдуньи.

Лоиса молча застегнула цепочку у нее на шее, заметив, что волосы колдуньи обрезаны так же коротко и неаккуратно, как у нее самой — возможно, с той же целью...

— Благодарю тебя, наследница Верлена, — произнесла колдунья хриплым голосом. — А теперь, прошу глоток воды.

Лоиса поднесла чашку к ее губам.

— Благодарить меня не за что, — сказала она, набравшись храбрости. — Как я посмотрю, твое оружие посильнее любой стали!

Колдунья смотрела на Лоису поверх чашки, глаза ее смеялись, и девушка почувствовала вдруг, что ей уже не так страшно, хотя рядом с этой женщиной она по-прежнему казалась себе слишком неуверенной, слишком юной и неуклюжей.

— Я не смогла бы применить свое оружие, если бы не твое появление. Одна я бы не рискнула — нельзя, чтобы оно попало в чужие руки. Даже под страхом смерти. Но довольно об этом... — Колдунья осмотрела повязки на запястьях, затем окинула взглядом комнату Лоисы и заметила на полу платок с горкой остриженных волос и седельные сумки на сундук.

— Похоже, дорогая герцогиня, ты не собираешься отправляться в свадебное путешествие.

То ли твердый голос колдуньи располагал к себе, то ли колдовская сила подействовала, но Лоиса открылась ей.

— Никакая я не герцогиня Карстена, даром что произнесли надо мной все положенные слова и посланцы Ивиана преклонили предо мной колени. — Лоиса улыбнулась, вспомнив, каких мучений это стоило Сирику. — Я не выбирала Ивиана и согласилась на это бракосочетание лишь для того, чтобы бежать из Верлена.

— Но ты пришла мне на помощь, — колдунья пристально посмотрела на Лоису большими темными глазами, и от этого взгляда девушке стало не по себе.

— Я не могла поступить иначе! — призналась она. — Что-то не давало мне уйти. Твое колдовство, госпожа?

— Как знать, как знать. Я обращалась ко всем, кто здесь способен услышать меня. Похоже, наследница Верлена, нас объединяет нечто большее, чем просто опасность нашего положения. Точнее, — колдунья улыбнулась, — учитывая изменения в твоей внешности, наследник Верлена.

— Зови меня Брайант. Простой наемник. — Лоиса выложила заранее придуманную легенду.

— И куда же ты собираешься, Брайант? В Карс? Или на север? Там наемники скоро понадобятся.

— Эсткарп воюет?

— Лучше сказать, его вынуждают воевать. — Колдунья встала. — Сейчас некогда. Поговорим потом, когда будем подальше от этих стен. Ты ведь знаешь, как отсюда выбраться.

Лоиса вскинула седельные сумки на плечо и натянула на шлем капюшон плаща. Она собралась гасить свет, но колдунья указала ей на платок, лежащий на полу. Ругая себя за рассеянность, Лоиса сгребла платок и стряхнула волосы в дгорающий огонь камина.

— Вот так-то лучше, — сказала женщина. — Не оставляй ничего, за что тебя могут потянуть обратно. В волосах сила! — она обернулась к среднему окну. — Оно выходит на море?

— Да.

— Оставим ложный след, Брайант. Пусть смерть Лоисы прикроет нас.

Лоиса быстро открыла окно и бросила свое свадебное платье вниз на скалы. Колдунья подсказала также привязать к подоконнику и спустить из окна скрученную простыню.

— Не думаю, — сказала она, — что, увидев открытое окно, они начнут доискиваться другого выхода из комнаты.

Наконец, они юркнули в потайную дверь за зеркальным щитом. Теперь их путь лежал во тьме. Лоиса посоветовала женщине держаться правой стены и спускаться поосторожнее. Пальцы их касались шершавых плит, и вскоре они почувствовали, что стена стала влажной. Пахло морем и затхлой гнилью. Вниз, вниз... Послышался приглушенный плеск волн. Лоиса считала ступени.

— Вот! Здесь проход к одному странному месту.

— Странному?

— Да. Я всегда старалась здесь не задерживаться, но сейчас, боюсь, придется. Нам нужно дождаться рассвета, иначе не видно дороги.

Сделав над собой усилие, Лоиса осторожно двинулась вперед. Она бывала в этом месте трижды, и всякий раз испытывала необъяснимые страх и тревогу. Вот и вновь она ощутила нарастающую угрозу, сулящую, казалось, нечто худшее, чем просто смерть. Но девушка шла вперед не останавливаясь и увлекала за собой колдунью, чувствуя за спиной ее дыхание.

Вдруг колдунья еле слышно, будто боясь, что их могут подслушать, прошептала:

— Здесь Место Власти.

— Странное место, — пробормотала Лоиса. — Не нравится оно мне. Однако другого выхода из Верлена нет.

Они ничего не видели в темноте, но почувствовали, что узкий проход кончился. Лоиса уловила слабый луч света над головой и решила, что в трещину пробивается свет утренней звезды.

Неожиданно она обнаружила и другой источник света, который сначала слабо мерцал, но становился все ярче, постепенно освещая подземелье, словно кто-то поднимал тяжелый занавес. Потом девушка услышала какое-то певучее бормотание, но слов не поняла; голос гулко отзывался в таинственном подземелье. Мутное круглое пятнышко двигалось у самого пола, разгораясь все ярче, и Лоиса догадалась, наконец, что это светится камень колдуньи.

По всему телу вдруг побежали мурашки. Казалось, сам воздух здесь насыщен энергией. Лоисе остро захотелось чего-то, но чего — она не понимала. Попадая в это место раньше, Лоиса испытывала невероятный ужас, и все же нарочно задерживалась здесь, заставляя себя бороться с ним. Сейчас страха не было, но ее охватило совершенно неведомое чувство, которому она не могла дать названия.

В свете камня Лоиса увидела колдунью: та раскачивалась из стороны в сторону, с напряженным лицом и отстраненным взглядом, ее губы не переставая шевелились. Женщина словно просила о чем-то, спорила, заклинала... Кого? Лоиса поняла одно: они находятся во власти какой-то энергии, которая исходит буквально отовсюду — из-под скалы у них под ногами, от стен, словно нечто, дремавшее здесь много столетий, неожиданно пробудилось и набирало мощь.

Что же это? Лоиса тщетно всматривалась в окружающую мглу, уже едва рассеиваемую слабым светом

дымчатого камня. Что скрывается здесь?

— Пора уходить! — твердо сказала колдунья. Ее темные глаза были широко раскрыты, руки безвольно опустились. — Это сильнее меня! Я не могу справиться. Здесь властвует древняя сила, людям ее не одолеть и не постичь. Здесь поклонялись богам, которым уже тысячи лет не воздвигают алтарей. Древние силы пробудились и могут восстать! Где выход? Нужно уходить, пока не поздно.

— Свет твоего камня поможет! — Лоиса прикрыла глаза, вспоминая дорогу. — Сюда! — Она решительно указала рукой.

По широким, грубо вырубленным и источенным временем ступеням, шаг за шагом, колдунья медленно поднималась в указанном направлении. Свет ее камня, в самом деле, достаточно освещал их путь.

Наконец они добрались до пещеры, от которой начинался подъем, ведущий к выходу на поверхность. В неверном свете кристалла они рисковали свернуть себе шеи среди нагромождения камней, но а промедлении не могло быть и речи.

Опасения Лоисы оправдались — подъем оказался трудным. Она догадывалась, каких мучений стоило колдунье цепляться за камни едва действующими руками, хотя та не проронила ни звука. Лоиса как могла помогала женщине, подталкивая и подпирая ее в спину. Камни катились у них из-под ног, и обе каждую минуту рисковали рухнуть вниз. Наконец, они выбрались наружу и в изнеможении повалились на жесткую траву, вдыхая соленый морской ветер и глядя на серое предраассветное небо.

— Поищем на берегу лодку или отправимся пешком к холмам? — спросила колдунья.

Лоиса села.

— Ни то, ни другое, — решительно сказала она. — Мы вышли к пастбищу, на котором в это время года пасут коней. Тут поблизости и лачуга, где хранится сбруя. Но ее обычно охраняют.

Колдунья улыбнулась.

— Если там один стражник, то вряд ли он сможет противостоять двум отчаянным женщинам. Покажи мне эту лачугу — и считай, что охраны там уже нет.

Они пересекли пастбище. Лоиса знала, что кони должны быть недалеко от лачуги, поскольку за два дня до шторма там разбросали каменную соль.

Над входом в лачугу горел фонарь. Неподалеку Лоиса увидела и боевых коней, специально выведенных для того, чтобы носить в битве тяжело вооруженного воина. Но где-то здесь должны были быть кони поменьше, с густой жесткой шерстью; они предназначались для охоты на холмах и были значительно выносливее тех, которым отдавал предпочтение Фальк.

Наконец, Лоиса заметила как раз двух таких лошадок — словно они явились, повинясь ее мысленному зову. Девушка сложила на землю седельные сумки и тихонько свистнула. К ее радости, лошадки послушно подошли. Они принялись друг к другу, длинные челки спадали им на глаза.

«Только бы они дали себя взнуздать!» — подумала она, обогнула лошадок и осторожно подошла к лачуге, которую, похоже, никто и не охранял. «Неужели караульный оставил свой пост и ушел пировать? — нахмурилась Лоиса. — Если Фальк узнает — охраннику не сдобровать».

Она толкнула скрипучую дверь, и ей в нос ударил запах конского пота, кожаной сбруи, а также сильный дух деревенской медовухи. Три кружки крепкой медовухи валили с ног даже Фалька. Лоиса нечаянно опрокинула ногой кувшин, и из горлышка медленно потекла густая жидкость. Стражник сладко храпел на соломенном тюфяке. Взяв две уздечки и два седла, которыми пользуются охотники, она выскользнула из хижины и затворила за собой дверь.

Лошадки спокойно позволили взнуздать и оседлать себя — Лоисе оставалось только покрепче затянуть ремни. Когда, вскочив в седла, они двинулись по единственной тропе, что вела из Верлена, колдунья спросила ее:

— Так куда же ты собираешься, наемник?

— В горы. — До мельчайших подробностей девушка продумала план бегства из замка, но теперь, сидя в седле, она не представляла себе, что делать дальше. Вырваться из стен Верлена казалось ей столь несбыточной мечтой, столь недостижимой целью, что все свои усилия Лоиса направила на решение этой задачи, особенно не задумываясь ни о чем другом. — Ты говоришь, Эсткарп воюет? — Прежде ей никогда не приходило в голову отправиться в страну, рассказы о которой навевали страх. Но теперь, когда рядом с ней настоящая колдунья из тех краев, почему бы и нет?

— Да, наемник, Эсткарп воюет. Но что ты скажешь о Карсе, герцогиня? Не желаешь ли взглянуть на свое герцогство и собственными глазами увидеть, от какого будущего ты отказалась?

От неожиданности Лоиса пустила свою лошадку в галоп, что было здесь совсем небезопасно.

— Карс? — переспросила она и задумалась.

Конечно, герцогиней она быть не желает, но, с другой стороны, Карс — это центр южных земель, к тому же, если понадобится помощь, там всегда можно отыскать своих родственников. А затеряться в таком большом городе простому наемнику — пара пустяков, и это сейчас самое важное. Больше того, вздумай Фальк разыскивать ее, вряд ли ему придет в голову искать дочь в Карсе.

— Эсткарп немного подождет, — сказала колдунья. — Из Карстена исходит угроза, и я должна знать, что там замышляется.

Лоиса дала себя уговорить без всякого принуждения. Ей даже показалось, что она, наконец, нашла ту путеводную нить, следуя которой, добьется всего, о чем только мечтала.

— В Карс так в Карс, — решила наследница Верлена.

Часть третья. Карстен

1

СКЛЕП ВОЛЬТА

Пять человек лежали на прибрежном песке небольшой бухты — один из них, с разбитой о камни головой, был мертв. День стоял жаркий, и солнце нещадно жгло полуобнаженные тела. Душный воздух был насыщен запахом гниющих водорослей.

Приподнявшись на локте, Саймон закашлялся. Его мутило. Он отполз чуть в сторону и выблевал то, что еще оставалось в его желудке. Это привело его в чувство и, справившись с головокружением, Саймон сел и осмотрел себя — все его тело было в синяках.

Мысли путались. Из всего происшедшего память сохранила лишь скудные обрывки. Кошмар начался бегством из Сулькара... Потом Магнус Осберик взорвал силовую установку, и взрыв не только стер с лица земли весь город, но и вызвал шторм, который разбросал по морю спасательные шлюпки с остатками гвардейцев.

Он вспомнил, как, очнувшись первый раз, насчитал три шлюпки, вышедшие из Сулькара, но потом началось что-то ужасное. Волны крутили их, как скорлупку, вертели и, в конце концов, выбросили на береговые скалы. Сколько все это продолжалось?..

Саймон растер ладонью лицо — оно было покрыто налетом соли, ресницы слипались, глаза открывались с трудом. Оглядевшись, он понял, что, кроме него, в живых осталось только трое.

До самого горизонта расстилалось спокойное море. Волны лениво катали по песку клочья спутанных водорослей. А позади, за спиной возвышалась отвесная скала. Присмотревшись, Саймон обнаружил много трещин, и решил, что здесь можно будет подняться, но пока он не испытывал ни малейшего желания карабкаться куда бы то ни было. Ему не хотелось даже шевелиться. После ледяной воды было так хорошо сидеть на солнышке и греться.

— Са-а...

Один из лежащих шевельнулся, и длинная рука отбросила в сторону пучок водорослей. Человек закашлялся, и его вывернуло наизнанку. Затем он поднял голову и тупо осмотрелся. Увидев Саймона, Капитан Гвардейцев Эскарпа криво улыбнулся.

Встав на четвереньки, Корис по-крабьи отполз подальше от прибойной полосы.

— На Горме говорят, — прохрипел он, — кто рожден кончить жизнь на плахе, тот ни за что не утонет. Похоже, мне уготована плаха. Древние знали, что говорили.

С трудом Корис подполз к лежащему рядом гвардейцу и перевернул безвольное тело на спину: лицо воина тоже было покрыто белым налетом соли, но грудь его ровно вздымалась и опускалась, значит, жив.

— Это Дживин, — сказал Корис. — Отличный всадник, — добавил он задумчиво. Саймон истерически расхохотался, прижав кулаки к ноющему животу.

— Вот уж действительно, — выдавил он сквозь смех, — это сейчас самое ценное качество!

Но Корис осматривал уже другого гвардейца.

— Танстон!

Услышав это имя, Саймон обрадовался. За свою недолгую службу в Гвардии Эскарпа он проникся глубоким уважением к этому младшему офицеру. Заставляя себя двигаться, он помог Корису оттащить подальше от воды двух еще не пришедших в сознание гвардейцев. Затем, цепляясь руками за скалу, он поднялся на ноги.

— Воды бы... — Ощущение покоя, охватившее Саймона после того, как он очнулся, прошло. Страшно

хотелось пить, каждая клеточка его тела жаждала влаги. Он мечтал не только напиться, но и смыть с тела жгучую соль.

Задрав голову, Корис мрачно осматривал скалу. Выбраться из этой бухты можно было лишь двумя путями: либо попытаться обогнуть скалы вплавь, либо лезть в лоб на утес. Саймона мутило от одной мысли снова войти в воду — и так он спасся каким-то чудом.

— Здесь нетрудно подняться, — сказал Корис, но вдруг слегка нахмурился. — Похоже, углубления в стене вырублены специально. Правда, очень давно... — Прижавшись грудью к скале, он привстал на цыпочки, поднял над головой длинные руки и уцепился пальцами за небольшой выступ. Тело его напряглось: он подтянулся и начал карабкаться вверх.

Кинув последний взгляд на отмель и на двух гвардейцев, лежащих на песке, Саймон полез за ним. Похоже, Капитан был прав. Силами природы или людьми сделаны эти углубления, как бы то ни было, но, цепляясь за них руками и ногами, взбираться оказалось значительно легче. Поднявшись метров на десять, они добрались до карниза.

Сомнений не оставалось — карниз дело рук человеческих: отчетливо виднелись следы инструментов, каменотеса. Здесь отвесная стена кончалась, и далее шел крутой подъем до самой вершины утеса, но это было все-таки лучше, чем карабкаться по отвесной стене, когда кружится голова и подгибаются колени.

Корис снова заговорил:

— Сможешь дальше один? Я посмотрю, как там Дживин и Танстон.

Саймон закивал, но тут же пожалел об этом, и ухватился за скалу, пережидая, пока мир вокруг него перестанет качаться. Стиснув зубы, он полез вверх по откосу, большую часть пути проделав на карачках, и остановился, лишь когда скала внезапно расступилась перед ним. Потирая израненные пальцы, он вглядывался в темноту пещеры. Дальше наверх пути не было. Оставалось надеяться, что в пещере есть другой выход.

— Саймон! — раздался тревожный окрик снизу.

Он с трудом спустился обратно на карниз и посмотрел вниз. Там, задрав голову, стоял Корис, а рядом с ним — Танстон, поддерживающий Дживина. Саймон слабо помахал им рукой, и те с неимоверными усилиями поволокли Дживина вверх, на карниз.

Саймон ждал, он не хотел входить в пещеру один. Казалось, мужество оставило его и силы иссякли. Но, едва над краем карниза показалась голова Кориса, Саймон снова воспрял духом и помог ему затащить Дживина.

— Здесь какая-то тайна, — сказал Капитан. — Я тебя снизу не видел, пока ты не махнул рукой. Кто-то хорошо потрудились, чтобы скрыть вход в пещеру.

— Ты думаешь? — Саймон отмахнулся. — Да будь там хоть сокровища древних королей, они мне не нужны. Вот если бы вода...

— Вода! — эхом повторил Дживин. — Воды, Капитан... — жадно попросил он, повернувшись к Корису.

— Воды пока нет, подожди немного.

В пещеру можно было залезть только на четвереньках. Обдирая кожу на плечах и боках, первым протиснулся Корис.

Узкий проход кончился, но свет почти не проникал сюда, и приходилось держаться руками за стены.

— Тупик! — вытянутая Саймоном рука уперлась в скалу. Но он поспешил с выводами: сбоку сочился слабый свет, и они увидели, что проход сворачивает направо.

Они ускорили шаг, и все-таки в конце прохода их ждало разочарование. Свет не становился ярче, и, выйдя на открытое место, они оказались в сумерках подземелья, а не на солнце.

Источник света настолько поглотил внимание Саймона, что он на время забыл о головной боли. Вдоль стены шел ряд круглых отверстий, похожих на иллюминаторы, и сначала Саймон не мог понять, почему они не видели их с берега, ведь окошечки явно выходят на море. Но затем он решил, что это,

возможно, эффект материала, которым были забраны отверстия — он едва пропускал солнечный свет.

Впрочем, света было вполне достаточно, чтобы увидеть хозяина этой пещеры, который сидел неподвижно на каменном троне, вырубленном прямо из скалы. Руки его лежали на широких подлокотниках, голова склонилась на грудь, и казалось, что он спит.

Лишь когда Дживин шумно вздохнул, будто сдерживая рыдание, Саймон сообразил, что они попали в склеп, и душная тишина пещеры начала давить так, словно они находились в заколоченном гробу.

Преодолевая волнение и благоговейный страх, Саймон приблизился к подножию каменного трона, всмотрелся в сидящего и пришел к выводу, что этот человек — некогда вождь, жрец или король — не принадлежит к расе Эскарпа или Горма.

Смуглая пергаментная кожа была гладкой, словно искусство бальзамировщика превратило ее в полированное дерево. Черты полускрытого лица говорили о могучей воле и душевной отваге, крупный орлиный нос преобладал над остальными чертами. Подбородок сидящего был заострен, глаза глубоко запали. Казалось, этот человек произошел от птицы.

Это впечатление усиливала одежда, напоминающая оперение. Тонкая талия сидящего была охвачена широким поясом, а на коленях лежал такой огромный боевой топор, что Саймон усомнился, мог ли этот человек при жизни поднять его.

На голове мумии была корона, усыпанная драгоценностями. На пальцах, сжимающих рукоять топора, мерцали перстни. Но на всем вокруг лежала печать такой отчужденности, что Саймон не посмел подойти вплотную к трону.

— Вольт! — сдавленно вскрикнул Дживин, потом забормотал что-то на незнакомом языке. Саймон решил, что это какое-нибудь заклинание.

— Подумать только! Легенда оказалась былью! — Корис подошел к Трегарту. Глаза его горели — как ночью во время битвы в Сулькаре.

— Неужели Вольт? — пробормотал Саймон.

— Вольт-Воитель! — уверенно подтвердил Корис. — Вольт-Громовержец! Вольт, которым пугают теперь непослушных детей! Эскарп древен, корни его знаний восходят к доисторическим временам, но Вольт старше Эскарпа! Он из тех, кто пришел сюда раньше нынешнего человечества. Род его вымер еще до того, как человек вооружился камнем и дубиной против диких зверей. Но Вольт пережил свой род, знал первых людей, а они знали его, знали его топор! Оставшись один, Вольт пожалел людей, и перед тем как уйти навсегда, своим топором он прорубил людям дорогу к знанию и могуществу. Кое-где до сих пор поминают Вольта с благодарностью, хотя и побаиваются его, как боятся всего, что превышает разумения. В иных же местах его ненавидят лютой ненавистью, потому что мудрость Вольта противостояла их низменным побуждениям. Так что одни поминают Вольта молитвой, другие — проклятьями, он Бог и Демон. Теперь мы воочию убедились, что он существовал и даже в чем-то походил на нас. Хотя, кто знает, какими неизвестными нам способностями он обладал.

— Эй, Вольт! — рука Кориса взметнулась вверх. — Я Корис, Капитан Гвардейцев Эскарпа, приветствую тебя и сообщаю, что свет мало изменился с тех пор, как ты покинул его. Мы все еще воюем, и мир у нас недолговечен. А сейчас на нас ползет тьма из Кольдера. И поскольку море лишило меня оружия, прошу, отдай мне свое! Если мне доведется встать лицом к лицу с кольдерами, я не посрамлю твоего славного топора!

Корис подошел к трону и решительно протянул руку. Саймон услышал приглушенное восклицание Дживина и шумное дыхание Танстона. Улыбаясь, Корис взялся за рукоять топора и осторожно потянул его на себя. Сидящий на троне казался совсем живым, и Саймон ожидал, что вот-вот костлявые пальцы сомкнутся и потянут топор обратно. Но этого не случилось. Топор легко перешел в руки Кориса и, казалось даже, будто тот, кто много столетий держал его, не только не противится, но и сам подталкивает оружие Корису.

Саймон ожидал, что рукоять топора прогнута и сейчас же переломится в руках Капитана, но тот взмахнул им и рубанул воздух — лезвие остановилось в каком-нибудь дюйме над каменным помостом. В

его руках оружие обрело новую жизнь, оно повиновалось воле Кориса.

— Благодарю тебя, Вольт! — воскликнул Капитан. — Никогда еще мои руки не держали такого прекрасного оружия. С ним я проложу путь к победе! Я, Корис с Горма, Корис Безобразный, но с твоей легкой руки, Вольт, я стану Корисом Завоевателем и твое имя вновь прозвучит по всей земле!

Наверное, голос Кориса поколебал столетиями недвижимый воздух пещеры: это было единственное разумное объяснение тому, что произошло в следующее мгновение. Фигура на троне вдруг кивнула, раз, другой, словно Вольт принимал клятву Капитана, и тут тело, еще мгновение назад казавшееся таким прочным, начало рассыпаться прямо на глазах.

Дживин в ужасе закрыл лицо руками, Саймон едва не вскрикнул. Вольт — если это и в самом деле был Вольт — перестал существовать, на троне осталась только горстка праха. Но топор — в руках Кориса! Первым оправился от изумления невозмутимый Танстон, обратившийся к своему командиру.

— Вольт исполнил свой долг, Капитан. Теперь твоя очередь. Хорошо, что с тобой его оружие. Оно принесет нам удачу.

Корис еще раз ловко взмахнул топором, и лезвие со свистом рассекло воздух. Саймон отошел от опустевшего трона.

Оказавшись в этом мире, он уже принял как должное колдовство женщин Эскарпа; оставалось принять и Вольта. Как бы то ни было, легендарный Топор Вольта не принес им ни воды, ни пищи.

— Если отсюда нет другого выхода, придется возвращаться на берег и попробовать обойти скалы морем, — заметил Танстон.

Но выход нашелся. Позади трона они увидели проход, заваленный землей и щебнем. Ножам и просто руками они принялись расчищать завал. Даже со свежими силами им пришлось бы нелегко, а тут... Единственное, что заставляло Саймона держаться — ужас перед возвращением в воду. Наконец, они уперлись в закрытую дверь.

Должно быть, она была сделана из какой-то очень прочной местной древесины. Но гниение не тронуло ее. Больше того, казалось, будто естественный химический процесс за долгие века превратил дерево в камень. Вперед выступил Корис.

— Это мое дело.

Вновь взлетел Топор Вольта. Саймон едва не вскрикнул, представив, как прекрасное лезвие топора расколется о камень, но раздался звон, и опять топор взмыл в воздух и вновь обрушился на дверь со всею силой могучих плеч Капитана.

Дверь раскололась, и часть ее упала наружу. Корис отошел в сторону, а остальные принялись расширять проход. В лицо им ударил яркий дневной свет, свежий ветерок разгонял затхлый воздух подземелья.

Разобрав остатки двери и продравшись сквозь заросли сухого бурьяна, они оказались на другой стороне утеса. Глазам их открылся луг с изумрудной весенней травой и маленькими желтыми цветами, разбросанными там и сям, словно золотые самородки.

И спуск к ручью. Не говоря ни слова, Саймон заковылял вниз, чтобы поскорее промочить пересохшее горло и смыть с тела едкую соль. Чуть позже, подняв от воды мокрую голову, он обнаружил, что Корис исчез. Саймон ни минуты не сомневался, что Капитан вышел из пещеры Вольта вместе со всеми.

— А где Корис? — он повернул голову к Танстону, который с наслаждением тер лицо пучком мокрой травы. Дживин, закрыв глаза, лежал на берегу ручья.

— Он вернулся к морю, — тихо сказал Танстон. — Гвардеец не должен оставаться открытым ветрам и воде, если о нем может позаботиться его командир.

Саймон пристыженно умолк. Он совсем забыл о мертвом воине, оставшемся на берегу. Хотя в гвардию Саймон вступил добровольно, он еще не чувствовал себя полноценным гвардейцем. Эскарп слишком древен, его жители, его колдуньи — слишком чужды ему. Что там обещал Петроний, уговаривая

воспользоваться его услугами? Что он отправится в мир, который ему по душе? Саймон солдат — он и попал в воюющий мир, но здесь воюют не так, и порой он чувствовал себя лишним.

Саймон вспомнил женщину, с которой бежал по болоту, не зная еще, что она колдунья... Иногда ему казалось, что они чем-то близки друг другу... Но сейчас не было и этого.

При бегстве из Сулькара она оказалась в другой шлюпке. Неужели ее постигла та же участь, что и других в безжалостном море? В нем шевельнулось незнакомое чувство, которому он решил не давать воли, чтобы оставаться в этом мире сторонним наблюдателем. Повернувшись на другой бок, он подложил под голову согнутую руку, заставил себя расслабиться и уснул.

Спал он чутко и недолго, потому что, когда проснулся, солнце стояло еще высоко. Пахло стряпней. На небольшом костерке под скалой Танстон жарил рыбу, нанизанную на прутья. Корис спал в обнимку с топором, его юное лицо осунулось от усталости. Когда он бодрствовал, этого никто не замечал. Дживин, лежа на животе у ручья, голыми руками ловил рыбу, доказывая тем, что он не только отличный всадник.

Когда Саймон приблизился, Танстон приподнял бровь.

— Вот твоя доля, — показал он на рыбу. — Здесь, конечно, не трапезная гвардейцев, но все-таки...

Саймон хотел уже приступить к еде, когда заметил напряженный взгляд Танстона и тоже посмотрел вверх. Над их головами описывала широкий круг черная птица с белым пятном на груди.

— Сокол! — выдохнул Танстон так, будто это слово означало опасность не меньшую, чем засада кольдеров.

2

СОКОЛИНОЕ ГНЕЗДО

Распластав крылья, как всякая хищная птица, сокол завис над ними. Разглядев болтающиеся на его лапках красные ленты, Саймон понял, что сокол не дикий.

— Капитан! — Танстон тряс за плечо Кориса. Тот сел и, как ребенок, стал тереть глаза кулаками.

— Капитан! Сокольникчи!

Корис задрал голову, потом встал, и заслонив глаза от солнца, некоторое время следил за парящей птицей. Затем Капитан свистнул, и Саймон подивился точному маневру сокола. Сложив крылья, он камнем упал вниз — прямо на рукоять Топора Вольта, лежавшего в траве. Сокол раскрыл клюв и хрипло заклекотал.

Капитан склонился над птицей, осторожно взяв пальцами одну из лент, привязанных к ее ноге. На солнце сверкнуло металлическое кольцо. Корис пригляделся к нему.

— Налин. Он где-то неподалеку. Лети, крылатый воин! — сказал Корис, обращаясь к соколу. — Мы одной крови с твоим хозяином, и между нами мир.

— Жаль, Капитан, что твоих слов не слышит этот самый Налин, — заметил Танстон. — Охраняя свои границы, сокольникчи сначала стреляют, а потом уж задают вопросы. Если, конечно, останется, кому их задавать.

— Именно так!

Эти слова раздались прямо у них за спиной. Гвардейцы резко повернулись, но не увидели ничего, кроме пустынного луга и скал. Неужели говорила птица? Дживин с сомнением поглядел на сокола, но Саймон, отказываясь верить в подобные чудеса, схватился за нож, единственное оружие, которое осталось у него при себе после бури.

Однако, Корис и Танстон сохраняли спокойствие — вероятно, чего-то в этом роде они и ожидали. Медленно и отчетливо, словно желая убедить невидимого слушателя, Капитан заговорил:

— Я Корис, Капитан Гвардейцев Эсткарпа, меня выбросило штормом на этот берег. Со мной трое гвардейцев: начальник караула Цитадели Танстон, Дживин и Саймон Трегарт, чужестранец, присягнувший на верность Эсткарпу. Клятвой Меча и Щита, Крови и Хлеба, я прошу убежища. Мы не враждуем, но и над вами нависла угроза.

Его слова эхом прокатились по скалам, и все стихло. Сокол вновь хрипло закричал и поднялся в небо.

— Теперь остается ждать либо проводника, либо иглы в спину, — мрачно заметил Танстон.

— От врага-невидимки? — спросил Саймон.

Корис пожал плечами.

— У каждого народа свои хитрости, и сокольникчи — не исключение. Если они вышлют проводника, считайте, что нам повезло. — Он принюхался. — А пока, давайте-ка лучше подкрепимся.

Саймон ел рыбу, но не сводил глаз с луговины у ручья. Его спутники, похоже, не особенно беспокоились, а он все пытался понять, откуда шел тот голос. Впрочем, в сложных ситуациях Саймон научился ориентироваться по поведению Кориса: раз Капитан спокоен, значит, серьезной опасности не предвидится. И все-таки Саймону хотелось узнать побольше о хозяевах этой земли.

— Кто они такие, эти сокольникчи?

— Подобно Вольту, — Корис ласково погладил рукоять топора, — они выходцы из легенды, хотя род их и не такой древний. Сначала они были просто наемниками, и прибыли сюда на кораблях сулькарцев, покинув свою родину из-за нашествия диких племен. Они служили у мореходов в охране и занимались в матросы. До сих пор некоторые молодые сокольникчи нанимаются на корабли. Но большинство из них

сейчас уже не думает о море: любовь к горам у них в крови, ибо горы — их родина. Вот почему однажды они пришли к Верховной Владычице Эсткарпа и предложили взять на себя защиту южных границ в обмен на позволение поселиться в наших горах.

— Это было выгодное предложение, — заметил Танстон. — Жаль, что Владычица не смогла принять его.

— Отчего же?

Корис мрачно улыбнулся:

— Саймон! Разве ты недостаточно прожил в Эсткарпе, чтобы понять, что там установлен матриархат? Сила Эсткарпа не столько в мечях его воинов, сколько в его женщинах. Только женщины владеют Даром колдовства. А у сокольничьих свои обычаи, и они дорожат ими ничуть не меньше, чем наши колдуньи — своими. Их мужчины живут в боевых отрядах, отдельно от женщин. Дважды в году избранные молодые воины отправляются в женские поселения, чтобы зачать новое поколение — так в загон к кобылам запускают жеребцов. У сокольничьих нет понятия о страсти, о любви между мужчиной и женщиной. Они и мысли не допускают, что женщина годна на что-либо еще, кроме как рожать им сыновей. Потому-то цивилизованному Эсткарпу они показались дикарями. Верховная Владычица заявила, что, если сокольничьи поселятся в пределах Эсткарпа, колдовской Дар его женщин пропадет. И сокольничьим было отказано в поселении. Но, снабдив их всем необходимым, Владычица разрешила им пересечь нашу страну, чтобы они ушли южнее и поискали себе другое место. Она объявила им, что, если они обоснуются за пределами Эсткарпа, колдуньи будут жить с ними в мире и не поднимут на них оружие. Но это было лет сто назад, а то и больше.

— И они укрепились в горах?

— Еще как! — воскликнул Танстон. — Трижды они отбивали нашествие полчищ из Карстена. Похоже, сами горы воюют на их стороне.

— Ты говоришь, Эсткарп не принял их союза, — заметил Саймон. — Тогда что это за Клятва Меча и Щита, Крови и Хлеба? Или все-таки между вами существует определенное взаимопонимание?

Корис сосредоточенно принялся вытаскивать из рыбы кости, но, не выдержав, улыбнулся, а Танстон просто расхохотался. Лишь Дживин выглядел несколько смущенным, словно речь зашла о таких вещах, о которых говорить вслух не следует.

— Сокольничьи же мужчины...

— Но ведь и гвардейцы Эсткарпа — тоже мужчины! — не отставал Саймон.

Корис мрачно усмехнулся, а Дживин нахмурился.

— Саймон, не пойми превратно. Мы глубоко почитаем Обладательниц Дара. Но по самой своей природе они далеки от нас и живут другими интересами. Ты ведь знаешь, когда колдунья становится настоящей женщиной, она теряет свой Дар. Поэтому они ревниво блюдут себя, оберегая Силу, составляющую весь смысл их жизни. Они гордятся тем, что они женщины. Для них сокольничьи, не признающие ни женскую гордость, ни их Дар, и видящие в женщине лишь бездуховную плоть, неприемлемы. Мы же, гвардейцы, хоть и не разделяем взглядов сокольничьих, но как воины уважаем их и между нами нет вражды. Гвардия Эсткарпа не ссорится с сокольничьими! А кроме того, — Корис выплюнул рыбью кость, — кажется, близок день, когда нам понадобится их помощь.

— Ты прав! — закивал Танстон. — Карстен постоянно угрожает нам. И хотим мы того или нет, если Карстен двинется на Эсткарп — между нами сокольничьи. Это все понимают. Может, потому Верховная Владычица и промолчала, когда после Большого Снегопада в прошлом году мы отправили зерно и скот в их селения.

— Там голодали женщины и дети, — заметил Дживин.

— Да. Запасы подошли вовремя, — добавил Танстон.

— Сокол! — Дживин указал рукой вверх, и они увидели зависшую над их стоянкой птицу. На этот раз сокол оказался предвестником небольшого пограничного отряда. Всадники подъехали и остановились,

глядя на гвардейцев.

У них были низкорослые кони, грубошерстные и выносливые, пригодные для езды по узким горным тропам. Седлами служили простые подушечки. У каждого всадника был раздвоенный рог, на котором сидела птица. Дозорный сокол, приведший сюда отряд, подлетел к предводителю всадников и сел на свое место.

Подобно гвардейцам Эсткарпа и сулькарцам, сокольничьи носили кольчуги, за спинами у них виднелись небольшие щиты. Шлемы их напоминали головы все тех же соколов, и хотя Саймон понимал, что в прорези забрала на него смотрят глаза обыкновенных людей, он чувствовал себя не очень уютно под этими взглядами.

— Я Корис, Капитан Гвардейцев Эсткарпа, — сказал Корис. Он стоял, опершись на топор, и ждал ответа.

Всадник, чей сокол только что вернулся к хозяину, поднял вверх правую руку в жесте, однозначном во все времена.

— Налин с гор! — раздался из-под шлема гулкий голос.

— Между нами мир, — полуутвердительно произнес Корис.

— Между нами мир. Владыка Крыльев примет Капитана Гвардейцев в Соколином Гнезде.

Саймон поначалу сомневался, что эти лошадки выдержат двойную тяжесть. Но, сев позади одного из сокольничьих, он убедился, что те крепко стоят на ногах и даже как будто не замечают дополнительной тяжести.

Горная тропа, ведущая в крепость сокольничьих, была явно не рассчитана на слабонервных — лишь усилием воли Саймон заставлял себя не закрывать глаза, когда они продвигались по краю пропасти и его ноги висели над каменной бездной.

Время от времени какая-нибудь птица поднималась в небо, улетала вперед, парила там над глубокими ущельями и снова возвращалась к своему хозяину. Саймона так и подмывало расспросить, как птицы общаются с людьми; ему казалось, что крылатые разведчики о чем-то докладывают своим хозяевам.

Наконец отряд спустился в ущелье, вдоль которого шла ровная широкая дорога. Но всадники пересекли ее и снова стали карабкаться по кручам. Саймон решил заговорить со своим напарником:

— Я здесь на юге впервые. Разве эта дорога не ведет через горы?

— Это торговый тракт. Мы его охраняем и только. Нам это выгодно. А ты тот самый чужестранец, что вступил в Гвардию Эсткарпа?

— Да.

— В Гвардию не берут простых наемников, — сокольничий помолчал. — Похоже, вас изрядно потрепало море.

— Люди не могут управлять бурей, — уклончиво ответил Саймон. — Мы живы... И на том спасибо.

— Благодарю судьбу, что вас не отнесло южнее. Грабители Верлена много чего вылавливают во время кораблекрушений, но не слишком-то заботятся о живых людях. Настанет день, — жестко продолжил всадник, — и Верлен убедится, что ни скалы, ни рифы не спасут его. Когда герцог наложит на замок свою лапу, там будут гореть не просто ложные маяки, там запылывает пожарище!

— А что, Верлен подвластен Карстену? — спросил Саймон. Он давно уже собирал факты вот так, по крупицам, чтобы составить себе представление об этом мире.

— По их обычаям дочь владыки Верлена должна выйти замуж за герцога, поскольку право владения у них передается по женской линии. Тогда герцог сможет присвоить себе все сокровища Верлена, награбленные с разбившихся кораблей. А может, и вообще приберет к рукам все побережье. С давних пор наши мечи служат мореходам, хотя морские сражения — чуждая нам стихия. Но судя по всему, скоро нас опять позовут.

— Вы воевали на стороне Сулькара?

Сокольников кивнул.

— Гвардеец, мы пришли сюда из-за моря на кораблях сулькарцев! И с тех пор по первому зову приходим им на помощь.

— Больше вас не позовут... — начал Саймон и пожалел о том, что распустил язык.

— Что ты хочешь сказать? Наши соколы летают далеко, но не до северных гор. Что случилось с Сулькаром?

Саймон замешкался с ответом. Вдруг зависший над ними сокол громко заклекотал.

— Слезай! — резко приказал всадник Саймону, и тот молча повиновался. Все четверо гвардейцев остались стоять на тропе, а верховые осторожно двинулись вперед. Корис подозвал к себе гвардейцев.

— Засада! Приготовиться к бою! — Вскинув топор на плечо, Капитан побежал вслед за удаляющимися всадниками так быстро, что лишь Саймону оказалось под силу не отстать от него.

Впереди слышались крики и лязг оружия.

— Карстенцы? — выдохнул Саймон, догнав Кориса.

— Вряд ли. В этих местах завелись разбойники. Налин говорит, что они совсем обнаглели. На мой взгляд, появление этих головорезов хорошо вписывается в общую схему. С севера угрожает Ализон, кольдеры давят с запада, здесь — разбойничьи банды, и подступает Карстен. Давно уже волки и стервятники мечтают вонзить когти в Эсткарп. Нас пока спасают только их взаимные распри. Да, есть народы, которые, переживая свой закат, уходят во тьму, но защищают остатки того, что им дорого.

— И это закат Эсткарпа? — на бегу спросил Саймон.

— Как знать... А вот и они!

Внизу на торговом тракте кипел бой. Сокольниковы спешили, поскольку узкое ущелье не давало всадникам преимущества. Они наступали плотной группой, вытесняя разбойников из засады на открытое место. Но в скалах прятались снайперы и осыпали сокольниковых градом игл.

Корис спрыгнул с карниза прямо на головы двум затаившимся снайперам. Саймон двинулся вдоль тракта; точно брошенный его рукой булыжник размоzzжил голову одному из разбойников. В одно мгновение он снял с пояса поверженного врага самострел и обоймы с иглами и тут же вступил в схватку.

Птицы тоже не остались в стороне: они с клекотом пикировали на разбойников, выклеывая тем глаза и раздирая когтями лица. Саймон стрелял без передышки, время от времени отмечая возгласом точное попадание. По мере того, как таких возгласов становилось больше, в душе Саймона понемногу рассеивалась горечь от поражения в Сулькаре.

Пронзительный сигнал рога перекрыл крики соколов, по ущелью яростно заметался разорванный флаг банды и уцелевшие разбойники начали отступление, уходя по скалам, где верховые сокольниковы не могли их преследовать. День клонился к вечеру, кругом ложились черные тени.

Разбойники оказались вне досягаемости людей, но скрыться от соколов было практически невозможно. Птицы парили над скалами и, нет-нет, камнем падали вниз, а последующий вопль доказывал, что еще один враг наказан. Саймон искал глазами Кориса. Тот все еще держал в руках обгагранный кровью топор, но при этом что-то оживленно обсуждал с одним из сокольниковых. Другие воины ходили между телами поверженных, время от времени они наклонялись и наносили короткий удар мечом, добывая раненых. Словом, делали то же самое, что Саймону уже довелось наблюдать после боя с кольдерами. Не желая смотреть на все это, он занялся подгонкой трофейной портупей.

На свист хозяев из темноты возвращались соколы. Двоих погибших сокольниковых положили на спину нервно вздрагивающей лошади. Многие были ранены, и их поддерживали товарищи. Но разбойники понесли значительно большие потери.

Саймон снова сидел верхом за спиной всадника, но этот сокольниковый не был расположен к разговорам. Он держался за раненую грудь и скрежетал зубами при каждом толчке.

Ночь быстро спустилась на горы, черные вершины заслонили небо, сгустилась тьма. Теперь они продвигались по широкой и довольно ровной, в отличие от предыдущей, тропе. Она привела их к крутому подъему — здесь сокольничьи основали свою крепость. Глядя на нее, Саймон даже присвистнул от восхищения.

В свое время его поразили древние стены Эсткарпа, которые, казалось, поднялись из земли в момент ее рождения. Удивил его и Сулькар, хоть и был он полускрыт пеленой липкого тумана. Но эта крепость была частью самой горы! Саймон догадался, что строителям удалось найти скалу, изрытую сетью пещер, которые оставалось только расширить и благоустроить, ибо Соколиное Гнездо было не просто крепостью, но горой, превращенной в крепость.

Всадники перешли подъемный мост, переброшенный через пропасть, которую, к счастью, скрывала тьма. Мост был настолько узок, что двигались по нему гуськом, и лишь оказавшись под сводами пещеры, Саймон перевел дух. Он помог спешиться раненому всаднику и огляделся в поисках гвардейцев. Неподалеку он заметил высокую фигуру темноволосого Танстона, потом увидел Кориса и Дживина, пробиравшихся к ним.

Казалось, хозяева на какое-то время позабыли о гостях. Лошадей увели, и сокольничьи, посадив своих соколов на кожаные перчатки, уходили в боковые проходы. Наконец, к ним подошел начальник пограничного отряда.

— Владыка Крыльев желает говорить с вами, гвардейцы. Кровь и Хлеб, Меч и Щит — к вашим услугам!

Корис подбросил топор, поймал его и с поклоном отвел лезвие в сторону:

— Меч и Щит, Кровь и Хлеб, сокольничий!

КОЛДУНЬЯ В КАРСЕ

Саймон проснулся, сел на своей узкой койке и сжал руками гудящую от боли голову. Ему снился какой-то кошмар, но в памяти не сохранилось ничего, кроме ощущения дикого ужаса. Придя в себя окончательно, Саймон обнаружил, что находится в келье — таковы были жилые помещения сокольничьих. Голова раскалывалась. Но, помимо боли, у него появилось ощущение настоятельной необходимости выполнить какой-то приказ. Или то была мольба о помощи...

Боль ослабла, но тревога нарастала, не позволяя больше оставаться в постели. Он набросил кожаную куртку, которую ему дали сокольничьи, и вышел. Близился рассвет.

Они находились в Соколином Гнезде пятый день, и Корис хотел уже пробиваться на север к Эсткарпу по горам, которые кишмя кишели разбойниками. Саймон понимал, что Капитан хочет уговорить сокольничьих пойти на союз с ними. Вернувшись в Эсткарп, он, конечно, употребит все свое влияние, чтобы убедить колдуний отказаться от предрассудков, и тогда храбрые воины горной страны, случись что, выступят на их стороне.

Суровых жителей гор опечалило известие о гибели Сулькара, и они немедленно начали приготовления к войне. В нижних этажах этой удивительной крепости день и ночь трудились кузнецы и оружейники. Хитроумные умельцы готовили те крошечные устройства, при помощи которых передавались сведения от сокола его хозяину. Устройство это являлось самой охраняемой тайной сокольничьих, поэтому Саймон так и не узнал, что это за приспособление.

В этом мире подобные неожиданности часто ставили Саймона в тупик. Как-то не укладывалось в голове, что люди, воюющие мечами, способны в то же время изобрести довольно изощренные средства связи. Такие несоответствия в уровне знаний и технологии сбивали его с толку. Устройство сокольничьих, способное передавать изображение и звук, поразило его куда больше, чем колдовство женщин Эсткарпа.

Колдунья Эсткарпа... По каменным ступеням Саймон поднялся на сторожевой пост. Туман уже сошел, и взору его открылась величественная горная цепь. За перевалами отсюда была видна и страна за горами. Саймон знал, что это Карстен.

Карстен! Он так задумался, что совсем забыл о часовом, который вдруг спросил:

— У тебя есть сообщение, гвардеец?

Сообщение? Это слово как-будто что-то сдвинуло в его мозгу. На мгновение к нему опять вернулась головная боль, словно напоминая: он должен что-то сделать. Да, несомненно, это предчувствие, но не такое, как на пути в Сулькар — сейчас в нем было не предупреждение, а призыв. Пусть Корис с гвардейцами едет на север, если ему так нужно, но Саймон отправится на юг. Окончательно перестав противиться этому тревожному призыву, он решил слепо подчиниться ему.

— Какие вести с юга? — спросил он часового.

— Спроси Владыку Крыльев, гвардеец, — часовой подозрительно взглянул на Саймона. Тот повернулся и направился к лестнице.

— Обязательно спрошу!

Но прежде чем идти к командиру сокольничьих, Саймон разыскал Капитана. Корис готовился к походу на север.

— Что случилось? — Капитан поднял голову от седельной сумки.

— Смейся, если хочешь, — коротко сказал Саймон, — но я отправляюсь на юг.

Корис уселся на край стола, покачивая ногами.

— Что это тебя в Карстен потянуло?

— Вот именно — потянуло! — Саймон попытался объяснить словами возникшее ощущение. Особым

красноречием он никогда не отличался, но тут обнаружил, что и себе-то самому толком объяснить ничего не может. — Меня тянет, и все...

Корис перестал болтать ногами, красивое лицо его стало суровым.

— С каких пор... И как это тебя «тянет»? — жестко спросил он. Так командир требует отчета от своего подчиненного.

Саймон выложил все как есть.

— Мне снился сон, а когда я проснулся, то ничего не мог вспомнить. Но вот только что со сторожевого поста увидел Карстен и понял, что мне нужно именно туда.

— А сон?

— Какой-то кошмар... не помню, не могу объяснить.

Корис ударил кулаком по ладони.

— Ладно! Дорого бы я дал, чтобы Дар твой был посильнее! Но раз тебя тянет — мы отправляемся на юг!

— Мы?

— Танстон и Дживин поедут с известиями в Эсткарп. Пограничный силовой барьер кольдерам пока не по зубам. Танстон временно заменит меня на посту Капитана Гвардейцев. Пойми, Саймон, я же с Горма! А Горм теперь воюет с Эсткарпом, хотя это уже мертвый, захваченный демонами Горм. С тех пор как Верховная Владычица дала мне приют, я верой и правдой служил Эсткарпу, но и теперь не отступаюсь! Только кажется, пришло время, когда пользы от меня будет больше за его границами. Как знать, — лицо Кориса потемнело, словно от тяжких сомнений, — может, именно через меня, поскольку я с Горма, кольдеры ударят в самое сердце Эсткарпа. Ты же видел, что они сотворили с людьми, которых я хорошо знал. И никто не ведает, на что еще способны эти демоны. Они же напали на Сулькар с воздуха!

— Но, может, это и не колдовство? — заметил Саймон. — В моем мире полеты — обычное дело. Интересно посмотреть, как они это делают, многое прояснилось бы...

Корис усмехнулся.

— Можешь не беспокоиться, нам еще не раз предоставится возможность познакомиться с их хитростями. Пойми, Саймон, неспроста тебя на юг потянуло! А два меча, вернее, — с улыбкой поправился он, — топор и самострел, это значительно лучше, чем просто один самострел. Сам по себе зов с юга — добрый знак. Значит, та, что бежала с нами из Сулькара, жива и зовет нас на помощь.

— С чего ты взял? — Саймон и сам подумывал об этом, а уверенность Кориса разогнала все сомнения.

— Обладающие Даром способны посылать мысленные сообщения, подобно тому, как сокольничьи посылают своих соколов. Такое сообщение, встретив на своем пути родственный разум, вызывает к нему и предупреждает. Я уверен, Саймон, что зовет тебя колдунья, которую ты спас от ализонцев, поскольку именно с тобой у нее, похоже, установился контакт. Ты, Саймон Трегарт, не нашей крови, и в твоём мире, как видно, Даром обладают не только женщины. Разве не ты первым почуял засаду по дороге в Сулькар? Ничуть не хуже колдуньи! Мне все ясно, едем в Карстен! Колдовство колдовством, но мы с тобой и сражались бок о бок! Сейчас я отдам распоряжения Танстону и передам с ним послание Верховной Владычице. А потом мы с тобой займемся настоящим делом.

Облачившись в кольчуги и вооружившись трофейным оружием, они отправились на юг по торговому тракту, ведущему в Карс. Их щиты без герба должны были свидетельствовать о том, что они свободные наемники. Дозорный отряд сокольничьих проводил их до границ горной страны.

Всю дорогу Саймона терзали сомнения. Не ошибся ли он? Однако, ощущение необходимости двигаться на юг не оставляло его, хотя кошмаров он больше не видел. Просыпаясь по утрам, он с нетерпением пускался в путь.

И чем дальше они углублялись в Карстен, тем больше и богаче были селения, расположенные в

плодородных долинах широких рек. Многие местные феодалы предлагали двоим воинам с севера поступить к ним на службу. Корис только презрительно усмехался, услышав размеры предлагаемого жалованья. Его высокомерие, видимо, вызывало не меньшее уважение, чем огромный боевой топор. Саймон обычно помалкивал, но все время был начеку. Он запоминал местность, присматривался к обычаям и образу жизни карстенцев. Когда они с Корисом оставались вдвоем, он засыпал Капитана градом вопросов.

Тот рассказал ему в нескольких словах, что некогда здесь обитал народ, родственник жителям Эсткарпа. И в самом деле, то и дело встречающиеся по пути темноволосые карстенцы с бледными, хорошо очерченными лицами напоминали Саймону людей севера.

— На них обрушилось проклятие Силы, — пояснил Корис.

— Проклятие?

Капитан пожал плечами.

— Тому причиной сама природа колдовского Дара. Его обладательницы не могут иметь детей. Женщин, желающих выйти замуж и рожать детей, год от году становится у нас все меньше. Девушка, достигшая брачного возраста, может выбирать в Эсткарпе из двадцати мужчин. Да и бездетных семей хватает. Так было и здесь. Поэтому, когда сюда пришли дикие племена, они без особого труда захватили побережье и постепенно прибрали к рукам всю страну. Древние роды откочевали на окраины. С течением времени у завоевателей выдвинулись военачальники. Они становились герцогами. Нынешний герцог Карстена поначалу был простым наемником. Но, благодаря своему уму и воинскому искусству, он добился высшей власти.

— Та же участь ожидает и Эсткарп?

— Возможно. Но кровь народа Эсткарпа смешалась с кровью сулькарцев, которые одни, по-видимому, могут иметь детей от женщин Эсткарпа. Так что на севере древняя кровь несколько обновилась. Однако, все это не так уж и важно. Ныне самая большая угроза исходит от Горма... Саймон! Как тебе нравится город, к которому мы приближаемся? Это Гартгольм, а за рекой — уже Карс.

— Нам в Карс, — помолчав, ответил Саймон. — Меня по-прежнему что-то давит.

Корис нахмурился.

— Значит, нам следует двигаться осторожно и поглядывать по сторонам. Даром что герцог не из благородных, но он далеко не глуп. В Карсе немало глаз и ушей, которые будут следить за каждым шагом двух новоприбывших наемников, особенно, если мы не поспешим встать под его знамена.

Саймон задумчиво смотрел на баржи, стоящие у городского причала.

— Вряд ли кого заинтересует раненый наемник. Разве не в Карсе живут лучшие лекари, пользующие воинов, искалеченных в битвах? Скажем, зачем герцогу полуслепой вояка, у которого помутилось зрение от удара по голове?

— И которого привез подлечиться в Карс его товарищ! — подхватил Корис. — Славно придумано, Саймон! И кто же будет этим несчастным?

— Скорее всего, я. В такой роли мне легче не вызвать подозрений у людей герцога.

Корис одобрительно кивнул.

— Коней мы продадим здесь. Они слишком явно свидетельствуют о том, что мы пришли с гор: в Карсе к горам относятся с большим подозрением. Дальше отправимся по реке на барже.

Капитан немедленно занялся продажей лошадей, и вскоре они с Саймоном уже поднялись на баржу, где Корис пересчитал клинообразные кусочки металла, служившие в Карстене деньгами. Он ссыпал их в кошелек и усмехнулся.

— В моих жилах течет кровь торговцев, и сейчас я лишний раз доказал это, продав коней втридорога. Нам хватит и на еду, и на то, чтобы в Карсе, если понадобится, сунуть в чью-нибудь жадную лапу. — Капитан положил на скамью сумку и топор, с которым не расставался с тех самых пор как взял его из рук

Вольта.

Больше суток провели они на барже, которая неторопливо спускалась по реке. На закате второго дня, когда показались стены и башни Карса, Саймон вновь сжал голову руками — ее пронзила невыносимая боль. К счастью, боль была непродолжительной, а когда исчезла, в голове у Саймона остался зрительный образ: плохо мощный переулок, стена и дверь в ней. Вот она — их цель, что находится в Карсе.

— Снова, Саймон? — рука Капитана опустилась ему на плечо.

— Да... — Саймон смотрел на кровавый закат над рекой. Где-то в городе он должен отыскать этот переулок, эту стену и дверь, и там встретит ту, которая ждет.

— Узкий переулок, стена, дверь...

Корис все понял.

— Маловато, — заметил он. Капитан напряженно смотрел в сторону города, словно силой воли хотел преодолеть расстояние, разделяющее баржу и гавань.

Вскоре они были уже на пристани и направились к городским воротам. То и дело спотыкаясь, Саймон старательно разыгрывал из себя полуслепого. Нервы его были напряжены, и весь он был охвачен одним желанием — отыскать нужный переулок. Ниточка, которая вела его сюда через всю страну, теперь превратилась буквально в прочный канат.

Корис поведал у ворот трогательную историю о ранении Саймона, незаметно сопроводив рассказ щедрым даром начальнику охраны, после чего их беспрепятственно пропустили в город. Едва они завернули за угол, Корис презрительно фыркнул:

— Приди наемник, подобный нам, к воротам Эскарпа, я отправил бы его восвояси, даже имени не спросив. Доходили слухи, что герцог в последнее время очень изменился. Но я не думал, что он настолько распустил своих людей.

— Говорят, любого человека можно купить, — заметил Саймон.

— Верно. Но хороший командир знает цену своим людям и доверяет им соответственно. А эти продаются задешево. Впрочем, за хорошие деньги они хорошо сражаются. В чем дело, Саймон? — быстро спросил Капитан, поскольку тот внезапно остановился.

— Мы идем не в ту сторону. Нам надо на восток.

Корис прошел немного по улице и вернулся.

— Через четыре дома переулок, а ты уверен, что нам туда?

— Уверен.

На случай, если начальник охраны окажется все-таки более бдительным, Корис продолжал вести Саймона медленно, придерживая его под руку. Пройдя переулок, они вышли на другую улицу. Саймон скрывался в подворотне, пока Корис прошел назад, чтобы проверить, нет ли за ними слежки. Несмотря на свою запоминающуюся внешность, Капитан умел каким-то образом оставаться незамеченным. Вскоре он вернулся.

— Если за нами следят, то они работают почище моих разведчиков, во что я не верю! Надо побыстрее уходить отсюда, пока нас никто не приметил. Нам все еще на восток?

Тупая боль в голове Саймона то усиливалась, то ослабевала, и он ориентировался по ней совсем как в игре «горячо-холодно». Когда они вошли в очередной кривой переулок, боль усилилась. Вдоль переуллка шли глухие стены домов, редкие окна которых были темны и занавешены.

Они ускорили шаг. Саймон с опаской поглядывал на окна. Наконец, он увидел дверь — ту самую дверь из видения. Он тяжело дышал, стоя перед ней, но не от усталости; не от быстрой ходьбы, а, скорее, от внутреннего напряжения. Собравшись с духом, он постучал.

Однако, ответа не последовало, и это весьма озадачило Саймона. Тогда он толкнул дверь, но она была заперта.

— Ты не ошибся? — спросил Корис.

— Нет!

Саймон твердо знал: то, что привело его сюда, находится по ту сторону двери, которая снаружи не имела даже ручки.

Корис отступил на пару шагов, измеряя взглядом высоту стены.

— Когда стемнеет, тут можно перелезть, но сейчас нас могут заметить.

Однако, позабыв всякую осторожность, Саймон забарабанил по двери кулаками. Корис схватил его за руки.

— Ты что, хочешь собрать сюда все войско герцога? Давай отсидимся в таверне, а ночью вернемся.

Едва он договорил, за дверью послышались шаги. Корис насторожился, приготовив к бою топор, а Саймон нащупал рукоять самострела. Дверь слегка приоткрылась, и послышался негромкий голос.

За полуоткрытой дверью стоял стройный юноша в кольчуге и шлеме, скрывающем верхнюю часть лица. Он был невысок — даже ниже Кориса.

Он перевел взгляд с Саймона на Кориса, и вид Капитана, очевидно, его успокоил, так как юноша отступил назад и знаком предложил им войти. Они вошли в сад, миновали аккуратные клумбы, где чернели высокие стебли побитых заморозком цветов, затем высохший фонтан с многовековой рыжей накипью по краям. Каменная птица с отбитым клювом тщетно пыталась увидеть свое, давно несуществующее отражение.

Потом они вошли в дом, и в глаза им ударил яркий гостеприимный свет. Юноша замешкался у калитки, запирая ее, но в доме их уже ждали.

Саймон видел эту женщину в лохмотьях, когда она убегала по болоту от охотничьих псов; видел ее в Эсткарпе на Совете в строгом платье, соответствующем ее высокому положению; видел облаченной в кольчугу, когда рядом с ней ехал верхом в Сулькар. Теперь она стояла перед ним в пурпуре и золоте, с бриллиантами на пальцах, с жемчужной сеточкой поверх коротко стриженных волос.

— Саймон! — Женщина не протянула к нему рук, не поприветствовала, она лишь назвала его по имени, но на душе почему-то стало тепло и спокойно. — О, и Корис! — она заговорила ласково, шутливо, имитируя интонации придворных дам. — Вы пришли, рыцари, за советом к Карсской Пророчице?

Корис опустил топор и сбросил с плеч седельные сумки.

— Мы пришли по твоему зову, точнее, Саймон привел. А вот зачем — надеемся услышать от тебя. Как бы то ни было, хорошо, что тебе удалось спастись, госпожа.

Саймон молча кивнул. И на этот раз он не смог найти слов, чтобы выразить охватившее его чувство.

ПРИВОРОТНОЕ ЗЕЛЬЕ

Корис опустил кубок и выдохнул:

— Сначала постель, какой не может похвалиться ни одна казарма, затем — две таких трапезы! Подобного вина я не пробовал с тех пор, как покинул Эсткарп, да и давненько я не сидел за столом в столь милой компании.

Колдунья тихо захлопала в ладоши.

— Какие манеры, Корис! Однако, вы оба терпеливы. За два дня ни один из вас не спросил, чем мы тут в Карсе занимаемся, под этой крышей.

— Под этой крышей... — задумчиво повторил Саймон. — Здесь случайно не посольство Эсткарпа?

Колдунья улыбнулась.

— Довольно остроумно, Саймон, ты почти прав, только мы здесь — инкогнито. В Карсе уже есть одно посольство Эсткарпа и там живет самый настоящий посол, не имеющий к колдовству ни малейшего отношения. Он присутствует на официальных приемах, обедает у герцога во время празднеств и вообще имеет безупречную репутацию. Ко посольство расположено совсем в другом конце города. А мы здесь...

Колдунья замолчала, и Корис шутливо заметил:

— Кабы не нужна была наша помощь, не болела бы у Саймона голова. Нам что, нужно выкрасть Ивиана? Или просто проломить парочку черепов?

Юноша, которого колдунья называла Брайантом, двигался по комнате легко, большей частью помалкивал, однако, всюду поспевал. Колдунья до сих пор не удосужилась рассказать гвардейцам, кто он такой и откуда взялся. Брайант потянулся к вазочке с печеньем. Без кольчуги и шлема он выглядел довольно щуплым и слишком юным, чтобы хорошо владеть оружием, висевшим у него на поясе. Но его решительный взгляд и плотно сжатые губы говорили о том, что колдунья знала, кого выбирала себе в помощники.

— Что скажешь, Брайант? — обратилась она к нему. — Не притащить ли сюда Ивиана? — В ее вопросе прозвучало озорство.

Не переставая грызть печенье, юноша пожал плечами.

— Ну если тебе хочется его видеть... А мне не очень.

Брайант произнес это с ударением на слове «мне», что не ускользнуло от внимания мужчин.

— Нет, герцог нам пока не нужен, — усмехнулась колдунья. — Пожалуй, мы займемся его дамой...

Корис присвистнул.

— Альдис! Не думал я...

— Что нам есть дело до возлюбленной герцога? Ты, Корис, заблуждаешься, как и все мужчины. У меня есть все основания познакомиться поближе с этой Альдис. К тому же имеется отличный повод заманить ее сюда.

— Эту шлюху? — воскликнул Саймон.

— Ее положение в герцогстве держится исключительно на благоволении Ивиана. Пока герцог прикован к ее постели, она может властвовать, хотя нарядами и драгоценностями тоже не брезгует! Мужчины, добивающиеся осуществления своих планов, идут на поклон к Альдис, даже люди из старой знати! Что же касается женщин знатных родов — Альдис жестоко мстит им за прежние обиды. Когда она добилась внимания Ивиана, ей поначалу было вполне достаточно богатых подарков и роскоши. Лишь потом, со временем, потребности ее возросли. Но без герцога Альдис — не больше чем портовая девка, и она это прекрасно понимает.

— А что, Ивиан уже воротит от нее нос? — поинтересовался Корис.

— Герцог женился!

Саймон следил за рукой Брайанта, потянувшейся было к вазочке с печеньем. Рука резко изменила направление, и вместо печенья юноша взял кубок с вином.

— В горах сказали, что Ивиан женился на наследнице Верлена.

— Да, брачный договор на топоре, — усмехнулась колдунья. — Герцог даже не видел свою молодую жену.

— Стало быть, Альдис опасается соперничества. Если молодая жена окажется еще и красавицей... — небрежно сказал Саймон и перехватил косой взгляд Брайанта.

— Она не красавица! — бросил юноша с таким вызовом, что Саймон несколько смутился. Кто он, этот Брайант? Где откопала его колдунья? Может, он влюблен в наследницу Верлена или рассчитывал на наследство, и теперь злится, что остался на бобах?

Колдунья рассмеялась.

— Ну, это дело вкуса. А ты вероятно прав, Саймон. Я думаю, с тех пор как Альдис узнала о женитьбе Ивиана, она плохо спит по ночам, мучаясь сомнениями, долго ли еще герцог будет держать ее подле себя. Если это так, то она вполне созрела для наших целей.

— Я готов поверить, что в такой ситуации Альдис станет искать помощи, — заметил Саймон. — Но почему именно у тебя?

Колдунья укоризненно покачала головой:

— Конечно, мне нельзя действовать здесь открыто, как колдунье из Эскарпа, но в Карсе я не впервые, и у меня есть определенная известность. Видишь ли, мужчины и женщины, а особенно женщины, всегда желают знать, что их ждет. За последние три дня ко мне дважды приходили служанки Альдис под чужими именами и с вымышленными историями. Когда же я назвала их настоящие имена и кое-что о них рассказала, девицы с круглыми глазами побежали к своей госпоже. Поэтому можно не сомневаться, скоро заявится и сама Альдис.

— Но зачем она тебе, если ее влиянию на герцога скоро придет конец?.. — Корис помотал головой. — Женщин вообще-то трудно понять, а сейчас я совсем запутался. Наш враг — Горм, а не Карстен! По крайней мере, мне так казалось.

— Горм! — За внешним спокойствием колдуньи таилась буря эмоций. — Горм всюду тянет свои грязные лапы!

— Ничего не понимаю! — Корис тяжело опустил кулаки на стол. — Как Горм может дотянуться до Карстена?

— Вернее сказать — Карстен тянется к Горму, проще — продает им людей! — возбужденно произнесла колдунья и закрыла лицо руками. — Мы уже видели в Сулькаре, что кольдеры сделали с воинами Горма, превратив их в послушное оружие. Но Горм всего-навсего маленький остров, и прежде чем он пал, многие его защитники погибли, лишь оставшихся в живых сделали... одержимыми.

— Верно! — Корис помрачнел. — Едва ли на Горме они взяли много пленных.

— Вот именно. А когда Магнус Осберик взорвал Сулькар, то, наверное, прихватил с собой немало таких заводных солдатиков, сослужив последнюю службу своему народу.

— Должно быть, с живой силой у кольдеров туговато, — полувопросительно сказал Саймон, напряженно обдумывая различные варианты.

— Очень на то похоже. Во всяком случае, сами они почему-то не могут или не хотят воевать. Даже сейчас, когда кольдеры стоят буквально у нас на пороге, мы почти ничего о них не знаем. Верно одно — они покупают людей!

— Но из рабов плохие воины, — заметил Саймон. — Кроме того, дай рабам в руки оружие — и они

восстанут.

— Саймон, Саймон, неужели ты забыл о засаде под Сулькаром? Подумай сам, разве такие люди могут восстать? Нет, кто марширует под гром боевых барабанов Кольдера, не имеет собственной воли. К тому же достоверно известно, что последние шесть месяцев в гавань Карса заходят баркасы, на которые грузят заключенных из тюрем герцога. Иногда хватают прохожих на улице или в порту, и особенно тех, за кого некому заступиться, либо кого не сразу хватятся. А такие дела долго не утаишь — один сболтнет здесь, другой там — так по словечку мы и вызнали все. Людей продают кольдерам! Но если так обстоят дела в Карстене, то отчего не быть тому же в Ализоне? Теперь по крайней мере я поняла, почему моя миссия там не удалась и меня так быстро раскрыли. Они сумели выследить меня, как собаки, что гнались за нами по болотам. В общем, сейчас мы совершенно уверены, что Кольдер собирает на Горме войско, чтобы совершить вторжение на материк. Тогда, пожалуй, и Карстен, и Ализон поймут, что поставляли на Горм оружие для собственного уничтожения. Собственно, Альдис нужна, чтобы узнать все подробности этой грязной торговли с Гормом, она ведь не может вестись без ведома и согласия герцога.

Корис заерзал на стуле.

— Госпожа! Воины тоже любят поболтать, и если наемник пройдет по кабачкам, да с туго набитым кошельком, он может принести свежие новости.

Колдунья с сомнением посмотрела на него.

— Ивиан далеко не глуп. У него повсюду есть глаза и уши. Стоит только человеку вроде тебя, Капитан, показаться в кабаке — и это сразу станет известно герцогу.

Кориса ее замечание несколько не смутило.

— Разве Корис с Горма не потерял своих людей и свою репутацию в Сулькаре? Не бойся, госпожа, на случай расспросов у меня готова отличная легенда. А тебе, — Корис перевел взгляд на Саймона, — лучше не показываться на людях, чтобы не мозолить глаза. Наверняка история, рассказанная у городских ворот, всю уже пошла гулять по городу. А как насчет молодого человека? — Капитан покосился на Брайанта.

К удивлению Саймона, невозмутимый юноша мягко улыбнулся и взглянул на колдунью, как будто спрашивал у нее разрешения. Та лукаво улыбнулась в ответ.

— Брайант, конечно, не рубака, дорогой Капитан, но мы знакомы давно, и уверяю тебя, не стоит недооценивать его искусство владения мечом. Я думаю, он еще удивит вас — и не раз!

Корис засмеялся.

— Ну, госпожа, если это говоришь ты, значит, так оно и будет. — Он потянулся за топором.

— А эту игрушку лучше оставить дома, — остановила Кориса колдунья. — Ее-то уж обязательно приметят. — Она положила руку на рукоять.

Пальцы колдуньи словно примерзли к топору, и Саймон впервые за все их пребывание здесь увидел, что она выведена из равновесия, больше того — потрясена!

— Откуда это, Корис? — Голос колдуньи дрогнул.

— Разве ты не знаешь, госпожа? Топор перешел ко мне по доброй воле от того, о ком сложены легенды. И я готов отдать за него жизнь!

Женщина отдернула руку, будто обожглась.

— По доброй воле?

Корис вспыхнул.

— В таких случаях я не имею привычки лгать! Я принял топор, и он будет служить только мне!

— Тогда, тем более, не таскай его по улицам Карса. — Это был наполовину приказ, наполовину — просьба.

— Хорошо, но покажи мне здесь укромное местечко, где я могу его оставить, — с большой неохотой согласился Капитан.

Колдунья на минуту задумалась, потирая пальцем подбородок.

— Ладно, сходи в город, я надеюсь услышать от тебя подробный отчет. Ступай за мной, я покажу тебе укромное местечко.

Саймон и Корис прошли за ней в комнату, стены которой были увешаны старинными гобеленами с едва различимым уже рисунком. Колдунья отогнула один из гобеленов, открыв деревянную панель с резным рельефом диковинного зверя. За панелью была скрыта ниша, в угол которой Корис и поставил свой топор.

Точно так же, как Саймон ощутил груз столетий в древнем Эсткарпе, так же, как уловил нечто сверхчеловеческое в пыльном Склепе Вольта, сейчас он, казалось, кожей почувствовал какое-то странное излучение, идущее от стены. Во всяком случае, по телу у него побежали мурашки.

Несмотря на то, что Корис так трясся над своим сокровищем, колдунья с самым безразличным видом закрыла нишу, словно там осталась обыкновенная метла. Брайант невозмутимо стоял у входа в комнату. Саймон пытался разобраться в своих ощущениях, все еще ничего не понимая, и когда все вышли, он задержался, чтобы осмотреть комнату.

Мебели почти не было, только кресло черного дерева с высокой спинкой стояло тут, словно взятое из зала для аудиенций, и напротив него, черного же дерева — стул. Между ними на полу были разложены довольно странные предметы, принесенные сюда непонятно зачем. Разглядывая их, Саймон задумался...

Сначала его внимание привлекла небольшая, на пригоршню угля, жаровня, что стояла на отполированной доске. Затем он перевел взгляд на глиняную чашку с каким-то сероватым порошком, на пузатую склянку... Да... никакой мебели, и все эти странные вещи...

Он не слышал, когда вернулась колдунья. Пристально глядя на него, женщина вдруг спросила:

— Кто ты, Саймон?

Он обернулся.

— Ты же все знаешь, ты же присутствовала тогда... Да и невозможно солгать при вашем-то способе собеседования!

— Верно, ты не лгал. Но я все-таки спрашиваю вновь — кто ты, Саймон? По дороге в Сулькар ты раньше меня почувствовал засаду. Но ты же мужчина! — Колдунья опять потеряла самообладание. — И ты почувствовал, ты ведь понял, что делается здесь.

— Не совсем. Я только знаю, что здесь присутствует что-то невидимое — но оно, тем не менее, существует.

— Вот! — колдунья сжала кулаки. — Ты не должен этого чувствовать, но все-таки чувствуешь! Я здесь колдую, чтобы узнать, о чем думают и чего хотят люди, приходящие ко мне, но я далеко не всегда прибегаю к этой Силе, которая сильнее моей. Три четверти моего Дара — это наваждения, в Сулькаре ты имел случай видеть это. Мое колдовство не призывает ни демонов, ни пришельцев из других миров. Но есть иная Сила — и она иногда приходит на мой зов. Тогда я могу творить самые настоящие чудеса! Могу, например, предвидеть несчастья, хотя и не всегда знаю, откуда они придут, могу вызвать разрушения... И клянусь жизнью — это уже не наваждения!

— Верно, — сказал Саймон. — И в моем мире случались события, которые никак не укладываются в рамки здравого смысла.

— И это делают ваши женщины?

— Нет, и мужчины тоже. Некоторые мои солдаты предвидели несчастья, смерть, свою или чужую. Я знал старинные дома, где тоже таилось нечто такое, чего нельзя увидеть, но только чувствуешь — нечто не менее странное, чем то, что скрывается здесь.

Колдунья смотрела на Саймона с нескрываемым изумлением. Затем ее рука начертила в воздухе между ними какой-то знак, и тот на мгновение вспыхнул огнем.

— Ты видел?

Было ли в ее голосе обвинение или радостное признание, Саймон не успел понять: на весь дом загремел гонг.

— Альдис! И с ней наверняка охрана! — Колдунья подошла к стене и открыла нишу, где был спрятан топор Кориса. — Прячься! — приказала она. — Они непременно обыщут дом, и будет лучше, если тебя не увидят.

Времени на возражения не оставалось, и Саймон с трудом втиснулся в не очень-то просторное укрытие. Колдунья быстро задвинула панель, и он оценил, как прекрасно приспособлено это место для наблюдений: в резном орнаменте панели были просверлены отверстия как для доступа воздуха, так и для подглядывания.

Заточение произошло настолько быстро, что Саймон не успел опомниться, а когда попытался было сдвинуть панель с места, то обнаружил, что изнутри она не открывается и он практически замурован в этой камерке вместе с Топором Вольта. Оставалось только ждать, когда колдунья соизволит выпустить его отсюда.

Саймон с раздражением прильнул к одному из глазков, чтобы посмотреть, что делается снаружи. Как раз в этот момент двое воинов, втолкнув в комнату колдунью, принялись рыскать по всем углам, отдергивая гобелены.

Глядя на них, женщина рассмеялась и с сарказмом бросила через плечо кому-то, ожидавшему на пороге комнаты:

— Похоже, в Карсе на слово не верят. Бывало ли такое, чтобы обитатели этого дома впутались в неблагоприятное дело? Твои ищейки, госпожа, не найдут здесь ничего, кроме пыли и паутины. Признаться, я не очень хорошая хозяйка. Но мы просто теряем время.

Саймон восхитился ее актерским искусством: колдунья говорила об обыске, как о детской шалости, намекая своей собеседнице, что пора прекратить это ребячество, коль скоро они намерены заняться серьезным делом.

— Гальсфрик! Доннар!

Воины встали по стойке смирно.

— Если хотите, ищите в других комнатах, а нас оставьте в покое!

Ищейки вытянулись в струнку у двери, и в комнату вошла женщина, которую Саймон, наконец, увидел. Она сбросила с плеч роскошный плащ, а колдунья, плотно прикрыв за воинами дверь, повернулась к ней:

— Добро пожаловать, госпожа Альдис!

— Как ты верно заметила, женщина, мы теряем время. — Слова прозвучали резко, но все-таки бархатный голос вошедшей мог обворожить любого мужчину.

Возлюбленная герцога вовсе не походила на пышную, перезрелую портовую девку, как ее представила им колдунья. Напротив, это была еще не вполне сформировавшаяся девушка с небольшой высокой грудью, скромно прикрытой складками платья. В ее внешности весьма противоречиво присутствовали сладострастие и холодность одновременно, и, разглядывая Альдис, Саймон понял, почему ей удастся удерживать подле себя сластолюбца герцога.

— Ты сказала Фирте... — снова те же резкие нотки, обернутые в бархат.

— Я сказала твоей Фирте, что могу сделать и что я за это хочу! — колдунья заговорила не менее резко, чем ее посетительница. — Ты принимаешь мои условия?

— Я приму их не раньше, чем ты докажешь свои способности. Дай мне то, что я хочу, а потом называй свою цену.

— Хороший же у тебя способ торговаться, госпожа. Все преимущества на твоей стороне.

Альдис улыбнулась.

— Раз ты утверждаешь, что у тебя есть сила, значит, ты можешь не только помогать, но и заставлять, мудрая женщина. В таком случае, я для тебя легкая добыча. Говори, что мне делать, и не тани, я могу доверять тем, за дверью, лишь до тех пор, пока их жизнь висит на кончике моего языка. Но в Карсе есть и другие языки!

— Дай руку! — колдунья взяла чашку с порошком. Альдис протянула унизанную кольцами руку, и колдунья уколола ее иглой, вынутой из складок платья. Когда капля крови упала в чашку, она долила туда жидкости из бутылки и все перемешала. Затем колдунья раздула огонь под жаровней.

— Сядь. — Она указала Альдис на стул, и, едва та села, положила ей на колени доску и поставила на нее жаровню.

— Думай о том, кого желаешь! Думай только о нем, госпожа!

Месиво в чашке, словно тесто, стало подниматься над огнем, и колдунья запела. Саймон почувствовал, что тревожное чувство, охватившее его, когда колдунья начертила в воздухе огненный знак, схлынуло и стало исчезать.

В ее пении таилось нечто чарующее, навевающее сладкие грезы, будоражащее воображение. Саймон прикусил губу. Это волнение исходило от женщины, которую он, казалось, начал понимать. Но подобные чары, скорей, присущи Альдис и ей подобным женщинам, а от бесстрастной колдуньи Эсткарпа он такого не ожидал! Пение все сильнее действовало на Саймона, и тогда он закрыл ладонями уши, чтобы не слышать больше этих звуков, звуков, которые, властно врываясь в него, горячили кровь в жилах, наполняли жаром все тело.

Лишь увидев, что губы колдуньи перестали шевелиться, Саймон отнял руки от ушей. Лицо Альдис размякло, губы увлажнились, широко раскрытые глаза невидяще смотрели перед собой. Колдунья сняла с ее колен жаровню и доску, переложила содержимое чашки в кусок ткани и подала сверток своей посетительнице.

— По шепотке добавляй это ему в еду и питье. — Голос колдуньи ослабел, она, казалось, валилась с ног от усталости.

Альдис взяла сверток и спрятала его за лиф платья.

— Не сомневайся, я использую это как следует! — Она подхватила свой плащ и пошла к двери, бросив на ходу:

— Я дам тебе знать, как пойдут дела.

— Я узнаю сама, госпожа.

Альдис вышла, а колдунья так и стояла, опершись на спинку кресла, как будто ноги не держали ее. На усталом лице женщины застыло выражение брезгливости, смешанной со стыдом, словно она прибегла к дурному средству для достижения благородной цели.

КОГДА ТРИЖДЫ ПРОТРУБИТ РОГ...

Корис усердно полировал лезвие топора куском шелковой тряпки. Вернувшись из города, он немедленно потребовал свое сокровище назад и теперь, сидя на подоконнике, рассказывал:

— ...Он ворвался с таким видом, словно по пятам за ним гнались кольдеры, и выложил все сержанту! Тот с перепугу аж пролил вино, за которое, кстати, платил я! А этот парень орал как ненормальный. Мне, по-правде, вся эта история кажется чистой выдумкой, и все же я готов поспорить на недельное жалованье карстенского наемника — в ней что-то есть!

Пока Корис говорил, Саймон внимательно наблюдал за колдуньей и за Брайантом. Впрочем, колдунья все-равно ничем бы не выдала того, что нечто подобное она уже слышала. Зато молодой человек не имел, конечно, ни ее выдержки, ни достаточного жизненного опыта, и его реакция на рассказ Капитана несколько удивила Саймона — Брайант держался чересчур безразлично.

— Вижу, госпожа, — заметил Саймон, — эта история вовсе не кажется тебе выдумкой.

После визита Альдис его отношения с колдуньей стали несколько напряженными, она это безусловно почувствовала, но пока не предпринимала никаких шагов, чтобы изменить существующее положение.

— Гунольд действительно мертв, — спокойно сказала женщина. — Его больше нет, как нет и Лоисы, наследницы Верлена. Так что, Корис, этот солдат соврал разве самую малость. — Колдунья посмотрела на Капитана. — Но то, что эти события связывают с нападением Эскарпа, разумеется, совершенная чушь.

— Знаю, госпожа. Мы никогда не действуем исподтишка. Однако, может быть, здесь что-то другое? Я не люблю задавать лишних вопросов, но скажи, может, на скалы Верлена выбросило кого-нибудь из гвардейцев, покинувших Сулькар?

Колдунья отрицательно покачала головой.

— Сила говорит мне, что в живых остались только вы четверо, Капитан.

— Но ведь эти события или слухи о них могут стать предлогом для войны, — нахмурился Корис. — Гунольд был другом Ивиана; не думаю, чтобы герцог оставил его гибель неотмщенной. Тем более, что маршал умер при таких загадочных обстоятельствах.

— Фальк! — Это имя, как игла из самострела, вырвалось из уст Брайанта. — Ответить будет Фальк! — Лицо юноши побледнело. — Ему еще предстоит объясняться с Сириком и Дуартом! Что и говорить, владыке Верлена сейчас не позавидуешь. Но этот твой болтун сообщил сержанту такие подробности, словно слышал отчет из первых уст.

— Корабль с посольством герцога только что прибыл в Карс. А посол, как утверждают, любит поболтать, — заметил Корис.

— Корабль! — Колдунья резко встала, и ее расшитое золотом алое платье всколыхнулось, подобно языку пламени. — Фалька на мякине не проведешь. Но как-то уж все слишком быстро. Не думаю, чтобы Фальк так спешил, дабы только отвести гнев Ивиана...

Темные глаза колдуньи хмуро осмотрели собравшихся, словно она сравнивала свои силы с силами противника.

— Не нравится мне это. Людей из Верлена, конечно, следовало ожидать — Фальку просто необходимо заговорить зубы герцогу, иначе башни его собственного замка обрушатся ему на голову. Он найдет способ склонить на свою сторону Сирика с Дуартом, чтобы те подтвердили его выдумки. Все так. Но события развиваются слишком быстро. Уж очень это похоже... Я готова поклясться, что...

Колдунья стала расхаживать по комнате, шурша платьем.

— Мы, колдуньи Эскарпа, владеем наваждениями, но, клянусь Даром, тот шторм не был таковым! Разве что кольдеры умеют управлять силами природы... — Колдунья замерла на месте и прижала пальцы к

губам, как бы боясь проговориться. — Если кольдеры умеют... — она перешла на шепот. — Не могу поверить, что мы оказались здесь по воле кольдеров! Не желаю верить! И все же... — Женщина повернулась лицом к Саймону. — Я понимаю Брайанта, зная мотивы его поступков, понимаю, что движет Корисом, но тебя, человека, появившегося на болоте торов, я не понимаю! Если ты не тот, за кого себя выдаешь, значит, мы сами виноваты в своих несчастьях.

Корис насторожился, с силой сжав рукоять топора, и шелковая тряпка упала на пол.

— Он принят Верховной Владычицей, — сказал Капитан спокойно, но Саймон видел, что Корис следит за каждым его движением, будто ждет внезапного нападения.

— Это так! — кивнула женщина. — И не хочется верить, что кольдеры проникли к нам в самое сердце, а мы не сумели этого распознать. Кольдеры могли поставить завесу, — продолжала она рассуждать вслух, — но это уже само по себе вызывало бы подозрения! Хотя... Есть еще один способ проверки! — она расстегнула воротник платья, достала колдовской камень и немного подержала на ладони, вглядываясь в его дымчатую глубину. Затем, сняв цепочку с шеи, колдунья протянула камень Саймону. — Возьми!

Корис вскрикнул и соскочил с подоконника, но Саймон спокойно принял камень. Гладкий кристалл сначала был холодным, как всякая полированная вещь, а потом вдруг стал нагреваться, делаясь все горячее, и странное дело — этот жар не обжигал ладоней. Камень словно ожил. На его поверхности появилось мерцающее свечение.

— Я знала! — хрипло прошептала колдунья. — Ты не кольдер! Нет! Кольдер не смог бы держать камень, ибо в нем — Пламя Силы! Я рада тебе, брат по Дару! — Женщина вновь начертила в воздухе перед собой тут же вспыхнувший знак, и когда он погас, взяла у Саймона камень.

— Но он мужчина! Клянусь, прошедшие перевоплощение не могут так себя вести! К тому же мы жили с ним бок о бок в казарме! — зачастил Корис. — Я не возьму в толк, как это Даром владеет мужчина?

— Он человек из другого мира, другого времени, а что мы знаем о других мирах? Во всяком случае, теперь я уверена в одном — он не кольдер. Возможно, конечно, что именно таких людей кольдеры готовят для решающей битвы... Но сейчас нам нужно...

Рассуждения колдунии были прерваны звоном гонга. Саймон и Корис переглянулись; Брайант достал самострел.

— Это у входа, — сказал он.

— Звон-то условный, да слишком не вовремя, — нахмурилась колдунья. — Посмотри, Брайант, но будь осторожен.

Корис и Саймон молча последовали за молодым человеком. Они еще не дошли до дверей, когда услышали снаружи какой-то шум, и Саймон напрягся, уловив в нем что-то очень хорошо знакомое. Корис помрачнел.

— Это толпа! Гул разъяренной толпы!

Саймон, сразу вспомнив пережитый им когда-то ужас, утвердительно кивнул и приготовил самострел.

Пришедший, безо всякого сомнения, принадлежал к древней расе Эсткарпа, и синяки на лице не могли этого скрыть. Когда они открыли дверь, человек буквально упал им на руки, и Корис еле успел подхватить его. Толпа на улице загудела, да так, что земля вздрогнула под ногами, но Брайант уже запер дверь на все засовы.

Человек вымученно улыбнулся Корису и хотел было что-то сказать, но из-за рева толпы никто ничего не слышал. Отложив разговоры, Саймон и Корис затащили беглеца в дом.

Когда появилась колдунья, он уже оправился настолько, что даже попытался поприветствовать ее. Женщина налила в чашку немного какой-то синеватой жидкости и поднесла к его губам.

— Что с Вортимером?

Человек откинулся на спинку кресла.

— Ты можешь послушать, как его гонят, госпожа! Вместе с ним и другие наши, те, кто успел вовремя

добраться до посольства. За остальными же охотятся на улицах. Перед выходцами из Эсткарпа и перед теми, кто принадлежит древней расе, герцог приказал трижды протрубить в рог! Он просто сошел с ума!

— И их тоже? — колдунья прижала ладони к вискам, словно хотела унять нестерпимую головную боль. — У нас мало времени! Нельзя терять ни минуты!

— Вортимер послал меня, чтобы я тебя предупредил. Ты последуешь за ним, госпожа?

— Пока нет.

— Тех, перед кем трижды протрубили в рог, всякий может убить в любую минуту. А в Карсе теперь убивают, сперва вволю поиздевавшись, — бесстрастно сказал беглец. — Не знаю, насколько ты можешь рассчитывать на Альдис...

Колдунья засмеялась.

— Я вовсе не рассчитываю на Альдис, Вортгин. Нас пятеро... — Она вертела в руках чашку. — Но сейчас речь идет не о наших жизнях. На окраинах Карстена живут древние роды, и, если их вовремя предупредить, они может быть успеют уйти через горы в Эсткарп. К тому же, все, что мы узнали здесь, необходимо сообщить Верховной Владычице. Боюсь, не хватит сил, одной мне не справиться. — Она посмотрела на Саймона. — Ты должен помочь мне, брат!

— Но я не знаю как! — воскликнул он. — У меня нет опыта.

— Ты просто встанешь рядом и совместными усилиями мы... В этом вся наша надежда, Саймон.

Корис смотрел через окно в сад, и спросил не оборачиваясь:

— Перевоплощение, госпожа?

— А что мы можем предпринять еще? — колдунья пожала плечами.

Вортгин облизал сухие губы.

— Делай что хочешь, госпожа, но надо уходить из этого проклятого города. Тогда я смогу привести под твои знамена людей провинции, у меня там много родственников и мне поверят.

— Идемте! — Колдунья повела их все в ту же таинственную комнату, где она колдовала. Уже в дверях Корис остановился.

— Я возьму с собой подарок Вольта. Не изменяй меня так, чтобы я не смог поднять Топора.

— Я назвала бы тебя сумасшедшим, — резко сказала колдунья, — если бы не знала истинной ценности этого оружия. Но учти, оно сделано не человеком, поэтому не знаю, получится ли. А теперь помогите мне, да поживее!

Когда Корис и Саймон отнесли к стене комнаты кресло, стул и другие вещи, колдунья убрала ковер и колдовским камнем провела на полу несколько линий, которые вспыхнули, приняв форму огненной пятиконечной звезды. Немного поколебавшись, Корис положил Топор Вольта в ее центр.

Колдунья повернулась к Саймону.

— На самом деле, мы все останемся такими, какие есть, и лишь на время изменим облик, чтобы обмануть тех, кто встанет на нашем пути. Дай мне опереться на твою Силу, чтобы сконцентрировать свою. — Она все оглядела, поставила рядом с топором жаровню и раздула в ней угли. — Приготовьтесь! И будь что будет!

Корис тронул Саймона за руку.

— Раздевайся донага, иначе Сила не подействует, — сказал он, стягивая с себя куртку. Саймон последовал его примеру, а потом они вместе помогли раздеться Вортигину.

Наполняя комнату красноватым маревом, из жаровни повалил дым, почти скрыв из виду неуклюжую фигуру Кориса и мускулистое тело Вортигина.

— Встаньте по лучам звезды! — приказала колдунья и добавила: — А ты, Саймон, встань рядом со мной.

Он пошел на ее голос и сразу потерял из виду Кориса. Потом он увидел бледную руку колдуньи, что тянулась навстречу его руке. Под ногами пылал контур звезды, ничего другого невозможно было разглядеть — туманная завеса поглотила комнату.

Откуда-то издалека слышалось пение. Саймону показалось, что он стал растворяться, что его тело вот-вот распадется на мельчайшие частички и сольется с этим маревом. И в то же время, он ощущал тепло, но не снаружи, а изнутри — больше того, он чувствовал движение этого тепла — оно потоком уходило из его тела через правую руку. Саймон подумал даже, что мог бы увидеть, как это происходит, если бы не дымная завеса. Впрочем, это было не так уж важно: главное, сам он не стал этим туманом, он по-прежнему существует!

Пение стало громче. Саймону уже доводилось слышать такое, но тогда оно будило в нем вожделение, с которым пришлось бороться усилием воли. Теперь пение действовало как-то иначе, во всяком случае желания противиться его воздействию не возникало.

Саймон невольно закрыл глаза, внимая ему, и звуки, казалось, проникали в каждую клеточку его тела, но в то же время он знал, что поток тепла, исходящий через его руку, питает силой эти звуки.

Немного погодя руки Саймона безвольно повисли, движение тепла прекратилось, и пение смолкло. Саймон открыл глаза. Мареву понемногу редело, в нем появились просветы. В одном из них Саймон увидел мерзкую рожу говорореца, которую и лицом-то трудно было назвать. Но на жуткой этой физиономии сияли лукавые глаза Кориса! А рядом с ним стояло другое страшилище с изъеденной язвами кожей и пустой глазницей.

Разбойник с глазами Кориса перевел взгляд с Саймона на соседа и ухмыльнулся, обнажив гнилые, желтые зубы.

— Славная компания!

— Одевайтесь! — раздался откуда-то голос колдуньи. — Теперь вы — негодяи, вылезшие из подвалов Карса, чтобы убивать и грабить, Именно такие красавчики выползают на улицы, когда трижды звучит рог!

Все снова облачились в свою одежду, хотя она не очень подходила для таких подонков, какими они выглядели сейчас. Корис поднял с пола какую-то ржавую железную палку с крючьями, на которую Саймон даже внимания не обратил.

В комнате не было зеркала, и Саймон не знал, как выглядит он сам, но догадывался, что его внешность не менее отвратительна, чем у остальных. Он предполагал, что измениться должны были и колдунья, и Брайант, но то, что через минуту открылось его взору — превзошло все ожидания. Колдунья превратилась в горбатую седовласую старуху с лицом, искаженным гримасой лютой злобы. А вместо молодого человека рядом с ней стояла девушка в расшитом золотом алом платье.

Да, невзрачный Брайант превратился в пышнотелую красотку, которая даже не позаботилась о том, чтобы завязать шнурки на корсаже. Старуха ткнула пальцем в Саймона.

— Это твоя добыча, молодец! Взвали красотку на плечо, а когда устанешь, вот эти разбойнички посядут тебе. И смотри, не выходи из образа! — Она толкнула мнимую девушку в спину с такой силой, что та, споткнувшись, упала в объятия Саймона. Он легко подхватил ее и вскинул на плечо. Колдунья еще раз осмотрела всю братию взглядом опытного режиссера, и напоследок, для полноты картины, сдернула платье с одного плеча девушки.

Саймон же только подивился колдовскому искусству. Он был уверен, что все они изменятся лишь для зрительного восприятия, но его не покидало ощущение, что он держит в объятиях самую настоящую женщину! Ему все время приходилось напоминать себе, что в действительности у него на плече Брайант.

По улицам Карса разгуливала не одна подобная им разбойничья шайка. Но каково же было видеть мнимым разбойникам сцены грабежа и насилия и не иметь возможности помочь несчастным. Это мучило их всю дорогу до пристани. Там у ворот стояла охрана. Когда Саймон со своей вопящей жертвой на плече подошел к воротам, сопровождаемый бандой оборванцев, колдунья с мешком за спиной забежала вперед, неожиданно споткнулась и упала, рассыпав награбленное добро. Содержимое мешка сверкало и переливалось в дорожной пыли.

Стражники бросились собирать драгоценности, а их офицер грубо оттолкнул старуху в сторону. Однако, один из них, похоже, решил не изменять своему воинскому долгу, а может, его больше привлекала добыча Саймона. Как бы то ни было, он преградил дорогу копьем и нагло ухмыльнулся.

— Эй, оборванец! Оставь-ка здесь свой скоропортящийся груз! Тебе больно жирно будет, а тут есть кому за ней присмотреть.

Едва он договорил, Корис зацепил его своей ржавой палкой за ногу, стражник рухнул, и вся компания бросилась через ворота к причалу. За ними по пятам гнались разъяренные охранники.

— В воду! — крикнул Брайант и, вырвавшись из рук Саймона, бросился в реку. Капитан прыгнул следом за ним и вынырнул рядом с алым платьем, вздувшимся на воде. Вортгин, прихрамывая, тоже бежал к берегу. Саймон оглянулся, ища глазами колдунью.

За ними больше никто не бежал, а на дороге завязалась какая-то потасовка. Вытащив самострел, Саймон ринулся туда со всех ног. Трижды он останавливался, чтобы выстрелить, и трижды игла достигала цели. А потом он увидел распластannую на земле старуху и приставленный к ее горлу меч.

Саймон успел сделать еще два выстрела, после чего пустил в ход кулаки и, вероятно, переломал немало костей: в общем, охранники, оставшиеся на ногах, попросту разбежались. Саймон взвалил на плечо бесчувственное тело колдуны и двинулся к ближайшей барже. С большим трудом ему удалось подняться на палубу.

Неожиданно женщина очнулась и начала вырываться, решив, по-видимому, что оказалась в руках насильника. От неожиданности Саймон потерял равновесие, и они вместе полетели в воду. Наглотавшись воды, он вынырнул, оглянулся — женщина была рядом.

— Эй!

Их окликнули с плывущей по течению баржи и бросили веревку. Саймон и колдунья взобрались на судно и увидели Кориса, машущего им рукой.

У противоположного борта баржи покачивалась на воде небольшая шлюпка, в которой сидели Вортгин и склонившийся над водой Брайант — его тошнило. В мокром платье, облепившем тело, он поистине выглядел, как жертва насилия. Когда все спустились в шлюпку, Корис оттолкнулся от баржи своей крючковатой палкой.

— Я думал, ты потерял ее у ворот, — заметил Саймон.

— Скорей меня убьют, чем я ее потеряю! — обиженно воскликнул Капитан. — Да что об этом — главное — нам удалось оторваться от охранников, и у нас появилась небольшая передышка. Надеюсь, нам удастся добраться незамеченными до другого берега, ведь они наверное решили, что мы укрылись на барже. Подождем, пока она отойдет подальше от гавани, и отчалим.

С его предложением все согласились, однако, еще довольно долго беглецы оставались под прикрытием баржи. Брайант, наконец, пришел в себя и все норовил отвернуться, словно стесняясь своей новой внешности. Колдунья сидела на носу шлюпки и внимательно осматривала противоположный берег.

На их счастье вскоре начало темнеть. Под покровом ночи беглецы рассчитывали уйти как можно дальше от Карса. Вортгин хорошо знал здешние места и мог провести их полями, минуя селения, близ которых можно было нарваться на заставу.

— Нынешним приказом Ивиан самого себя обрекает на гибель, — сказал Вортгин. — Старая знать недолгоблудит герцога, а с нами они связаны кровными узами. Может, они и не встанут на нашу сторону, но, во всяком случае, людям герцога помогать не будут. Уж скорее закроют глаза и уши, сделав вид, что ничего не знают.

— Да, Карстен отныне для нас закрыт, — согласилась колдунья. — Думаю, нужно уходить к границе, пока не поздно. Так-то... Тьма наступает!

Встретив ее взгляд, Саймон понял, что колдунья говорит не о ночной тьме, которая быстро сгущалась над их головами.

ПОДДЕЛЬНЫЙ СОКОЛ

Саймон, Корис и Вортгин, прикрывшись ворохом сена, лежали в поле за стогом и наблюдали, что делается в деревушке у перекрестка дорог. Там мелькали сине-зеленые плащи наемников герцога. Четверо хорошо вооруженных всадников явно были снаряжены для дальнего похода. Соблюдая церемониал, предводитель этого небольшого отряда подъехал к Столбу Объявлений и приложил к губам рог. Его латы сверкали серебром в лучах утреннего солнца.

— Раз... два... три... — вслух считал Корис — звуки рога разносились по всей округе, но что говорили наемники селянам, отсюда разобрать было невозможно.

Корис повернул голову к Вортгину.

— Герцог поспешает. Тебе нужно отправляться к своим, чтобы успеть их предупредить.

Вортгин с силой воткнул в землю кинжал, словно перед ним была грудь наемника в сине-зеленом плаще.

— Пешком я все равно не успею.

— Верно. Но у них есть как раз то, что нам требуется. — Корис ткнул пальцем в сторону верховых.

— За мостом дорога проходит через лес, — заметил Саймон.

На лице Капитана, и без того ужасном, появилась злобная гримаса.

— Скоро они закончат разговоры, и нам пора.

Покинув засаду, они перешли вброд реку и двинулись по запущенной лесной дороге, которая уходила на север. Здешняя старая знать недолюбливала герцога, не любили его и простые люди, поэтому, кроме главных трактов, все остальные дороги постепенно приходили в негодность.

Дорога шла между холмов, поросших травой и кустарником — места небезопасные для любого путника, а тем более, если на нем плащ наемника. Саймон укрылся в кустах, Корис занял позицию поближе к реке, чтобы отрезать противнику путь к отступлению, а Вортгин засел по другую сторону дороги напротив Саймона. Теперь оставалось только ждать.

Предводитель наемников оказался толковым командиром. Один его человек ехал впереди и внимательно осматривал придорожные кусты, но он миновал спрятавшихся, не обнаружив их. Следом проехали двое — сам предводитель и его адъютант. Четвертый всадник замыкал отряд.

Когда он поравнялся с Саймоном, тот выстрелил, но не в него, а в адъютанта.

Выстрел оказался точным. Демонстрируя отличное владение конем, предводитель мгновенно развернулся и увидел, как замыкающий всадник тоже упал с лошади, кашляя кровью.

По плечу Саймона чиркнула игла — разорвав одежду, она оцарапала кожу, и он понял, что противник ему попался достойный. Ехавший впереди щитоносец ринулся было на помощь командиру, но тут Вортгин поднялся из-за куста и бросил в него кинжал. Оружие сверкнуло на солнце и вонзилось воину в горло — тот рухнул на землю даже не вскрикнув.

В следующее мгновение над самой головой Саймона пронеслись копыта лошади, которая, вдруг потеряв равновесие, упала на спину и подмяла под себя хозяина. Тут из засады выскочил Корис и обрушил на голову тщетно пытающегося освободиться офицера свою железную палку.

Они быстро раздели наемников и поймали коней. Упавшая лошадь, к их радости, поднялась и как будто ничего себе не повредила, но перепугалась и беспокойно ржала. Оттащив тела наемников в кусты, они привязали снаряжение воинов к седлам, после чего направились к заброшенной овчарне, где оставили колдунью и Брайанта.

Когда они подходили к овчарне, двое оставшихся о чем-то жарко спорили: раздраженные возгласы

Брайанта прерывал суровый голос колдуньи.

Но едва в проеме ветхой изгороди показался Саймон, они замолчали и не проронили ни слова, пока мужчины заводили коней с поклажей. Вдруг Брайант вскрикнул и бросился к узлу с кольчугой и кожаной курткой.

— Я хочу свою внешность обратно! И немедленно! — крикнул он запальчиво.

Впрочем, Саймон вполне разделял чувства молодого человека — в его-то возрасте играть ненавистную роль девицы — да это хуже рабства! Даже им, людям, давно уже подчинившим свою жизнь приказу, и то не хотелось больше оставаться в столь отвратительном обличье, хотя, возможно, только оно и спасло им жизнь.

— И то верно, — поддержал юношу Саймон. — Можем ли мы стать прежними по своей... точнее, по твоей воле, госпожа? Или требуется выждать какой-то срок?

Колдунья хмуро посмотрела на них из-под спутанных косм.

— Зачем тратить на это время? Нас еще могут настичь люди герцога. Вижу, вы уже встретились с ними. — Она взяла в руку сине-зеленый плащ, словно намереваясь примерить его к своей согбенной фигуре.

Брайант угрюмо смотрел на колдунью, прижимая к груди кольчугу, пухлые губы на его девичьем лице были плотно сжаты.

— Я уйду отсюда сам собой! Или вообще никуда не пойду! — воскликнул он, и Саймон ни на минуту не усомнился, что так оно и будет.

Колдунья сдалась. Достав из-за пазухи небольшой мешочек, она бросила его юноше.

— Ступай к ручью, омойся. Но порошка больше щепотки не трать, а то другим не хватит.

Брайант поймал мешочек и, прижимая к груди узел с одеждой, стремглав выскочил из овчарни, как будто боялся, что его остановят.

— А с нами как? — твердо спросил Саймон, готовый двинуться вслед за Брайантом. Корис привязывал лошадей к покосившейся изгороди. Его бандитская физиономия была отвратительна, но он умудрялся по-прежнему заразительно смеяться.

— Пусть птенчик спокойно избавится от своих нарядов, Саймон. В конце концов, он же столько терпел. Это платье, наверное, совсем вывело его из себя.

— Платье? — с удивлением спросил Вортгин. — Но...

— Саймон не принадлежит древней расе, — перебила его колдунья, проведя растопыренными пальцами по своим космам. — Он еще плохо представляет себе, что такое перевоплощение. Ты прав, Корис. — Колдунья как-то странно посмотрела на Капитана. — Нужно дать Брайанту спокойно прийти в себя.

Сине-зеленый плащ незадачливого наемника мешком висел на юном воине, который много бодрее возвращался от ручья. Он швырнул алый комок ненавистного платья в угол овчарни и яростно принялся забрасывать его землей. Саймон, Корис и Вортгин направились к ручью.

Прежде чем окунуться самому, Корис тщательно обмыл и протер свою ржавую палку с крючьями. Выходя из воды, он уже держал в руках Топор Вольта. Они разобрали одежду. Корис вновь надел свою кольчугу, которую захватил из Карса: никакая другая не подошла бы ему. В целях маскировки поверх кольчуги он накинул плащ наемника, так же поступили и остальные.

Вернувшись в овчарню, Саймон отдал мешочек колдунье. Та некоторое время подержала его, о чем-то раздумывая, а затем снова убрала себе за пазуху.

— Вы — славные воины герцога, а я — ваша пленница. В шлемах и капюшонах вы почти не похожи на людей древней расы, во всяком случае, это не так бросается в глаза. Ну разве что немножко у Вортгина. Но если меня увидят в истинном обличье, то все пропало. Я сразу выдам всех, поэтому, пожалуй, со сменой внешности повременю.

Так они и покинули заброшенную овчарню — четверо воинов в сине-зеленых плащах наемников герцога и старуха, сидящая за спиной Брайанта. Лошади отдохнули, но всадники не торопились. Нужно было пересечь всю страну, и они двигались, избегая больших дорог и поселений. Наконец, они достигли места, откуда Вортгину надлежало отправиться на восток.

— А мы вдоль торговых трактов на север, — сказала колдунья из-за спины Брайанта. — Если успеем предупредить сокольничьих, они беспрепятственно пропустят беженцев через горы. Скажи своим людям, чтобы не брали с собой много скарба — только оружие и провизию, сколько выдержит лошадь. И да будет с тобой Сила, Вортгин! Те, кого ты приведешь в Эсткарп, станут кровью в его жилах!

Корис снял с плеча рог наемника и протянул его Вортгину.

— Он послужит тебе пропуском, если встретишься ненароком с людьми герцога. Удачи тебе, брат! Попадешь на Север — приходи в Гвардию. Для тебя там всегда найдутся подходящие доспехи!

Вортгин махнул рукой на прощание, пришпорил лошадь и галопом поскакал на восток.

— Что дальше? — спросила колдунья Кориса.

— К сокольничьим!

Она фыркнула.

— Ты забыл, Капитан, хоть я стара и немощна с виду и кажется, что все соки из меня уже высосаны, я все же остаюсь женщиной — и значит, ворота крепости сокольничьих для меня закрыты. Переведи меня с Брайантом через границу, а потом отправляйся к своим женоненавистникам, и сделай все, чтобы они были с нами! Граница, ошестинившаяся мечами, заставит Ивиана трижды подумать, прежде чем напасть на нас. Даже если сокольничьи только переведут наших родичей из Карстена через горы, мы и то будем у них в неоплатном долгу. Но прежде сбросьте вот это! — она дернула рукой сине-зеленый плащ Брайанта. — Иначе в горах вас пригвоздят к какому-нибудь дереву, прежде чем разберутся, кто вы есть на самом деле.

На этот раз, когда над ними закружился сокол, Саймон не удивился тому, что Корис назвал птице настоящие имена членов отряда и объявил, зачем они направляются в горы. Капитан ехал впереди, Саймон — сзади, а в середине ехали Брайант с колдуньей. Они расстались с Вортгином в полдень, а теперь солнце уже клонилось к закату. Весь день они почти ничего не ели, если не считать скудных запасов из седельных сумок наемников.

Корис натянул поводья и подождал остальных. Он не сводил глаз с приближающихся гор, и Саймону показалось, что капитан потерял свою обычную уверенность.

— Что-то мне это не нравится, — проговорил Корис. — Мое сообщение давным-давно должно было попасть по назначению, и пора бы уже появиться дозорному отряду. Почему их нет? Когда мы были в Соколином Гнезде, сокольничьи прямо выступали за союз с Эсткарпом.

Саймон с тревогой смотрел на горные склоны.

— Без проводника я бы не отважился в темноте ехать дальше. К тому же, если ты считаешь, Капитан, что сокольничьи ведут себя странно, тем более лучше не углубляться в их владения. Давайте станем лагерем в первом же подходящем месте.

Саймона прервал Брайант, который, запрокинув голову, внимательно следил за парящей над ними птицей.

— Станный какой полет... — Юноша, бросив поводья, изобразил руками движение крыльев. — Сокол обычно машет крыльями вот так... Я часто наблюдал за ними. А эта птица, смотрите — хлоп, хлоп, хлоп!

Теперь уже все наблюдали за кружащей над ними птицей. Саймон не заметил в этом пернатом часовом ничего особенного. Точно такой же сокол, какого встретили они, выйдя из Склепа Вольта. Впрочем, он ничего не смыслил в орнитологии.

— Ты можешь высвистеть его вниз? — спросил он Кориса.

Капитан вложил пальцы в рот и громко свистнул.

В тот же момент Саймон вскинул самострел. Корис с криком ударил его по руке, но тот уже успел

выстрелить. Игла попала точно в белое пятно на груди сокола, однако птица, как ни в чем не бывало, продолжала кружить над их головами.

— Я же говорил, что это не птица! — воскликнул Брайант. — Колдовство!

Ожидая объяснений, все повернулись к колдунье, но она не сводила глаз с сокола, который с торчащей в груди стрелой делал над ними очередной круг.

— Это не наша Сила, — вырвалось у нее невольно. — Не знаю, что это, но оно не живое!

— Кольдер! — воскликнул Корис и сплюнул.

Колдунья медленно покачала головой.

— Если это и кольдер, то не одержимый, как это было сделано с людьми Горма. Не знаю, ничего не могу понять...

— Нужно его поймать, — предложил Саймон. — Смотрите, он снижается. Может, стрела тянет его вниз? Дай-ка мне твой плащ, — обратился он к колдунье и спешился.

Она протянула ему свой драный плащ, и, перекинув его через руку, Саймон начал взбираться на скалу, мимо которой шла тропа. Он рассчитывал на то, что птица никуда не улетит за это время, и не ошибся. К тому же, с каждым кругом сокол спускался все ниже и ниже.

Саймон ждал удобного момента, расправив плащ и, держа его за угол, наконец, бросил его в сокола, и птица забилась в этой импровизированной сети. Саймон потянул плащ на себя, но сокол рванулся в сторону, вырвался и, как слепой, ударился головой о скалу.

Саймон бросился на него, ощутив под руками настоящие перья, но под ними... Он даже присвистнул от удивления. Под покровом сломанных перьев и прорванной кожи виднелась путаница мелких металлических деталей, колесиков, проводков, и небольшое устройство, напоминающее мотор. Подняв сокола за крыло, Саймон спустился со скалы к товарищам.

— Ты уверен, что у сокольников только настоящие соколы? — спросил он Кориса.

— Соколы для них священны, — сказал Корис и побледнел, увидев внутренности птицы. — Нет, это не их выдумка. Ученые соколы — их сила, зачем им подделки?

— Но кому-то же понадобилось поднять в небо механического сокола! — воскликнул Саймон.

Колдунья склонилась над птицей и тоже дотронулась до нее. Когда она подняла глаза на Саймона, в них был вопрос и тревога.

— Другой мир... — прошептала она. — Это не наше колдовство. Такое не может быть порождено ни нашим временем, ни нашим миром. Чужое, Саймон, чужое...

Ее прервал возглас Брайанта, который, подняв руку, снова смотрел вверх. Еще одна черно-белая птица снижалась над ними плавными кругами. Саймон опять потянулся за самострелом, но юноша резко ударил его по руке.

— Этот — настоящий!

Корис свистнул, и птица, повинуясь приказу, как и положено ученому соколу, села на ту самую скалу, рядом с тропой.

— Я Корис из Эскарпа! — крикнул Капитан. — Пусть тот, кто послал тебя, крылатый брат, поторопится. Уже вершится большое зло, а впереди, возможно, еще большее. — Он взмахнул рукой, сокол поднялся в небо и улетел, в горы.

Саймон убрал механическую птицу в свою седельную сумку. Еще в Соколином Гнезде он заинтересовался средствами связи сокольников и устройствами, которые они крепили к лапам соколов. Создание столь миниатюрных и точных приборов требовало соответствующих знаний, но откуда они у жителей средневековой крепости? Такое же недоумение вызывали у него искусственное освещение и система отопления Эскарпа и Сулькара, а уж об энергетической установке, которую взорвал Магнус Осберик, и говорить нечего. Может быть, все это — остатки достижений древней цивилизации? Или,

все-таки, пришло из другого мира?.. Ничего не видящими глазами Саймон смотрел вперед, сиюсь разрешить загадки этого мира.

Корис говорил ему о сверхчеловеческой расе Вольта, предшествовавшей нынешнему человечеству. Может, это и есть следы знаний вымершей расы? А может, сокольничьи и сулькарцы получили необходимые им знания где-нибудь за морем? Саймон хотел получше рассмотреть поддельного сокола, чтобы определить хотя бы, какой тип разума мог его создать.

Сокольничьи появились неожиданно, просто как из-под земли выросли перед ними. Они ожидали приближения отряда, не преграждая дороги, но и не приглашая следовать за ними.

— Фальтьяр с Южных Ворот! — Корис узнал их предводителя и снял с головы шлем, чтобы в лучах заходящего солнца можно было увидеть его лицо.

— Я Корис из Эскарпа, со мной гвардеец Саймон...

— И женщина! — холодно сказал сокольничий, а его сокол заклекотал и взмахнул крыльями.

— Эта госпожа из Эскарпа! Я должен провести ее через горы, — сказал Капитан столь же холодно и жестко. — Мы не просим у вас убежища, но у нас есть важные известия для владыки Крыльев.

— Путь через горы открыт для тебя, гвардеец. А известия ты можешь передать через меня: еще до восхода луны я доложу их владыке Крыльев. Но ты сказал соколу, что здесь творится большое зло, а впереди еще большее. Я должен знать в чем дело. Неужели Карстен двинул сюда свои войска?

— Герцог приказал трижды протрубить в рог перед людьми древней расы, и они, спасая жизни, обратились в бегство. А кроме того... Саймон, покажи им.

Саймон замешкался, ему не хотелось отдавать механическую птицу, пока он сам не успел в ней как следует разобраться. Горек осмотрел останки сокола, провел пальцем по крылу, тронул стеклянный глаз, отогнул прорванную кожу и увидел под ней металлические детали.

— Он летал? — недоверчиво спросил сокольничий.

— Летал, как твой, и следил за нами точно так же.

Фальтьяр ласково погладил по голове свою птицу, словно желал убедиться, что она настоящая.

— Здесь и впрямь творится большое зло. Ты сам должен говорить с владыкой Крыльев! — Было видно, как горек разрывается между желанием соблюсти древние обычаи своего народа и необходимостью немедленных действий. — Если бы не женщина... госпожа... — неохотно поправился он. — Ей невозможно войти в Соколиное Гнездо!

Тут вмешалась колдунья.

— Мы с Брайантом останемся здесь, Капитан, вы же с Саймоном поезжайте к владыке Крыльев. А ты, сокольничий, запомни мои слова: близок день, когда придется отказаться от многих древних обычаев — и нам в Эскарпе, и вам в горах. Лучше жить и сражаться, чем умереть связанным цепями предрассудков. Над миром нависла небывалая угроза, и мы должны быть вместе!

Сокольничий опустил глаза и молча неуклюже отсалютовал, всем своим видом давая понять, что идет на большие уступки. Затем его сокол с клекотом взвился в небо, а хозяин обратился к Корису:

— Будь спокоен, мы обеспечим госпоже полную безопасность. Едем!

Часть четвертая. Горм

1

ПРОРЫВ ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ

В небо поднимался столб черного дыма, озаряемый время от времени языками пламени. Саймон привстал на стременах, чтобы лучше видеть завершение схватки его партизанского отряда с карстенским войском. На этот раз им тоже повезло. Но как знать, долго ли это будет продолжаться?.. Во всяком случае, до тех пор, пока удача не отвернется от них, они будут совершать свои вылазки в долины, прикрывая отход темноволосых беженцев из Карстена, что пробираются к границе целыми кланами, в полном вооружении, и в одиночку, страдая от ран и истощения. Вортгин сделал свое дело. Древняя раса, точнее, то, что осталось от нее, через открытую сокольничьими границу уходила в Эсткарп.

Люди, не обремененные семьями и горящие желанием с оружием в руках отомстить врагу, оставались в горах, пополняя отряды Саймона и Кориса. Когда же Капитана Гвардейцев отзывали в Эсткарп, Саймон остался командовать один.

Они вели партизанскую войну, методы которой Саймон хорошо изучил в другое время в другом мире. В горах такая война была эффективна вдвойне, поскольку люди Саймона, в отличие от карстенских наемников, знали здешние места прекрасно. Кроме того, он заметил, что хмурые молчаливые всадники, которые ехали теперь за его спиной, какой-то неразрывной связью связаны с самой этой землей, с ее горами, животными и птицами, хотя те и не служили им так же, как ученые соколы сокольничьим. Например, Саймон обратил внимание на то, что стада оленей затаптывают следы их лошадей, а вороны с криками кружат над засадами карстенских наемников. Поэтому перед каждой вылазкой Саймон непременно выслушивал соображения своих сержантов и серьезно обдумывал их советы.

Хотя люди древней расы отлично владели оружием, они все-таки не были рождены для войны, и к ратной службе относились как к неприятной обязанности, которую надлежит побыстрее выполнить и забыть. Убивая, они не истязали людей, поскольку вообще были неспособны на жестокость — в отличие от карстенских живодеров, которые чинили зверства над захваченными в плен беженцами и вырезали целые деревни.

Однажды, в одной из деревень, где произошла резня, побелевший, усилием воли сдерживающий тошноту, Саймон поразился словам одного из своих молодых офицеров.

— Не могли они сотворить такое по своей воле.

— А я такое и раньше видал, — возразил Саймон. — И все это делали самые обыкновенные люди.

Офицер, который прожил в этих местах всю свою жизнь и месяц назад бежал отсюда в горы, покачал головой.

— Ивиан — солдат, бывший наемник, и воевать — его дело. Но учинить такую расправу, значит, посеять к себе лютую ненависть на многие-многие годы. А ему ведь здесь править. Герцог совсем не глуп, чтобы уничтожать свое собственное достояние. Не мог он отдать приказ творить такие зверства!

— Но ведь эта резня не случайность... И мы видим подобное не первый раз! Словно здесь орудует какая-то банда, возглавляемая извергом!

— Верно. Мне кажется, что мы сражаемся с одержимыми.

Одержимые!.. Саймон вспомнил, в сочетании с каким словом говорили так в его прежнем мире — одержимые дьяволом! Что ж, пожалуй, после всего увиденного с этим офицером можно согласиться. Одержимые дьяволом... Опять вспомнилась засада на дороге в Сулькар. Да, одержимые, лишённые души! Неужели снова кольдеры?

Саймон начал делать записи о таких событиях, хотя вести дневник он не имел привычки. Больше всего его удивляло то, что ни разу не удавалось застать этих убийц на месте преступления. Ему хотелось

посоветоваться с колдуньей, но та вместе с Брайантом ушла на Север вслед за первой волной беженцев.

Многочисленные дозоры партизан ежедневно доставляли Саймону разведданные. По вечерам, уединившись в очередном наспех оборудованном командном пункте, он пытался осмыслить их и свести воедино, но ничего определенного до сих пор сказать было невозможно. Тем не менее, он все больше убеждался, что некоторые карстенские отряды действуют несвойственным им образом, и предполагал, что в войска герцога проникло чье-то чужое влияние.

Чужаки! Как и прежде, Саймона терзала мысль о таинственном несоответствии уровня развития общества и его технических достижений. Люди, бежавшие из Карстена, рассказывали ему, что энергетические установки появились у них давным-давно — их привезли откуда-то «из-за моря». Оттуда же, «из-за моря», привезли свои энергетические установки и сулькарские мореходы, а древняя раса приспособила эти установки для освещения и отопления помещений. И сокольничьи со своими удивительными средствами связи приплыли сюда «из-за моря». И кольдеры — тоже «из-за моря»! И что это вообще означает? Неужели все идет из одного источника?

Добытые сведения Саймон отправлял с гонцами в Эсткарп, получая от колдуний, в свою очередь, новости с Севера. Единственное, в чем Саймон был уверен — пока его отряд пополняют воины древней расы, он может не бояться проникновения чужаков, поскольку эти люди сразу почувствовали бы присутствие одержимых.

В горах обнаружили еще трех поддельных соколов. Но пока их ловили, все они разбились, и Саймону принесли только жалкие обломки. Кто и зачем сделал их? Это так и оставалось загадкой.

Ингвальд, офицер из карстенских беженцев, стоял рядом с Саймоном и смотрел в долину на уничтоженную деревню.

— Основные наши силы, с трофеями, уже отошли в горы, командир. На этот раз мы кое-что прихватили с собой. После пожара они не смогут определить, что попало в наши руки. Там взяли четыре ящика игл и порядочно провизии.

— Многовато для небольшого отряда, — Саймон нахмурился. Его мысли вернулись к текущим делам. — Похоже, герцог собирается где-то здесь базировать свои войска, а это может означать подготовку массированного наступления.

— Не понимаю, — задумчиво сказал Ингвальд. — С чего все это вдруг началось? Конечно, мы не особенно любим — да и не за что! — людей с побережья. Явившись из-за моря, они оттеснили нас в глубь страны. Но ведь десять поколений мы жили с ними мирно, не вмешиваясь в дела друг друга. Древняя раса никогда не помышляла о войне и не давала повода для столь внезапного нападения. Но чем дальше, тем более становится ясно, что все это давно и тщательно продумано.

— И не обязательно герцогом! — Саймон тронул коня. Адъютант ехал по тропе бок о бок с ним. — Мне нужен пленник, Ингвальд! Один из тех извергов, что развлекались в деревне у развилки дорог.

Темные глаза воина сверкнули.

— Если мы схватим такого, командир, его немедленно приведут к тебе.

— Живого и способного говорить! — предупредил Саймон.

— Живого и способного говорить! — повторил приказ Ингвальд. — Мы тоже считаем, что такой пленник многое бы мог прояснить. Но мы ведь ни разу не видели убийц! Только следы их работы! И думаю я, что зверствуют они намеренно, пытаясь запугать нас.

— Тут много неясного, — начал Саймон размышлять вслух. — Похоже, некто считает, что жестокостью нас можно запугать. Однако, тогда этот некто не понимает, что этим он лишь усиливает сопротивление. А может... — Саймон помолчал. — Может, он делает это намеренно, чтобы направить нашу ярость на герцога и на Карстен вообще, втянуть Эсткарп в войну на юге, а затем ударить совсем в другом месте.

— А может быть, то и другое одновременно, — добавил Ингвальд. — Я знаю, командир, что ты ищешь чужаков в карстенском войске. Слышал и о событиях под Сулькаром, и о людях, проданных на Горм. Среди нас таких точно нет, мы бы их сразу распознали, как с самого начала поняли, что ты не из нашего мира.

Саймон удивленно обернулся и встретил спокойную улыбку Ингвальда.

— Да-да, человек из другого мира! Конечно, до нас дошли слухи о тебе, но уже после того, как мы сами поняли, что ты пришелец. Странно, ты из другого мира, и все-таки не чужой нам. Кольдер, к примеру, не смог бы жить и воевать вместе с нами. Да и к сокольничьим он ни за что бы не проник — его бы сразу распознали соколы.

— Как это? — заинтересовался Саймон.

— Птицы и звери легко отличают чужаков, даже лучше колдуний. Так что люди, подобные тем, с Горма, сразу будут ими обнаружены. Ученые птицы Соколиного Гнезда обеспечивают безопасность горной страны.

Как бы то ни было, еще до заката Саймону пришлось убедиться в том, что эта хваленая безопасность не более надежна, чем уязвимое тело птицы.

На стоянке воины разбирали трофеи. Саймон откладывал в сторону то, что собирался отправить в Соколиное Гнездо, когда услышал оклик часового и ответ приближающегося сокольничьего. Обрадованный возможностью переслать горцам их долю трофеев и тем самым разгрузить своих людей, Саймон двинулся ему навстречу.

Однако, всадник почему-то, вопреки обычаю, не поднял забрало, как это было принято делать при встрече с союзниками. Впрочем, не только это заставило Саймона остановиться — его воины неожиданно насторожились и, оставив свои дела, двинулись к верховому, заходя ему в тыл. Как это уже бывало не раз, Саймона охватило чувство надвигающейся опасности.

Ни секунды больше не раздумывая, он молча бросился на всадника и схватил его за пояс, с удивлением отметив, что сокол даже не шелохнулся при нападении на своего хозяина. Саймон действовал столь стремительно, что всадник не успел достать оружие, но затем, будто опомнившись, он всем телом навалился на Саймона и повалил его на землю. Руки в железных перчатках неумолимо потянулись к горлу Трегарта.

Его отчаянное сопротивление было подобно борьбе со стальной машиной — уже через мгновение Саймон понял, что пытается совершить невозможное. То, что было скрыто под доспехами сокольничьего, немислимо одолеть в одиночку и голыми руками. К счастью, Саймон был не один: крепкие руки воинов стащили с него противника и, несмотря на то, что он яростно отбивался, прижали его к земле. Потирая исцарапанное горло, Саймон привстал на колени.

— Снимите с него шлем! — приказал он.

Ингвальд занялся ремешками шлема и, наконец, с трудом расстегнул их.

Весь отряд собрался вокруг воинов, прижимающих к земле чужака, который не переставал вырываться. У всех мужчин горной страны была характерная внешность — рыжеватые волосы и желто-карие глаза, как и у их пернатых слуг. Таким же был с виду человек, прижатый к земле, но собравшиеся около него воины твердо знали, что перед ними лежит кто угодно, только не сокольничий.

— Покрепче свяжите его! — приказал Саймон. — Я думаю, Ингвальд, мы нашли то, что искали. — Он подошел к лошади, на которой приехал в лагерь мнимый сокольничий — она была вся в поту, с удил свисали клочья пены. Похоже, ее едва не загнали. В глазах животного стоял дикий страх, однако, когда Саймон потянулся к узде, лошадь даже не шевельнулась, и по-прежнему стояла, опустив голову, только крупная дрожь пробежала по всему ее телу.

Сокол сидел совершенно спокойно: он не бил крыльями, не норовил клюнуть Саймона. Тот, осторожно протянув руку, схватил птицу и сразу ощутил, что держит в руках нечто неживое.

С соколом в руке он повернулся к адъютанту:

— Ингвальд, позови сюда Латора и Карна, — он назвал имена двух лучших разведчиков. — Пусть срочно отправляются в Соколиное Гнездо, надо выяснить, как далеко проникла эта зараза. Даже если там все в порядке, мы должны предупредить сокольничьих. А вместо доказательств, — Саймон поднял с земли птичеклювый шлем всадника, — пусть покажут вот это. Я уверен, шлем настоящий и сделан руками

горцев. — Он подошел к связанному пленнику. Тот молчал, но глаза его горели ненавистью. — Нет, не могу поверить, что это один из них...

— А мы не возьмем его с собой? — спросил Карн. — Или хотя бы птицу?

— Нет. Мы еще ничего не узнали, поэтому пока оставим их у себя. А этого нужно хорошенько стеречь, — он кивнул на связанного.

— Пещера у водопада, командир! — воскликнул Вальдис, юноша из клана Ингвальда, следовавший за ним в горы. — Там достаточно одного часового у входа. И никто не знает о ней, кроме нас.

— Хорошо. Ингвальд, проследи за этим.

— А ты, командир?

— Я хочу выяснить, откуда идет его след. Как знать, может, он явился из Соколиного Гнезда, тогда, чем раньше мы узнаем печальную правду, тем лучше.

— Вряд ли, командир. Но даже если и так, то он ехал кружным путем, ведь крепость сокольников находится от нас к востоку, а всадник появился с запада, на тропе, что идет от моря. Санту! — Ингвальд позвал одного из тех воинов, которые связывали пленника. — Поставь на тропе часовых и пришли ко мне Калуфа — который первым окликнул этого всадника.

Саймон оседлал лошадь и пристегнул к седлу сумку с провизией. В нее же он положил и механическую птицу, впервые попавшую к нему в руки неповрежденной. Он заканчивал сборы, когда к нему подбежал Калуф.

— Ты уверен, что всадник появился с запада? — спросил Саймон.

— Я готов поклясться в этом на Камне Энгиса, командир! Сокольничьи не любят море, хотя иногда они и служат у мореходов. Но я не слышал, чтобы они патрулировали побережье. А этот появился как раз между скал, что прикрывают тропу, идущую от бухты, и ехал он так, словно хорошо знал дорогу.

Саймон встревожился не на шутку. Эту бухту они обнаружили пять дней назад, и она была его единственной надеждой на организацию морской связи с Севером. В бухте не было скал и подводных камней, которыми изобиловало все побережье, и Саймон вознамерился соорудить там гавань для небольших судов, чтобы переправлять на Север беженцев и, в то же время, снабжать защитников границы оружием и боеприпасами. Если бухта находится в руках врага, это надлежит выяснить — и немедленно!

В сопровождении Калуфа и еще одного воина Саймон покинул лагерь. По пути он внимательно изучал местность, отмечая все, что могло пригодиться для будущих операций. Но мысли о делах насущных перемежались раздумьями совсем иного рода.

Когда он сидел в тюрьме, у него было предостаточно времени, чтобы довольно глубоко заглянуть в самого себя. А глубины эти были мрачны. Его душа словно спала до сих пор под спудом повседневных забот воинской службы. Порой ему казалось, что кроме них ничего и нет, что там, внутри — пустота. А может, Саймон просто не давал выхода тому, что там было?

Он познал страх, но это преходящее чувство обычно только побуждало его к действию. Некогда он поверил Петронию, что, шагнув за ворота, он найдет себя вновь. Но пока этого не произошло. Ингвальд говорил об одержимых... Одержимые дьяволом... Но как узнать, владеешь ли ты собой сам, или тобой руководит некто?

Саймон как бы раздвоился, постоянно наблюдая за собой со стороны. Чужак... Его воины сразу это почувствовали. Может быть, он сам — так же неуместен в этом мире, как те несоответствия, над которыми он ломает голову? Саймону показалось, что он находится на пороге какого-то открытия, которое значит очень много не только для него самого, но и для дела, которому он служит.

Ход его мыслей мгновенно прервался, когда он увидел большую ветку дерева, изогнутую горными ветрами и почти лишенную зелени. Она черной линией выделялась на фоне ясного неба, но еще чернее было то, что висело на ней.

Саймон пригнулся в седле, рассматривая три маленьких тельца, раскачивающиеся на ветру —

раскрытые клювы, остекленевшие глаза, когтистые лапы с алыми лентами и серебряными пластинками. На ветке висели три настоящих сокола со свернутыми шеями, которых специально повесили здесь, чтобы всякий, проезжающий по тропе, наткнулся на них.

— Зачем? — воскликнул Калуф.

— Вероятно, предупреждение. — Саймон спешил и бросил поводья Калуфу. — Оставайтесь на месте. Если меня долго не будет, возвращайтесь и доложите все Ингвальду. За мной не ходите, мы не можем зря терять людей.

Воины начали было возражать, но Саймон решительно остановил пререкания и углубился в заросли. Вскоре он обнаружил следы множества ног, сломанные ветки, вытопанную траву, обрывки каких-то тряпок. Саймон приближался к морю: послышался шум прибоя. Все следы свидетельствовали о том, что люди пришли со стороны бухты.

Он уже дважды ходил этой тропой и теперь восстанавливал в памяти картину местности. К сожалению, берег бухты был совершенно лишен растительности, и по обе ее стороны возвышались голые скалы. Оставалось одно — сделать крюк и забраться на утес.

Этот подъем напомнил Саймону другую скальную стену, по которой он карабкался к Склепу Вольта. Вот и сейчас он цеплялся руками и ногами за малейшие трещины в камне, и наконец, добрался до верха, лег на живот и посмотрел вниз.

Саймон ожидал увидеть все что угодно — голый прибрежный песок безо всяких следов присутствия человека, отряд карстенских наемников, стоящий на якоре корабль... Но увидел он такое... В первый момент Саймон подумал, что перед ним просто очередное наваждение этого странного мира. Потом испугался — уж не галлюцинации ли у него начались, а вдруг то, что он видит — порождение его собственного мозга? Но, присмотревшись внимательнее к, совершенно гладкому металлическому корпусу, Саймон понял, что он, хотя и очень напоминает ему нечто знакомое, но все же отличается от всего, что он видел раньше.

Очевидно, это все-таки какой-то корабль, несмотря на то, что у него почему-то нет ни надстроек, ни мачт, ни снастей. Нос и корма судна были заострены, и это придавало ему сходство с торпедой. На гладкой палубе Саймон увидел трех человек, которые стояли возле люка. Все они были в птичеклювых шлемах сокольников, но он, непонятно каким образом, вдруг понял, что среди них нет ни одного настоящего горца.

И вновь Саймон, разглядывая таинственное судно, подумал о загадках этого мира. Ведь корабли сулькарцев ходили под парусами и не имели двигателей. А этот корабль как будто явился из его собственного мира! Как могут сосуществовать два таких различных уровня цивилизации? Неужели опять кольдеры? Чужое, чужое... Ему казалось, что он вот-вот поймет, вот-вот догадается...

На какое-то мгновение Саймон, увлекшись рассуждениями, потерял бдительность. Только крепкий шлем, добытый им в Карсе, спас ему жизнь — обрушившийся неизвестно откуда удар оглушил его. Он уловил запах мокрых перьев и еще чего-то незнакомого... Плохо соображая, Саймон попытался встать, но последовал очередной удар, и он краем глаза заметил крыло повергнувшего его врага. Сокол! Настоящий или поддельный? Этот вопрос он унес с собой в непроницаемую мглу, сомкнувшуюся над ним.

2

ПРОДАННЫЕ НА ГОРМ

От тупой, пульсирующей боли разламывалась голова, в висках стучало так, словно кто-то там, внутри, колотил в барабан. Саймона бил озноб. Стоило ли приходить в сознание, чтобы терпеть такие муки? Вскоре он понял, что этот стук у него в висках усиливается каким-то внешним, ритмичным постукиванием. То, на чем он лежал, равномерно, в такт ударам, вздрагивало.

Открыв глаза, Саймон не увидел света, а шевельнувшись, обнаружил, что связан по рукам и ногам. У него возникло ощущение, что он находится в заколоченном гробу, и Саймон прикусил губу, чтобы не закричать от ужаса. Борьба со страхом на какое-то время притупила восприятие, и он далеко не сразу обнаружил, что в этом гробу есть и другие пленники.

Справа от него время от времени кто-то постанывал, слева — кого-то рвало, и это лишь добавляло зловония в спертую атмосферу их общей темницы. Как ни странно, эти звуки успокоили Саймона, и он позвал:

— Кто здесь? И где это мы? Кто-нибудь знает?

Стонущий человек как будто всхлипнул, но ничего не ответил — то ли он не мог справиться с болью, то ли не понял.

— Кто ты? — слышался тихий шепот справа.

— Я с гор. А ты? Это что, карстенская тюрьма?

— Уж лучше бы так! Бывал я в карстенских застенках да и в камере для допросов — тоже, а потому повторяю — лучше бы уж попасть туда.

Саймон начал вспоминать, что с ним произошло. Он забрался на скалу осмотреть бухту, обнаружил там странный корабль... Потом его атаковал сокол, поддельный, конечно! А дальше — мрак. Вывод напрашивался сам собой — он находится в трюме необычного корабля!

— Мы в руках тех, кто скупает людей для Горма? — спросил он.

— Ты не ошибся, человек с гор! Тебя не было с нами, когда приспешники Ивиана продали нас кольдерам. Значит, ты один из захваченных позже горцев?

— Эй, сокольничьи! Люди Крылатого Племени! — громко крикнул Саймон, и эхо его голоса прокатилось из одного конца трюма в другой. — Сколько вас тут? Вас зовет один из защитников границы!

— Нас трое. Правда, Фальтьяра бросили сюда без сознания, и мы не знаем, жив ли он еще.

— Фальтьяр! Страж Южных Ворот! Как вы попали в плен?

— Мы узнали о бухте, куда могут приставать корабли, а вскоре прибыл гонец из Эсткарпа, и сообщил, что нам могли бы доставлять оружие морем, если бы было где высадиться. Тогда Владыка Крыльев и приказал нам разведать эту бухту. Мы были близки к цели, когда на нас напали соколы, но это были чужие птицы. Очнулись мы уже на берегу, без доспехов и без оружия, а потом нас затащили на этот ни на что не похожий корабль. Это говорю я, Тандис, который пять лет прослужил матросом на кораблях сулькарцев и повидал столько портов и столько кораблей, что и за неделю не пересчитаешь, но ничего подобного еще не встречал!

— Тут колдовство кольдеров, — слышался слабый голос справа. — Невозможно уследить за временем, когда сидишь в непроглядной тьме. Ночь или день теперь? В Карсе меня бросили в тюрьму за то, что, когда прозвучал рог, я спрятал у себя женщину и ребенка из древней расы. Всех, кто помоложе, перевезли из тюрьмы на остров в устье реки. Там нас осматривали...

— Кто? — быстро спросил Саймон. Подумать только, рядом находится человек, который, возможно, видел этих таинственных кольдеров!

— Не помню... — еле слышно донеслось справа. — У этих людей с Горма какое-то колдовство... Голова

начинает кружиться, а потом ничего не помнишь... Говорят, что они демоны из-за моря, я думаю, так оно и есть!

— А ты, сокольничий? Ты видел их?

— Да, видел. Но мне почти нечего добавить. Нас втащили сюда карстенские наемники, ну а эти — известно, оболочка без разума и воли, железные мышцы на службе у своих хозяев. И одежду у нас забрали, чтобы наших же людей одурачить.

— Одного такого мы поймали, — сказал Саймон. — Может, хоть отчасти дело прояснится.

Он спохватился, подумав, что сболтнул лишнее, ведь у этих стен могут быть уши и, возможно, кто-нибудь подслушивает беспомощных пленников.

В трюме оказалось десять карстенцев, бывших заключенных, которых арестовали за нарушение приказов герцога, а также — трое сокольничьих, захваченных в бухте. Большинство пленников находилось в полубессознательном или близком к тому состоянию. Если они и могли что-нибудь вспомнить, то воспоминания одних заканчивались прибытием на остров в устье реки, других — на берег бухты.

Продолжая расспросы, Саймон обнаружил одну закономерность: в этот жуткий трюм попали люди крепкого телосложения, энергичные и хорошо владеющие оружием. Именно такими здесь были все, начиная от сокольничьих, которые, постоянно живя в военных поселениях, по существу являлись профессиональными воинами, и кончая соседом справа от Саймона, карстенцем, который был мелким провинциальным землевладельцем и командовал отрядом самообороны. Все — в возрасте от двадцати до сорока, и все — совершенно здоровы, если не считать синяков, полученных в застенках герцога. Среди карстенцев Саймон нашел даже двух братьев из знатной, но обедневшей семьи. Молодых людей тоже бросили в тюрьму за то, что они укрывали беженцев. Однако, ни одного человека древней расы здесь не было. Опять же по рассказам пленников он понял, почему: всех представителей древней расы — мужчин, женщин и детей — убивали на месте, в плен не брали никого.

Наконец, один из братьев, которого Саймон вывел из оцепенения терпеливыми расспросами, сообщил ему очень важные сведения.

— Наемник, который оглушил моего брата — да грызут его день и ночь крысы! — не хотел брать в плен Ренстона, нашего побратима. Мы вместе ели, пили и учились владеть мечом. А когда был объявлен этот приказ, он прятался, и мы понесли ему провизию и оружие, чтобы он попытался уйти за границу. Но нас выследили и схватили, правда, трое из них поплатились за это жизнью! Потом один наемник начал связывать Ренстона, но офицер сказал, что он зря старается, поскольку торговцы с Горма не берут людей древней крови. Тот начал убеждать командира, что Ренстон столь же молод и силен, как и мы, и что за него хорошо заплатят. Но офицер оборвал его и заявил, что древнюю расу можно сломить, но не согнуть, и тут же пронзил грудь Ренстона мечом.

— Сломить, но не согнуть... — медленно повторил Саймон.

— Люди древней расы одной крови с народом Эсткарпа, — добавил юноша. — Наверное, демоны с Горма не могут подчинить их себе так же легко, как это удастся с другими.

— Но почему Ивиан столь внезапно ополчился на древнюю расу? — полушепотом спросил Саймона карстенец справа. — Ведь они ушли на окраины и не мешали нам. А те, кто подружился с ними, говорили о них только хорошее, и дружбе не мешали ни их древние знания, ни странные обычаи. Неужели Ивиан действует по чьему-то приказу? Тогда кто отдает такие приказы? И зачем? Как знать, братья мои по несчастью, может, люди древней крови, жившие среди нас, служили своего рода препятствием для проникновения зла с Горма. Ну вот Горм и решил устранить его!

Что же, вполне логично. Саймон и сам думал о происходящем примерно так же. Он собирался продолжить расспросы, но сквозь тихие стоны еще не пришедших в сознание пленников он уловил какое-то шипение — звуки до ужаса ему знакомые. Спустя минуту он понял — в трюм поступает какой-то газ.

Люди задыхались и кашляли, бились в конвульсиях и затихали. Саймон думал лишь об одном: едва ли четырнадцать человек затащили в этот трюм только для того, чтобы умертвить газом. Он, успокоенный

этой мыслью, сделал глубокий вдох, почему-то вспомнив анестезию у зубного врача в его прежнем мире.

— Бу-бу-бу... Бу-бу-бу... Бу-бу-бу... — Слова не слова, непонятные звуки, какой-то высокий голос... Он приказывает. Следуя инстинкту самосохранения, Саймон лежал не двигаясь.

— Бу-бу-бу... Бу-бу-бу... Бу-бу-бу...

Боль в голове притупилась. Саймон понял, что он уже не на корабле — под ним больше ничего не вздрагивало и не качалось; он был раздет донага и дрожал от холода.

Голос смолк, но Саймон продолжал лежать неподвижно, как будто помимо воли подчиняясь какому-то приказу.

Пытаясь вывести себя из этого состояния, Саймон дважды сосчитал до ста. Ни звука. Он поднял веки и тотчас опустил их — в глаза ударил яркий свет. Мало-помалу глаза привыкли, он осмотрелся, насколько мог это сделать лежа и не шевелясь, и увиденное поразило его не меньше, чем странный корабль.

Не так уж часто Саймон бывал в лабораториях, но ряды банок, мензурок и пробирок на полках прямо перед ним свидетельствовали о том, что он находится именно в лаборатории.

Один ли он тут и зачем? Сантиметр за сантиметром он медленно и осторожно осматривал все, что попадало в поле его зрения. Судя по всему, лежал он не на полу, но поверхность под ним достаточно жесткая, значит — стол. Саймон очень медленно повернул голову, полагая, что осторожность не помешает. Теперь ему была видна стена — серая, голая, с какой-то линией... Еще чуть-чуть повернув голову, он понял, что это дверь..

Так... Это одна сторона комнаты. Все так же осторожно Саймон повернул голову в другую сторону и увидел на столах, стоявших в ряд, еще пятерых голых людей. Все пятеро были либо мертвы, либо без сознания. Скорее, пожалуй, второе...

Потом Саймон увидел высокую худощавую фигуру человека, стоявшего к нему спиной. Человек склонился над первым в ряду столом. Кроме серого комбинезона да такой же шапочки, Саймон пока ничего не видел и не мог определить ни пола, ни расы оператора, целиком поглощенного своей работой. Рядом с ним стоял передвижной столик со всевозможными склянками. На голове распростертого человека Саймон увидел круглую металлическую шапку, а в его вены были введены иглы, к которым крепились трубочки, идущие от склянок. Похолодев от ужаса, Саймон наблюдал за умерщвлением человека в человеке, за той смертью, после которой превращаются в существо, подобное тем одержимым, с какими он сражался под Сулькаром.

То же самое ждет и его! Саймон пошевелил руками и ногами — вроде порядок. Хорошо еще, что он оказался в этом ряду последним! Саймон немного замерз, но, похоже, вполне владел своим телом.

Серая фигура, по-видимому, закончила с первым человеком и перешла ко второму. Саймон сел. Слегка закружилась голова, и он невольно ухватился руками за край стола, но, к счастью, это резкое движение не выдало его.

Очевидно, работа на другом конце комнаты была весьма сложной и требовала от оператора полного внимания. Чувствуя, что от смещения центра тяжести стол под ним вот-вот опрокинется, Саймон спустил ноги и перевел дыхание лишь тогда, когда его ступни твердо встали на гладкий холодный пол.

Он с надеждой взглянул на своего соседа, думая, что и тот, может быть, очнулся. Однако юноша лежал совершенно неподвижно с закрытыми глазами, а грудь его поднималась и опускалась с поразительно большими интервалами.

Саймон шагнул к полкам — только там он сможет найти какое-нибудь оружие. Даже если ему удастся добраться до двери незамеченным, бежать отсюда, не разобравшись в обстановке, довольно рискованно. А кроме того, он не мог оставить здесь пятерых человек, обреченных на смерть — нет, хуже смерти!

Он взял с полки большую бутылку, наполовину заполненную какой-то желтой жидкостью. Наощупь бутылка казалась стеклянной, но была значительно тяжелее. Взяв ее за горлышко, Саймон осторожно двинулся к столу, над которым склонился оператор.

Босиком он двигался совершенно бесшумно, и, наконец, подкравшись со спины к ничего не подозревавшему оператору, со всей силы ударил его бутылкой по голове.

Не издав ни звука, тот мешком повалился на пол и потащил за собой провода, которые только что собирался укрепить на голове очередной жертвы. Саймон бросился было на упавшего, схватил за горло, но тут же остановился, увидев разбитый, залитый кровью затылок. Саймон приподнял тело, оттащил его в проход между столами и только там взглянул в лицо тому, кого определенно считал кольдером.

То, что он увидел, несколько разочаровало его. Вопреки всему тому, что рисовало его богатое воображение, перед ним лежал обыкновенный человек. У него были мелкие черты, широкие скулы и очень маленький узкий подбородок, никак не соответствующий верхней половине лица. И что бы там ни таилось в его голове при жизни, во внешности человека не было ничего демонического.

Саймон снял с кольдера комбинезон, затем, хоть ему и не хотелось трогать разбитую голову, снял шапочку и отправился с ней к раковине в другом конце комнаты, чтобы смыть кровь. Под комбинезоном на человеке оказалось какое-то плотно прилегающее одеяние, причем Саймон не нашел никаких застежек, и снять его не удалось, поэтому он удовольствовался только верхней одеждой.

Тем двоим, которых оператор уже подключил к трубочкам, Саймон вряд ли уже мог помочь — он просто ничего не смыслил в этих устройствах. Однако, осмотрев оставшихся троих и попытавшись поднять их, Саймон понял, что и это тоже невозможно. Вероятно, они находились в состоянии, подобном наркотическому трансу. И как это он сам избежал участи, постигшей его товарищей по несчастью?

Ничего не добившись, Саймон подошел к двери, на которой не было ни щеколды, ни ручки, но, поднажав на нее, он обнаружил, что она отодвигается вправо. Он выглянул. Стены, пол и потолок пустынного коридора были того же унылого серого цвета, что и в лаборатории. Слева от себя Саймон увидел еще несколько дверей и подошел к ближайшей из них.

Осторожно, так же осторожно, как он пошевелился, приходя в сознание, Саймон приоткрыл дверь. Заглянув в щель, он увидел людей, которых кольдеры привезли на Горм, если, конечно, он находится на Горме. Там было человек двадцать: они лежали в ряд и пока еще в одежде, но, как Саймон понял после беглого осмотра, все тоже были без сознания. Надеясь, что те трое, оставшиеся в лаборатории, придут в себя, он перетащил их в эту комнату и положил рядом с остальными.

Осмотрев лабораторию, Саймон нашел несколько ланцетов и прихватил с собой самый большой. Он срезал оставшуюся одежду с убитого оператора и положил тело на один из столов так, чтобы разбитая голова не бросалась в глаза при входе. К сожалению, он не понял, как запирается дверь в лабораторию, а то бы запер ее непременно.

Заткнув ланцет за пояс, он брезгливо натянул на голову влажную шапочку. Несомненно, в этих бутылках и банках, что поблескивали на полках, можно было найти оружие и более действенное, но, подумав немного, Саймон махнул рукой — это не его стихия, ему сподручней, уж если на то пошло, орудовать ланцетом да собственными кулаками.

Саймон вышел в коридор и направился к следующей двери. Интересно, долго ли они еще не хватятся убитого им оператора?

Две двери открыть не удалось, но в конце коридора Саймон увидел еще одну. Она была приоткрыта, и он проскользнул внутрь, заключив после осмотра, что попал в жилую комнату. Строгая мебель, кресла, кровати, и... Саймон не верил своим глазам! То, что он сначала принял за стол, было скорее пультом управления. Его мозг отказывался связать воедино мир Эсткарпа, Соколиного Гнезда, Карса с тем, что он увидел здесь, ибо там было прошлое, а это — будущее!

Открыть ящики стола Саймон не смог, хотя на каждом из них были, казалось бы, специальные углубления для нажатия пальцем. Он присел на корточки, чтобы разобраться получше.

По стенам шли такие же ящики, в них тоже были углубления для пальцев, но и эти ящики не поддавались! Стиснув зубы, Саймон решил взломать хоть один из них ланцетом.

Сделать этого он не успел — в комнате раздался чей-то голос. Саймон резко обернулся и никого не обнаружил — он слышал речь, но не видел говорящего. Языка этого Саймон не знал и, конечно, не понял

ни слова, но судя по интонации, ему задавали вопрос, на который следовало дать немедленный ответ.

3

СЕРЫЙ ХРАМ

За ним наблюдают? Или он слышит какое-то сообщение по системе оповещения? Убедившись, что он по-прежнему один в комнате, Саймон прислушался, пытаясь сориентироваться по интонации говорящего. Спустя немного времени он понял — повторяется один и тот же вопрос, но значит ли это, что его обнаружили?

Интересно, скоро ли невидимый диктор начнет действовать? Немедленно, если не дождется ответа? Может быть, это предупреждение, но о чем? Саймон вышел из комнаты.

Поскольку коридор здесь заканчивался тупиком, он двинулся в другой его конец, мимо комнат, где уже побывал... Но никаких комнат не было! То есть он не видел больше ни одной двери; его глазам предстала голая сплошная стена. Вспомнив о наваждениях колдуний Эскарпа, Саймон провел рукой по серой поверхности — ничего. Если там и были скрыты двери, то не при помощи наваждения. Его убеждение в том, что кольдеры представляют собой совсем иной тип цивилизации, нежели жители Эскарпа, и для достижения своих целей опираются на знания, а не на колдовство, окончательно укрепилось в нем.

Даже технические достижения его прежнего мира показались бы людям Эскарпа колдовством, и это значит, что в Эскарпе лишь он, Саймон Трегарт, может осмыслить и отчасти понять творящееся на Горме, а может быть, и сделать то, что не по силам ни одной колдунье.

Саймон медленно шел по коридору, ведя рукой по стене в надежде обнаружить выход. Неужели удача отвернулась от него?

Снова над его головой раздалась команда на непонятном языке — в голосе звучали железные нотки приказа. Почувствовав опасность, Саймон замер на месте — в любое мгновение он может оказаться в западне.

И тут он обнаружил выход! Но вовсе не там, где ожидал — дальше по коридору он увидел боковой ход, откуда лился яркий свет. Саймон вытащил из-за пояса ланцет и, приготовившись к неожиданному нападению, свернул за угол.

Вновь тишину нарушил лающий металлический голос, и Саймон пришел к выводу, что здешние хозяева еще не вполне разобрались в ситуации: по-видимому в комбинезоне и шапочке его принимали за оператора, который ведет себя не надлежащим образом, и требовали от него отчета.

Решив не выходить из роли как можно дольше, Саймон почувствовал себя увереннее и, возможно, в результате этого потерял осторожность. Он едва не запаниковал, когда в помещении, куда он вошел, закрылась дверь, и он оказался в замкнутом пространстве, как в мышеловке. Однако, прислонившись к стенке и почувствовав слабую вибрацию, Саймон понял, что находится в лифте. Это открытие несколько успокоило его, еще больше утвердив в мысли, что цивилизация кольдеров по своему типу близка цивилизации его прежнего мира. И, что ни говори, Саймон чувствовал себя куда спокойнее, находясь в лифте кольдеров, нежели в комнате, заполненной клубящимся туманом, и глядя, как твой друг превращается в отвратительного бродягу.

Однако, несмотря на то, что увиденное показалось ему отчасти знакомым, изнутри Саймона пробирал холодок, поскольку вся здешняя атмосфера была чуждой. И не только чуждой, и не только угрожающей, но отрицающей все то, что Саймон мог назвать близким себе. Он совершенно не представлял, как соотносить кольдеров с родом человеческим, в то время как колдуньи Эскарпа — все-таки люди!

Вибрация прекратилась. Саймон не сомневался, что дверь откроется, вот только где она, с какой стороны?

На этот раз снаружи слышались какие-то звуки — тихое гудение и приглушенные голоса. Одна из стен кабины отошла в сторону, и Саймон осторожно вышел, очутившись в небольшом помещении. И снова его глазам предстало нечто до боли знакомое: вся стена напротив была занята большой картой, на которой

он обнаружил изрезанную береговую линию, знакомые горы и разноцветные огоньки, разбросанные по всей карте. На побережье, где находился разрушенный Сулькар, и в заливе, где находился Горм — бледно-фиолетовые, на равнинах Эсткарпа — желтые, в Карстене — зеленые, а в Ализоне — красные.

Вдоль всей стены под картой стоял длинный стол, на котором через равные промежутки были установлены какие-то приборы — мигали сигнальные огни, время от времени раздавался треск, и перед каждым таким устройством спиной к Саймону сидела фигура в сером комбинезоне и шапочке. Все были настолько поглощены делом, что никто даже не обернулся при появлении Саймона.

Немного в стороне стоял другой стол, похожий скорее на пульт, за которым сидело еще трое кольдеров. Тот, что посередине, был в металлическом шлеме, от которого за спину кольдера тянулась паутина кабелей и проводов. Лицо его не имело никакого выражения, глаза были закрыты, но он явно не спал — время от времени его пальцы пробегали по клавишам и тумблерам на пульте. Чем дольше Саймон наблюдал за происходящим, тем больше он убеждался в том, что попал в некий центр управления. Голос, который Саймон прежде слышал как бы ниоткуда, принадлежал кольдеру, сидевшему слева от фигуры в шлеме. Вдруг он заметил Саймона, и в первую минуту на его широком лице можно было прочесть лишь нетерпение, но почти сразу же оно сменилось ненавистью — кольдер понял, что перед ним чужой!

Саймон прыгнул. До пульта было далеко, но один из операторов, сидевших за приборами, оказался в зоне его досягаемости. Саймон нанес ему страшный удар ребром ладони — от такого удара обычно ломается позвоночник, только на этот раз он хотел просто оглушить свою жертву. Прикрываясь обмякшим телом оператора как щитом, он стал пятиться к стене, где увидел еще одну дверь, за которой и надеялся скрыться.

К изумлению Саймона, кольдер, первым заметивший его, даже не пошевелился, не делая никаких попыток помешать ему. Он лишь медленно повторял, на этот раз на языке жителей материка:

— Вернись в свой отсек и доложи своему начальнику!

Саймон продолжал пятиться к выходу. Оператор, сидевший рядом с тем, которого он оглушил, перевел изумленный взгляд с Трегарта на кольдера за главным пультом, и снова на Саймона. Потом в его сторону обратились недоуменные лица и других операторов, и каждый из них явно ожидал со стороны Саймона немедленного повиновения. Кольдер встал из-за пульта и твердо сказал еще раз:

— Вернись в свой отсек! Немедленно!

Как бы не так! Саймон рассмеялся, совсем не предполагая, какой эффект произведет его смех — все кольдеры, за исключением фигуры в металлическом шлеме с проводами, повскакивали с мест. Операторы тревожно уставились на кольдеров за пультом, словно ожидая приказа.

Саймон подумал, что не засмейся он, а заори во все горло, они все равно удивились бы меньше. Неповиновение казалось им чем-то непостижимым.

Тот, что отдавал приказы, положил руку на плечо кольдера в шлеме и потряс его, явно забеспокоившись не на шутку. Потрявоженный кольдер открыл глаза, осмотрелся, и его взгляд застыл от неожиданности — теперь он смотрел на Саймона, как на привидение.

Затем последовала атака. Нет, никто не сделал ни шагу в его сторону, но какой-то мощный силовой удар придавил Саймона к стене, да так, что он едва мог вздохнуть. Тело оператора, которым Саймон прикрывался, выскользнуло из его рук и сползло на пол — он не мог его удержать, поскольку каждый вдох давался ему с огромным трудом. Если он так и будет стоять, прижатый к стене этим чудовищным прессом, едва ли его хватит надолго. Саймон лихорадочно думал, что делать. Колдовство Эсткарпа по-видимому обострило его восприятие, и он сообразил, что западня, в которую он попал, создана исключительно силой духа, а значит, и бороться с ней возможно только тем же средством.

Правда, хоть он и имел некоторое представление о методах колдуний, у него не было практически никакого опыта. Собрав всю свою волю, Саймон сконцентрировал ее на том, чтобы поднять руку. Это давалось с таким невероятным трудом, что, казалось, он вот-вот лишится сил.

Подняв одну руку, он так же, затрачивая огромные усилия, поднял и другую. Напрягая волю, он заставил работать мышцы ног и начал потихоньку перемещаться к выходу. По широкому лицу кольдера в

шлеме пробежала тень удивления, а может, это ему только показалось?

То, что Саймон сделал в следующее мгновение, произошло как бы само собой, как бы помимо его воли — он вдруг поднял руку до уровня груди и начертил в воздухе знак.

Этот знак он уже видел дважды, когда его чертила колдунья, и тогда на краткий миг знак вспыхивал в воздухе.

Теперь же он вспыхнул просто ослепительно и погас не так быстро, и Саймон неожиданно почувствовал, что давление заметно ослабло и он может двигаться!

Саймон бросился к выходу, надеясь скрыться — но не тут-то было! Едва он выскочил в коридор, на его пути оказалось трое вооруженных воинов. В их молчаливом приближении таилась смертельная угроза, и он понял это, увидев горящие ненавистью глаза. На него шли одержимые, те самые рабы кольдеров, которые не задумываясь исполняют любой приказ.

Без колебаний Саймон двинулся им навстречу. Резко прыгнув вправо, он схватил ближайшего к нему воина за ногу и рывком повалил его на пол.

Гладкий пол коридора неожиданно очень ему помог — не устояв на ногах после резкого толчка, Саймон вместе с поверженным противником прокатился по полу мимо двух других воинов. Потом он почувствовал, как чей-то меч чиркнул по его ребрам, и в тот же миг ударил ланцетом куда-то вверх. Застонав, один из воинов рухнул, и Саймон выхватил у него из-за пояса самострел.

Он успел выстрелить вовремя, и меч, готовый сразить его, обрушился на того раненого, что лежал рядом. Третий его противник замешкался, и Саймон, не упустив случая, выстрелил еще раз.

Он прихватил с собой два других самострела и побежал по коридору. К счастью, этот коридор заканчивался не тупиком, а винтовой лестницей, каменные ступени которой шли круто вверх, видимо, внутри башни. Гладких серых поверхностей здесь уже не было.

Босые ноги то и дело скользили на каменных ступенях, но он неуклонно поднимался все выше и, наконец, обнаружил проход, точно такой же, как и в крепости Эскарпа. По-видимому, вся эта техника будущего была упрятана внутри обычного для здешнего мира сооружения — в крепости.

Дважды Саймону приходилось надолго затаиваться, держа наготове самострел, когда мимо проходили отряды одержимых. Поскольку воины шли ровным шагом и не рыскали по углам, Саймон никак не мог определить — объявлена ли общая тревога или они совершают обычный обход.

В коридорах с искусственным освещением утрачивалось чувство времени, и Саймон не знал, день сейчас или ночь, и долго ли он уже находится в этой крепости. Однако, он давно был голоден, и его мучила жажда. Кроме того, в тонком комбинезоне он продрог, чему, кстати, очень способствовало и сомнительное удовольствие ходить босиком по холодным каменным плитам.

Если бы иметь план лабиринта, из которого он пытается выбраться! Да хотя бы знать, где он все-таки находится? На Горме? А может, в таинственном замке Иль, который кольдеры возвели на побережье? Или еще на какой-нибудь другой базе захватчиков? В том, что это база, у Саймона не было никаких сомнений. Голод и жажда, а также желание найти хоть какое-нибудь убежище, заставили его внимательно осмотреть помещения верхнего этажа. Здесь он уже не видел такой мебели, как внизу. Резные деревянные сундуки, столы и кресла — все было сделано местными мастерами. В некоторых помещениях Саймон обнаружил следы поспешного бегства и грабежа, но сейчас на всем лежал толстый слой пыли, словно уже много лет здесь никого не было.

В одной из таких комнат Саймон нашел подходящую по размеру одежду. Искал он и оружие, ведь кроме трех самострелов, ничего другого у него не было, да и доспехи ему бы не помешали. И все-же в первую очередь ему были необходимы вода и пища, и он уже начал подумывать о возвращении на столь опасные нижние этажи. Но помышляя о спуске, он продолжал, тем не менее, подниматься по лестнице, осматривая все ее ответвления, попадавшиеся на пути. Он обратил внимание на то, что все окна наглухо забиты и лишь искусственное освещение позволяет хоть немного ориентироваться здесь. Но чем дальше уходил Саймон от помещений кольдеров, тем слабее становился свет.

Наконец, показался узкий лестничный марш, которым, по-видимому, пользовались часто. Саймон

достал самострел и осторожно двинулся по ступенькам вверх, к двери. Она легко подалась, и Саймон выглянул на плоскую крышу, часть которой закрывал навес. То, что стояло под навесом, не особенно его и удивило после всего увиденного внизу. Саймон ни минуты не сомневался, что перед ним самолеты.

Заостренные крылья небольших самолетов были отогнуты назад, тупые носы задраны. Каждая машина могла нести пилота и двух пассажиров. Вот вам и разгадка таинственного нападения на Сулькар. Ясно, что у кольдеров таких самолетов не один десяток.

Если не будет другой возможности, то придется воспользоваться такой машиной для бегства. Знать бы только, откуда он собирается бежать? Еще раз оглядев этот импровизированный и, похоже, никем не охраняемый ангар, Саймон подобрался к краю крыши, надеясь увидеть хоть что-нибудь, что помогло бы ему определить, куда он попал.

На мгновение ему показалось, что он вновь находится в Сулькаре: внизу лежала гавань, стояли на якоре корабли, вдоль улиц, спускавшихся к морю, шли ряды домов. Однако, планировка здесь была иной, чем в крепости мореходов. К тому же, город был значительно больше, и там, где у сулькарцев располагались склады, здесь Саймон увидел жилые кварталы. Хотя стоял ясный день, улицы были пустынные, а дома казались необитаемыми, но при этом он не заметил никаких признаков разрушения, которыми обычно отмечены города, брошенные людьми.

Поскольку архитектура зданий в основном напоминала Карстен и Эсткарп, значит, это не мог быть замок Иль, возведенный кольдерами. Вывод напрашивался сам собой — он на Горме, а внизу, перед ним, очевидно, Сиппар — то самое зловещее место, куда не смогли проникнуть разведчики Эсткарпа.

Если город и в самом деле пуст, то будет нетрудно найти в гавани подходящую шлюпку, чтобы переправиться с острова на материк. Но, раз уж он попал в это наглухо закрытое от внешнего мира место, стоит воспользоваться случаем и получше осмотреться.

Он стоял на крыше самой высокой в городе башни. Наверное, это цитадель древнего замка, где жили правители из клана Кориса. Если бы командир был сейчас с ним, задача Саймона сильно бы упростилась!

Обойдя крышу, Саймон понял, что крыши других домов к ней нигде не примыкают.

Он неохотно направился к навесу, под которым стояли самолеты. Опротетчиво, конечно, залезать в машину, которой не умеешь управлять, но ничего другого ему не оставалось, и он решил попробовать в ней разобраться. Успокоенный тем, что его никто не тревожит, Саймон невольно расслабился, но, спохватившись, все-таки принял некоторые меры предосторожности и, закрыв дверь, ведущую из башни на крышу, заклинил ланцетом засов.

Потом Саймон вернулся к ближайшему самолету и легко выкатил машину на открытое место. Откинув панель в носовой ее части, он осмотрел двигатель. Мотор этого самолета мало чем походил на те двигатели, что он видел раньше, да и не очень-то он в них разбирался, но, судя по всему тому, с чем он столкнулся внизу — эта штука может летать, справиться бы только с управлением...

Прежде чем продолжить изучение машины, Саймон рукояткой самострела, как мог, разбил моторы у остальных, рассудив, что если он и полетит, то воздушный бой ему совершенно ни к чему.

Когда он занес свой импровизированный молоток над двигателем четвертого самолета, враг снова атаковал его. Не грохотали сапоги охранников на лестнице, никто не ломился в дверь, даже к стене его не прижало, как первый раз, но сомнений не было — последовал новый удар невидимой силы — и на этот раз, как ему показалось, его неумолимо тянуло к источнику этой силы Саймон ухватился руками за самолет, но его продолжало тащить вместе с машиной, и он не мог сделать ничего, чтобы хотя бы замедлить это движение. Еще через мгновение Саймон ужаснулся — его тащило не к двери! Очевидно, вместо сомнительного будущего на нижних этажах башни ему уготована скорая смерть при падении с крыши.

Саймон упирался вовсю, прилагая неимоверные усилия. Он попытался вновь прибегнуть к помощи колдовского знака, который так помог ему в прошлый раз, но тщетно, может быть потому, что теперь он не видел противника.

Саймон мог лишь замедлить это сползание, выиграть секунду, минуту — но конец все равно

неизбежен. Попытка продвинуться к двери не удалась, хотя он рассчитывал на то, что враг примет ее за капитуляцию. Теперь Саймон знал наверняка — они хотят только его смерти. Нужно немедленно на что-то решаться.

Он по-прежнему держался за самолет, которым собирался воспользоваться лишь в крайнем случае. Ну что ж, вот он и крайний случай! Машина находилась как раз между ним и краем крыши, куда неумолимо его влекла невидимая сила.

Шанс ничтожный, но все-таки — шанс, другого выхода у него нет. Саймон уступил силе пару шагов, делая вид, что больше не может сопротивляться. Еще шаг... Его рука легла на ручку двери в кабину пилота. Напрягая последние силы в этой дьявольской схватке, Саймон протиснулся внутрь.

Его отшвырнуло к задней стенке, и самолет вздрогнул от удара. Саймон обратился мысленно к Силам, о которых в Эсткарпе и понятия не имеют, поднял налитую свинцом руку и потянул один из рычагов на себя.

ГОРОД МЕРТВЫХ

Саймон наивно ожидал, что немедленно взлетит, но машина только покатила по крыше, набирая скорость. Она ударила носом о низкий парапет с такой силой, что, казалось, должна была развалиться на части. Саймон понял, что падает, но все-таки это не то падение, на которое рассчитывали кольдеры — он падает в кабине самолета.

Еще мгновение спустя Саймон осознал, что падает не отвесно, а под углом. Без особой надежды он дернул за рычаг еще раз.

Последовал удар, треск, и все сменила кромешная тьма — без света, без звука...

Сначала во тьме появился красный огонек. Вскоре слуха достиг какой-то слабый повторяющийся звук, словно тикали часы или капала вода. А потом он ощутил ужасный запах. Именно он и привел Саймона в чувство окончательно. Сладковатый запах разложения бил в нос и, казалось, застревал в горле.

Саймон сел и осмотрелся. Огонек загорелся, видимо, при ударе. Невидимая сила, преследовавшая его на крыше, словно отступила от него — он мог совершенно свободно двигаться и дышать.

Не считая многочисленных синяков, авиакатастрофу Саймон перенес вполне благополучно, очевидно потому, что при падении большая часть удара пришлась на машину. Красный огонек горит, наверное, на приборной доске... Капает где-то совсем рядом... Ну и вонь!

Саймон попробовал вылезти из кабины. Послышался металлический скрежет, и часть кабины просто отвалилась. Преодолевая боль, он выбрался из искореженного самолета и посмотрел вверх. Прямо над ним в крыше зияла огромная дыра, из которой торчали обломки стропил. Пока он смотрел вверх, еще один обломок рухнул вниз прямо на развороченный фюзеляж. Похоже, машина упала на крышу одного из соседних домов, и приходилось только удивляться, как ему удалось при таком ударе остаться в живых, да еще и не переломать костей.

Судя по тому, что в проломе виднелось темнеющее вечернее небо, он довольно долго пролежал без сознания. Вновь дали о себе знать голод и жажда, побуждая его отправиться на поиски воды и пищи.

Почему до сих пор враги не схватили его? Наверняка они видели, куда рухнула его машина. Разве только они не знали, что он воспользовался самолетом, и следили за ним лишь при помощи психического контакта? Тогда им известно одно — его нет на крыше и контакт прерван. А он всего лишь потерял сознание, но кольдеры вполне могли интерпретировать это как его гибель. Если эти предположения верны, тогда Саймон и в самом деле свободен, по крайней мере здесь, в Сиппаре.

Сначала он решил найти воду и пищу, а уж затем попытаться сориентироваться и выйти в гавань.

Саймон отыскал дверь на лестницу, ведущую, как он надеялся, вниз на улицу. Тяжелый воздух и здесь был пропитан запахом разложения. Саймон давно понял, чем это пахнет, и поспешил к выходу, но внизу запах смерти был еще сильнее.

Окна были открыты, и вечерний свет падал на лестничные площадки. Саймон шел мимо дверей, но ни одну из них не решился открыть, поскольку именно возле них тошнотворный запах был просто невыносим.

Еще один марш вниз, и открылся вход в зал, который оканчивался широким порталом. Саймон надеялся, что там и найдет выход на улицу, но прежде осмотрелся и в одной из кладовок нашел сухари, которые, главным образом, и составляли рацион гвардейцев Эскарпа, а также горшок с сушеными фруктами — они тоже оказались вполне пригодными в пищу. Сгнившие остатки других припасов говорили о том, что в этом доме уже давно никто не живет. Из трубы в раковину капала вода, и, прежде чем заняться сухарями, Саймон с жадностью напился.

Несмотря на голод, есть было трудно, поскольку зловоние стояло здесь повсюду. Хотя Саймон

побывал лишь в одном доме, этого было достаточно, чтобы понять: Сиппар — город мертвых, если не считать самой цитадели с горсткой кольдеров и их одержимых слуг. Похоже, захватчики безжалостно избавились от всех, кто им не был нужен, и не только убили их, но к тому же оставили лежать непогребенными в их собственных домах. Неужели чтобы запугать тех немногих, что остались в живых? Или просто потому, что им было все равно? Скорее, второе... И странное чувство некоторого родства с широколицыми захватчиками, которое Саймон испытывал недолго, исчезло вдруг бесследно.

Саймон забрал с собой все найденные сухари и наполнил водой бутылку. К своему удивлению он обнаружил, что входная дверь заперта изнутри — неужели обитатели этого дома заперлись и совершили групповое самоубийство? Или их уничтожила та же сила, что стащила его с крыши?

Улицы оказались такими же пустынными, какими Саймон увидел их сверху, и все-таки он шел, прижимаясь поближе к домам, вглядываясь в каждый переулок. Но все двери были заперты, и ничто не шелохнулось на всем его пути до гавани.

Саймон понимал, что ни одной двери ему не открыть. Да и зачем это делать? Чтобы посмотреть на мертвецов? Неужели город вымер сразу после того, как во имя притязаний Орны и ее сына на Горм явились кольдеры? А может, значительно позднее, тогда, когда остров оказался отрезанным от внешнего мира? Впрочем, сейчас это представляло интерес разве что для летописцев, и как бы то ни было, перед ним лежал город мертвых — мертвых телом, а в цитадели — мертвых духом. Да и сами кольдеры, внешне нормальные живые люди, очень уж походили на мертвецов.

Саймон пришел к твердому убеждению, что освободить Горм можно лишь уничтожив цитадель. На ходу он запоминал дорогу, думая о том, что, оставив у себя под боком вымерший город, кольдеры сделали большую ошибку. Разве только в этих пустых домах у них установлена сторожевая сигнализация... В таком случае это хорошая ловушка для вражеского десанта.

Саймону вспомнился рассказ о разведчиках, которые несколько лет назад пытались проникнуть на Горм. Да и сам командир пробовал сделать это, но не смог преодолеть какого-то таинственного барьера. Теперь же, на собственной шкуре испытал оружие кольдеров, Саймон все понял. Лишь ему удалось уйти из их логова, да и то благодаря самолету. А кольдеры даже не пытались преследовать его в городе, и уже этот факт говорил о том, что они совершенно уверены в своем оружии.

И все-таки ему не верилось, что безмолвный город никем и ничем не охраняется, и Саймон продолжал жаться к домам, пока не добрался до гавани. Гавань была мертва, как и город, а корабли, стоявшие в ней, представляли собой жалкое зрелище: снасти многих сгнили, борта зияли пробоинами, и кое-где над волнами виднелась лишь верхняя палуба. Все свидетельствовало о том, что на этих судах уже давно не выходили в море. От материка Саймона отделяла широкая гладь залива. Если он находится в Сиппаре, а у Саймона уже не было в этом никаких сомнений, то по другую сторону залива лежит мыс, в основании которого расположен построенный кольдерами замок Иль, а на самом конце — был когда-то Сулькар. Но с тех пор, как крепость мореходов пала, весь этот мыс наверняка контролируется кольдерами.

Если найдется подходящая шлюпка, Саймону придется грести на восток к бутылкообразной губе в устье реки Эс и дальше в Эскарп. Он понимал, что нужно торопиться, ибо время теперь работает против него.

Наконец, он нашел подходящую лодочку — небольшую скорлупку, стоявшую в доке, и хоть не был моряком, но все же, как мог, проверил, пригодна ли она для плавания. Дождавшись полной темноты, Саймон взялся за весла; саднило ободранные ладони, ныло все его разбитое тело, но, стиснув зубы, он ровно греб, огибая гниющие останки гормского флота.

Отойдя от гавани подальше, Саймон поднял парус, но вскоре нарвался-таки на оборону кольдеров. Упав на дно лодки, он ничего не видел и не слышал, зажав руками уши, зажмурив глаза, чтобы спастись от чудовищных, неслышимых звуков, от жуткого невидимого света, которые рвались из его черепной коробки наружу, грозя расколоть ее. А ведь казалось, что, выдержав удар дважды, он достаточно хорошо познакомился с оружием кольдеров, но то, что происходило сейчас, это раздирание мозга, оказалось куда страшнее.

Сколько все это продолжалось — час? день? год? — он не знал... Ослепший и оглохший, Саймон потерял всякое представление о времени и лежал на дне шлюпки, которая покачивалась на волнах, подгоняемая ветром. Где-то позади остался мертвый и страшный, освещенный лунным светом Горм.

Ближе к рассвету, в устье реки Эс, Саймона подобрала шлюпка береговой охраны Эсткарпа. К тому времени он уже несколько оправился, хотя чувствовал себя совершенно разбитым. Потом на перекладных, от форта к форту, он добрался до замка Эс.

В цитадели Эсткарпа, в том же самом зале, где он впервые увидел Верховную Владычицу, Саймон доложил военному совету о своих приключениях на Горме и о встрече с колдерами. Во время доклада он все время искал глазами среди колдуний ту, единственную, и не находил ее.

Когда Саймон говорил о городе мертвых, лицо Кориса окаменело. Его рассказа ни разу не прерывали и по окончании почти не задавали вопросов. Затем Верховная Владычица подозвала одну из колдуний.

— А теперь, Саймон Трегарт, возьми ее за руки и думай о том человеке в шлеме, оживи в памяти малейшие детали его лица и одежды, — приказала Владычица.

Саймон подчинился, хотя и не понимал, зачем все это нужно. Он держал в своих руках сухие холодные пальцы колдуньи и мысленно представлял себе серый комбинезон, металлический шлем с проводами, странное лицо, нижняя половина которого не соответствовала верхней, и властное выражение на нем, сменившееся замешательством, когда Саймон отказался подчиниться приказу. Колдунья отошла от него, и Владычица спросила:

— Ты видела, сестра? Ты можешь это сделать?

— Видела, — ответила женщина. — И могу воспроизвести то, что видела, поскольку Саймон Трегарт выдержал борьбу духа, и изображение было отчетливым. Хотя... — она опустила глаза на свои руки и стала разминать пальцы, словно готовилась к какой-то тонкой работе. — Хотя, не знаю, сможем ли мы воспользоваться тем же приемом. Было бы лучше, если бы лилась кровь.

Саймону никто ничего не объяснил, да и на вопросы времени не оставили. Когда Совет закончился, Корис сразу отвел его в казарму. Сидя в той же комнате, откуда они отправились в поход на Сулькар, Саймон спросил командира:

— А где госпожа?

Его всегда выводила из себя невозможность называть ее по имени, а теперь особенно. Но Корис прекрасно понял, о ком речь.

— Объезжает пограничные форты, — коротко сказал командир.

— Она в безопасности?

Корис пожал плечами.

— Да кто теперь в безопасности, Саймон? Не беспокойся, колдуньи попусту не рискуют, они берегут свой Дар. — Он подошел к окну, выходящему на запад и впился взглядом в горизонт, словно хотел увидеть что-то там, за равнинами Эсткарпа. — Значит, Горм мертв. — Слова его падали, как свинцовые гири.

Саймон снял сапоги и вытянулся на постели — он устал до предела.

— Я рассказал то и только то, что видел собственными глазами. Жизнь есть лишь в центральной башне Сиппара, больше я ее не нашел нигде, правда, не очень-то и искал...

— Жизнь? Какая жизнь?

— Спроси у колдеров. Или у колдуний, — сонно ответил Саймон. — Может, они понимают жизнь по-другому?

Саймон догадался, что командир отошел от окна и стоит рядом с постелью, заслонив солнце широкими плечами.

— Мне кажется, Саймон Трегарт, ты тоже вернулся другим. — Ты видел Горм, так ответь — жив он или мертв?

— Он порочен, — пробормотал Саймон. — Но точнее можно будет сказать в свое время. — Он уже засыпал, а потому и сам не понял, почему ответил именно так.

Саймон спал, просыпался, чтобы поесть, и снова засыпал. Никто его не беспокоил, а потому он не знал, и знать не хотел, что происходит в Эсткарпе, уподобившись медведю, забравшемуся в берлогу и залегшему на зимнюю спячку. В очередной раз проснувшись, он, наконец, почувствовал себя бодрым и полным сил. Давненько уже не было у него такого прекрасного самочувствия, пожалуй, с самого Берлина. Берлин... Что?.. Где это — Берлин?.. В его памяти странно перемешалось прошлое и настоящее.

Саймон то и дело вспоминал комнату в заброшенном доме Карса, где на стенах висели потрепанные гобелены и где с изумлением во взоре на него смотрела женщина, рука которой начертила между ними огненный знак. Вспоминалась и другая сцена, когда та же женщина стояла с потухшим взором, опустошенная, истратившая свой Дар в колдовстве для Альдис...

Наконец, о нем вспомнили. Пока Саймон отсыпался, Эсткарп собирал в кулак все свои силы. Увидев сигнальные огни на холмах, в Эсткарп прибыли отряды из Соколиного Гнезда и с южной границы. Словом, пришли все, кто горел желанием противостоять кольдерам и той судьбе, которую олицетворял собой Горм. Полдюжины бездомных теперь сулькарских кораблей пристали к берегу в бухте сокольничьих. Отправив в горы свои семьи, сулькарцы вооружались и готовили корабли к войне. И все были согласны с тем, что нужно напасть на Горм прежде, чем Горм нападет на них.

В устье реки Эс разбили военный лагерь, палатки стояли прямо на берегу залива, и воины видели, не выходя из них, остров, встающий на горизонте черной тенью. Чуть поодаль курсировали корабли сулькарцев, ожидая сигнала к выступлению, к которому готовились, помимо мореходов, отряды сокольничьих и беженцев из Карстена.

Конечно же, первым делом необходимо было разрушить заградительный барьер вокруг Горма, но с этой задачей могли справиться лишь колдуньи Эсткарпа. Неожиданно для себя и Саймон оказался в их компании. Они рассаживались за столом, который, казалось, служил для игры. Однако, шахматных клеток на нем не было, и только перед каждым креслом на столе был изображен символ.

Место Саймона оказалось рядом с Верховной Владычицей, и символ был у них один на двоих — бурый сокол в золотом овале, а над овалом — рогатая морская раковина. Слева в сине-зеленом ромбе была изображена рука, держащая топор. Далее — колючая рыба в красном квадрате.

Справа на столе было еще два символа, но Саймон не мог разглядеть, какие, так как колдуньи, сидевшие у этих символов, прикрывали их руками. Кто-то еще сел слева, Саймон повернул голову и почувствовал необычайный прилив сил, встретив знакомый взгляд серых глаз. Но женщина промолчала, и он тоже не проронил ни слова. Шестым, и последним, за столом сидел юный Брайант, бледный от напряжения, устремивший неподвижный взгляд на изображение рыбы, как будто рыба была живой, а он силой взгляда старался удержать ее в красном квадрате.

В палатку вошла колдунья, которую Саймон держал за руки, когда ему приказали думать о кольдере с Горма, и с ней еще две женщины. Обе внесли по небольшой глиняной жаровне, от которых шел сладковатый дымок, и поставили их на край стола. Первая же колдунья, принеся с собой большую корзину, сняла с нее тряпку, и он увидел на дне ее несколько восковых фигурок.

Взяв одну фигурку, колдунья дважды поместила ее в дым от жаровен, а затем подошла к Брайанту и поднесла ее к глазам юноши. Маленький человечек с копной рыжих волос был сделан так искусно, что казался живым.

— Фальк, — сказала женщина и поставила человечка в центр красного квадрата прямо на рыбу. Брайант, наверное, побледнел бы еще сильнее, но его кожа и так была почти бесцветной, и Саймон заметил только, как юноша проглотил комок в горле, прежде чем произнести:

— Фальк, владыка Верлена.

Женщина достала из корзины вторую фигурку, подошла к соседке Саймона, и теперь он смог полнее оценить совершенство ее работы — в дым жаровен рука колдуньи поместила прекрасную копию женщины, которая не так давно просила приворожить Ивиана.

— Альдис.

— Альдис из Карса, — кивнув, произнесла колдунья, когда фигурка опустилась на сине-зеленый символ.

— Сандар из Алисона. — Третья фигурка опустилась на стол справа от Саймона.

— Сирик. — Заняла свое место фигурка толстого человека в сутане.

Прежде чем поместить в дым жаровни последнюю фигурку, колдунья критически осмотрела ее. Затем, остановившись возле Саймона и Верховной Владычицы, она, не называя никакого имени, додержала ее перед глазами Саймона, чтобы тот смог оценить — похожа ли? Перед ним была фигурка, изображающая главного кольдера в шлеме, которого он видел на Горме. Сходство было потрясающее!

— Горм! — не найдя других слов, произнес Саймон.

Женщина аккуратно поставила фигурку в золотой овал на бурого сокола.

ИГРА СИЛЫ

Пять изящных фигурок заняли свои места на символах, нарисованных на столе. Но зачем все это? Саймон повернул голову влево. Тонкие ножки восковой фигурки Альдис были зажаты в руках колдуньи; то же самое сделал Брайант с фигуркой Фалька, и при этом они пристально смотрели на то, что сжимали их руки. Было заметно, что юноша сильно волнуется.

Саймон опустил глаза на фигурку, стоящую перед ним. В его памяти всплыли смутные воспоминания о древних легендах, и он подумал, что сейчас в восковые фигурки начнут втыкать иголки, чтобы те, по образу и подобию которых они изготовлены, зачахли и умерли...

Верховная Владычица взяла Саймона за руку так же, как тогда, в Карсе, брала его за руку колдунья, рассчитывая на его помощь. Кистью другой руки Владычица образовала полукруг у основания фигурки в шлеме, и Саймон сообразил, что нужно сделать то же самое. Теперь их пальцы соприкасались, заключая фигурку кольдера в круг.

— Думай о том, кто перед тобой, с кем ты связан борьбой духа. Оставь все прочие мысли. Сосредоточься на том, кого ты должен достать и согнуть, подчинить своей воле. За этим столом, в этот час победим либо мы, либо они! Это Игра Силы!

Саймон так пристально смотрел на фигурку в шлеме, что и не знал, смог ли бы он оторвать взгляд от нее, даже если бы захотел. Наконец-то он понял и другое — его вовлекли в это таинственное действие лишь потому, что он — единственный в Эсткарпе, кто видел этого кольдера с Горма.

Маленькое лицо фигурки в металлическом шлеме стало расти, оно словно оживало, увеличиваясь. И вот Саймон снова смотрит на него — точно так же, как совсем недавно в башне Сиппара.

Вновь, как и тогда, глаза кольдера были закрыты — он всецело занят своим таинственным делом. По мере того, как Саймон продолжал пристально смотреть на врага, он чувствовал, что вся неприязнь к кольдерам, вся ненависть, рожденная тем, что он видел в мертвом городе, и тем, что кольдеры творили с пленными, превращая их в одержимых — все это собралось воедино в его душе. Так человек собирает смертоносное оружие из мелких деталей.

Теперь Саймон был уже не в палатке, за столом с символами, теперь он стоял перед кольдером в башне Сиппара, заставляя его открыть глаза, чтобы встретить его, Саймона Трегарта, взгляд и вступить в жестокую схватку разума и воли.

Глаза кольдера открылись, и Саймон заглянул в черные зрачки, которые внезапно расширились, словно кольдер узнал его и ощутил надвигающуюся угрозу.

Между ними началась борьба духа. Постепенно черты широкого лица кольдера, его шлем и прочие детали одежды исчезли — остались одни глаза. Подобно тому, как в Карсе Саймон ощущал поток энергии, исходящий из его руки в руку колдуньи, сейчас он чувствовал, как сила, сконцентрированная в его мозгу, подпитывается эмоциональной энергией, куда более могучей, чем та, которую он мог бы генерировать сам без посторонней помощи. Поддерживаемый Силой Владычицы, он на какое-то мгновение показался сам себе иглой, готовой сорваться и поразить цель.

Поначалу кольдер выглядел довольно уверенно, но вот он попытался уйти от этой борьбы глаза в глаза, сила духа на силу духа, да видимо, слишком поздно понял, что попал в капкан — и тот захлопнулся! Но кольдер все еще не сдавался и боролся так, будто не мог смириться с поражением.

Саймон остро чувствовал все нарастающее напряжение этой борьбы. Наконец он дал выход переполнявшей его энергии — глаза кольдера потемнели от страха, а еще через мгновение неимоверный ужас пожирал их, словно пламя, пока не испепелил окончательно. Саймон вдруг осознал, что противник превратился в пустую оболочку, и сейчас он выполнит любой его приказ точно так же, как беспрекословно повинуются рабы Горма.

И Саймон начал приказывать. Его по-прежнему поддерживала Сила Верховной Владычицы, — она внимательно наблюдала за происходящим, и была готова в любую минуту прийти на помощь, но пока не вмешивалась. А Саймон уже не сомневался в победе — кольдер сломен, и барьер будет снят! Теперь у Эсткарпа есть свой послушный робот в самом сердце цитадели врага.

Саймон поднял голову и открыл глаза. Его пальцы по-прежнему соприкасались с пальцами Владычицы, охватывая стоящую на символе фигурку, но теперь она потеряла былое совершенство — шлем кольдера превратился в бесформенный ком расплавленного воска.

Владычица высвободила руку, Саймон повернулся налево и увидел уставшее, посеревшее лицо и запавшие темные глаза. Его соседка, что концентрировала волю на фигурке Альдис, откинулась без сил на спинку стула. Голова ее восковой противницы тоже оказалась расплавленной.

Фигурка Фалька, владыки Верлена, лежала на столе, а склонившийся над ней Брайант сидел, закрыв лицо руками. От напряжения он весь взмок.

— Сделано, — нарушила тишину Верховная Владычица. — Все, что может Сила, сделано. И никогда еще она не действовала с такой мощью, как сегодня! Теперь слово за огнем и мечом, ветром и волнами. Да послужат они нам, если мы сумеем ими воспользоваться! — От нервного истощения голос Владычицы был еле слышен.

Лязгая доспехами, к столу подошел Корис и, взмахнув Топором Вольта, сказал:

— Не сомневайся, госпожа! Мы сумеем использовать любое оружие, данное нам судьбой. Сигнальные огни зажжены, наши войска выступают!

Саймон встал, покачнулся, но шагнул к Корису. Женщина, сидевшая слева, сделала быстрое движение рукой, будто хотела его остановить, да так и не дотронулась до Саймона, опустив свою руку на стол, но и словами она бы не выразила того протеста, который можно было прочесть в каждой линии ее напряженного тела.

— Теперь битва пойдет под знаком вашей Силы, — заговорил Саймон, обращаясь к ней, словно они были одни в палатке. — Так воюют в Эсткарпе. Но я из другого мира, знаю другие войны, и в этом — моя Сила! В вашу игру я уже сыграл, госпожа, а теперь хочу сыграть в свою!

Саймон вышел из-за стола и присоединился к Корису, который замешкался и стоял рядом с Брайантом, положив руку на стол. Молодой человек мрачно смотрел на лежащую перед ним фигурку, которая, хоть и упала, но осталась неповрежденной.

— Я никогда и не претендовал на обладание Силой, — глухо сказал он. — Похоже, здесь я потерпел поражение, так может, с мечом в руках мне повезет больше!

Корис сделал рукой протестующее движение, но колдунья, которая была с ними в Карсе, быстро заговорила:

— Всякий, кто выступил под знаменем Эсткарпа, волен в выборе, и никто никому не должен мешать.

Верховная Владычица кивнула в знак согласия. Так втроем они и вышли из палатки на берег залива: оживленный Корис, высоко подняв свою красивую голову над непомерно широкими плечами — ноздри его раздувались, словно он чувствовал не только запах соленого ветра; чуть живой Саймон, на которого вдруг навалилась огромная усталость, и все же он горел желанием поскорее завершить начатое дело; и угрюмый, но полный решимости Брайант, надевший шлем и обмотавший горло кольчужным шарфом — глаза его были устремлены вперед, словно его подгоняло в бой нечто большее, нежели собственная воля.

Когда они достигли шлюпок, на которых воинов должны были перевезти на корабли, Корис обернулся.

— Вы пойдете со мной на флагмане. Ты, Саймон, будешь проводником. А ты... — он посмотрел на Брайанта и заколебался. Юноша с вызовом вскинул голову и сверкнул глазами, и Саймон, почувствовав, что между этими людьми происходит какая-то борьба, касающаяся только их двоих, молча ждал, чем Корис ответит на вызов юноши.

— Ты, Брайант, зачисляешься в отряд моих щитоносцев. И не отходи от них ни на шаг!

— А я, не будь я Брайант, — вскинулся юноша, — буду рядом с тобой, Командир Гвардейцев Эсткарпа, тогда, когда сочту это нужным! Но в этой и в любой другой битве я сам распоряжаюсь своим мечом!

Казалось, вот-вот Корис возразит, но в этот момент их поторопили со шлюпки. Когда все разместились, Саймон заметил, что юноша старается держаться как можно дальше от своего командира.

Флагманский корабль был небольшим рыболовным судном, и гвардейцам приходилось стоять на палубе, прижавшись плечом к плечу. Следом за ним шел весь флот Эсткарпа.

Когда они подошли к Горму настолько близко, что стала видна заброшенная гавань, с кораблей сулькарцев с их разношерстной командой, состоящей из сокольников, карстенских беженцев и уцелевших сулькарцев, раздался сигнал, и корабли выстроились в линию.

Саймон совершенно не помнил, где он нарвался на заградительный барьер при бегстве с Горма. Как бы, чего доброго, не привести весь флот в ловушку... Но он очень надеялся на то, что Игра Силы сделала свое дело, и барьер будет хотя бы ослаблен.

Стоя на носу рыболовного судна, Саймон смотрел на гавань мертвого города и все ждал появления хоть каких-нибудь признаков силового барьера. А может, они подвергнутся нападению тех странных кораблей, в трюме одного из которых он побывал? Ветер раздувал паруса, и перегруженные корабли Эсткарпа тяжело рассекали волны. Вдруг какая-то посудина, сохранившая еще обрывки парусов, вышла из гавани и, таща за собой якорными канатами шлейф морских водорослей, направилась им наперерез.

На палубе этой развалюхи не было ни души. С одного из сулькарских кораблей взметнулся какой-то шар и угодил в парусник. Он пробил палубу, а из пролома взметнулись языки пламени. Сухое дерево вспыхнуло мгновенно, и пылающая посудина, минув корабли Эсткарпа, продолжила свой последний путь неизвестно куда.

Саймон повернулся к Корису и улыбнулся. Он чувствовал, что они успешно преодолели первое препятствие.

— Мы уже прошли твой барьер? — спросил Корис.

— Пожалуй. Если только они не перенесли его поближе к острову.

Положив подбородок на рукоять Топора Вольта, Корис мрачно смотрел на то, что некогда было цветущим городом, то и дело стискивая зубы — так волк показывает клыки перед началом жестокой схватки.

— Похоже, на этот раз Сила сработала, — сказал он. — Теперь дело за нами.

Однако, Саймон не терял бдительности.

— Не стоит недооценивать противника. Мы прошли только первый рубеж их обороны, возможно, самый слабый. — Воодушевление Саймона быстро улетучилось — вокруг него были мечи, стрелы и щиты, а ведь у кольдеров есть оружие, основанное на достижениях науки далекого будущего: в любую минуту могло произойти что-нибудь неожиданное.

Войдя в гавань, корабли сулькарцев начали лавировать между стоящих на якоре ветхих судов, чтобы подойти поближе к берегу, а Сиппар по-прежнему не подавал никаких признаков жизни. Угрожающая тишина мертвого города давила на эсткарпских воинов, пугала, гасила их боевой дух и уменьшала радость от того, что им беспрепятственно удалось преодолеть заградительный барьер.

Корис почувствовал это и, пробившись через толпу гвардейцев, ожидающих высадки, разыскал капитана судна и приказал ему побыстрее причаливать. Однако, тот возразил ему, сказав, что командир Гвардейцев Эсткарпа может командовать на суше, а действовать на море пусть предоставит тому, кто лучше его знает, и что он не желает распороть днище корабля, натолкнувшись на какую-нибудь затонувшую посудину.

Саймон внимательно изучал глазами берег, вглядывался в пустынные улицы, идущие вверх от гавани к цитадели Сиппара. Он даже не знал, чего теперь больше бояться — авианалета или появления на улицах затаившейся армии противника. Впрочем, отсутствие какого бы то ни было сопротивления казалось ему

куда более зловещим, чем встреча с таинственным оружием кольдеров или с ордами его рабов. Все шло слишком уж гладко... Его опасения были вызваны тем, что Саймон все-таки не очень верил в успех Игры Силы, сомневаясь в том, что расплавленная голова восковой фигурки обеспечит им победу.

Высадка прошла без происшествий: часть сулькарцев высадилась несколько в стороне, чтобы прикрыть основной десант от возможного нападения с фланга. Войско Эсткарпа двинулось по пустынным улицам города, по которым Саймон шел всего несколько дней назад. Ожидая засады, воины внимательно осматривали все закоулки, дергали запертые двери, но так никого и не обнаружили на улицах Сиппара.

Они добрались уже до центра города, когда, наконец, встретили сопротивление. Враг напал не с воздуха и не с помощью невидимой силы — на них обрушились полчища пеших воинов, которые сражались так, как воюют в этом мире уже много поколений.

Неожиданно улицы заполнили вооруженные мечами воины, которые грозно наступали — стремительно и молча. Одни из них были в доспехах сулькарцев, другие — карстенцев, мелькнуло и несколько клювастых шлемов сокольников.

На войско Эсткарпа шли не просто опытные воины, но люди, лишенные инстинкта самосохранения, все те же одержимые, что погибали не защищаясь и убивали не задумываясь. Их первый натиск был подобен удару танка по пехоте. Саймон занялся привычным делом — он стрелял и стрелял, а Корис орудовал Топором Вольта, размахивая им направо и налево, выкашивая ряды противника.

Наступавшим явно не хватало разумных действий, чтобы вовремя перестроиться и использовать преимущество своего численного перевеса. Они знали только, что должны нападать, покуда способны стоять на ногах и держать оружие — что они и делали с упорством безумцев, и началась настоящая бойня, какой не могли припомнить даже выдавшие виды гвардейцы.

Топор Вольта теперь уже не сверкал на солнце — он был залит кровью. Наконец, Корис поднял его, подавая сигнал, и гвардейцы двинулись вперед, оставляя улицы за собой уже не пустынными, но усеянными трупами одержимых.

— Это чтобы задержать нас, — заметил Саймон, приблизившись к командиру.

— Я тоже так считаю. Но что будет дальше? Смерть придет с неба, как было в Сулькаре? — Корис поднял голову, с беспокойством глядя на крыши.

Возможно, именно этот его взгляд и подсказал Саймону план дальнейших действий.

— Не думаю, что нам удастся пробиться в башню снизу, — начал Саймон и услышал, что Корис рассмеялся.

— Ошибаешься! Я знаю потайной ход, о котором едва ли пронюхали кольдеры. Как-никак, это моя бывшая крепость!

— У меня тоже появился план, — настаивал Саймон. — На кораблях есть веревки и абордажные крючья. Пока ты будешь пробиваться с отрядом подземным ходом, пусть другой отряд пойдет по крышам и, может быть, нам удастся взять их в клещи.

— Отлично! — согласился Корис. — Ты же у нас большой мастер по полетам с крыш! Подбери себе людей, но не больше двух десятков.

Еще дважды бросались на них полчища живых мертвецов, и хотя всех их удалось перебить, потери гвардейцев тоже с каждым шагом росли. Наконец, силы Эсткарпа разделились. Саймон с отрядом из двадцати человек, взломав дверь, ринулся вверх и поднялся на крышу. Трегарт сориентировался верно — в крыше соседнего дома зияла дыра от его недавнего падения в самолете.

Саймон стоял в стороне, пока моряки перебрасывали абордажные крюки через широкую улицу на крышу возвышающегося над ними соседнего здания. Затем воины пристегнули ремни, затянули потуже свои портупей и с решимостью поглядывали на две тонкие веревки, зависшие над улицей. Саймон отобрал с собой только тех, кто не боялся высоты, и все же теперь, оценив реальную опасность предстоящего испытания, он немного засомневался в успехе.

Саймон полез первым. Грубая веревка обдирала руки, и временами ему казалось, что он не

выдержит.

Наконец, перебравшись на крышу башни, Саймон снял с пояса еще одну веревку и привязал ее к стойке навеса ангара, а второй конец бросил через улицу гвардейцу, которому предстояло лезть следом за ним. Эта веревка значительно облегчила подъем всем остальным воинам.

Самолеты, которые он вывел из строя, стояли на месте, однако открытые капоты двигателей, разбросанные кругом инструменты, свидетельствовали о том, что их пытались отремонтировать. Саймон оставил четверых гвардейцев охранять веревочную переправу и с остальными двинулся вниз.

В башне их встретила все та же гнетущая тишина. Они шли по коридорам, мимо запертых дверей, спускались по лестницам, но не слышали ни единого звука, кроме топота собственных сапог. Неужели башня пуста?

Гвардейцы приближались к самому сердцу цитадели, и в любую минуту можно было ожидать нападения. Свет становился все ярче, появились какие-то незнакомые запахи, говорящие о том, что, если башня и пуста, то опустела она совсем недавно.

Отряд Саймона достиг, наконец, того лестничного марша, который врезался ему в память еще с прежнего посещения этого логова. Ниже находилось серое обиталище кольдеров. Саймон прислушался: откуда-то из глубины помещения донесся слабый ритмичный звук, подобный биению его собственного сердца.

ОЧИСТКА ГОРМА

— Командир! — К Саймону подошел Танстон. — Что ждет нас внизу?

— Я знаю не больше твоего, — рассеянно ответил Саймон, продолжая размышлять о том, что в этом гибельном месте он почему-то вообще не чувствует никакой опасности. Но что-то там все-таки есть, иначе не было бы звуков.

Вытащив самострел, сначала осторожно, а потом все увереннее, Саймон двинулся вниз по ступеням. Все двери были заперты, и открыть их не удавалось. Наконец, гвардейцы добрались до комнаты с картой на стене.

Здесь пощелкивание, которое они слабо слышали наверху, стало громким и барабанной дробью отдавалось в ушах воинов.

Огоньки на карте погасли, на столах больше не было приборов, лишь, остатки проводов и металлические крепления указывали, где они стояли. Однако, за выносным пультом, как и прежде, неподвижно сидел кольдер в шлеме с проводами. Глаза его были закрыты — совсем как в прошлый раз, когда Саймон увидел его впервые.

Сначала ему показалось, что кольдер мертв. Он осторожно подошел к нему и пригляделся, с удовлетворением отметив, что именно этот образ он себе и представлял, держа за руки искусницу-колдунью — зрительная память его не подвела!

В следующее мгновение Саймон застыл на месте, заметив, как рука кольдера, лежащая на пульте, шевельнулась, и он нажал пальцем одну из кнопок.

Саймон прыгнул, на короткое мгновение взглянув в открытые глаза кольдера и его искаженное ненавистью лицо, а может, не столько ненавистью, сколько страхом... Руки Саймона вцепились в провода, что тянулись от головы кольдера к щитку на стене, он рванул их что есть силы и порвал. Кто-то тревожно крикнул, предупреждая его, и Саймон увидел направленный на него ствол какого-то оружия.

Болтающиеся обрывки проводов мешали движениям кольдера, и это, возможно, спасло Саймону жизнь. Он с размаху ударил самострелом по перекошенному лицу кольдера и рассек его до крови. Противник так и не издал ни звука, он лишь смотрел на Саймона полными ненависти глазами, и хорошо, что тот вовремя заметил оружие, появившееся в руке врага. Перехватив руку кольдера, он вывернул ему запястье так, что тонкий луч ударил в потолок, а не ему в лицо.

Оба повалились в кресло, с которого кольдер только что вскочил, и сразу послышался резкий щелчок, а затем шею Саймона обожгло огнем. Кольдер сдавленно крикнул, его окровавленное лицо исказила гримаса агонии, но железные мышцы еще не ослабли.

Его глаза... Эти огромные глаза, они все увеличивались, заполняя собой всю комнату... И Саймон, казалось, тонул в них, и вот это уже не глаза, но затуманенное окно в какой-то иной мир, а может быть, и в другое время. Между колоннами виднеются фигуры людей в серых комбинезонах, потом они на каких-то странных машинах приближаются к нему, от кого-то отстреливаясь, и он понял, что это остатки какой-то армии уходят от преследования...

Они двигались узкой колонной, а их ужас, раздирающий на части сердце и мозг, передался Саймону. Он и представить себе не мог, что такие муки могут существовать. Ворота... им нужно туда — за Ворота... Там у них будет время, чтобы восстановить силы и возродить на новом месте все то, чем они жили. О, у них еще хватит для этого и ума, и воли. За спиной они оставляли разбитую империю и разграбленный мир... Зато впереди — новый мир, свободный и богатый, который им предстоит завоевать.

Мираж исчез... Перед Саймоном вновь было лишь окровавленное лицо кольдера. В воздухе стоял запах горелой ткани и паленого мяса. Видение продолжалось, очевидно, не больше секунды, и Саймон продолжал схватку, еще сильнее заламывая руку противника и прижимая ее к креслу. Еще дважды он

нанес мощные удары кулаком, и, наконец, пальцы кольдера разжались, выпустив оружие.

Кольдер издал слабый звук — послышалось невнятное бормотание, вызвавшее у Саймона жалость. Секундное видение бегущих людей и их эмоции, передававшиеся ему и вызвавшие невольное сочувствие, подействовали на него, как удар. Подоспевшие гвардейцы повалили кольдера на пол. Последний раз в голове Саймона мелькнула мысль о какой-то близости с этим человеком, и в это мгновение он почти догадался, кто такие кольдеры — по крайней мере, твердо знал, что они явились из другого мира. Оцепенение сменилось безразличием, и Саймон отошел от поверженного тела.

Над кольдером склонился Танстон и попытался снять железный шлем с его головы. Удивленный возглас собрал вокруг него всех гвардейцев — Танстон не мог снять шлем, поскольку выяснилось, что он является неотделимой частью тела кольдера.

— Оставьте его! — приказал Саймон. — И пусть никто не касается этих проводов.

Тут он вдруг обратил внимание на то, что трескотня, встретившая их барабанным боем, прекратилась, и понял — кольдер в шлеме как раз и был тем самым сердцем, которое, перестав биться, прекратило существование неприступной цитадели, и жизнь ушла из нее, как некогда ушла из Сиппара.

Саймон подошел к нише, в которой находился лифт, и подумал на ходу, что вряд ли он работает — ведь перестали работать все механизмы. Однако, лифт оказался незакрытым, и Саймон, передав командование Танстону, вошел с двумя гвардейцами в кабину и руками закрыл дверь.

Удача, видимо, вновь была на его стороне, по крайней мере закрывшаяся дверь привела в движение механизм лифта. Саймон почему-то ожидал, что они окажутся на том этаже, где находится лаборатория. Однако, когда дверь открылась, он от неожиданности замер на месте, а оба гвардейца вскрикнули от удивления.

Они оказались на берегу подземной гавани, где отчетливо пахло морем и еще чем-то незнакомым. Освещенный мол уходил прямо в темную воду. На берегу лежали тела людей, среди которых не было ни одного в сером комбинезоне.

Если одержимые, встретившие гвардейцев на улицах города, были в полном воинском снаряжении, то эти люди в основном лежали совершенно голыми, либо же в каких-то жалких лохмотьях.

Одни люди лежали кучами подле небольших повозок, с которых они, судя по всему, сгружали ящики, но еще не успели закончить своей работы, другие — рядами, словно, прежде чем упасть, были построены. Саймон подошел к одному из лежащих, склонился над ним и тотчас понял, что человек мертв, по меньшей мере, уже сутки.

Стараясь держаться подальше от трупов, они с опаской пошли вдоль причала, и вскоре Саймон отметил, что среди мертвых нет никого из древней расы. Похоже, в самом деле, всех рабов кольдеры набирали из других рас.

— Командир! — крикнул гвардеец, с удивлением разглядывая труп человека, возле которого он стоял. — Таких людей я никогда не видел! Посмотри на цвет его кожи, а волосы — он явно не из наших земель!

Несчастный раб кольдеров лежал на спине, как будто спал. У него была красно-бурая кожа, волосы сильно курчавились — Саймон тоже не встречал таких людей на побережье, и, мысленно соглашаясь с гвардейцем, подумал о том, как же далеко раскинули свои сети кольдеры.

Саймон зачем-то прошел в другой конец гавани и осмотрелся — либо Горм изначально был построен над огромной подземной пещерой, либо кольдеры вырубили ее для своих целей, о которых ему нетрудно было догадаться после того, как он побывал в трюме их корабля. Неужели это замаскированный док флота кольдеров?

— Командир! — позвал Саймона гвардеец, который шел впереди, стараясь не задерживаться подле мертвых тел. Сейчас он стоял на самом краю каменного мола и подзывал к себе Саймона.

Вода вдруг забурлила, волны начали заливать мол, и воинам невольно пришлось отступить. Даже при скудном освещении подземной гавани они увидели, что из глубины всплывает какая-то громада.

— Ложись! — быстро приказал Саймон. Вернуться к лифту они все равно бы уже не успели, поэтому оставалось только распластаться среди тел, притворившись мертвецами.

Все трое лежали рядом. Саймон, подложив руку под голову и держа самострел наготове, внимательно наблюдал за происходящим. Из воды показался металлический корпус с заостренным носом и кормой, с обшивки корабля потоками сбегала вода. Его предположение оказалось верным — в гавань пришел один из кораблей кольдеров.

Сначала Саймон почему-то подумал о том, что неужели он дышит так же громко, как и лежащие рядом гвардейцы? Потом представил, как блещут их доспехи среди мертвецов... А может быть, в полумраке их кольчуги не очень-то и сверкают? Смогут ли они хоть что-либо предпринять, прежде чем кольдеры пустят в ход какое-нибудь свое оружие?

Однако, серебристый корабль, всплыв, равномерно покачивался на волнах, и больше не происходило ничего, словно судно было так же мертво, как и распростертые вокруг люди. Гвардеец справа тронул Саймона за руку и зашептал что-то.

Впрочем, вряд ли Саймона нужно было предупреждать — он не отводил от воды глаз, и конечно тоже заметил, когда она снова забурлила. Поднявшиеся волны прибили к причалу первый корабль — похоже на то, что он не слушается руля.

И все-таки, не в силах поверить, что на борту корабля никого нет, гвардейцы продолжали выжидать. Лишь когда на поверхность поднялся третий корабль, а два других беспомощно закачались на поднятых им волнах, Саймон, наконец, встал, решив, что субмарины либо пусты, либо выведены из строя, но одно было бесспорно — они неуправляемы.

Не открывались и люки кораблей, а это позволяло думать, что на них нет ни экипажа, ни пассажиров. Правда, судя по обстановке на причале, все говорило о недавней поспешной погрузке — то ли при подготовке к нападению, то ли при отступлении с Горма. Но, если кольдеры готовились к нападению, зачем убивать рабов?

Попробовать проникнуть внутрь этих серебристых торпед без всякой подготовки было бы опрометчиво, но и без присмотра оставлять их не стоит. Гвардейцы направились к лифту.

— Останетесь здесь? — обратился Саймон к своим спутникам, скорее спрашивая, чем приказывая. Мужественные гвардейцы вряд ли ослушались бы его, но он не хотел оставлять их здесь насильно.

— Эти корабли... Конечно, нужно узнать их тайну... — начал один воин. — Но не думаю, что они уйдут из этой гавани, командир.

Саймон принял эти слова как вежливый отказ. Все трое вошли в лифт, оставив за спиной подземную гавань и груды трупов. Прежде чем закрыть кабину лифта, Саймон поискал глазами панель управления — он хотел попасть на те этажи, где мог бы встретиться с отрядом Кориса, а не возвращаться в комнату с картой.

Однако, стены лифта оказались совершенно голыми, делать было нечего — он закрыл дверь кабины, ожидая подъема. Когда стены лифта начали вибрировать, Саймон мысленно представил себе коридор, где находилась лаборатория, напряженно думая о том, что хорошо бы попасть именно туда.

Лифт остановился, дверь отъехала в сторону, и трое находящихся в кабине гвардейцев увидели перед собой изумленные лица вооруженных воинов. Лишь секундное замешательство спасло оба отряда от непоправимой ошибки, а затем кто-то окликнул Саймона по имени, и он увидел Брайанта.

Тут же к лифту протиснулся Корис.

— Откуда вы взялись? — воскликнул он. — Из стены выпрыгнули, что ли?

Саймон сразу узнал этот коридор, где сейчас собрались воины Эскарпа: именно об этом месте он думал. Так неужели лифт доставил их сюда, повинаясь его желанию? Желанию!

— Вы нашли лабораторию?

— Мы много чего нашли, но мало что поняли. Но мы не встретили ни единого кольдера! А вы?

— Только одного, да и тот теперь уже мертв. Хотя кто знает, может, и все остальные — тоже... — Саймон подумал о кораблях в подземной гавани. — В общем, я почти уверен, что здесь мы можем не опасаться встречи с ними.

Последующие несколько часов подтвердили, что слова Саймона оказались пророческими. Если не считать кольдера в металлическом шлеме, никого больше из прежних хозяев Горма обнаружить не удалось. И только по всей крепости гвардейцы находили мертвых рабов-воинов, которые лежали на полу где по два-три человека, а где и целыми отрядами. Создавалось такое впечатление, что все они одновременно рухнули в то самое мгновение, когда сила, заставлявшая рабов двигаться, неожиданно оставила их, бросила, превратив в ничто.

Обнаружили гвардейцы и тех пленников, что остались в соседней с лабораторией комнате; среди них Саймон нашел людей, вместе с которыми он не так давно мучился в мрачном трюме. Все они тяжело отходили от наркотического сна, а очнувшись, не помнили, что было после того, как в трюм корабля пошел газ. Но все благодарили своих богов, что попали на Горм слишком поздно и не разделили печальной участи всех рабов Кольдера.

Корис и Саймон привели в подземную гавань сулькарских мореходов и вместе с ними на шлюпке обследовали пещеру, пытаясь найти выход. Но всюду им преграждала путь скальная стена, и это означало одно — выход из гавани находится под водой, но по какой-то причине он оказался закрытым для этих серебристых кораблей.

— Если тот, в шлеме, управлял здесь всем, — рассуждал Корис вслух, — значит, с его смертью закрылся и выход. Да вообще наверное, после того, как он был побежден в Игре Силы, его приказы стали противоречивы и кольдеры просто-напросто запутались.

— Может и так, — согласился Саймон, вспомнив все то, что промелькнуло перед его глазами в последние мгновения жизни кольдера в шлеме с проводами. Если остальные кольдеры и впрямь замурованы в своих кораблях, то Эсткарп вполне может праздновать победу.

К одному из кораблей кольдеров привязали канат, подтащили его к причалу и попробовали открыть крышку люка, но это не удалось. Оставив сулькарцев ломать голову над этой загадкой, Корис и Саймон вошли в лифт.

— Вот еще одна тайна кольдеров, — сказал Корис, когда закрылась дверь. — Наверное, тот, в шлеме, лифтом не управлял, ведь иначе мы не смогли бы им воспользоваться.

— Ты сам можешь запросто управлять им, — сказал Саймон и прислонился к стене кабины — на него вновь навалилась усталость. До полной победы, кажется, еще далеко, хотя все, о чем он думает — только смутные предположения... И поверят ли ему колдуньи? — Представь коридор, где встретил меня, представь и удерживай в сознании.

— Так?.. — Корис снял шлем, прислонился плечом к стене и, сосредоточившись, закрыл глаза.

Дверь открылась. Перед ними был тот самый коридор, где находилась лаборатория. Капитан засмеялся, как счастливый ребенок, которому подарили новую игрушку.

— Эге! Да мне, Корису Безобразному, подвластно колдовство! Знать, у кольдеров Силой обладают не только женщины.

Саймон вновь закрыл дверь и мысленно представил себе комнату с картой на стене, находящуюся выше. Лишь когда они оказались на нужном этаже, Саймон ответил на восклицание Кориса.

— Возможно, именно этого наследства кольдеров нам и следует опасаться более всего. У них своя Сила, и ты сам видел, какого свойства, Капитан. После кольдеров Горм остается сокровищницей их знаний.

Корис бросил свой шлем на стол, стоящий под картой, и, опираясь на Топор Вольта, пристально посмотрел на Саймона.

— И ты хочешь, чтобы эта сокровищница не была разграблена? — Корис мгновенно уловил смысл сказанного.

— Не знаю... — Саймон тяжело опустился в кресло и, подперев голову руками, отрешенно смотрел

перед собой. — Я не ученый и не разбираюсь ни в их технике, ни в их колдовстве. Сулькарцев будут искушать корабли кольдеров, колдуний — что-нибудь другое...

— Искушать? — Кто-то повторил это слово, и Корис с Саймоном обернулись. Увидев сажающуюся рядом колдунью, Саймон встал и заметил неподалеку Брайанта.

Колдунья была в шлеме и в кольчуге, но он подумал, что даже если бы она, перевоплотившись, изменила свою внешность, он все равно узнал бы ее.

— Искушать... — снова повторила колдунья. — Верно замечено, Саймон, ты прав — нас многое будет искушать, и потому-то я здесь. Лезвие этого меча обоюдоостро, по неосторожности можно и пораниться. Быть может, стоит закрыть глаза на эти знания и уничтожить здесь все, оградив тем самым себя от опасности, но нельзя быть уверенными, что при этом мы не оставим открытой дверь для нового нападения кольдеров. Трудно защищаться, когда не знаешь, каким оружием пользуется противник.

— Кольдеров пока нечего опасаться, — осторожно начал Саймон. — Их тут и было-то немного, а если кто ушел, так и тех, пожалуй, можно преследовать до того места, откуда они явились. Но и там теперь закрыто!

— Закрыто? — спросил Корис.

— В последней схватке с предводителем кольдеров мне удалось узнать их тайну.

— Что они пришельцы из другого мира?

Саймон резко повернул голову. Колдунья вновь прочла его мысли, или она знала что-то раньше, но молчала?

— Ты знала, госпожа?

— Я не читаю твоих мыслей, Саймон, но мы и сами узнали об этом совсем недавно. Да, они пришли сюда так же, как и ты, — но думаю, с совсем другой целью.

— Они беглецы... бежали от какой-то катастрофы, которую вызвали сами, оставив за спиной пылающую пустыню. Не думаю, чтобы они осмелились оставить дверь открытой, и все-таки, мы должны знать точно, ибо сейчас это самое главное.

— Ты считаешь, что, если мы воспримем их знания, нас может затронуть и их зло? Вряд ли. Долгие века Эсткарп жил в безопасности, охраняемый своей собственной Силой.

— Госпожа! Что бы вы не решили, я не думаю, что Эсткарп останется прежним. Либо он изменится, либо погрызнет в застое, а это ведь равносильно смерти.

Они говорили так, словно находились в комнате только вдвоем, и ни Корис, ни Брайант не имели никакого отношения к обсуждаемому вопросу. Колдунья разговаривала с ним, как равная с равным; раньше у Саймона такого с женщинами Эсткарпа не бывало.

— Ты прав, Саймон. Наверное, древнее единство моего народа нарушится; появятся те, кто захочет жить в обновленном мире. Но останутся и другие, которые откажутся от этих изменений. Однако все это в будущем. А что сейчас делать с Гормом, как ты думаешь?

Саймон устало улыбнулся.

— Я человек действия, и отправлюсь на поиски ворот, через которые пришли кольдеры — выяснить, не собираются ли там свежие силы. Приказывай, госпожа — я готов! Что же касается Горма, то я бы закрыл остров, пока не выяснится, что делать дальше. Ведь наверняка кое-кто не прочь овладеть тем, что здесь осталось после кольдеров.

— Верно. И Карстен, и Ализон дорого бы дали, чтобы похозяйничать в Сиппаре! — быстро согласилась колдунья, извлекая из-под кольчуги колдовской камень. — Слушай приказ, Капитан! — обратилась она к Корису. — Пусть будет так, как предлагает Саймон. Эта сокровищница чуждых знаний должна быть закрыта. И пусть Горм будет очищен. Здесь останется гарнизон до тех пор, пока мы не решим, что со всем этим делать. — Колдунья улыбнулась Корису. — А командовать им будешь ты, Хранитель Горма.

НОВОЕ НАЧАЛО

Краска медленно заливала лицо Кориса. Он покраснел до ушей. В уголках его рта появились горькие складки, сразу состарившие его красивое юношеское лицо.

— Разве ты забыла, госпожа, — он со стуком бросил на стол Топор Вольта, — что много лет назад Кориса Безобразного прогнали с этих берегов?!

— А что стало с Гормом потом? И с теми, кто прогнал тебя? — спокойно спросила колдунья. — Ты не забыл, Капитан?

Рука Кориса сжала рукоять топора так, что побелели костяшки пальцев.

— Поищи другого Хранителя Горма, госпожа. Клянусь, я не вернусь сюда! Для меня это место проклято. Надеюсь, что у Эсткарпа нет претензий к Капитану Гвардейцев? Да и война, похоже, еще не кончена.

— Ты знаешь, он прав, госпожа, — вмешался Саймон. — Может, кольдеров и немного, и большинство их замуровано в кораблях, что стоят в гавани, но необходимо добраться до их Ворот и убедиться, что они не собирают силы и не предпримут нового нападения. К тому же, есть ведь еще замок Иль. И не осталось ли их гарнизона в Сулькаре? Мы не знаем и того, насколько далеко они зашли в Карстене и Ализоне? Может статься, это лишь начало большой войны.

— Хорошо, — колдунья поглаживала камень. — Раз у тебя, Саймон, есть конкретный план — будь Хранителем ты.

Саймон не успел ничего ответить, как вмешался Корис:

— Я согласен. Владей Гормом! Вот тебе и мое благословение! И не думай, что я когда-нибудь заявлю на Горм свои права.

Но Саймон отрицательно покачал головой.

— Я солдат, и кроме того, я из другого мира. Каждому свое. А мне — погоня за кольдерами. — Саймон провел рукой по глазам, зная, что если закроет их, то увидит узкий проход и ожесточенно пробивающихся через него людей.

— Ты собираешься в замок Иль? В Сулькар и дальше? — впервые заговорил Брайант.

— А тебе куда хочется? — спросил его Корис.

— В Карстен!

Если раньше Саймон считал Брайанта чересчур спокойным и безликим, то теперь он усомнился в своей оценке.

— А что там сейчас такого важного в Карстене? — почти добродушно спросил Корис, но Саймон уловил в его голосе нечто такое, чего никак не мог определить словами. Похоже на то, что идет какая-то игра, но он не знал ни ее цели, ни правил.

— Ивиан!

Это имя прозвучало, как боевой клич, и Брайант поднял глаза на Кориса, ожидая, как тот примет его вызов. Саймон переводил взгляд с одного воина на другого. Точно так же, как чуть раньше он разговаривал с колдуньей, теперь говорили эти двое, не обращая внимания на присутствующих.

Вновь Корис покраснел до ушей, затем побледнел, как человек, который вынужден вести борьбу и не в силах уклониться от нее. Когда Капитан Гвардейцев стремительно подошел к Брайанту, Топор Вольта впервые остался лежать забытым на столе.

Со смешанным выражением вызова и надежды Брайант смотрел на Кориса, а тот положил руки ему на плечи и с такой силой сжал их, что у Брайанта наверняка остались синяки.

— Ты и в самом деле хочешь этого? — с трудом выдавил из себя Капитан.

Ответ Брайанта был уклончивым.

— Я хочу свободы, — тихо сказал он.

Корис убрал руки с плеч юноши и рассмеялся с такой горечью, что Саймон невольно содрогнулся.

— Не беспокойся, она — твоя!

Корис так и отошел бы, если бы Брайант не схватил его за руку.

— Свобода мне нужна лишь для того, чтобы сделать свой выбор, и... он уже сделан. Неужели ты сомневаешься? Или тебя смущает то, что у меня нет той силы, которой обладает Альдис?

Альдис? Наконец-то Саймон все понял.

Корис держал Брайанта за подбородок и смотрел ему в лицо — на него Капитан мог смотреть сверху вниз, а не снизу вверх, как на других.

— Ты отвечаешь ударом на удар, — заметил он. — Неплохо. Да, у Ивиана есть Альдис, и пусть они милуются друг с другом, сколько угодно, хотя, на мой взгляд, его выбор не очень удачен. Но если на одном тополе был заключен брак, почему бы не заключить его на другом?

— Брак, заключенный лишь бормотанием Сирика! — вспыхнул Брайант, но он уже больше не вырывался из рук Капитана.

— Нет нужды говорить мне это, наследница Верлена! — улыбнулся Корис.

— Лоиса, наследница Верлена, мертва! — сказал Брайант. — У меня нет наследства, Капитан.

Корис слегка наморщил лоб.

— И об этом не стоит говорить. Разве я похож на того, кто ищет богатую жену?

Пальцы девушки выскользнули из руки Кориса и легли ему на губы, призывая к молчанию. В ее глазах горело возмущение.

— Корис, Капитан Гвардейцев Эсткарпа, ты не должен так говорить о себе! И тем более такой женщине, как я — без наследства и далеко не красавице.

Саймон подошел к колдунье, понимая, что этим двоим теперь не до них, тронул женщину за плечо и улыбнулся.

— Оставим их сражаться друг с другом, — прошептал он.

Колдунья тихо рассмеялась.

— Я думаю, что этот разговор о том, кто чего стоит, скоро закончится полным молчанием.

— Насколько я понял, она и есть пропавшая наследница Верлена?

— Верно. И лишь с ее помощью мне удалось оттуда бежать — с Фальком шутки плохи.

Саймон, чутко улавливающий все оттенки ее голоса, помрачнел.

— Думаю, Фальк и его грабители скоро получат хороший урок, — заметил он.

Зная сдержанность колдуньи, Саймон никак не ожидал услышать подобного признания. И уж если обладательница Дара признается в таком, значит, было и в самом деле очень опасно. У него возникло внезапное желание взять один из сулькарских кораблей, погрузить на него отряд воинов-горцев и отправиться в поход на юг.

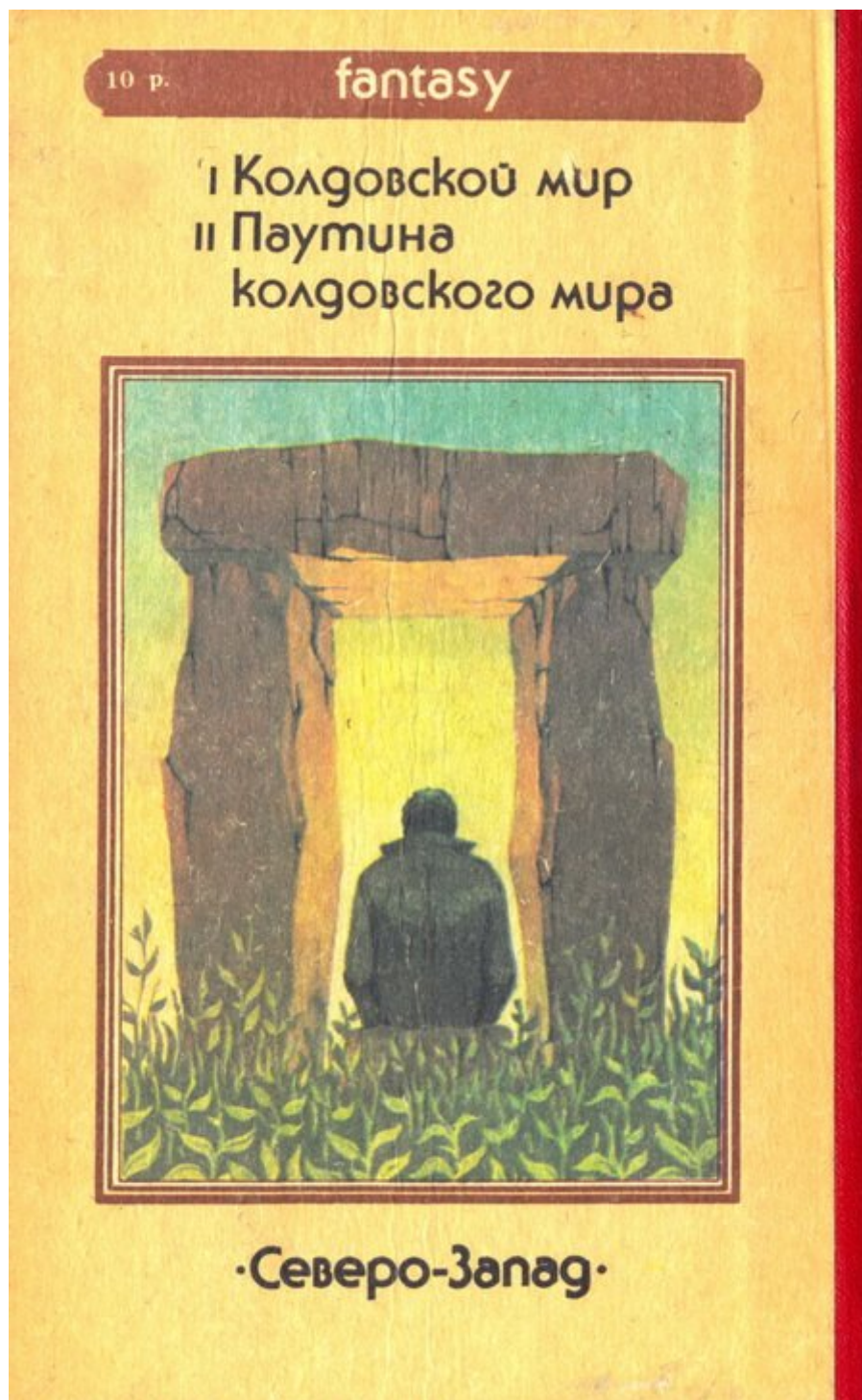
— Да, Фальк получит хороший урок, — повторила колдунья, сохраняя свое обычное хладнокровие. — Но, как ты сказал, мы еще не окончили войну, и до победы еще далеко. Безусловно, Верлен и Карстен нельзя оставлять без присмотра. Саймон, меня зовут Джелита.

Это было так неожиданно, что Саймон даже не сразу понял, что произошло. Зная древний обычай, которому колдуньи столь неукоснительно следовали, он глубоко вздохнул, с удивлением принимая такую безоговорочную капитуляцию. Ведь имя — самое сокровенное достояние колдуньи, имени они не

открывают никому!

Подобно Корису, оставившему топор лежать на столе, Джелита положила на стол свой колдовской камень, подошла к Саймону, и он понял, что это означает — она сознательно обезоружила себя, сознательно отбросила всякую защиту и теперь отдает ему в руки то главное, что составляло ее жизнь. Саймон мог только догадываться, чего это ей стоит, и у него перехватило дыхание.

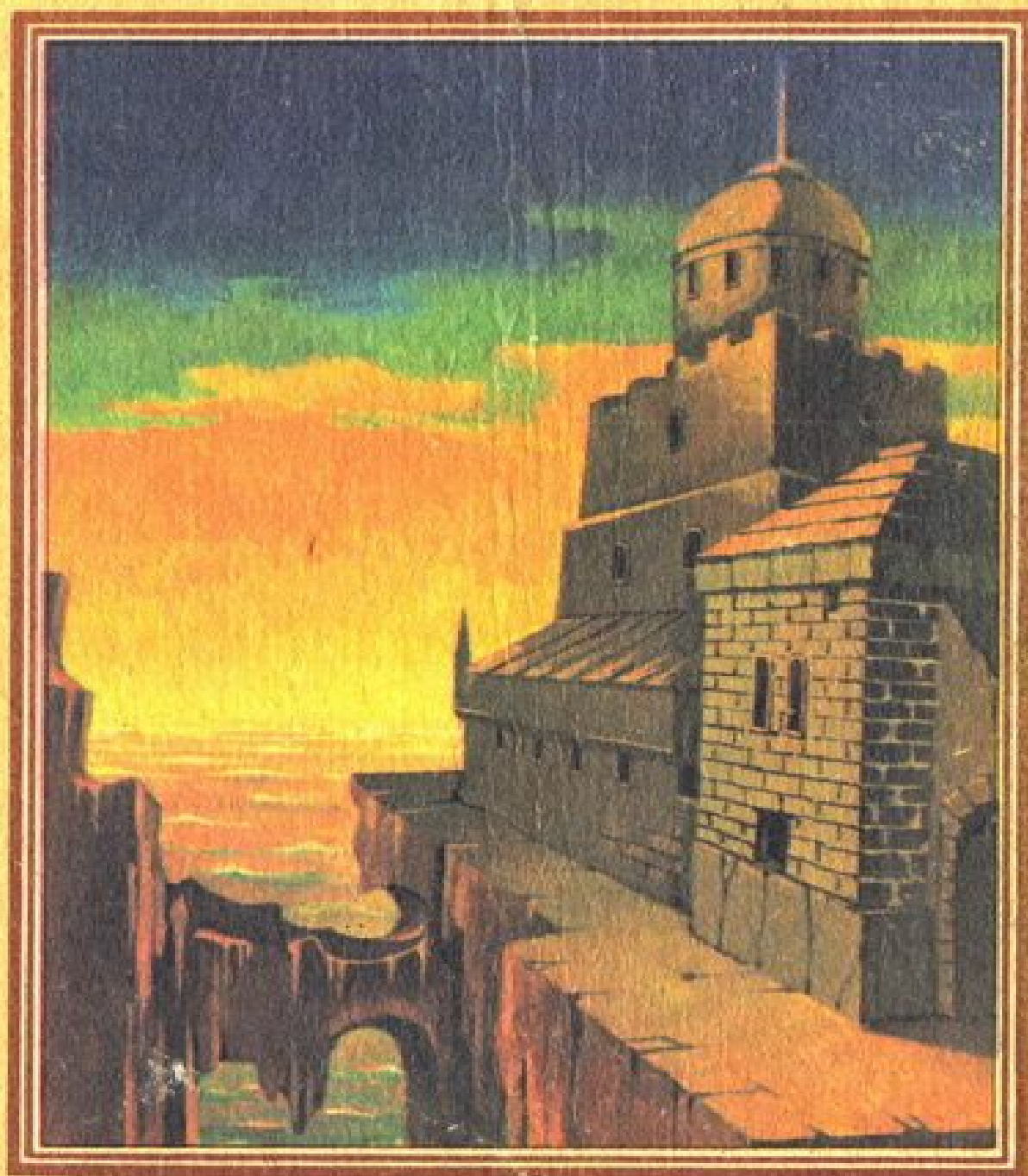
Он сделал шаг навстречу Джелите и обнял ее; его губы искали ее жаждущих губ, и в этот миг Саймон понял, что наконец-то и он сам изменился, наконец-то стал частью этого мира, его жизнь навсегда переплелась с ее жизнью. И так будет до конца его дней. И ничего другого не надо.

Андре НОРТОН

КОМАНДОВАТЕЛЬ МАЯ

I • II

Андрэ Нортон

Паутина Колдовского мира

1

ВЫЗОВ

Ночью была гроза. Порывы штормового ветра обрушивались на стены старого замка, швыряли потоки ливня в оконца башни. Но за стенами Южного Форта неистовство бури переходило в глухой шум, и этот шум успокаивал Саймона Трегарта.

Буря не волновала его. Таким, как он, не привыкать противостоять стихиям. Но в этот ранний предрассветный час, прислушиваясь, как часовой, к далеким звукам, он испытывал смутную и непонятную тревогу. Сероватый свет рассеял тени, гроза прошла, а тревога осталась.

Саймон протянул руку вдоль постели. Движение было неосознанным, как и чувство, которое им овладело: он просто нуждался в поддержке, хотя и не понимал еще, что случилось.

Пальцы ощутили тепло тела и нежность кожи. Он повернул голову. Лампа не горела, но тусклого рассеянного света хватало, чтобы разглядеть лежащую рядом. Широко открытые глаза невозмутимо встретили его взгляд, но в глубине их таилось то же беспокойство, что испытывал Саймон.

Джелита, колдунья Эскарпа, ставшая его женой, резко приподнялась. Шелковистые черные волосы, выскользнув из-под щеки Саймона, рассыпались по ее плечам. Прикрыв руками маленькие крепкие груди, она оглядывала зал, благо полог в эту душную ночь был откинут.

То, чем жил Саймон Трегарт сейчас, воспринималось им в разное время по-разному. Когда он мыслью уходил в прошлое, настоящее казалось ему навязчивым сном. Но стоило ему забыть о былом, и мир снова обретал реальность. Кто же он такой? Разжалованный армейский офицер, преступник, избежавший мести своих сообщников по темным делам? Он воспользовался услугами Йорга Петрония, чтобы остаться в живых, и прошел через Ворота из каменных плит, чудом сохранившиеся с доисторических времен. Ходили слухи, что всякий, кто решится войти в них, таинственным образом исчезает из этого мира и попадает в иной, более близкий его душе. И это был один Саймон Трегарт.

Другой Трегарт лежал сейчас в постели — здесь, в Южном Форте Эскарпа. Саймон Трегарт — Хранитель Границы, присягнувший служить владычицам и взявший себе в жены одну из колдуний этой древней страны. И это «сейчас» было одним из тех моментов, когда настоящее полностью заслоняло прошлое, и он, как бы пройдя невидимую грань, слился с миром, в котором оказался так внезапно.

Острое предчувствие опасности пронзило Трегарта, прервав цепь размышлений о том, кто он такой и что здесь делает. Так же, как Джелита, он резко поднялся и сел, коснувшись ее плечом. Его пальцы сжимали рукоять самострела и выглядел он нелепо — ведь не было сигнала к бою, но только зов о помощи, непонятно как им воспринятый.

— Саймон, — голос Джелиты звучал ниже, чем обычно, и дрожал.

— Да, я тоже чувствую. — Саймон соскользнул с широкого ложа на ступеньки помоста и потянулся к креслу, на котором лежала одежда. Где-то у стен Южного Форта или в его окрестностях случилось что-то неладное. Он стал перебирать в уме возможные варианты. Морской набег карстенцев? Саймон был уверен, что через горы отрядам герцога не пробиться: горы патрулировались сокольничьими и подчиненными ему отрядами защитников границы. А, может быть, внезапный удар со стороны Ализона? Угрюмое молчание северного соседа давно внушало подозрения...

Саймон натягивал сапоги и застегивал пояс, когда на ум пришло еще одно предположение, от которого у него перехватило дыхание, — кольдеры! Ведь они не были окончательно уничтожены, и теперь сила, столь же чуждая этому миру, как он сам, пробудилась и опять грозит Эскарпу.

Уже несколько месяцев — с тех пор, как этот коварный враг нанес удар и был отбит, с тех пор, как оплот кольдеров, остров Горм, был взят штурмом, а попытка кольдеров подчинить себе соседний Карстен провалилась, о них ничего не было слышно. Даже удержанный ими замок Иль молчал, и силы Эскарпа не могли ни с моря, ни с суши преодолеть невидимый барьер, защищающий его стены и башни. Саймон и не думал, что победа на Горме — это конец угрозам со стороны Кольдера: опасность сохранялась до полного

изгнания чужеземцев за море. Но пока забот хватало и без того: Ализон на севере был подобен псу, готовому сорваться с цепи, а Карстен на юге — дремлющему вулкану.

Саймон вслушивался в тишину, ожидая ударов набата — защитников границы, составлявших гарнизон форта, нельзя было застать врасплох. Но сигнала тревоги так и не прозвучало.

— Саймон! — оклик был таким громким и повелительным, что он резко обернулся, держа оружие наготове.

В сумеречном свете лицо Джелиты казалось мертвенно-бледным, а глаза — бесцветными, и трудно было понять, что это — страх или нечто другое? Джелита набросила на себя темно-красное платье из тонкой ткани и придерживала его одной рукой, не успев надеть в рукава. Платье волочилось по полу, пока она, как лунатик, медленно обходила ложе, приближаясь к Саймону. Но нет, Джелита не находилась в состоянии транса, и не страх владел ею.

— Саймон, я все та же!..

Эти слова поразили его еще больше, нежели оклик: они отозвались в нем глубокой болью, и он подумал, что эта боль не уйдет со временем, но будет расти. Так вот оно что! Значит, для нее это настолько важно? Так важно, что с тех пор, как они стали мужем и женой, она чувствовала себя уязвимой и мучилась этим? И тут же другая часть его сознания, менее подвластная эмоциям, заговорила в защиту Джелиты. Колдовство было неразрывно связано с ее жизнью; как и все колдуньи, она гордилась своим Даром и испытывала восторг, владея им, однако, женщина по своей воле простила со всем этим, когда пришла к Саймону, а ведь для нее было несомненным то, что выходя замуж она навсегда утратит свой Дар. И как же он не понял всего этого раньше?!

Саймон протянул ей руку, хотя ему нетерпелось обнять жену и крепко прижать ее к себе. Их пальцы сомкнулись, и он почувствовал, как радость, которой лучилась каждая частичка ее существа, вспыхнула в нем.

— И как ты... — начал было он, но Джелита перебила.

— Знаешь, это все еще со мной, я ничего не потеряла. О, Саймон, я стала женщиной и все же не утратила своего Дара!

Ее рука разжалась, и платье, которое она придерживала на плечах, упало, а пальцы машинально потянулись к груди, отыскивая колдовской камень, с которым она рассталась при бракосочетании.

Глаза Джелиты потускнели, когда она не нашла того, что помогло бы сейчас распорядиться энергией, переполнившей ее. Затем, видимо по старой привычке находить выход из любой ситуации, она отошла от Саймона и замерла на месте, слегка наклонив голову, будто к чему-то прислушиваясь.

— Набата не слышно, — Саймон поднял платье и набросил ей на плечи.

— Я и не думаю, что это нападение, — ответила Джелита. — Но где-то беспокойно, надвигается зло.

— Если так, откуда оно исходит или от кого?

Женщина по-прежнему стояла в настороженной позе, но Саймон уже понял, что она прислушивается не к внешним звукам, а к тому, что говорит ей Сила. Его же собственное беспокойство уже переросло в жажду немедленного действия, только вот против кого или чего?

— Лоиса!.. — произнесла Джелита низким голосом и, стремительно повернувшись, направилась к сундуку, в котором хранилась ее одежда. Она принялась поспешно одеваться, но не в домашнее платье — Джелита достала кожаную куртку, которую носят под кольчужой.

Лоиса? Саймон не был уверен, что именно ей грозит беда, но не стал подвергать сомнению наитие жены. Судьба свела их, четверых, в борьбе за свободу Эсткарпа и за собственную свободу. Они боролись вместе против зла, которое Кольдер принес в этот, некогда прекрасный мир: Саймон Трегарт — пришелец из другого мира; Джелита — колдунья Эсткарпа; Корис, когда-то изгнанный с Горма — Капитан Гвардейцев, а затем сенешаль и маршал Эсткарпа; и Лоиса, наследница Верлена — замка на побережье, владельцы которого за многие годы скопили несметное богатство, грабя потерпевшие крушение корабли. Сбежав из замка после обручения с герцогом Ивианом, она вызволила из Верлена и Джелиту, оказавшуюся там

пленницей. Вдвоем пробравшись в Карс, они начали тайную борьбу с герцогом и его приспешниками. Лоиса, одетая в кольчугу и вооруженная мечом, была среди воинов Эсткарпа, когда они штурмовали Горм. А потом в цитадели Сиппара она поклялась в верности Корису. Эта хрупкая на вид девушка оказалась на деле сильным и смелым воином.

Сейчас ей, очевидно, грозила беда, поскольку Джелита почувствовала, что Лоиса в опасности.

— Но Лоиса в цитадели Эса, — вымолвил Саймон, надевая кольчугу. — А это — сердце страны. Если враг осмелился...

— Нет, что-то не так, — отозвалась Джелита. — Море... В том, что я вижу, главное — море.

— Корис?

— Нет. Кажется, нет... О, если бы у меня был камень! — она натянула сапоги. — А так — будто гадаешь, что там, в тумане? Куда плывет — видишь, но что несет в себе — неизвестно. И все-таки: Лоиса в опасности, и это связано с морем.

— Кольдер? — не удержался Саймон от самого страшного предположения.

— Заслона кольдеров тоже нет. Чувствую только зов о помощи. Саймон, мы должны ехать куда-то на юго-запад. — Она слегка повернулась, сосредоточив взгляд на стене, будто что-то видела сквозь нее.

— Едем, — коротко бросил он.

В жилой части форта было еще тихо, но, торопливо выбегая из зала на лестницу, они услышали, как меняется караул.

— Собрать всадников! — прокричал Саймон вниз.

Его приказ был услышан — последовал слегка удивленный возглас, и они еще не успели спуститься во двор, как протрубили тревогу.

Гарнизон форта в любую минуту готов был отразить внезапную атаку весной и летом сигнал тревоги звучал не раз, собирая его отряды на защиту границы. Ударные силы гарнизона, которыми командовал Саймон, состояли в основном из карстенских беженцев, принадлежавших к древней расе. У них, покинувших родные места из-за резни, устроенной в Карстене по приказу герцога, были причины ненавидеть грабителей и убийц, которые властвовали ныне на их земле и быстрыми набегами прощупывали оборону Эсткарпа — последнего прибежища этой расы темноволосых и кареглазых людей, сохранивших мудрость предков и чистоту крови; расы, чьи женщины были наделены Колдовским Даром, а мужчины, несколько угрюмые на вид, отличались силой и ловкостью — качествами, необходимыми в ратных делах.

— Сигнальных огней не видно, командир...

Ингвальд, помощник Саймона еще с прежних времен, ждал его во дворе крепости. Но вместо Саймона ему ответила Джелита:

— Был другой сигнал, Капитан.

Ингвальд посмотрел на нее удивленно, но все же спросил:

— Нападение где-то поблизости?

— Нет, — сказал Саймон. — Что-то случилось на юго-западе. Мы отправляемся туда с частью гарнизона, а ты останешься командовать здесь.

Офицер, казалось, хотел возразить, но, помешкав, отчеканил:

— Отряд Дарстена находится в полной боевой готовности и может немедленно отправиться в горы.

Из кухни выбежала служанка с блюдом, на котором лежали походные хлебцы с кусочками жареного мяса, только что вынутые из печи. За ней неуклюже трусил толстый парнишка-помощник с кубками, наполненными вином. Джелита и Саймон ели стоя и наблюдали за тем, как конники проверяют лошадей и готовят к походу оружие.

Неожиданно Джелита чуть слышно засмеялась:

— Передающая вести услышала меня, и я сообщила ей наши новости. Жаль, что у меня нет камня, он бы сейчас очень пригодился.

Саймон был изумлен: выходит, Джелита даже без своего камня способна общаться с юной колдуньей, связывающей их со штабом Эсткарпа! Благодаря этому военный совет уже получил сообщение Джелиты об опасности.

Саймон восстанавливал в памяти картину местности, по которой им предстояло ехать. Предгорья и горы на юге, берег моря на западе. Можно встретить на пути одну-две деревеньки, ни фортов, ни замков там нет. Правда, встречаются посты, но силы их незначительны, и к тому же располагаются они в отдалении от границы, а значит не могут служить постоянным местом пребывания колдуний, способных предупреждать о набегах врага. Поэтому остается единственный способ связи — сигнальные огни, зажигаемые на холмах. Ни один такой огонь сейчас не горел.

Что делала там Лоиса; почему она покинула Эс и поспешила в пустынный край?

— Ее заманили туда хитростью. — Джелита снова будто прочла его мысли. — Как именно заманили, сказать не могу, но зачем — кажется, догадываюсь.

— Происки Ивиана?

Это могло служить объяснением любому действию, направленному против наследницы Верлена. По законам Карстена, Лоиса — жена Ивиана. И хотя они даже не видели друг друга, обручение с ней позволяло герцогу претендовать на владение Верленом. Стоит лишь привезти в Карстен Лоису, и тогда сделка, которую Фальк заключил с герцогом, будет завершена. В Карстене, по слухам, царит смута, — Ивиан, бывший наемник, добившийся власти, благодаря тому, что собрал под своим началом мощное войско, чувствует враждебность со стороны старой знати. И ему необходимо решительно развеять эту враждебность, иначе его власть окажется под угрозой.

А поскольку Лоиса находится в родственных отношениях с тремя могущественными кланами Карстена, герцог мог бы, используя ее как средство для достижения своих целей, добиться многого. Но, конечно, не только Карстен беспокоит его.

Ивиан чувствует себя неуютно, сознавая, что резня, которую по его приказу устроили людям древней расы, вряд ли останется безнаказанной. Скорее всего, он не поверит, что колдуньи Эсткарпа не будут чинить ему зла, и в подобной ситуации Лоиса тем более та сила, которую герцогу необходимо заполучить в свои руки.

Они выехали из крепости скорой рысью: Саймон впереди, рядом, чуть поотстав от него — Джелита; за ними — двадцать конников Дарстена. До моря было часа четыре верховой езды. Пока не пал Сулькар — город моряков-торговцев, тракт, по которому ехал отряд, был торговой артерией Эсткарпа, связывая собой полдюжины деревень и один небольшой городок с этим свободным портом. Но после гибели Сулькара дорогой пользовались редко, и она пришла бы в полное запустение, если бы не дозорные, время от времени расчищавшие ее от поваленных бурями деревья.

Отряд проследовал через Ромсгарт — селение, где обычно собирались на торги крестьяне из ближайших деревень. День был небазарный, и отряд, торопливо проскакавший по улицам, вызвал немалый переполох среди жителей. Саймон заметил, как Дарстен махнул рукой местной страже. Он знал, что это значит: боевой дозор будет выставлен здесь без промедления. Древней расе, оказавшейся в окружении опасных, готовых к войне соседей, быть может и предопределено исчезнуть с лица земли, но в последней битве ее воины унесут с собой немало вражеских жизней. И в Ализоне, и в Карстене прекрасно об этом знали, и возможно только это удерживало их от немедленного нападения на Эсткарп.

В нескольких милях от Ромсгарта Джелита дала знак остановиться. Она ехала с непокрытой головой, ее шлем висел на луке седла — и сейчас, поворачивая голову то вправо, то влево, она была похожа на хищную птицу, высматривающую добычу. Но Саймон уже напал на след.

— Там! — крикнул он, показывая на тропу, что уходила от тракта на юг. Ощущение опасности, которое ни на секунду не покидало его, словно обострило зрение на стволе дерева, лежавшего поперек тропы,

Саймон заметил пару белых рубцов. Один из всадников спешил, чтобы получше их рассмотреть.

— Ссадины от копыт, и совсем свежие...

— Рассредоточиться! — командовал Саймон.

Конники рассыпались по лесу, продолжая осторожно продвигаться вдоль тропы. Джелита надела шлем.

— Быстрее, вперед!

Она пришпорила коня, и тот, перемахнув через поваленное дерево, понес ее по тропе. Саймон помчался следом за ней. Любому, кто увидел бы их сейчас, показалось бы, что их только двое; однако, люди Дарстена, скрывшись под пологом леса, не отставали от своего командира.

В лицо уже бил свежий морской ветер, вот-вот должна была показаться бухта. Что же они увидят там? Неужели корабль, готовый отплыть в Карстен? Но кто заманил Лоису в эту ловушку? Вот бы сейчас сюда сокольничьих с их птицами — они бы уже все разузнали.

Они выехали на широкую, густо поросшую травой поляну, которая полого сбегала вниз к бухте. На ней паслись две оседланные лошади. А в море виднелся корабль, который на всех парусах уходил от берега.

Потом им бросилось в глаза то, что выделялось ярким пятном на белом прибрежном песке. Джелита спрыгнула с коня и побежала туда, Саймон устремился следом, и вскоре они уже стояли над телом женщины, чье застывшее лицо казалось безмятежным, хотя пальцы вцепились в рукоять клинка, глубоко вонзенного ей в грудь.

— Кто это? — спросил Саймон.

Джелита нахмурилась, напрягая память.

— Я встречала ее. Она с гор. Ее звали... Ее звали Бертора, когда-то она жила в Карсе...

— О Боже!

Саймон заметил, что его подзывает один из воинов, и пошел посмотреть, что там такое. У самой воды в песок было воткнуто копье, на которое была надета латная рукавица. Объяснений не требовалось — здесь побывали люди герцога; больше того — они и не хотели этого скрывать, а значит — Ивиан объявляет войну. Саймон схватился за рукавицу и сдернул ее с древка. Он принял вызов.

2

НАБЕГ

Лучи светильников, искрясь, отражались от лежащего на столе предмета, как от драгоценного камня. На самом же деле это была всего-навсего рукавица, кожаная рукавица с тыльником, закрытым металлическими пластинками.

— Лоиса покинула Эс два дня назад, но зачем — никто не знает, — голос был мрачным и отрешенным. Сосредоточенный Корис угрюмо стоял у края стола, наклонясь вперед и с силой сжимая рукоять топора. — Я узнал об этом вчера вечером — только вчера! Куда она пошла, зачем, кто увел ее за собой?

— Мы предполагаем, что она нужна герцогу, — сказал Саймон, — но зачем — это вопрос, — он заметил тревожный взгляд Джелиты и замолчал — похоже, они с ней опять подумали об одном. Сейчас, когда Корис не мыслил своего существования без Лоисы, ее похищение могло обернуться катастрофой для обороны Эсткарпа. Никакая колдовская сила не смогла бы, пожалуй, удержать молодого сенешаля от желания броситься на поиски своей возлюбленной, а поэтому необходимо было как-то остудить его пыл, по крайней мере, до тех пор, пока он не сможет принимать трезвых решений.

— Карсу конец, — коротко заявил Корис.

— Что — так просто? Ты за это ручаешься? — не удержался от колкости Саймон. — Ты считаешь, что город не устоит перед горсткой воинов, которую сейчас, в спешке, ты сможешь собрать? Да, Карс падет, но только в том случае, если мы все тщательно обдумаем, а не просто ринемся в атаку, очертя голову.

— Корис, — рука Джелиты с тонкими длинными пальцами оказалась в лучах света, падающего на боевую рукавицу Ивиана, — ты недооцениваешь Лоису...

Задев его за живое, она этими словами точно пробудила Кориса, что никак не удавалось сделать Саймону.

— Недооцениваю?

— Вспомни Брайанта, и не забывай, что Брайант и Лоиса — одно лицо.

Брайант и Лоиса! Как всегда, она снова права, его жена-колдунья. Конечно с этого и надо было начинать. Лоиса... Ей пришлось играть роль наемного воина в пору совместного пребывания с Джелитой в Карсе. Она с оружием в руках была среди воинов, освобождавших Сиппар. И прежде всего Лоиса бежала из Верлена, да при этом еще вызволила из плена Джелиту, хотя сделать это было невероятно трудно, если не невозможно. Нет, Лоиса отнюдь не беспомощная девушка: у нее достаточно и ума и воли, чтобы выстоять в очередной схватке с силами зла.

— Но по их проклятым законам она принадлежит Ивиану, — лезвие топора описало сверкающую дугу и разрубило лежащую на столе рукавицу.

— Она принадлежит только себе, Корис, пока не решит иначе. Не знаю, как им удалось заманить Лоису, но очень сомневаюсь, что они сумеют ее удержать. Однако, подумай, сенешаль, стоит ли идти напролом? Как только ты ворвешься в Карс, Лоиса немедленно станет орудием против тебя в руках Ивиана. Неужели ты этого хочешь?

Корис повернулся к Джелите и, будучи меньше ее ростом, вскинул голову, чтобы встретиться с ней взглядом. Его широкие плечи слегка ссутулились, и что-то в его позе напоминало зверя, приготовившегося к прыжку.

— Я не допущу, чтобы она оставалась там! — крикнул он с вызовом.

— И мы не допустим, — согласился Саймон. — Но пойми: ведь они только и ждут, что мы клюнем на эту приманку. Лоису может быть только для этого и похитили, чтобы мы все угодили в ловушку.

Корис прищурился.

— Так что же ты предлагаешь? Пусть позаботится о себе сама? Да, Лоиса отважна, но она не колдунья. И, потом, их много, а она — одна.

На это у Саймона был готов ответ — он успел обдумать план действий до прибытия Кориса в форт, и сейчас рядом с лезвием топора он разложил на столе пергаментную карту.

— Простой набег на Карс немыслим, для этого пришлось бы собрать все наше войско и пойти войной на Карстен. Не лучше ли проникнуть в город небольшим отрядом, да еще по приглашению Ивиана?

— С помощью перевоплощения? — сразу понял Корис, и ожесточенные нотки в его голосе пропали.

— Скорей всего. А действовать мы начнем вот отсюда...

Операция, которую предлагал Саймон, была рискованной. Он давно вынашивал ее идею, но до сих пор помалкивал, понимая, что найдется немало доводов против его плана. Теперь же, когда обстоятельства требовали немедленных действий, можно было и рискнуть.

Корис внимательно изучал карту.

— Но причем здесь Верлен? — взглянул он на Саймона.

— Верлен нужен Ивиану, он давно мечтает о нем. Отчасти это и послужило причиной его женитьбы на Лоисе. Богатства Верлена манят герцога неспроста, подумай сам: Ивиану служат в основном наемники, а им надо платить. Кроме того, крепость удобно расположена и может быть отличной базой для морских набегов на нас. Словом, теперь, когда Карстен истощен притеснениями и поборами, Верлен для герцога — спасение. До сих пор Фальк вел себя разумно, не мешая Ивиану, но допустим, в нем заговорили отцовские чувства, и он надумал...

— ...сделать вид, что хочет обменять Верлен на Лоису? Чтобы на самом деле не потерять своих сокровищ? Верно я понимаю?

— Мы должны сделать так, чтобы Ивиан поверил, будто может завладеть Верленом вообще без всяких усилий. — Саймон начал подробно излагать детали операции, а Корис, слушая его, перестал хмуриться и внимательно вникал в план, выискивая в нем слабые места. Но пока он не перебивал Саймона, который приводил все новые сведения, добытые как его разведчиками, так и сокольничьими, и, объединяя их, пытался нарисовать общую картину предстоящих действий.

— Корабль, который мы посадим на рифы, выманит из крепости почти всех людей Фалька. В замке останется только охрана. К тому же без присмотра будут все потайные ходы, о которых владыка Верлена ничего не знает, об этом еще Лоиса говорила. А Джелита расскажет, как найти вход снаружи, и таким образом наш отряд проникнет в самое сердце Верлена. А уж потом разберемся и с теми, кто отправится на скалы за добычей.

— Но это займет много времени. К тому же, где уверенность, что шторм случится в выбранный нами день? — хоть Корис и возражал, но Саймон чувствовал, что сенешаль примет его план, а значит, опрометчивого вторжения на территорию врага можно не опасаться, по крайней мере, пока голова Кориса будет занята Верленом.

— Что касается времени, — Саймон свернул карту, — то за минувшие сутки мы кое-что сделали. Я послал сообщение сокольничьим, и они, должно быть, уже рассредоточились в горах близ Верлена. Разведчики из отрядов защитников границы отлично знают каждый уголок в тех местах и найдут самые короткие тропы. Сулькарские моряки в гавани Сиппара готовят к плаванию одно из заброшенных суденышек: ставят новые паруса и загружают трюм камнями, чтобы казалось, будто идет обычное торговое судно с грузом. А на флагшток подымут торговый флаг Алисона. Вот только шторм...

— Шторм!.. — рассмеялась Джелита. — Саймон, неужели ты забыл, что ветер и волны — наши слуги? Я позабочусь и о том, и о другом, когда придет час.

— Но ведь... — Корис взглянул на нее вопросительно.

— Ты думаешь, мне это не под силу, Корис? Как бы не так! — в ее голосе звенела радость. — Мне бы только вернуть мой камень, и тогда уж не сомневайся! И потому, Саймон, пока ты расставляешь сети для Фалька, я поспешу в Эс за тем, что снова должно принадлежать мне.

Он согласно кивнул, но в душе появилась смутная боль. Ему казалось, что ради него Джелита рассталась с камнем без сожаления. А теперь выясняется, что едва она почувствовала зов Силы, едва поняла, что не утратила своего Дара, — и вот она уже вновь далека от него, вновь она не Джелита — жена его, но колдунья, непостижимая женщина, пристальный взгляд которой всех удерживает на расстоянии. Саймон ужаснулся при мысли, что колдовство опять встанет между ними глухой стеной. Усилием воли он остановил эти тягостные раздумья и сосредоточился на подготовке операции в Верлене.

Все участники операции были уже оповещены о ее начале, но не с помощью сигнальных огней на холмах, которые могли насторожить карстенских согладатаев, а с помощью колдуний или верховых нарочных. Отряды, патрулирующие предгорье, были малочисленны всего по пять-десять человек, и держались пока разрозненно, вплоть до решающего приказа.

Корис вел переговоры с Эннером Осбериком, чьи торговые корабли стояли в порту Эса после того, как от Сулькара ничего не осталось. Попытки использовать Горм в качестве базы оказались безуспешными: люди не хотели оставаться на проклятом острове с его Сиппаром — городом мертвецов. Цитадель Сиппара колдуньи окружили невидимым барьером, дабы никто не мог использовать со злым умыслом достижения чужой цивилизации. Отец Эннера Осберика погиб в Сулькаре, и сын питал беспредельную ненависть к кольдерам и им подобным. Молодой Осберик прекрасно знал море, и пусть он не мог управлять штормами, подобно колдуньям, но умел выстоять любой из них, а его люди всегда были готовы сразиться с врагом. Опасность его, как всех молодых и смелых людей, только воодушевляла, и он согласился принять участие в операции.

Осуществление замысла уже началось, и оставалось только согласовать время атаки. Саймон занял наблюдательную позицию, распластавшись на вершине скалы. День был пасмурный, но он хорошо видел башни Верлена через трубку с линзами из прозрачного кварца, — своего рода бинокль. Осмотрев стены крепости, Саймон начал разглядывать риф, тот самый, что приносил добычу обитателям крепости — он торчал из воды, как клык. Именно на этот каменный клык Эннер должен посадить корабль-приманку, чтобы выманить из Верлена подданных Фалька.

Хмурое небо и сырой воздух предвещали шторм, но им-то была нужна управляемая буря, чтобы в нужное время она сработала на них. Саймон продолжал рассматривать берег, но его голова была занята другим.

Джелита уехала к владычицам, уехала в Эс, ликующая, счастливая от того, что не утратила своих колдовских способностей. С тех пор он не слышал о ней ни единого слова.

Не было между ними и той мысленной связи, на которую Саймон уповал, как на знак прочности их союза. Он готов был уже поверить, что недели, прожитые в Южном форте, оказались лишь сладким сном, и что не было исполнения желаний, не было того мига, когда, казалось, они слились воедино и ему открылся мир по ту сторону собственного «я».

И снова Саймон похолодел от страха, подумав о том, что вот уже и растет между ними стена отчуждения. Нет, надо гнать прочь от себя все эти мысли, иначе он, подобно Корису, забудет обо всем на свете, сорвется с боевого поста и бросится на поиски любимой.

Времени оставалось мало. «Этой ночью необходимо навязать бой», — думал Саймон, убирая в карман на поясе наблюдательную трубку. Джелита перед отъездом подробно описала ему подземные ходы, и прошлой ночью он, Ингвальд и Дарстен спустились в пещеру, откуда они начинались. Там их взорам предстал древний алтарь, воздвигнутый богам, память о которых давно исчезла, как и прах тех, кто поклонялся им. Все испытали в подземелье какое-то странное возбуждение, от которого перехватывало дыхание, а Саймон даже вынужден был напрячь волю, чтобы унять дрожь в теле. Похоже, не только к услугам колдуний прибегали люди, которые много веков тому назад жили в этом мире, если до сих пор в его подземных тайниках противоборствовали эти странные, и, как чувствовал Саймон, могучие силы.

Спрыгнув со скалы, он направился к расселине, где притаились трое разведчиков и один сокольничий.

— Никаких известий?

«Глупый вопрос», — подумал Саймон. Он бы и сам в тот же миг узнал о ее прибытии, будь она здесь. Однако один из разведчиков, увидев командира, вскочил на ноги.

— Есть сообщение от сенешаля, Капитан. Эннер Осберик снарядил корабль и готов сняться с якоря, но не знает, долго ли продержится ветер.

Ветер... Нет, над стихиями Саймон не властен, это уж точно. И если Джелита не появится, им так или иначе придется начать боевые действия, подвергнув себя опасностям, которые несет настоящий шторм.

Послышался резкий птичий крик, и черно-белый сокол Ункара, снизившись кругами, сел на запястье хозяина.

— Сенешаль возвращается, — сказал сокольник.

Для Саймона по-прежнему оставалось загадкой это общение человека с птицей, но он давно убедился, что сведения сокольников всегда точны, а уж то, что разведка с помощью соколов стократ быстрее любой другой, и говорить нечего. Корис возвращался с патрулирования, и Саймон понимал, что сенешаль настроен выступить немедленно, и что на этот раз придется ему уступить. Но где же Джелита?

Движения Кориса как всегда были собраны и экономны, и Саймон до сих пор поражался этому, глядя на его неуклюжее тело. Огромный Топор Вольта был скрыт под походным плащом, но на голове сенешаля сверкал шлем с соколом, и уж кто-кто, а Саймон знал, что это значит — Корис готов ринуться в бой.

— Этой ночью мы выступаем! Эннер говорит, что ветер пока благоприятный, а что будет дальше — неизвестно, — он помолчал и чуть смущенно добавил: — С севера никаких известий.

— Что ж, так тому и быть! Вальдис! Оповести всех: как только стемнеет — мы выступаем.

Юноша исчез среди камней со скоростью пущенной стрелы. Из-под открытого забрала сверкнули глаза Ункара:

— Похоже, будет дождь. Тем лучше для нас. Итак, Хранитель Границы, наш час — сумерки... — с соколом на запястье он последовал за Вальдисом, чтобы собрать своих людей.

Заката в этот вечер никто не видел — тяжелые тучи расстилались до горизонта. Усилилось волнение на море. Вот-вот должен был появиться Осберик на своем корабле-приманке.

У мародеров было три наблюдательных пункта — два на самом рифе и один на центральной башне крепости; в плохую погоду на всех этих точках стояли наблюдатели. Тех, что на рифе, можно было не опасаться, но с башни просматривались подступы к замку, и Саймона это беспокоило, хотя он отдал приказ, чтобы использовались все маломальские укрытия на этом пространстве. Надеялся он и на то, что атакующих прикроет дождь.

Но штормовой ветер опередил дождь, медлить было нельзя. И только сумерки скрывали людей Саймона, когда они цепочкой пересекали пустошь, отделявшую их от входа в подземелье. Пока все шло благополучно. Неожиданно во мраке пещеры что-то вспыхнуло, и Саймон услышал удивленный возглас Кориса, — светилось лезвие Топора Вольта. А Саймон вновь почувствовал, как от ветхого алтаря исходит мощный поток энергии, но он не мог определить ее природы, и от этого ему было не по себе.

— Благославляющий свет! — рассмеялся Корис. — Спасибо тебе, Вольт, за такую милость!

— Не задерживайся! — потребовал Саймон. — Ты не знаешь, какие силы можешь пробудить этим светом.

Начало потайного хода они нашли быстро. У Саймона по спине бегали мурашки, волосы на голове шевелились, хотя на нем был шлем — так все вокруг было наэлектризовано. Каменные стены, покрытые слизью, тускло отражали свет походных фонарей. С каждым шагом во влажном воздухе подземелья усиливался запах гнили. Каменные плиты под ногами вздрагивали от глухих ударов бушующего внизу моря.

Наконец, они вышли к лестнице, ступени которой были крест-накрест иссечены серебристыми бороздами, словно какие-то гигантские слизняки веками прокладывали здесь свои дорожки. Поднимаясь, Саймон считал ступеньки, как научила его Джелита, и подумал о том, что дорого бы сейчас дал, чтобы она

или Лоиса оказались рядом, поскольку все-таки опасался заблудиться в этом лабиринте.

Они должны были выйти в ту комнату, что когда-то принадлежала Лоисе, а затем — рассеяться по замку и попытаться захватить Фалька врасплох, пока его мародеры тешатся ожиданием добычи у моря.

Казалось, этим ступеням никогда не будет конца, и действительно, лестница еще уходила вверх, во мглу, когда он прервал счет, остановившись перед дверью, запертой на простую щеколду со стороны лестницы. Саймон сбил задвижку и без особого усилия открыл дверь.

В покоех было темно, они не погасили походных фонарей, когда вошли, и в их свете увидели завешенное пологом ложе, рядом с ним сундук и еще один — под окном, за которым гудел штормовой ветер.

— Сигнал! — Саймон мог этого и не говорить, так как один из гвардейцев уже вскочил на стоявший под окном сундук и несколько раз взмахнул походным фонарем, подавая условный сигнал Эннеру Осберу. Если тот был на месте, то, конечно, принял его, и сейчас, возможно, обрубили якоря... Оставалось только ждать, когда известие о приближении судна подымет на ноги весь гарнизон Верлена.

Это тягостное ожидание, это бездействие всем было не по душе. Две небольшие группы, одна во главе с Ингвальдом, другая — с Ункарком, осмотрели ближайшие помещения. Командир сокольничьих сообщил, что они обнаружили по соседству еще одну пустую спальню, которую, в крайнем случае, можно использовать как запасной путь к отступлению.

Время, казалось, тянется нестерпимо медленно. Саймон перебирал в уме все возможные причины провала их операции. Фалька могли предупредить о вторжении, у него тоже хватает разведчиков. Оставалось надеяться лишь на то, что, как уверяла Лоиса, о потайных ходах здесь по-прежнему никто ничего не знает.

— О-оо!.. Наконец-то! — вырвался у кого-то вздох облегчения, немедленно заглушенный громкими криками, раздавшимися у них над головами.

— Началось! — Корис стиснул плечо Саймона и рванулся к двери. — Сигнал о кораблекрушении! Сейчас крысы повылезают из своих нор!..

3

ТЕМНАЯ НОЧЬ

Терпение, главное — терпение... Терпению Лоиса научилась давно, и сейчас пришло время воспользоваться им, как оружием против страха, который сковал ее, словно холод, и не давал дышать. Терпение и благоразумие — вот все, что осталось в ее распоряжении.

В комнате, где девушку, наконец, оставили одну, было тихо. Она знала, что нет смысла вставать с кресла и пытаться открыть окно или дверь. Полог над ложем был снят. «Чтобы не покончила с собой», — подумала она. Нет, до этого еще не дошло, только не это. Лоиса улыбнулась, но улыбка получилась очень грустной.

Она чувствовала себя разбитой, комната плыла и раскачивалась перед глазами, и это не позволяло Лоисе собраться с мыслями. Есть не хотелось, мучила тошнота, начавшаяся еще на корабле. Интересно, сколько времени она не ела?

Лоиса стала по-детски загибать пальцы, подсчитывая дни. Три, четыре... — пять дней?

Вновь и вновь в памяти навязчиво появлялось лицо какой-то черноволосой женщины, пришедшей к ней еще в Эсе ранним утром, якобы поведать какую-то историю. Что это за история?

Лоиса пыталась как можно отчетливее припомнить встречу. И страх, душивший ее, стал сильнее, когда она поняла, что провал в памяти не имеет ничего общего с недомоганием и нервным потрясением — ее память была насильственно блокирована. Ту женщину звали... Бертора! Лоиса внутренне возликовала, когда ей удалось все же вспомнить имя. Эта Бертора увезла ее из Эса, сославшись на какую-то весть. Что за весть и от кого? И почему Лоисе необходимо было держать в тайне от всех свой отъезд? Всплывали обрывочные воспоминания о дороге в лесу и о буре; о том, как они прятались под скалой, а над ними неистовствовали в ночи дождь и ветер. Еще вспоминался сбегавший к морю луг, на котором они ждали кого-то.

Почему она была так спокойна, находясь там с Берторой? Почему у нее не было ни тревоги, ни дурных предчувствий? Может быть, она находилась под влиянием чьих-то чар, слепо подчиняясь чужой воле? Но нет, в это не верилось — в Эсткарпе у нее не было врагов. Собирая воедино осколки воспоминаний, Лоиса наконец поняла, что Бертора слишком торопилась, слишком осторожничала в пути, и вообще, вела себя так, словно убегала от врагов по чужой земле. Неужели в Карстене тоже есть колдуньи?

Лоиса прижала руки к вискам. Если предположить, что в Карстене есть колдуньи, значит, она просто ничего не знает о своей родине. Но нет же, их не может там быть после того, как потомки древней расы были объявлены вне закона, и на протяжении многих лет их изгоняли из страны или убивали на месте. И все-таки Лоиса была уверена, что находилась под воздействием чар, что колдовская сила помимо ее воли привела ее в ту бухту, где стоял корабль.

И там было еще что-то... что-то, связанное с Берторой. Прикусив костяшки пальцев, Лоиса, преодолевая очередной приступ тошноты, напрягла память и, наконец, увидела отчетливую картину.

Бертора... какие-то люди... женщина что-то кричит им. Лоиса не смогла вспомнить слов, но как наяву слышала голос — сначала умоляющий, потом в нем появилось отчаяние... Один из приплывших на корабле спокойно подошел и хладнокровно вонзил клинок в грудь Берторы, та упала, мертвой хваткой вцепившись в рукоять оружия — владелец так и не смог вернуть его себе. Затем какой-то другой человек склонился над убитой и начал неловко обшаривать ее блузу, что-то извлек оттуда и зажал в кулаке...

Итак, Лоиса оказалась в Карстене благодаря Берторе, которая поплатилась за это жизнью. Но как, с помощью кого или чего этой женщине удалось выманить Лоису из Эса?

Впрочем, сейчас это не самое важное. Хуже всего то, что она находится в Карстене, в замке Ивиана. И если даже друзья в Эсткарпе узнали, где она, им, чтобы вызволить ее отсюда, потребовалось бы целое войско, выставить которое сейчас Эсткарп не может. Лоисе доводилось бывать на военных советах, она знала, в сколь сложном положении находилась древняя страна, и понимала, что если будет предпринят

поход на Карстен — это ослабит оборону Эсткарпа, чем немедленно воспользуется Ализон, чтобы нанести удар с севера.

Когда-то в Верлене Лоисе уже пришлось в одиночку противостоять Фальку, и она смогла вырваться из ненавистных стен, где у нее не было ни единой близкой души. И вот она снова оказалась одна против могущественного врага. «Скорее бы прошла эта тошнота, скорее бы прекратилась кружиться голова, чтобы все хорошенько обдумать», — твердила про себя Лоиса. Но пока любое движение приводило к тому, что пол уходил из-под ног, словно она до сих пор находилась на палубе корабля.

Внезапно открылась дверь, и резкий свет лампы ослепил Лоису. Она на мгновение зажмурилась, а когда открыла глаза, обнаружила перед собой троих женщин: одна держала лампу, другая — поднос с тарелками, накрытый салфеткой, а третья выжидающе стояла в стороне, и Лоиса пока не видела ее лица, поскольку голову и плечи вошедшей скрывала накидка.

Поставив на стол поднос и лампу, служанки удалились, закрыв за собой дверь, и только после этого оставшаяся женщина подошла к столу и сбросила с себя покрывало.

Она была выше Лоисы и выглядела столь привлекательно, что девушка не посмела даже сравнивать себя с вошедшей. Золотистые волосы женщины, уложенные в замысловатую прическу, стягивала сеточка, унизанная драгоценными камнями. Драгоценности сверкали и на ее шее, и на поясе, и на всех пальцах рук, а тонкие запястья были украшены браслетами. Казалось, что она нарочно достала все содержимое своих шкатулок, чтобы поразить пышностью и великолепием. И только встретив спокойный взгляд женщины, Лоиса поняла, что весь этот блеск — маскарад.

Рука, отягощенная драгоценными камнями, потянулась к лампе, взяла ее и подняла повыше, а потом Лоиса увидела глаза, внимательно изучающие ее лицо, но не смутилась и не опустила головы. Конечно, ей было далеко до этой красавицы — она это прекрасно понимала, да и не собиралась соперничать с этой женщиной. Лоиса уже не сомневалась, что перед ней — Альдис, великолепная Альдис, отличающаяся не только красотой, но и умом, — ведь всем известно, сколь велика ее роль в мрачных играх двора Ивиана.

— А в тебе скрыто гораздо больше, чем кажется на первый взгляд — нарушила молчание Альдис. — Зачем же прятать свои достоинства, госпожа герцогиня?

Все еще держа лампу в руке, Альдис грациозно присела в реверансе, эффектно взметнув юбку.

— Кушать подано, госпожа герцогиня, прошу к столу. Уверена, что ты проголодалась за долгую дорогу.

Она поставила лампу на стол и с преувеличенной услужливостью придвинула к нему кресло.

— Ах, я же еще не представилась! Меня зовут Альдис, и мне выпала честь приветствовать тебя в твоём городе Карсе, который задался своей герцогини. Не соизволишь ли пообедать, госпожа?

— Разве Карс — не твой город? — с наивностью ребенка спросила Лоиса. Она еще не знала точно, какую роль ей лучше всего играть, и решила пока прикинуться дурочкой, надеясь, что Альдис на это клюнет и быстрее раскроет свои карты.

Красавица расплылась в улыбке.

— Все это лживые сплетни! Согласись, когда при дворе нет настоящей госпожи, кто-то ведь должен позаботиться о том, чтобы все шло должным образом... Надеюсь, ты не сочтешь нужным что-либо менять здесь?

Что это — угроза или предупреждение? Во всяком случае, сказано это было самым небрежным тоном. И все же Лоиса не сомневалась, что Альдис не намерена отказываться от своей власти в пользу новоявленной госпожи, на которой герцог и женился-то исключительно из практических соображений.

— Известие о твоей смерти крайне огорчило господина герцога, — продолжала Альдис. — Он так ждал встречи с супругой, а вместо этого ему пришлось выслушать рассказ об открытом окне башни, о каких-то лоскутах платья внизу на скалах и о бушующем под окном море. Можно подумать, что морские волны были для тебя желаннее объятий герцога... Эти печальные мысли преследовали его по ночам. Зато как же он обрадовался, когда до него дошла весть о том, что наследница Верлена жива, и всего лишь была

околдована этими ведьмами с севера, которые похитили ее и держали как заложницу. Но теперь все снова хорошо, не правда ли? Теперь ты в Карсе, воины которого способны защитить свою госпожу от любых врагов! Так что, поешь, милая герцогиня, а потом отдохни. Недалек тот час, когда тебе придется предстать во всей своей красе перед супругом и покорить его. — В насмешке проскользнула явная грубость — кошка выпустила когти.

Альдис сняла с подноса салфетку, запах пищи отозвался резью в пустом желудке Лоисы, и опять подступила тошнота, но девушка пересилила себя, решив все-таки поест — она понимала, что сейчас не время вести себя вызывающе.

Она провела рукой по глазам, как ребенок, уставший плакать, и с трудом поднялась, придерживаясь за стойку полога. Покачиваясь, она кое-как доковыляла до кресла и почти упала в него.

— Бедная крошка, тебе, видно, крепко досталось, — заметила Альдис, но не двинулась с места, чтобы помочь, и Лоиса была искренне благодарна ей за это. Она испытывала такую слабость, что пришлось взять бокал обеими руками, лишь бы любовница Ивиана не заметила, как они дрожат.

Впрочем, сейчас и это не имело особого значения. Важнее было набраться сил и прояснить рассудок. Очевидно, что Альдис пожаловала сюда неспроста, но пока Лоиса не понимала цели ее визита.

По телу разошлось приятное тепло, и словно разогнало страхи, одолевавшие ее. Лоиса поставила бокал на стол, придвинула к себе тарелку с супом и принялась за еду, пьянея от аромата пищи. У герцога были отличные повара. Наслаждаясь вкусной едой, Лоиса как будто на время забыла, где она находится.

— Поросенок в красном вине, — проворковала вдруг Альдис. — Деликатес, госпожа, который ты часто будешь видеть на столе, так как герцог обожает это блюдо.

Лоиса снова поднесла к губам бокал.

— Отменное вино! — Она старалась, чтобы ее голос звучал весело и непринужденно. — Похоже, господин герцог — тонкий ценитель напитков. А я, признаться, думала, ему больше по вкусу то, что пьют в кабаках: ведь свое первое войско он набрал, кажется, благодаря бочкам с таким питьем?

Альдис одарила ее лучезарной улыбкой.

— Господина герцога не смущают намеки на его... как бы это сказать... сумбурное прошлое. Кто бы что ни говорил, одно неизменно — он завоевал Карстен силой своего оружия.

— И с помощью наемных воинов, — добавила Лоиса.

— При поддержке своих сторонников, — поправила ее Альдис, — чем, кстати, он гордится и часто об этом рассказывает, когда есть кому слушать.

— Тот, кто карабкается вверх, должен помнить о том, что он оставляет внизу. — Лоиса отломила кусочек хрустящего хлеба.

— Тот, кто достиг высоты, всегда позаботится о том, чтобы внизу был полный порядок, — усмехнулась Альдис, — ибо знает, что нельзя полагаться на судьбу — она капризна.

— А мудрость сильнее меча, — ответила Лоиса поговоркой горцев.

Поев, она почувствовала себя лучше и смогла наконец собраться с мыслями. «Этот Ивиан отнюдь не тупой солдафон, — думала она. — Ведь стал же он хозяином Карстена. Значит, ему хватает не только силы, но и ума. А уж Альдис... Будь начеку, Лоиса, ступай осторожно, чтобы веточка под ногой не хрустнула».

— Наш досточтимый герцог весьма талантлив — и во владении мечом, и в управлении страной, и в делах любовных. К тому же — не уродлив...

Лоиса вздрогнула и на миг окаменела, но сразу взяла себя в руки, надеясь, что Альдис ничего не заметила. Увы, возлюбленная герцога оказалась весьма наблюдательной особой.

— Ходят слухи, что на севере замышляются великие дела, и будто бы во главе всего этого стоит какой-то незаконнорожденный урод, размахивающий ворованным топором, — с ехидцей вымолвила она.

— Неужели? — Лоиса зевнула. — У слухов длинные ноги. Ну что ж, я поела, можно мне теперь

отдохнуть?

— Госпожа герцогиня, ты говоришь так, будто считаешь себя пленницей, тогда как ты — первая дама в Карстене!..

— Буду иметь это в виду. Но все же, как бы ни была отрадна эта мысль, мне необходимо поспать. Всего доброго, госпожа Альдис.

Еще одна улыбка на прощание, легкий смешок, и любовница герцога вышла из покоев, а затем Лоиса услышала скрежет ключа в замке — именно этого она и ожидала. Какой бы могущественной повелительницей Карса, по словам Альдис, она ни была, во всяком случае, этой ночью она всего лишь пленница в комнате, ключи от которой в чужих руках.

Лоиса внимательно огляделась. Ложе было устроено, как принято в состоятельных домах, на возвышении в две ступени. Лоиса подошла к одному окну, открыла внутренние ставни и увидела железную решетку, в ячейки которой можно было просунуть лишь палец. Ко второму окну ей и подходить не захотелось — зачем? И так все ясно. У дальней стены стоял сундук с одеждой, на которую она только равнодушно взглянула и отошла.

Страшная усталость валила Лоису с ног, хотелось побыстрее вытянуться на постели, но она собрала последние силы и придвинула к двери стол, надеясь хотя бы отдохнуть спокойно, — ведь теперь никто не сможет войти бесшумно и застать ее врасплох.

Сон почему-то не приходил, и Лоиса лежала, разглядывая резную раму, на которую навешивался полог. Она не пригасила лампу, и самые дальние углы комнаты были освещены, но все-таки ее томило мучительное беспокойство — когда-то с ней уже происходило нечто подобное... Да... это было там, в подземелье, возле покосившегося алтаря давно забытого народа. Именно там Лоиса ощущала такую же сильную тревогу, как сейчас. На миг ей показалось, что над ней вновь нависли своды пещеры, и она почувствовала всей кожей сырость, исходящую от мрачных стен. Колдовство! Стоит однажды столкнуться с ним, и уж в другой раз определишь безошибочно — это оно. Но такого беспокойства Лоиса еще никогда не испытывала. В конце концов, ей неизвестны все тайны Эсткарпа. Ведь было время, когда они с Джелитой провели много дней в этом же Карсе, собирая сведения, необходимые Эсткарпу. Кто-нибудь с севера мог находиться здесь и сейчас.

От досады Лоиса скомкала руками покрывало. Ах, если бы ей хоть толику колдовской силы! Если бы ее зов услышали друзья! Она напрягала всю свою волю и безмолвно, неистово взывала — не столько о помощи, сколько о поддержке, о дружеском участии; ей бы только знать, что она не одинока! Когда-то она была совсем одна, но вот появились Джелита и Саймон, высокий чужестранец, к которому она сразу прониклась доверием. И Корис... Ей вспомнились насмешки Альдис, и кровь прилила к лицу — так ненавистна была ей эта женщина. Незаконнорожденный урод... Неправда! И хотя в нем действительно смешалась кровь торов, людей приземистых и могучих, с кровью благородного семейства владык Горма, он никакой не урод! Корис стал ей дороже всех на свете с того самого дня, когда она впервые увидела его, пришедшего вместе с Саймоном на зов Джелиты.

Зов Джелиты... Но нет, Лоиса не колдунья, она так не сможет, ее никто не услышит! И все же она продолжала взывать к друзьям, поскольку, ощутив соприкосновение с колдовской Силой, не сомневалась более, что находится под ее воздействием. У нее мурашки пошли по коже, она вся насторожилась и чего-то ждала.

Не понимая, зачем она это делает, Лоиса соскользнула с ложа и направилась к двери, чтобы отодвинуть стол, словно чья-то сила руководила ею.

Она вернулась к постели и уставилась на дверь. Вскоре щелкнул замок, и тяжелая дверная ручка медленно повернулась. Опять Альдис!.. Лоиса перевела дыхание и пристально посмотрела вошедшей в лицо — такое же красивое, спокойное, и все же... что-то не то...

Что-то неуловимо изменилось в лице Альдис, но Лоиса еще не могла понять — что. Та же насмешливая улыбка на капризно изогнутых губах, тот же ум в глазах, но Лоиса всем своим существом чувствовала — перед ней не та Альдис, с которой она рассталась совсем недавно.

— Ты боишься? — спросила Альдис, и вроде бы это был ее голос, но в то же время — не ее. — Пожалуй, тебе есть чего бояться, госпожа. Герцог не любит, когда ему противятся, а ты не раз уже обошлась с ним неучтиво. Конечно, он хочет, чтобы ты на самом деле стала его женой, иначе ему не осуществить своих замыслов. Только я не думаю, что ты будешь в восторге от его ухаживаний, и не думаю также, что найдешь в нем нежного возлюбленного, готового во всем угодить тебе. А поскольку в какой-то степени ты мешаешь мне, я решила предоставить в твое распоряжение вот это...

Сверкнув в воздухе, на ложе упал кинжал, правда, не чета тем, что Лоисе доводилось носить на поясе, но все же оружие.

— Жало для пчелки, — Альдис перешла на шепот, и Лоиса едва различала слова. — Хотела бы я знать, как ты воспользуешься им, наследница Верлена!

Альдис внезапно пропала. Лоиса смотрела на тяжелую дверь, недоумевая, как можно было выйти так быстро. Альдис словно растворилась, как будто она являлась чем-то бесплотным, чем-то нереальным, как... как наваждение.

Наваждение!.. Оружие и защита колдуньи! Да в самом деле, была ли это Альдис? Или к ней приходила сейчас какая-нибудь колдунья Эсткарпа, которая только таким образом могла помочь ей, пленнице Ивиана? Однако, не следует предаваться призрачным надеждам.

Лоиса обернулась, чтобы взглянуть на постель и убедиться, что никакого кинжала нет, но он лежал там по-прежнему. Она взяла его и, погладив лезвие, прижала рукоятью к груди. Итак, она должна им воспользоваться, — только вот для кого оружие предназначено? Кому должно принести смерть — Ивиану или ей самой? По-видимому, для Альдис или для ее двойника, принесшего кинжал, особой разницы в этом нет.

4

ФАЛЬК

Саймон стоял на лестнице и прислушивался. Снизу доносились звуки битвы: в главном зале крепости гвардейцы Эсткарпа теснили противника, раздавались боевые крики сулькарцев. Но Саймон старался расслышать какие-нибудь звуки сверху — он был уверен, что там прячется Фальк. Загнанный в угол, владыка Верлена находился все же в более выгодном положении, чем любой, кто осмелился бы преследовать его.

Так и есть, он там! Но что это за звуки? Скрежет металла по камню... Какой еще сюрприз приготовил Фальк преследователям? Что бы он там ни задумал, его необходимо взять в плен, чтобы осуществить то, ради чего они здесь.

Саймон крался по лестнице, прижимаясь плечом к стене. До сих пор события разворачивались так, как они и рассчитывали. Едва корабль Осберика сел на риф, открылись береговые ворота крепости, и люди Фалька ринулись на берег моря. Тем временем воины Эсткарпа захватили большую часть замка, успев сделать это прежде, чем подданные Фалька обнаружили их присутствие.

Но легкой победы не получилось: грабители Верлена стояли насмерть, они сражались как сражаются люди, которым некуда отступать. В главном зале крепости завязался отчаянный бой. Саймон в какой-то момент внезапным мощным ударом был выброшен из толпы сражавшихся, и только поэтому увидел, как из зала убегает высокий человек без шлема, рыжая шевелюра которого не оставляла сомнений в том, что это — владыка Верлена. Однако, в отличие от Фалька из легенд, дошедших до Саймона, этот боров даже не пытался собрать своих людей и повести их в бой. Напротив, он бежал, бросив воинов, как последний трус. Саймон, недолго думая, пустился вдогонку...

Снова послышался скрежет металла о камень. Быть может, там готовится к бою какое-то новое оружие, пострашнее меча и топора?.. Оттуда, где стоял Саймон, была видна только верхняя площадка лестницы, на которую падал неяркий свет.

Свет мигнул, и у Саймона сбилось дыхание — он подумал, что светильник погаснет совсем... Но тот не погас, а начал пульсировать, будто периодически лишался питающей его энергии. Саймон сделал шаг, другой... Если он будет продолжать подъем, то выйдет на открытую площадку, где, в случае чего, и укрыться-то невозможно.

Опять тусклая вспышка, еще одна — он поймал себя на том, что ведет им счет. Каждая из них — порция идущей откуда-то энергии. Для Саймона оставались загадкой эти шары-светильники. Он знал, что их можно регулировать при помощи подвижных пластин, расположенных на стене под каждым светильником, но, поскольку сами шары никогда не заменялись, пожалуй, никто в Эсткарпе не мог бы даже объяснить, как они работают. Светильники были установлены в стенах крепостей много веков назад, и секрет их устройства неведом живущему ныне поколению.

Шар опять мигнул, Саймон рывком переметнулся через площадку и прижался спиной к стене, держа самострел наготове. Осталось преодолеть семь-восемь ступеней, чтобы оказаться в коридоре. Однако, взбежав по лестнице, Саймон натолкнулся на баррикаду, спешно сооруженную из мебели. Неужели Фальк затаился где-то поблизости, готовый сразить первого, кто попыбует преодолеть эту преграду?

Саймон почувствовал смутное беспокойство. Поведение Фалька противоречило всему, что рассказывали о нем. Впрочем, он мог действовать подобным образом, чтобы выиграть время. В таком случае — для чего? Все воины владыки Верлена остались внизу, где всю идет схватка. Неужели он надеется на какое-то подкрепление? Но это маловероятно, скорее всего, Фальк хочет ускользнуть отсюда в одиночку!

А если он вызнал что-нибудь о потайных ходах и теперь ищет выход в подземелье? Снизу больше не доносилось никакого шума, вероятно, с гарнизоном крепости было покончено.

Светильник мигал все чаще, как будто готов был погаснуть совсем. Потом Саймон услышал какой-то

негромкий звук и сразу же инстинктивно бросился ничком на ступени, но все-таки белая вспышка взрыва на миг ослепила его.

Только вспышка — и ничего больше, какая же энергия породила ее? Саймон тер глаза, и, все еще ничего не различая вокруг себя, попытался подняться, но, наглотавшись едкого дыма, снова опустился на лестницу.

— Саймон, что происходит?

— Фальк. Затаился поблизости. Будь осторожен, Корис!

— Фальк? — Протянув свою ручищу, Корис помог Саймону встать. — Что он задумал?

— Да какую-нибудь ловушку готовит. — Послышался голос Ингвальда.

— Тогда он опоздал, — отозвался Корис.

— Будьте с ним поосторожней, — заметил Саймон, к которому, наконец, вернулось зрение, и он, опередив Кориса, скользнул вверх по пролету на площадку лестницы. От баррикады почти ничего не осталось, он увидел только дымящиеся головешки да подпалины на стенах. За дверью не раздавалось ни звука. Саймон осторожно двинулся вперед, услышал какой-то шорох, но прежде чем он успел что-то понять, Топор Вольта обрушился на дверь и снес ее с петель. Они ворвались в небольшой зал, и прямо перед собой увидели широко распахнутое окно, из которого свисала веревка, привязанная к тяжелому сундуку, стоявшему неподалеку.

Корис положил топор на пол и, схватившись за веревку, начал сильными рывками втягивать ее в комнату. Саймон с Ингвальдом подбежали к окну.

Ночь была темной, но все же они увидели, что происходило внизу. Владыка Верлена намеревался спуститься по веревке на крышу под окном, но когда Корис начал тянуть ее назад, Фальк, очевидно, растерялся и упустил момент, не отважившись отцепиться и спрыгнуть вниз, когда это было еще возможно.

Саймон различил в темноте белое пятно лица — Фальк смотрел вверх; с каждым рывком Кориса владыка Верлена поднимался все выше, дергаясь на конце веревки, как рыба на крючке. Вдруг Фальк разжал руки и полетел вниз, со страшным криком, будто протестовал против того, на что сам же решил.

— Может, он еще жив? — Саймон схватился за веревку и потащил ее на себя, собираясь спуститься на крышу, хотя не осознавал, что движет им. Ему почему-то было необходимо взглянуть Фальку в лицо. Он обвязал конец веревки вокруг пояса.

— Ты считаешь, за этим что-то кроется? — спросил Корис.

— Да, считаю.

— Ну что ж, спускайся, только помни: змея, которой сломали хребет, опасна вдвойне. Фальк не из тех, кто умирая оставляет в живых своего врага.

Саймон пролез через окно и стал спускаться, переступая по стене по мере того как вытравливали веревку. Наконец, он ступил на крышу, скинул с себя петлю, и веревка взметнулась вверх, а Саймон направился к неподвижно лежащему Фальку.

Походный фонарь осветил распростертое тело, и когда Саймон опустился на колени рядом с ним, то сразу понял, что, несмотря на страшные увечья, Фальк действительно жив. Медленно, с большим трудом умирающий повернул голову и встретился с Саймоном взглядом.

Саймона взяла оторопь, когда он увидел глаза Фалька, в которых были боль и лютая ненависть, и еще... нечто нечеловеческое.

— Кольдер! — выдохнул Саймон.

Да, безусловно, перед ним лежал кольдер — исполнитель злой воли пришельцев, но что показалось странным — Фальк явно не был одержимым! Саймон достаточно уже повидал этих ходячих мертвецов, чтобы сразу понять — этот раб кольдеров не таков, как предыдущие. Фальк не был оболочкой, лишенной души: боль и ненависть в его глазах становились все сильнее, а то, что выдавало в нем кольдера — как будто исчезало с каждым его вздохом.

— Фальк! — подбежал спустившийся на крышу Корис, — Фальк, это я — Корис...

Фальк с трудом разжал губы.

— Я умираю. Но ты тоже умрешь... болотная тварь.

Корис пожал плечами.

— Как и все люди, Фальк.

— И как те, которые таковыми не являются. — Саймон наклонился ниже к умирающему, надеясь, что кольдер услышал эти слова.

Губы Фалька снова зашевелились, но на этот раз на них выступила кровь. Он попытался приподнять голову, но она тут же упала, и его глаза остекленели.

Саймон бросил взгляд на Кориса.

— Это был кольдер, — сказал он спокойно.

— Но его нельзя назвать одержимым...

— Нельзя. И все же это кольдер.

— Ты в этом уверен?

— Так же, как в том, что я — это я. Он оставался Фальком, и в то же время был кольдером.

— Вот так новость... — Корис помрачнел. — Выходит, кроме одержимых кольдеры используют еще и таких вот помощников?

— Именно так, — сурово ответил Саймон. — Я думаю, нужно предупредить об этом владычиц, и как можно быстрее.

— Но ведь Кольдер не способен подчинить своей воле людей древней расы, — заметил Корис.

— Будем надеяться. Как бы то ни было, они уже проникли сюда, и вполне возможно, еще куда-нибудь... Что с пленными?

— Их не так много — после схватки в зале осталось не больше дюжины: в основном рядовые воины. Вряд ли такие кольдерам нужны. Фальк — другое дело, он действительно мог быть крупной фигурой в их игре.

Лучи солнца широкой полосой легли на поверхность стола. Саймон боролся со сном, и только закипающая в нем злость не давала ему уснуть сидя. Он хорошо знал эту седовласую женщину с властным лицом, что сидела сейчас перед ним в сером платье, с дымчатым камнем на груди — символом служения Силе. Он сотни раз видел ее, но, конечно, не знал имени, как не знал имени ни одной другой колдуньи Эсткарпа, кроме разве...

— Значит, это твое последнее слово, госпожа? — Саймон не смягчил голоса, задавая вопрос.

Ему показалось, что она улыбнулась, но нет, — все тот же спокойный, ровный взгляд, не выражающий никаких эмоций.

— Это не мое слово, Хранитель Границы, и не чье-либо еще. Это закон, который мы не можем нарушить. Джелита... — Саймон уловил нотку презрения в ее голосе. — Джелита уже сделала выбор, и возврата ей нет.

— Ну а если все же Сила не покинула ее? Не слишком ли самонадеянно с твоей стороны утверждать, что этого не может быть?

Она даже бровью не повела, приняв его слова с полнейшим равнодушием.

— Если кто-то обладал Силой, то на какое-то время ощущение Силы сохраняется. Я не отрицаю, возможно Джелите еще доступно то, что является лишь бледной тенью ее прежних возможностей, но она не вправе требовать, чтобы ей вернули камень и снова признали ее за одну из владычиц. Однако, Хранитель Границы, надеюсь, ты призвал меня сюда не для того, чтобы выразить протест по этому поводу.

К тому же, это не твоего ума дело.

Его опять поставили на место, опять напомнили, что существует нерушимый барьер между миром колдуний и простыми смертными, но Саймон обуздал свой гнев, понимая, что сейчас в самом деле не время спорить о судьбе Джелиты. Колдунья права — он вызвал ее совсем не за этим.

Саймон коротко объяснил ей, что нужно сделать.

— Кто из вас должен изменить облик? — спросила колдунья.

— Я, Ингвальд, Корис и человек десять воинов.

— Я должна видеть тех, чей облик вы хотите принять. — Колдунья поднялась с кресла. — Это возможно?

— Их тела...

Ни один мускул на ее лице не дрогнул при этих словах, она по-прежнему спокойно стояла и ждала, когда ей покажут дорогу.

Убитые были уложены вдоль стены зала: десять рядовых воинов и их горбоносый офицер с лицом, покрытым шрамами. Чуть в стороне лежал Фальк.

Владычица медленно шла мимо убитых, немного задерживаясь перед каждым и запоминая их лица до мельчайших подробностей. Эта колдунья обладала особым даром: в отличие от других, она могла при перевоплощении придать человеку именно тот облик, который был необходим.

Подойдя к Фальку, женщина долго изучала его лицо, затем повернулась к Саймону.

— Ты прав, Хранитель Границы, в этом человеке было нечто большее, чем его собственный разум, тело и душа... Кольдер... — Ее голос упал до хриплого шепота. — Зная это, решишься ли ты взять на себя его роль?

— По нашему замыслу, Фальк сам должен явиться в Карс, — ответил Саймон. — К тому же, я-то не кольдер...

— И любой кольдер сразу это поймет, — предупредила она.

— Что ж, мы вынуждены рисковать.

— Пусть будет так. Приведи своих людей. Остальные пусть покинут зал, мне никто не должен мешать.

Саймон кивнул и отдал распоряжения. Он уже подвергался однажды процедуре перевоплощения, но в тот раз это делалось в спешке — лишь бы бежать из Карса. Теперь ему предстояло перевоплотиться не просто в кого-нибудь, а в Фалька...

Пока Саймон подбирал добровольцев, колдунья занялась своим делом: вычертила на каменном полу две пятиконечные звезды, которые частично накладывались одна на другую, и в центре каждой поставила по медной чаше, что извлекла из небольшого сундука, внесенного в зал сопровождавшими ее воинами. Затем она достала оттуда же весы и множество пузырьков и склянок с разными порошками. Она стала взвешивать порошки и сыпать их в две кучки, на тряпицы из тонкого шелка с нанесенными на них линиями и знаками.

Конечно, они не могли воспользоваться окровавленной одеждой убитых, но в сундуках Верлена нашлось все необходимое. Воины сняли с мертвых только пояса, оружие и личные украшения, дабы ничто в их виде не вызвало подозрений. Все это было приготовлено и сложено в стороне до конца процедуры.

Колдунья скомкала в руках шелковые тряпицы, бросила их в чаши и низким, глухим голосом запела. Из чаш стал подниматься дым, скрывая раздетых людей, что стояли каждый на своем луче звезды. Дым был густым и окутывал тело так плотно, что казалось, будто за пределами этого мягкого кокона вообще ничего не существует. Монотонное пение заполнило весь мир; пространство и время пульсировали в такт словам, которых никто не понимал.

Так же медленно, как сгущался, дым начал таять. Расслаиваясь и извиваясь струйками, он вскоре исчез полностью. Оставшийся от него пряный запах опьянил Саймона, притупил восприятие окружающего.

Но спустя какое-то время он почувствовал, как по коже пробежал холодок, открыл глаза, осмотрел себя и вместо своего тела обнаружил чужое: довольно грузное, с обозначившимся животом, поросшим рыжими волосами. Он стал Фальком.

Корис, а, вернее, человек, уходивший с того места, где стоял Корис, был небольшого роста — каждый выбирал себе прообраз более менее подходящий по физическим данным, — но у него уже не было непомерно широких плеч и длинных рук сенешаля. Старый шрам на лице, от удара мечом, задирает верхнюю губу в волчьем оскале, обнажая мощные зубы. Бывший Ингвальд тоже утратил свою молодость: в волосах появились седые пряди, а морщинистое лицо говорило о жизни, прожитой бездумно и порочно.

Они подобрали себе одежду, надели перстни и цепочки, пристегнули к поясам оружие убитых.

— Командир! — окликнул Саймона один из воинов, — с вашего пояса что-то упало, взгляните. — Он показал на маленькую блестящую вещицу, лежавшую под ногами Саймона.

Тот нагнулся и подобрал с пола довольно странную металлическую бляшку — сделанная в виде замысловатого, многократно завязанного узла, она не была ни серебряной, ни золотой — металл отсвечивал зеленью. Саймон осмотрел пояс и, обнаружив свободный карабин, к которому она, очевидно, крепилась, пристегнул ее.

Колдунья складывала свои чашки в сундук. Саймон подошел к ней, и владычица придирчиво осмотрела его, как художник осматривает законченную работу.

— Желаю тебе удачи, Хранитель Границы, — сказала она. — Да пребудет с тобой Сила.

— Спасибо, госпожа. Удача нам очень нужна.

Колдунья кивнула на прощание. Стоявший возле дверей Корис поторопил его:

— Скоро отлив, Саймон, пора сниматься с якоря.

КРОВАВОЕ УТРО

Они шли на веслах вверх по реке, искрящейся в лучах солнца, ранним утром приближаясь к гавани Карса. Команду «верленцев» выбрали из моряков, не раз ходивших по этой реке и знакомых со всеми ее навигационными хитростями. Один из воинов, стоявших на носу судна, кивнул головой в сторону береговой мачты, на которой развевались разноцветные яркие лоскуты.

— Сигнальные флаги!..

Другой воин, в богато украшенной накидке поверх доспехов, слегка повернулся, держа руку на поясе.

— Нас ждут? — спросил он с важным видом.

— Да вроде, не гонят, — усмехнулся в ответ первый. — Обычные почести. Но пока остается только гадать, как сам Ивиан встретит тестя — с калачом или с мечом. Мы лезем дракону в пасть, и он может захлопнуть ее до того, как подоспеет подкрепление.

Третий воин, стоявший неподалеку, засмеялся и возразил сипловатым голосом:

— Прежде, чем дракон захлопнет пасть, Ингвальд, наши мечи разнесут ему челюсти. И вот что я скажу еще: наемники верны хозяину, пока он им платит, а стоит его убрать, с ними вполне можно договориться. Главное — разделаться с Ивианом, тогда уж Карс будет у нас вот где! — Он вытянул вперед здоровенную пятерню и медленно сжал ее в кулак.

Саймона встревожила такая самонадеянность Кориса. Он ничуть не сомневался в его воинской доблести и в его умении повести за собой людей. Но Саймона смущало то возбужденное состояние, в котором пребывал сенешаль, пока они плыли вверх по реке, — он все время стоял на носу баркаса, всматриваясь вперед, будто силой воли хотел добавить суденышку ход.

Тем временем основные силы Эсткарпа маршем через горы подтягивались к Карсу, чтобы войти в него, как только будет сигнал. И этот сигнал... Саймон в который раз взглянул на корзину-клеть, накрытую легкой тканью. В ней был не черно-белый сокол, какие служили горцам для разведки, а большой, голубовато-серой окраски ястреб, с белой головой и белым хвостом.

Пять таких птиц были привезены когда-то из-за моря сокольничьими, ходившими в плаванье с сулькарцами. Воспитывали и обучали птиц в течение трех поколений.

Для Саймона-Фалька этот ястреб был сейчас незаменим. Он бы не рискнул взять с собой в Карс обычного сокола, поскольку лишь сокольничьи пользовались ими. А эта редкая и красивая птица могла вызвать у Ивиана интерес — она была обучена охоте, и вряд ли герцог отказался бы от такого подарка.

Десяток людей и ястреб — против целого города — дикая, глупая затея, на первый взгляд. Но ведь было однажды так, что вчетвером они несколько дней скрывались в Карсе и смогли затем бежать из него живыми и невредимыми. Их было тогда четверо. Саймон провел рукой по поясу, тронув бляшки. А теперь их здесь трое: он, Корис и упрятанная в каком-то из тех домов Лоиса... А четвертая?.. Лучше пока не думать о Джелите. И все же, почему она не вернулась в Верлен, почему он случайно узнал от колдуньи, прибывшей в замок, о том, что ее миссия не удалась? Где она сейчас? Как перенесла неудачу и почему держит его в неизвестности? Она ведь сама решила, отказавшись от всего, стать его женой, так почему же?..

— Нас встречают, капитан! — Ингвальд вывел Саймона из оцепенения.

Шеренга воинов, одетых в доспехи и плащи с гербом Карстена, стояла на причале. Рука Саймона невольно дернулась к самострелу, но накидка, к счастью, скрыла это движение. Воины герцога, стоящие на берегу, дружно хлопнули в ладоши, а затем, сомкнув их, подняли руки в знак приветствия.

Еще раз «верленцам» просалютовали у входа в крепость. Насколько они могли судить, проходя по улицам города, жизнь в Карсе шла своим чередом, не было заметно никаких видимых признаков тревоги.

Когда их провели, с соблюдением придворного этикета, в залы, расположенные в центральных зданиях крепости, Саймон поманил Ингвальда и Кориса к окошку. Те семеро сулькарцев, которых они взяли с собой из Верлена, остались за дверью.

— Как вы думаете, почему их сюда не пустили? — спросил Саймон, незаметно кивнув на дверь.

Корис нахмурился.

— В самом деле, почему?

— Чтобы нас легче было окружить, — предположил Ингвальд. — Заметьте, их даже не волнует, что это может насторожить нас. А кстати, где сам Ивиан, или хотя бы начальник охраны? По-моему, нас сопровождал простой сержант. Привели в палаты для гостей, но хозяин, кажется, не очень-то торопится выйти навстречу.

— Это задумано не только для того, чтобы унижить владыку Верлена. — Саймон снял с себя шлем Фалька и прислонился головой к стене, подставив сквозняку рыжую шевелюру. — И втроем мы оставлены неспроста. Мера предосторожности — возможно. Но, пожалуй, это далеко не все... — Он закрыл глаза в надежде, что шестое чувство, все настойчивее предвещающее опасность, подскажет ему что-нибудь.

— Ты слышишь зов? — нетерпеливо спросил Корис.

Саймон посмотрел на него. Нет, это было не то ощущение, что привело его в Карс, когда усиливающаяся головная боль указала ему путь к дому, где на время нашла себе пристанище Джелита — сейчас он испытывал нечто иное. Саймон пребывал в том возбужденном состоянии, в каком обычно находится человек, готовый принять бесповоротное решение. Он предчувствовал, что последствия этого решения связаны с ним лично, и что сделав непоправимый шаг, он станет участником каких-то событий, понять или предвидеть которые пока не может.

— Нет, это не зов, — ответил Саймон после долгой паузы. — Что-то здесь должно произойти или уже...

Топор Вольта, на который Корис опирался, как на меч в ножнах, дрогнул. Сенешаль не мог себе позволить расстаться с даром Вольта даже ненадолго, и, чтобы не вызывать подозрений, перед плаванием в Карс топор обернули металлической лентой, а получившийся чехол покрасили.

— Топор ожил, — сказал Корис приглушенно. — Вольт, укажи нам путь! — он понизил голос до шепота. — Мы сейчас находимся в сердце крепости, — задумчиво добавил сенешаль, и Саймон понял, что он пытается мысленно воссоздать план замка. — Покои Ивиана, насколько мне известно, в северной башне, а верхний коридор охраняют всего два человека.

— Ну что? — посмотрел на Саймона Ингвальд. — Будем ждать или начнем?

Они решили не спешить. Но это тягостное ожидание... Может быть, стоит отважиться на атаку?

— Вальдис! — окликнул Саймон одного из стоявших у дверей «верленцев». — Мы забыли на судне мешок с зерном для птицы. Отправь кого-нибудь за ним, он нам очень нужен.

Затем Саймон снял с клетки покрывало. И ястреб, наклонив голову набок, посмотрел на него одним глазом, не золотистым, как обычно бывает у этих птиц, но — черным глазом, в котором светился ум, пусть и нечеловеческий. Раньше Саймон не приглядывался к птице, но сейчас, поглаживая защелки клетки, он рассматривал ястреба с любопытством.

Ястреб повернул голову в сторону двери, как бы прислушиваясь к чему-то, затем раскрыл клюв и пронзительно закричал — в тот самый момент, когда Саймон почувствовал усиленное беспокойство.

Корис, как замороженный, смотрел на Топор Вольта. Чехол из тонкой металлической ленты, сделанный на скорую руку, не смог скрыть возникшего вдруг свечения. Лезвие топора горело. Казалось, огонь идет из глубины его, но совсем не так, как светится металл на солнце. Внезапно свечение прекратилось.

Ястреб захлопал крыльями и снова закричал. Саймон открыл дверцу клетки и подставил руку, согнутую в локте. Тяжелая птица, мгновение посидев на его руке, перелетела на спинку кресла.

Один из их воинов открыл дверь, и в покои вбежал Вальдис. Он тяжело дышал, в руке у него был меч, обагренный кровью.

— Они посходили с ума! — выпалил он. — Гоняются по коридорам друг за другом и убивают, убивают...

Ингвальд схватил юношу за плечо.

— Кто гоняется? Кто убивает?

— Не знаю, командир. По бляшкам — все они люди герцога. Но я слышал, как один из них приказывал другим схватить герцога вместе с его молодой женой, он, мол, у нее...

Корис шумно выдохнул.

— Кажется, пора действовать. — Он направился к двери. Саймон взглянул на птицу.

— Открой ставни, — бросил он стоявшему у окна воину. Следовало воспользоваться суматохой, возникшей в крепости. Саймон сделал знак ястребу, тот поднялся и вылетел в окно, прямоком направляясь к тем, кто его ждал. Посмотрев ему вслед, Саймон повернулся и побежал вслед за Корисом.

В конце коридора лицом вверх лежал человек, и, судя по одежде, он был из числа высших чиновников двора Ивиана. Ингвальд, уже успевший рассмотреть убитого, показал на валяющиеся рядом половинки небольшого жезла, которым, вероятно, чиновник пытался защититься от смертельного удара.

— Главный управитель, — пояснил командир защитников границы. Но внимание Саймона больше привлек широкий пояс поверженного, украшенный розетками с красными драгоценными камнями посередине. Там, где должна была находиться, для симметрии, еще одна розетка, к поясу была прикреплена бляшка в виде сложного узла — точно такая же, как и на поясе Фалька, который сейчас был на Саймоне. Что это, новомодное украшение, или...

Впрочем, не время было размышлять об украшениях на поясе. Корис, должно быть, уже взбегаёт по лестнице, ведущей на следующий этаж, туда, где находятся покои Ивиана, и где они, возможно, найдут Лоису.

Саймон услышал приглушенные крики и бряцанье оружия — где-то рядом кипел отчаянный бой.

Наверху послышался глухой размеренный стук. Саймон и Корис взметнулись по лестнице и оказались в довольно длинном коридоре. Там они увидели карстенцев, пытающихся высадить дверь, в которую упирался коридор: двое из них били по ней тяжелой скамьей, как тараном; остальные стояли с оружием наготове.

— Й-я-а-а!!! — яростно закричал Корис, давая волю накопившимся в нем злости и отчаянию. Метнувшись вперед, быстрый и ловкий, как кошка, он в одно мгновение оказался на середине коридора. Услышав его крик, двое карстенцев обернулись, готовые отбить атаку, но Саймон без промедления сделал два выстрела, и они упали, один за другим.

— Й-я-а-а!!! — Корис перепрыгнул через убитых, обрушил Топор Вольта на дверь. Та затрещала и рухнула, и он сам тоже чуть не упал, потеряв равновесие.

Сенешаль пересек комнату и отдернул занавес, за которым обнаружил еще одну, совсем узкую лестницу. Он действовал так уверенно, что Саймон следовал за ним, ни о чем не спрашивая. Еще один зал, и посреди него на полу — какое-то желтое пятно. Корис подцепил вещицу топором, встряхнул ее, и они увидели, что это дорожный плащ. Корис отшвырнул его в сторону и направился ко второй, закрытой двери покоев.

Щеколды на ней не было, она открылась от легкого толчка, и Саймон с Корисом очутились в спальне, где обнаружили ложе без полога, с которого свешивалось изорванное, испачканное кровью покрывало. Вцепившись в него, рядом с ложем лежал лицом вниз человек и беспомощно шевелил ногами, как будто пытался подняться. Корис взял его за плечо и перевернул.

Саймону никогда не доводилось видеть Ивиана, но ему достаточно было взглянуть на иссиня-черный подбородок и кустистые рыжие брови человека, чтобы понять, кто перед ним. Вольготная жизнь еще не стерла волевых черт с лица бывшего наемника, который мечом завоевал себе высокий титул.

На герцоге была только свободная верхняя рубаха, и когда его переворачивали, она распахнулась, обнажив могучее тело, будто опоясанное алой лентой: Ивиан истекал кровью, делая шумные жадные вдохи, и с каждым вдохом кровавая полоса становилась все шире.

Корис опустился на колени, чтобы поймать взгляд герцога.

— Где она? — его вопрос прозвучал спокойно и ровно, словно Корис был уверен, что получит ответ. Но Саймон очень сомневался, что до сознания Ивиана сейчас доходит хоть что-нибудь.

— Где она? — повторил Корис. В его руке подрагивал топор, лезвие которого отражало падающий из окна свет в лицо Ивиану.

Саймону показалось, что внимание умирающего сосредоточено не на том, кто задает ему вопросы, а на жутком оружии, давным-давно изготовленном кузнецом из другого мира.

— Вольт... — еле слышно промолвил герцог и с заметным усилием перевел изумленный взгляд с топора на того, кто его держит. Тогда Корис наклонился еще ниже и сказал:

— Да, это Топор Вольта, а владею им я — Корис с Горма.

Лицо Ивиана перекосилось от злобы; собрав последние силы, он выговорил:

— С Горма? Ну, значит, ты знаешь своих хозяев... Желаю им благ... А ты — сгинь...

Он сжал руку в кулак и попытался ударить Кориса, но не смог — рука обмякла и упала, а Ивиан последний раз дернулся и затих навсегда.

Все соседние помещения тоже оказались пусты. После тщетных попыток найти Лоису, Корис вернулся, бешено сверкая глазами.

— Она здесь была!

Саймон не стал спорить. Ему не давали покоя последние слова Ивиана. Почему герцог сказал «своих хозяев» и связал это с Гормом? Ведь применительно к Эскарпу следовало сказать «своих хозяек» — всем известно, что страной на севере управляют колдуньи. А впрочем... Горм? Островом действительно совсем недавно распоряжались хозяева — кольдеры!.. И здесь кто-то устроил резню, натравив людей друг на друга. Лоиса куда-то пропала... А Ивиан — убит...

У них не было времени на дальнейшие поиски. В спальню ворвались воины герцога, и между ними и небольшим отрядом «верленцев» завязалась схватка.

Бои шли и на улицах Карса — подоспела помощь с гор. Наконец, за полночь все утихло. Саймон, с тарелкой жареного мяса, устроился в кресле и вяло жевал, пытаясь оценить обстановку по сообщениям.

— Мы не сможем долго удерживать город, — Гутторм, командир сокольничьих, дрожащей от усталости рукой налил себе вина. Он возглавлял отряд, пробивавшийся в крепость через северные ворота, и сражался десять часов без передышки прежде, чем оказался здесь, за этим столом.

— Это не входило в наши планы. — Саймон прожевал мясо. — Ту, ради кого мы здесь...

— Мы не нашли!.. — перебил Корис, подкрепив свои слова ударом топора в пол. — Ее нет в городе. Или же ее упрятали так, что даже колдунья не чувствует ее присутствия, а в это я не могу поверить.

— Я тоже, — отозвался Ингвальд, морщась от боли, он неосторожно задел раненую руку. — Странно. Колдунья говорит, что не чувствует даже ее следов, будто Лоисы здесь вовсе не было.

Саймон поерзал в кресле.

— Есть способ упрятать жертву так, что никакая владычица не обнаружит...

— Кольдер, — хмуро бросил Корис.

— Очень на это похоже, — согласился Саймон. — Мы узнали от пленных, что вчера на рассвете офицеры крепости неожиданно получили приказ, якобы отданный герцогом: немедленно и без шума собрать воинов, находящихся в их подчинении, и вступить в бой — отряд против отряда! Офицерам было сказано, что среди них есть предатель. Возникла неразбериха, пролилась кровь. А потом, когда люди

поняли, что тут какой-то подвох, что-то неладное с этими приказами, никто не мог найти герцога. Но вскоре пронесся слух, что Ивиан мертв, а его убийца по-прежнему среди офицеров, и тут побоище разгорелось с новой силой.

— Это все было устроено для того, чтобы от чего-то отвлечь внимание, скрыть что-то, — сказал Гутторм.

— Похоже, — кивнул Саймон, — и пожалуй, единственное, что требовало сокрытия, это смерть Ивиана. Отряды герцога были расколоты и втянуты в дурацкое сражение для того, чтобы убийца мог беспрепятственно исчезнуть из крепости...

— А, может быть, убит не только Ивиан, но и Лоиса!.. — воскликнул Корис.

— Но зачем ее убивать? — Саймон пожал плечами. Вернее было бы предположить, что Лоису похитили: она и кольдерам могла бы пригодиться в качестве приманки.

— Не знаю, — бросил Корис. — Пока не знаю, но клянусь жизнью — я это выясню!

Снова Топор Вольта глухо стукнулся в пол.

ГЕРЦОГИНЯ КАРСТЕНА

Лоиса сидела на широкой постели, подтянув колени к груди и обхватив их руками. Она, не отрываясь, смотрела на лежавший перед ней кинжал. Чего добивалась Альдис? Вряд ли любовница герцога боялась потерять свою власть над ним, ведь очевидно же, что Лоиса нужна Ивиану только для осуществления его корыстных замыслов.

И все-таки... Лоиса вспомнила, что в прошлый раз, когда они с Джелитой были в Карсе вместе, Альдис однажды тайно приходила к колдунье с просьбой приворожить Ивиана. Значит, она была не так уж уверена в себе, если считала, что без колдовства ей не обойтись? А позже, когда шла борьба Духа, и колдуньи прибегли к самым сильным средствам и самым сильным внушениям — Альдис, через свое восковое подобие, — была объектом воздействия Джелиты. Ее склоняли к действиям в пользу Эсткарпа, и она влияла на герцога, сама того не ведая, под руководством владычиц.

Лоиса никак не могла совместить нынешнюю Альдис с той, какой она казалась ей раньше. Альдис, принеся ей кинжал, не станет искать встречи с Джелитой — разве только для того, чтобы помериться колдовской Силой. А если уже и тогда это было скрытой целью ее визита? Нет, исключено. Сила, которой в то время владела Джелита, сразу бы помогла ей разоблачить возлюбленную Ивиана. Вероятно в те дни Альдис приходила к Джелите все-таки без всякой хитрости — действительно за приворотным зельем.

Как бы там ни было, любовница герцога не столь всесильная особа, ведь колдуньи Эсткарпа на время сделали ее послушной их воле! Если бы их попытка оказалась неудачной, Джелита сразу бы это почувствовала.

Прикусив в раздумье губу, Лоиса продолжала рассматривать кинжал. Похоже, она неправильно вела себя при встрече с Альдис, стараясь казаться невозмутимой, тогда как следовало изобразить растерянность. Эта женщина явно затевает какую-то хитрую игру, в которой ей, Лоисе, отведена роль пешки.

Лоиса пыталась побороть в себе злость, к которой примешивалось чувство страха. Ее похитили из Эсткарпа и привезли сюда потому, что по законам Карстена она теперь жена Ивиана. Но что давало Ивиану это похищение? Во-первых, конечно, возможность завладеть Верленом.

Во-вторых, то обстоятельство, что она была благородного происхождения, могло способствовать сближению Ивиана со старой знатью, а это, по слухам, ему необходимо, дабы укрепить власть.

В-третьих — Лоиса еще крепче сжалась в комок — в-третьих, ее бегство из Верлена наверняка расценивалось герцогом как личное оскорбление, и это бесило Ивиана. К тому же, судя по намекам Альдис, он знает и о том, что Лоиса помолвлена с Корисом, а это значит, что ему, герцогу Карстена, предпочли какого-то отверженного с Горма! Лоиса презрительно усмехнулась: как будто этих двоих можно хоть на мгновение поставить рядом. Корис — и только Корис! Сейчас он был для нее самым главным в жизни.

Вот три причины, по которым она оказалась здесь. Она смутно чувствовала, что есть и еще какая-то. Но какая?.. Кажется, она нужна здесь не только Ивиану, но и Альдис!.. Лоиса не смогла бы объяснить, почему она в этом уверена, но у нее не было сомнений, что это так.

Что же все-таки задумала Альдис?.. Зачем ей нужно было, чтобы Лоиса оказалась здесь, зачем она запугивала ее, зачем вложила в ее руки оружие? Зачем? Чтобы она обратила его против себя самой и навсегда перестала быть соперницей? Слишком очевидно и потому неубедительно. А если этот кинжал дан ей для того, чтобы убить герцога, когда он станет помогать своим правам на нее? Но ведь Ивиан, и это тоже очевидно, нужен Альдис для достижения личной власти в герцогстве. Так или иначе, действия любовницы герцога требовали обдумывания.

Лоиса встала с постели и открыла ставни, чтобы глотнуть свежего воздуха и приглушить головную боль. Ей показалось, что ветер, ворвавшийся в окно, прилетел с гор, хотя они были далеко. В нем

чувствовалась какая-то живительная сила, которая ей так была необходима сейчас.

Наверное, они уже где-то в пути — Корис, Саймон, Джелита... Лоиса была уверена, что друзья разыскивают ее, но сомневалась, что им удастся добраться до Карса, а это значило, что ей нужно полагаться только на себя. Вернувшись к ложу, она взяла кинжал, подумав мимоходом о том, что подарок Альдис может оказаться ловушкой; но когда пальцы сжали холодную рукоять, Лоиса почему-то успокоилась.

Веки отяжелели, глаза закрывались, и она снова упала на постель. Спать... Нужно отдохнуть. Может быть, придвинуть к двери стол? Однако, заставить себя подняться она не смогла — Лоису одолел сон.

Те месяцы, что она провела в отряде защитников границы, не пропали даром, развив в ней способность предчувствовать опасность. Вот и теперь в глубине усталого мозга словно прозвучал какой-то сигнал, и Лоиса моментально проснулась. Не открывая глаз, она настороженно прислушивалась, замирая от страха.

Послышался негромкий скрип дверных петель. Лоиса резко поднялась и села. Из открытого окна падал серый утренний свет, но большая часть комнаты еще оставалась затемненной.

Лоиса подвинулась к краю ложа и мягко прыгнула на пол, прячась за массивным ложем от человека, уже вошедшего в комнату. Человек стоял к ней спиной, спокойно запирая дверь на ключ.

Он был высок, как Саймон, и, похоже, силен, как Корис — под складками просторной ночной рубахи угадывались широченные плечи и могучий торс. С величественной неторопливостью он повернулся к ней, и Лоиса заметила небрежную, чуть презрительную улыбку, которая, конечно, не сулила ей ничего хорошего.

Вошедший чем-то напоминал ей и Фалька, правда, у этого, в отличие от ее отца, волосы были какого-то неопределенного, песочного цвета, а черты лица гораздо грубее, к тому же безобразный шрам пересекал щеку. Таков был Ивиан, наемный воин, герцог Ивиан, непобедимый Ивиан.

Видя, как он неторопливо пересекает комнату, Лоиса вжалась спиной в стену — его самоуверенность была страшна.

Герцог подошел к ложу и некоторое время стоял, глядя на Лоису и улыбаясь все шире, а затем поклонился — с еще более откровенной издевкой, нежели Альдис некоторое время назад.

— Наконец-то мы встретились, моя дорогая женушка. Наша встреча долго откладывалась, не так ли...

Его взгляд выражал то же презрение, с каким частенько посматривал на нее Фальк.

— Ты и в самом деле просто кукла соломенная, — сказал Ивиан, словно подтверждая чьи-то слова. — Тебе, моя госпожа, похвастаться нечем, это уж точно.

Ответить ему? Лоиса боялась, что, заговорив, она сама каким-нибудь неосторожным словом ускорит развязку. Уж лучше пусть он говорит что угодно, только бы не приближался.

— Ну кому ты нужна, такая красотка, даром, что наследница Верлена?

Чего он от нее добивается? Возмущения? Ответа? Лоиса не спускала с Ивиана глаз, внимательно следя за каждым его движением.

— Вот что значит — государственные соображения!.. — Ивиан рассмеялся. — Ради блага отечества порой приходится делать то, что душе противно, но уж раз я женился на тебе, теперь придется с тобой спать...

Он не бросился к ней, как Лоиса того ожидала, а начал потихонечку подкрадываться, шаг за шагом обходя ложе, и она, отступая боком вдоль стены, поняла по его глазам, какое Ивиан получает удовольствие, видя ее страх, как он наслаждается, преследуя ее, свою жертву, которой все равно некуда деться. И он не будет спешить. Пусть она думает, что сможет уйти от него, пусть помечется, а уж потом он положит этой игре конец, и конечно, на своих условиях.

Герцог хочет поразвлечься? Ну что ж, она даст ему такую возможность. Лоиса ловко прыгнула, но не к закрытой двери, как предполагал Ивиан, а на середину ложа. Этот прыжок был столь неожиданным, что

привел герцога в замешательство, а Лоиса, вскочив на ноги, с силой оттолкнулась от матраца, который хорошо пружинил, взлетела вверх и ухватила за перекрестье рамы, поддерживающей обычно полог. Кое-как подтянувшись на руках, она залезла на раму и примостилась там, тяжело дыша. Теперь уж Ивиану ее не достать!

Герцог смотрел на нее снизу и больше не смеялся, не улыбался даже, а только щурил глаза, как, наверное, делал это, глядя сквозь щель забрала на врага.

Лоиса сомневалась, что он рискнет влезть по стойке полога, поскольку Ивиан был раза в два тяжелее ее, а пыльные стяжки рамы, стоило пошевелиться, опасно поскрипывали даже под ее весом. Ивиан, вероятно, подумал о том же, и быстро нашел иной выход. Он обхватил стойку полога и что было сил потянул на себя; заскрипели деревянные стыки, посыпалась пыль. Герцог кричал и тяжело дышал, по-видимому, праздная жизнь последних лет несколько разнежила его; но все-таки он был еще очень силен.

Стойка зашаталась, и он принялся раскачивать ее короткими рывками вправо-влево, а Лоиса, чуть живая от страха, только крепче вцепилась в раму, которая ходила ходуном. Наконец, со страшным треском стойка вырвалась из гнезда, и герцог чуть не рухнул вместе с ней, потеряв равновесие, но попятился и устоял на ногах. Лоиса же оказалась на полу. Ивиан бросился к ней, зловеще ухмыляясь. В руках Лоисы блеснул кинжал. Она отпрянула, ударившись о стойку ложа, но вскрикнув от боли, все-таки сделала выпад, чтобы полоснуть кинжалом по ручище, которая тянулась к ней. Ивиан сумел увернуться от удара, однако при этом пола его просторной рубахи зацепилась за обломок крестовины, и на мгновение он оказался пленником. Ивиан попытался ударить Лоису ногой, но она отскочила и перекинулась на другую сторону ложа.

Герцог рванул рубаху, высвобождаясь, глаза его побелели от бешенства, на губах показалась пена... Девушка держала кинжал на уровне груди, острием вперед — пусть только посмеет приблизиться. Благодаря тому, что на Лоисе был костюм для верховой езды, а не платье, она могла перемещаться свободно, в отличие от своего преследователя. Но ушибленная рука нестерпимо ныла, да к тому же, она плохо владела кинжалом, а ведь предстояло сразиться с опытным воином.

Ивиан сорвал с ложа изодранное покрывало и хлестнул им, как кнутом. Удар обжег Лоисе щеку, она опять вскрикнула от боли и попятилась назад, но оружия из рук не выпустила. Герцог молча приближался к ней. На этот раз ее спас стол, за который она успела юркнуть, а Ивиан, запутавшись в своей рубахе, всей тяжестью налетел на него.

С проклятиями герцог стал расстегивать пояс, чтобы снять просторную рубаху, которая так мешала ему, но вдруг замер, уставясь на что-то позади Лоисы. Она усмехнулась: неужели он надеется одурачить ее этой старой уловкой? Однако следовало быть внимательней: сделав обманное движение, Ивиан схватил ее за локоть, и резко притянул к себе. Ее рука с кинжалом оказалась у него за спиной, и в тот же миг Лоиса почувствовала, как кто-то, с силой сжав ее запястье, выхватил оружие из ослабевшей кисти.

— Ты не способна убить? — услышала она голос Альдис. — Доверь это мне.

Ивиан застыл в недоумении. Злобная гримаса сменилась выражением боли. Он оттолкнулся от стола и чуть не упал. Едва удержавшись на ногах, он сделал шаг, несмотря на воткнутый под лопатку кинжал. Кровавое пятно расплзлось по рубахе. Его руки беспомощно цеплялись за Лоису. Она собрала остатки сил и оттолкнула его; Ивиан попятился и упал возле ложа, где и остался лежать, вцепившись в сползшее покрывало.

— Зачем?.. — спросила Лоиса, увидев, наконец, Альдис, которая подошла к Ивиану и склонилась над ним, словно желая убедиться, что он уже не способен сопротивляться.

— Зачем?..

Лоиса не могла вымолвить больше ни слова.

Альдис выпрямилась и, не обращая на Лоису внимания, подошла к полуоткрытой двери, к чему-то прислушиваясь. Теперь и Лоиса услышала глухие размеренные удары где-то внизу, какие-то крики... Альдис стремительно подбежала к Лоисе и схватила ее за руку:

— Идем!

— Зачем?.. — Лоиса попыталась высвободиться.

— Дура! — Альдис взглянула на нее в упор. — Внизу стражники Ивиана пытаются выбить дверь; ты что, хочешь, чтобы они застали тебя здесь?

Но Лоиса находилась в каком-то оцепенении. Что происходит? Альдис, отбрасывающая в сторону кинжал, которым сразила герцога... Стража внизу, выламывающая двери, чтобы проникнуть сюда... Зачем все это? Зачем?.. Лоиса ничего не понимала и поэтому не сопротивлялась, когда Альдис потащила ее к двери. Она только почувствовала, что Альдис сама чего-то очень боится, и потому так спешит — и на душе стало еще тревожней.

Они выбежали в коридор, где крики снизу были гораздо слышней. Альдис повлекла Лоису за собой, в зал напротив. Они пересекли роскошные покои, высокие окна которых выходили на балкон — к нему и устремилась Альдис. Напротив на стене соседней башни тоже был балкон. Оба балкона соединяла доска, к которой Альдис подтолкнула Лоису.

— Иди! — потребовала она.

— Я не могу!.. — Доска висела над бездной, и Лоиса не решалась глянуть вниз, она по-прежнему боялась высоты.

Альдис пристально посмотрела Лоисе в глаза, потом потянулась рукой к груди и сжала в ладонях брошь, как будто набираясь от нее сил, чтобы подчинить себе чужую волю.

— Иди! — повторила она.

И Лоиса почувствовала вдруг, что она перестала распоряжаться собой. Ей даже показалось, что она со стороны наблюдает за тем, как ее тело переходит по доске на другой балкон. Лоиса находилась в таком состоянии до тех пор, пока Альдис не перебралась следом за ней. Карстенка толкнула ногой доску, и шаткий мостик рухнул вниз, отрезав путь преследователям.

С этой минуты Альдис не приходилось тянуть Лоису за руку — в этом не было нужды, та послушно следовала за ней уже не сопротивляясь, не задавая вопросов. Они выбежали из комнаты в коридор.

Они пробегали не только мимо раненых и мертвых, на их пути встречались и сражающиеся воины, но никто не обращал внимания на беглянок.

Что же здесь происходит? Может быть, это воины Эскарпа во главе с Корисом и Саймоном пришли, чтобы спасти ее? Но у всех, кого она видела — у мертвых и у живых были отличительные знаки Карстена, будто войско герцога раскололось на два лагеря, и началась гражданская война.

Они вбежали в просторную кухню, где никого не было, хотя на вертелах дымилось мясо, что-то кипело в котлах, а на сковородах давно все пригорело... Перебежав через дворик, они оказались в саду, и перед глазами замелькали овощные грядки, кусты и деревья, увешанные плодами.

Чтобы легче было бежать, Альдис подобрала подол своего длинного платья. Лишь однажды она приостановилась, когда сеточка на ее волосах, унизанная камнями, зацепилась за ветку дерева. Судя по всему, Альдис хорошо знала, куда бежит — она явно спешила к какой-то цели, но к какой именно, Лоиса так и не смогла догадаться, пока они не достигли узкой речушки, где на волнах у берега покачивалась небольшая лодка. Альдис указала на нее рукой.

— Забирайся туда и ложись.

Лоисе не оставалось ничего другого, как снова подчиниться, и она набрала полные сапоги воды, пока добиралась до лодчонки. Альдис тоже последовала за ней и, примостившись рядом, накрыла себя и Лоису куском заплесневелой рогожи. В ту же минуту Лоиса почувствовала, что лодку подхватило течением и понесло, по всей вероятности, к реке, пересекавшей Карс. Вода, скопившаяся на дне утлой посуды, сильно пахла болотом, а от заплесневелой циновки, которой они накрылись, вообще тошнило; Лоисе очень хотелось высунуть из-под нее голову и глотнуть воздуха, но она не осмеливалась.

Вскоре послышались звуки, которые подсказывали ей, что они плывут по большой реке. Так куда же, все-таки, направляется Альдис? Когда Лоиса следовала за Берторой, все их действия казались ей

естественными. Тогда она, очевидно, вообще лишилась способности оценивать происходящее и ничего не боялась. А теперь она знала, что полностью подчинена воле Альдис и сделает все, что та прикажет. Но зачем, кому это нужно?

— Зачем? — услышала она голос Альдис. — Затем, дорогая моя, что ты герцогиня, и теперь весь этот город и вся страна — принадлежат тебе. Хотя это ты можешь понять?

Нет, Лоиса все равно ничего не понимала.

Тут раздался чей-то окрик, Альдис откинула циновку, и Лоиса смогла наконец-то вздохнуть всей грудью. Тем временем Альдис пыталась поймать конец веревки, что сбросили с кормы судна, возвышающегося над ними.

ЗАМОК ИЛЬ

Саймон сидел у окна, спиной к тем, кто находился в зале. Но он слышал, как нервно ходил взад-вперед Корис, как докладывали обстановку и отдавали приказы. Они до сих пор находились в самом сердце Карса, который так дерзко захватили и сумели удержать. Но то, что они продолжали удерживать его, было безумием, правда, Саймон сомневался, что Корис способен это понять. Сенешаль готов был разрушить до основания стены замка и крепости, лишь бы найти свою любимую; он не верил, что ее здесь нет.

Мог ли Саймон винить Кориса за упрямство, которое угрожало всему их делу? Если судить беспристрастно, то да. И еще полгода назад Саймон вряд ли понял бы страдания друга. Но с тех пор он сам пережил подобное состояние и поэтому старался не судить его строго. И все же на месте Кориса он не стал бы вот так метаться из угла в угол, бросаясь к каждому вошедшему с одним и тем же вопросом.

Впрочем, Корису, должно быть, труднее — его любимую похитили враги, а Джелита рассталась с Саймоном по своей воле. Просто ушла и не вернулась, и для него это означало лишь одно: между ними произошел разрыв. Но если бы ей не открылось, что она сохранила в себе колдовскую Силу, была бы она счастлива с ним? Да, хотел бы он это знать! Саймон встряхнул головой, словно отгоняя от себя назойливые мысли, отошел от окна и, встав перед Корисом, положил руку ему на плечо.

— Лоисы здесь нет. Значит, ее нужно искать где-то в другом месте. Что толку сходить с ума? — На последних словах Саймон сделал ударение, надеясь, что они отрезвят Кориса, как пощечина приводит в себя человека, впавшего в истерику.

Корис слегка опешил. Дернув плечом, он сбросил руку Саймона, но не отошел.

— Если бы она бежала... — начал он.

— Тогда бы ее видели, — продолжил Саймон. — Давай лучше подумаем, почему Лоису увезли из Карса. Мы застали здесь полную неразбериху, и устроена она была, похоже, для того, чтобы убить Ивиана или...

— Или ради чего-то еще. — Раздавшийся сзади голос заставил их обернуться. Это была седовласая колдунья, прибывшая с отрядом защитников границы. — Да, ради чего-то еще, — повторила она, словно размышляя вслух. — Всем известно, что со смертью герцога Лоиса получает определенные права на Карстен. К тому же — она в родстве со знатными семьями, и я думаю, что они сделают все, чтобы объявить Лоису правительницей, но при этом действительную власть оставить в своих руках. Как бы то ни было, исчезновение Лоисы входит в чей-то замысел. Только вот в чей? Кого недостает среди убитых и пленных? А, может быть, стоит подумать не о том, кто убит и почему, а о том, кто и почему исчез?

Саймон задумался. Возможно, колдунья права: кому-то очень нужно было доставить Лоису в Карс и утвердить в качестве супруги герцога, а самого Ивиана ввести в заблуждение, убедив, что это необходимо для укрепления его власти. После этого остается только убрать герцога со сцены и использовать Лоису, как марионетку, для установления новой власти. Но кто из местных аристократов столь коварен и располагает такими возможностями, которые позволили бы все это осуществить? Согласно данным разведки среди знатных семей Карстена не было ни одной, способной привести в исполнение такой сложный план. К тому же Ивиан, не питая доверия ни к одному из когда-то могущественных кланов, не мог допустить, чтобы кто-нибудь из этой среды пользовался в его крепости свободой действий.

— Фальк был не совсем Фальком, — сказала колдунья, — в Карсе тоже могли быть люди, подобные ему.

— Кольдеры! — Корис с силой стукнул кулаком по раскрытой ладони. — Опять эти кольдеры!

— Да, — устало бросил Саймон, — но мы ведь и не рассчитывали, что с падением Сиппара они навсегда оставят нас в покое, не так ли? Может быть, они явно не дают о себе знать только из-за нехватки живой силы — на Горме им нанесли серьезный урон. Не исключено так же, что они решили заменить

количество качеством и теперь делают одержимыми влиятельных мужей...

— И женщин, — вставил неожиданно сенешаль. — Мы ведь непременно должны были встретить в Карсе Альдис, а ее нигде нет. Куда бы ей деться?

Колдунья нахмурилась, припоминая.

— Альдис... она была под властью Силы — тогда, перед штурмом Горма? С тех пор ей, вероятно, пришлось оставить Карс.

— Это можно выяснить. — Саймон направился к столу, за которым сидел Ингвальд и что-то бубнил — записывал последние донесения, пользуясь крохотным устройством, которое принесли сокольничьи. Это был улучшенный вариант тех устройств, которые прикреплялись к лапам соколов на время разведывательных полетов.

— Имя Альдис упоминается в отчетах?

— Еще бы! — Ингвальд улыбнулся. — Эта дама трижды доводила до сведения офицеров крепости приказ, вынудивший их сцепиться друг с другом. Зная о том, как доверяет ей Ивиан, они принимали ее слова за чистую монету.

Колдунья проследовала за Саймоном через зал и остановилась, потирая в ладонях дымчатый камень — атрибут ее искусства.

— Я бы хотела осмотреть личные покои этой женщины, — сказала она.

Они вошли в богатую, изящно обставленную комнату все вместе — колдунья, Саймон, Корис и Ингвальд. Открытые окна покоев выходили на балкон, ветерок слегка колыхал шелковый полог над ложем. В комнате чувствовался мускусный запах, от которого Саймона начало подташнивать, и он прошел к окну.

Колдунья, зажав между ладонями камень и вытянув руки вперед, ходила по залу. Смысл совершаемого ею таинства Саймону был непонятен, но он знал, что она занимается серьезным делом. Колдунья провела руками над постелью, над парой сундуков, над туалетным столиком с металлическими зеркалами, на котором стояли шкатулки и коробочки, выточенные из камня. Вдруг ее сомкнутые руки замерли, а затем быстро пронеслись по дуге вниз, словно указывая на что-то, хотя Саймон там ничего не заметил.

Она повернулась к мужчинам.

— Здесь был какой-то талисман — символ Силы, им пользовались много раз. Однако Сила — не наша, не та, к которой обращаемся мы, — это черная Сила кольдеров! — Колдунья с отвращением сплюнула. — А служил талисман для смены обличья...

— Для перевоплощения?! — воскликнул Корис. — Значит, та, которая выдавала себя за Альдис, могла быть вовсе не Альдис!

Колдунья покачала головой.

— Нет, это не то перевоплощение, к которому часто прибегаем мы. Здесь изменялся не внешний облик человека, но его внутренняя суть. Не вы ли мне говорили, что Фальк был не тот Фальк, и в то же время — не одержимый? Он повел себя неожиданным образом: покинул место боя, хотя должен был оставаться со своими людьми до конца. Он бежал, чтобы сохранить в себе то, что в него вдохнули, и выбрал смерть, а не плен, пока в нем это оставалось. Так вот, женщина, которой принадлежала эта комната, подобна ему, сейчас я в этом более чем уверена.

— Кольдеры, — произнес Корис сквозь зубы. — Где последний оплот этих нелюдей? Крепость Иль! Я все понял! — Альдис похитила Лоису, и они сейчас на пути в Иль...

— Но это лишь предположение... — возразил Саймон. — А может быть, ты прав? Тогда мы еще успеем их задержать, ведь Иль далеко отсюда. «Во всяком случае это отличный повод для того, чтобы убраться из Карса, пока на нас не обрушилась катастрофа», — добавил он про себя.

— Иль? — задумчиво произнесла колдунья.

Саймон ждал, что она скажет еще — колдуны Эсткарпа были хорошими стратегами, их слова стоили

внимания. Но она молчала и только переводила взгляд с Кориса на Саймона, будто знала нечто такое, о чем ни тот, ни другой даже не подозревают, но задавать ей вопросы было бесполезно.

Придя к выводу, что им нет необходимости дольше оставаться в Карсе, участники набег покинули крепость и направились в гавань, где захватили баркасы, чтобы, спустившись вниз по реке, выйти в море. На каждом судне карстенцы, составлявшие его команду, были поставлены в подчинение сулькарцу-кормчему.

Ингвальд и Саймон стояли на корме корабля, замыкавшего караван, и смотрели на город, где в течение двух дней произошло столько трагических событий.

— Мы оставляем за собой бурлящий котел, — заметил Ингвальд.

— А поскольку ты из Карстена, тебе хотелось бы присмотреть за варевом? — спросил Саймон.

Ингвальд угрюмо усмехнулся.

— Когда воины Ивиана сожгли мой дом и убили отца и брата, я отрекся от этой страны. У нас нет ничего общего с новым населением Карстена. Мы, люди древней расы, предпочитаем служить Эсткарпу, а за варевом пусть присмотрит тот, кому следует. И в этом я полностью согласен с владычицами: Эсткарп не властен над теми, кто находится за его пределами. Да посуди сам — зачем нам завоевывать Карстен? Случись такое, и по всему герцогству сразу вспыхнут мятежи, а для их подавления мы будем вынуждены ослабить защиту своих северных границ. Ализон, наверное, только этого и ждет... Мы избавили Карс от Ивиана, теперь следует ожидать, как человек пять-шесть из благородных перегрызут друг другу глотки в борьбе за власть. А это значит, что какое-то время Карстену будет не до нас. В общем, беспорядки в герцогстве нам гораздо выгодней, чем его завоевание.

— Капитан, — обратился к Саймону кормчий, — здесь один карстенец уверяет, будто может рассказать тебе что-то очень интересное.

Он подтолкнул к Саймону человека в довольно потрепанной и засаленной матросской одежде, который преклонил перед Саймоном колено — в знак почтения, как это было принято в армии Ивиана.

— Что у тебя? — спросил Саймон.

— Вот какое дело, Капитан. Здесь на реке стояло одно судно, вроде, каботажное, но какое-то странное. Команда на берег не сходила... И не разгружали его, хотя оно простояло у причала дня два или три, точно не помню. Похоже, там и груза-то никакого не было — уж очень оно высоко сидело, когда появилось в гавани. Мы с напарником стали наблюдать за ним, но ничего особенного не заметили, если не считать, что слишком там все было спокойно. А потом, когда в городе началась битва, на судне вдруг зашевелились, команда взялась за весла, и они отчалили. Вроде бы тоже ничего подозрительного — в тот час немало судов покидало гавань, но все, набрав ход, уходили вверх по реке...

— А то судно? — Саймон пока не видел смысла в рассказе матроса, но все же решил дослушать его.

— То судно направились прямо через реку. — Матрос кивнул в сторону противоположного берега. — И стояли они там, удерживаясь на веслах, вроде ждали кого-то. А потом появилась лодчонка... Ялик. Он плыл по течению, будто с буксирного конца у кого сорвался, и его не спохватились. Вдруг то судно быстро развернулось, подошло к лодчонке левым бортом и закрыло ее от нас. Больше мы ялика не видели. Немного погодя судно понеслось вниз по течению, опять не как все...

— И тебе показалось это странным, — подсказал Саймон.

— Да. Тем более, что с той стороны подходило ваше войско. Вот нам и подумалось, что те, на судне, удирают от вас...

— В лодке кто-то был, — сказал Ингвальд.

— Возможно, — согласился Саймон. — Но кто?

— Насчет этого ялика... — вмешался в допрос сулькарец, командовавший баркасом. — Ты кого-нибудь видел в нем?

— То-то и оно, что никого. Выше борта виднелся только кусок рогожи. Может, кто-то под ней прятался?

— Какой-нибудь раненый? — высказал предположение Ингвальд.

— А может, и нет, — заметил Саймон. — Значит, судно направилось к морю?

— Да, вниз по реке... И что еще удивительно — на веслах, как положено, сидели люди, да только они на них не налегали, а гребли словно играючи, будто лишь слегка направляли судно, чтобы оно не село на мель. Спору нет, течение в реке сильное, но чтобы идти так быстро, да еще против ветра, нужно веслами ой как работать.

Кормчий взглянул на Саймона.

— Я не знаю иного способа плавания, кроме как с помощью весел или ветра, — сказал он. — Ни я, ни мои собратья никогда не видели корабля, который бы двигался с помощью чего-то другого. Это уж, поверьте, какое-то колдовство.

— Но не того рода, с каким знакомы в Эсткарпе, — ответил Саймон. — Дайте сигнал на корабль сенешаля, я хочу перейти туда вместе с этим человеком.

Матросу пришлось повторить свой рассказ.

— Что скажешь, капитан? — повернулся Корис к Эннеру Осберику, командующему флотом сулькарцев. — Как, по-твоему, выдумки это или правда?

— Нам не доводилось встречаться с подобными кораблями. Но я верю, что этот человек рассказал действительно то, что видел. Ты же знаешь, в море появились корабли, совсем не похожие на наши.

— Но это судно, судя по рассказу, не было подводным, — возразил Саймон.

— Ну и что? Если кольдеры, как и наши колдуньи, могут менять облик людей, им, возможно, ничего не стоит изменить и обличив вещей, скажем, корабля. И в той неразберихе, которая творилась на реке, когда мы переправляли через нее войска, они пошли на риск, лишь бы выиграть время.

— Которое им требовалось для того, чтобы спуститься к морю и отправиться в Иль, — Корис нервно поглаживал рукоять топора.

«Опять он торопится с выводами, — подумал Саймон. — Хотя... Если это действительно был подводный корабль кольдеров, превращенный в баркас, то почему бы не допустить, что он направился в Иль? Да что там Иль! Кольдеры могут взять курс на свое заморское обиталище, находящееся неведомо где».

Тем временем Корис уже принял решение.

— Осберик, выбери самое быстроходное судно, поставь на весла моих людей, если необходимо, — сейчас и нам нужна хорошая скорость, чтобы настичь кольдеров!

Саймон промолчал, но про себя усомнился в осуществимости этого намерения, поскольку чужеродцы уже давным-давно были в пути.

Ближе к ночи подул попутный ветер, и судно, выбранное Осбериком, помчалось на всех парусах вниз по реке, оставив за собой цепь суденышек, причаливших к северному берегу, — с них сходили участники набега, которые возвращались обратно в Эсткарп. Корабль Осберика сопровождали только два баркаса с командами из сулькарцев на борту.

Саймону часа три удалось поспать, завернувшись в накидку Фалька. Он, как и все, кто был подвергнут перевоплощению, снова уже принял свой настоящий облик, но пока на нем оставалась одежда Фалька и его оружие. Саймона мучили сновидения, которые распадались на обрывки всякий раз, когда он просыпался, но ему казалось, что их связывает нечто общее. Наконец, он совсем стряхнул с себя сон и лежал, глядя на звезды, прислушиваясь к ветру и негромким голосам вахтенных. Корис был где-то рядом, и Саймон надеялся, что усталость сморила сенешаля, и тот хоть ненадолго забылся сном.

Иль... Кориса теперь ничто не остановит, никакие доводы, никакая сила. Конечно, взять Иль необходимо, но разве в последние месяцы они не пытались несколько раз разгрызть этот орешек? Ведь

Горм они одолели только потому, что Саймон оказался там пленником, и ему ненароком удалось выявить слабое место в обороне врага. К тому же, против кольдеров тогда сработала их уверенность, что никто не способен им противостоять.

Поражение в Сиппаре послужило кольдерам хорошим уроком. Их оплот, замок Иль, был окружен силовым барьером, которого не могли одолеть колдуны Эскарпа.

Саймону вспомнились его сомнения, когда он несколько месяцев назад предстал перед Верховной Владычицей. Она хотела знать его мнение, и он ответил: «Забудьте о том, что обнаружилось на Горме, крайне осторожно относитесь к секретам врага, дабы не вызвать к жизни те силы, которые не поддаются пониманию, а, значит, и подчинению». Может, он тогда был неправ? Он и сейчас еще не был уверен в своей правоте. Однако, внутренний голос твердил: стоит воспользоваться тем, чем владели кольдеры, и ты подчинишься им.

Саймон знал, что колдуны Эскарпа тщательно изучают все, что было обнаружено на Горме, и это его не беспокоило, поскольку он не сомневался в мудрой осторожности этих женщин. К тому же их собственная сила — непроницаемый барьер для кольдеров. Единственное, чего нельзя было допустить, так это того, чтобы машины кольдеров оказались в руках невежд...

И все-таки есть способ проникнуть в Иль, и Саймон давно подумывал о нем, но пока никому не говорил ни слова. Быть может, ему еще раз в одиночку удастся пробить панцирь кольдеров? Нет, конечно, не с помощью их подводной лодки — до сих пор не удалось выяснить, какая сила приводила в движение эти корабли. Он проникнет туда по воздуху. Отмычкой для Иля ему послужит какой-нибудь из самолетов, оставшихся на крыше цитадели Сиппара.

ЗНАК КОЛЬДЕРА

— Замуровано наглухо! — Корис с яростью всадил топор в плотный дерн. Они стояли на склоне холма, глядя на крепость Иль, от которой их отделяла долина, спускающаяся к морю.

Горм был отнят кольдерами у людей, Иль они строили сами, и можно было ожидать, что его башни и стены сделаны из металла. Но стены оказались каменными, как и в Эсткарпе, хотя кольдерам не удалось вполне имитировать древнюю архитектуру этой страны. Строения Эсткарпа казались выросшими из земли, но никак не созданными людьми. А крепость Иль, и это сразу бросалось в глаза, несмотря на всю ее каменную архаику, выглядела так, будто ее только что построили.

— Раньше там были ворота, а теперь... — Корис указал рукоятью топора на глухую каменную стену. — И вообще, никто не может приблизиться к замку настолько, чтобы оказаться хотя бы по ту сторону ручья...

Барьер, подобный тому, которым кольдеры блокировали когда-то Горм от вторжения, не позволял сейчас проникнуть в Иль. Но Саймон нашел возможность попасть в замок, и мысль об этом не давала ему покоя с тех пор, как они покинули Карс.

— Похоже, здесь, как и на Горме, доступ в крепость устроен под водой, — сказал Саймон.

— Выходит, мы не в силах ничего сделать, и Кольдер нас победил?.. Я не соглашусь с этим, пока дышу! — Корис снова рубанул топором дерн. — Должен же быть еще какой-то путь!

— Пожалуй... — пробормотал Саймон, не понимая, что заставило его проговориться.

Корис резко повернулся к нему.

— Вспомни падение Сулькара, — сказал Саймон.

Корис понял его с полуслова.

— Атака с воздуха! Летающие корабли Сиппара!.. Но мы не знаем, как управлять ими... — Горящим взором он впился в Саймона. — Или ты знаешь это, мой брат? Ты рассказывал о мире, в котором жил когда-то, и говорил, что в ваших войнах вы тоже на чем-то таком летали. Славное дело — повернуть оружие нелюдей против них самих! — Он высоко подбросил топор и ловко поймал его.

— Горм! Нам нужно отправляться на Горм за летающими кораблями.

— Не спеши! — Саймон схватил его за руку. — Я не уверен, что смогу управлять машиной.

— Если на ней можно пробиться в гнездо гадов, мы заставим ее летать! — У Кориса раздулись и побелели ноздри. — Я знаю, как опасно пользоваться чужими машинами, но другого выхода у нас нет. Мы отправляемся в Сиппар...

Снова Саймон оказался в этом проклятом городе, последняя хозяйка которого — Орна не придумала ничего лучше, как в пылу династических склок обратиться за помощью к кольдерам. Саймон ненавидел Горм. Мало того, что он едва уцелел в битве за мертвый город, — Сиппар к тому же будил в душе тревожные сомнения, от которых, как Саймону казалось, он избавился навсегда.

Вот и сейчас, Саймон стоял в зале, всего несколько месяцев назад являвшемся центром сложной системы управления. Именно здесь, за какими-то пультами, сидели операторы в серых комбинезонах, подчиняющиеся бессловесным приказам кольдера в шлеме с проводами. И порой, из потока времени попадая в безвременье, Саймон ощущал свое единение с этим кольдером. Тогда смутное напоминание о том, что кольдеры, так же как и он сам, бежали в этот мир от надвигающейся катастрофы, бесконечно терзало его. Саймон заново переживал минуты, когда казалось, что он подключен к мозгу кольдера и опять воспринимает что-то из его памяти, хотя того давно уже не существовало.

Здесь, в этом же зале, прекрасная колдунья Эсткарпа, вместе с которой он прошел через столько опасностей, назвала ему свое имя, тем самым отдавая свою жизнь в его руки. Джелита...

И опять пришла в душу боль, хоть и не такая острая, как раньше. Саймон с горечью признался себе, что с тех пор, как он покинул Карс, его больше волновали не кольдеры, а исчезновение Джелиты.

И все-таки — почему она покинула его? Та колдунья, прибывшая в Верлен, сказала без обиняков: Джелите нельзя снова стать одной из них. Почему же от нее нет никаких вестей... Неужели она так охладела к нему, что даже не хочет его видеть? Ладно. Кольдеры — вот о чем сейчас надо думать, а не о том, чего не вернуть.

— Саймон! — позвал его Корис. — Летающие корабли в том же виде, в каком мы их оставили.

Они поднялись на крышу, где стояли самолеты кольдеров. Две машины находились в стадии ремонта: рядом лежали детали и инструмент. Саймон направился к ближайшему самолету. Все оказалось проще, чем он предполагал — требовалось поставить на место кое-какие детали и подкрутить гайки. Он работал уверенно, почти не задумываясь, будто придерживался подробной инструкции. Закрепив последнюю деталь, он забрался в машину, надавил на стартер и почувствовал вибрацию. Можно взлетать.

Внизу что-то кричал Корис, но вскоре его голос пропал — самолет набрал высоту. Саймон установил в нужное положение рычажки и кнопки и развернул машину в направлении крепости Иль.

Ему предстоит выполнить сложнейшую задачу. Невидимый барьер долго не выстоит. Проклятые ведьмы пробьют в нем брешь...

Проклятые ведьмы?.. Да, ведьмы. Коварные и злые. Одна из них нашла себе мужа и тут же бросила. Решила, что недостойн ее — глуповатым посчитала.

Проклятые ведьмы... Они вынудили нас покинуть Горм. Теперь, похоже, мы потеряем Иль. Но наш план все равно осуществляется. У нас есть могучий Источник Силы, к которому пока нет доступа. Но рано или поздно мы обрушим эту энергию на глупых дикарей с их ведьмами. Они заплатят за Сиппар. Эс будет разрушен. А пока дикарям нельзя давать покоя. Следует держать их в постоянном напряжении, чтобы выиграть время. Время, необходимое для того, чтобы найти доступ к Источнику...

Можно сдать варварам Иль. Пусть думают, что снова победили, что кольдеры изгнаны окончательно. А кольдеры всего лишь ненадолго отступили, чтобы, набравшись сил, нанести удар прямо в сердце противника — крепость Эс.

Что-то не давало Саймону покоя. Казалось бы, теперь у него нет сомнений, как действовать дальше. Тогда почему же он чувствовал себя борцом, который повалил соперника, но не победил его? Вот и крепость Иль. Его там ждут. Они знали, как все будет, они звали его, а теперь — ждут.

Его руки сами собой скользили по рычажкам управления, будто он следовал чьим-то приказам. Он заметил внизу на берегу огни. Это подошло войско варваров. Рот Саймона скривился в усмешке. Пусть торжествуют, пусть празднуют бессмысленную победу. К тому времени, когда с помощью ведьм они проникнут в крепость, там никого не будет. Пора идти на посадку. Сесть нужно вон на ту крышу.

Система посадки сработала безотказно, и минуту спустя самолет стоял на крыше, а Саймон ошеломленно смотрел по сторонам. Как он оказался в крепости Иль? Корис... Войско Эскарпа на берегу — и это тоже не было сном, Саймон видел все своими глазами. Он сидел в машине кольдеров, на которой прилетел сюда из Сиппара. Болела голова и слегка подташнивало. Рука Саймона соскользнула с панели управления и легла на боевой пояс Фалька. Пальцы нащупали бляшку в форме замысловато завязанного узла и начали поглаживать ее.

Да, это Иль, и ему необходимо выполнить важное задание: сейчас придут те, кого он должен забрать из крепости, прежде чем в нее ворвутся дикари. В крыше открылось квадратное окно, и в нем появилась площадка подъемника, на которой стояли две женщины. Одна — повелительница; она хорошо потрудилась в Карсе ради общего дела; другая — подчиненная ее воле, пешка.

Саймон открыл дверь кабины и, не вставая с кресла, ждал. Лоиса... В нем шевельнулось какое-то воспоминание. Лоиса смотрела на Саймона во все глаза, но не проронила ни слова. Она, полностью послушная чужой воле, устроилась на сидении позади него. Альдис заняла место рядом с ней и сказала:

— Летим в сторону моря.

Саймон с раздражением подумал, что без нее знает, куда им лететь, и поднял самолет в воздух.

Странно. Какой-то туман, который становится все гуще. Краем глаза Саймон заметил, что Альдис наклонилась вперед, тревожно вглядываясь в облако, окутавшее самолет. Конечно, ее можно понять, наверняка, этот туман — проделка ведьм. Но они ничего не смогут сделать с машиной, им не свернуть самолет с курса... Только вот что-то происходит с глазами...

Саймон напряженно всматривался вперед. Прямо по курсу, держась на некотором расстоянии от самолета, летело что-то белое. Видимо, это их проводник, и следовать надо за ним, не беспокоясь о тумане. Пелена тумана становилась все гуще — ведьмы упорствовали, но с машиной им все равно не сладить, они могут подчинять своей воле людей, но не технику.

Туман действовал на нервы, от него мутилось сознание. Может, закрыть глаза и не смотреть на эти белесые вихри? Но тогда он потеряет из вида проводника... Хотел бы он знать, что это такое... Из-за тумана Саймон не мог различить силуэт загадочного спутника.

Как долго продолжался этот полет, Саймон не знал, он утратил ощущение времени. «Это тоже работа ведьм, — подумал он. — До чего же ловко они умеют дурачить!»

— Что ты делаешь?! — Альдис подалась вперед, впившись взглядом в прибор на щитке управления. — Куда мы летим? — Ее голос срывался на крик.

— Летим, куда надо. — Саймона снова задел ее тон. Конечно, у этой дамы большие заслуги, но это не значит, что она имеет право ставить под сомнение его действия.

— Это совсем не тот курс!

Именно тот! Он ведь подчиняется приказам, следует за проводником, и как она смеет перечить ему?

— Успокойся! — огрызнулся он.

Но не тут-то было. Она схватила его за руку.

— Нам в другую сторону! — закричала Альдис. Кресло не позволяло ему полностью повернуться назад, но все же он сумел оттолкнуть ее от себя.

Однако, карстенка тут же вцепилась в его руки снова, расцарапав их до крови. Саймон боялся потерять направление — их белый гид исчезал в тумане. Тыльной стороной руки Саймон ударил Альдис наотмашь, и та, судорожно глотнув, откинулась в кресле. У Саймона появилась возможность сосредоточиться на едва видимом пятне, которое маячило впереди.

Наконец, он рассмотрел его. Это была большая птица. Он видел такую раньше. Белый ястреб! Ученая птица, которую привозили в Карс. В Карс?..

У Саймона перехватило дыхание. Внезапная догадка осенила его. Кольдеры! Кольдеры управляли его мыслями и действиями все это время. Он растерянно уставился на рычажки и кнопки, совершенно не представляя, что с ними делать. Его охватила паника. Кольдеры заставили его служить им... Левая рука Саймона непроизвольно потянулась к поясу Фалька. Завороженно наблюдая за ней, он увидел, как пальцы коснулись замысловатой бляшки из зеленоватого металла.

Собрав всю свою волю, Саймон медленно оторвал руку от пояса. Он обернулся. Руки Альдис были крепко прижаты к груди. Она смотрела на него с лютой злобой. Но не было ли в ее взгляде еще и страха?

Саймон дернул ее руку к себе, чтобы посмотреть, что она прячет, и увидел зеленый краешек металлической бляшки. Хотя талисман Фалька имел весьма причудливый вид, Саймон сразу понял, что на Альдис — точно такой же. Его левая рука непрестанно подергивалась, и Саймону с трудом удавалось удерживать ее от прикосновения к талисману.

Самолет накренился и боком заскользил сквозь туман вниз. Саймон понял, что если он не позволит себе взяться за талисман, то не сможет пилотировать машину. Но тогда он снова окажется в подчинении у кольдеров. Однако падение грозило смертью всем троим, а подчинение кольдерам могло, по крайней мере отсрочить их гибель. Саймон больше не сопротивлялся — его пальцы нащупали бляшку на поясе Фалька.

Где он очутился? Что произошло? Это все происки ведьм, это они сбили его с толку. Ну нет, хватит с него!

И тут раздался пронзительный крик. Навстречу им, нацелившись клювом на лобовое стекло, летела большая белая птица. Саймон вцепился в рычаг управления, намереваясь послать машину вниз, чтобы уйти от атаки.

Красное пятно расплылось по лобовому стеклу. Самолет вильнул и вошел в штопор. Крик Альдис был пронзительней, чем крик ястреба. Страшно ругаясь, Саймон пытался выровнять машину, и ему это удалось, но самолет продолжал терять высоту. Рано или поздно они должны приземлиться, и Саймону приходилось надеяться только на то, что самолет останется управляемым.

Он, как мог, боролся за это. Их тряхнуло — они коснулись поверхности, невидимой из-за сплошного тумана, — подбросило и снова тряхнуло. Саймон ударился головой о стенку кабины и потерял сознание. Машина, завалившись на нос, застыла в неустойчивом положении. Через открывшуюся от удара дверь в кабину поползли клочья тумана, а вместе с ними — тухлый запах болота. Альдис приподнялась на сиденье, осмотрелась и, словно по чьему-то велению, коснулась рукой талисмана кольдеров.

Она наклонилась вперед, но тут же заняла прежнее положение, так как самолет пошатнулся. Альдис дотянулась рукой до Саймона и сняла с его головы шлем. Запустив пальцы ему в волосы, она запрокинула его голову на спинку сиденья.

Струйка крови стекала у него по виску, глаза были закрыты. Альдис, не обращая на это никакого внимания, подтянула его голову как можно ближе к себе и что-то проверещала ему в ухо — но не на языке Карстена и не на древнем диалекте Эсткарпа. Это была серия щелкающих звуков, больше похожих на позвякивание металла о металл, чем на звуки человеческого голоса.

Хотя Саймон и не открыл глаз, его голова дернулась, и он сделал слабое усилие, пытаясь освободиться, но Альдис крепко держала его за волосы. Она повторила свой приказ, но Саймон так и не приподнялся. Альдис что-то раздраженно воскликнула, оттолкнула от себя голову Саймона и осмотрелась. Поблизости стояло высохшее дерево, ветви которого были увешаны серыми мочалами мха. Ветер уносил туман, все больше открывая взгляду безрадостную картину.

Альдис увидела подернутые зеленой ряской озера, среди которых то тут, то там виднелись стволы мертвых деревьев. Вдруг в трясине что-то зашевелилось и к самолету поползло существо, подобное гигантской ящерице с чешуйчатой кожей и зубастыми челюстями.

Альдис зажала ладонью рот. Она пыталась собраться с мыслями. Где же они находятся? Эта местность была не знакома ни ей, ни тем, кому она служила. Будучи верной кольдерам, Альдис рассчитывала на их поддержку, и, сжав в руках талисман, она мысленно взывала к ним о помощи.

СТРАНА ТОРОВ

Саймон открыл глаза. Сильно болела голова, и он решил, что поэтому свет вокруг кажется таким тусклым, зеленоватым. Пошевелившись, он почувствовал, как качнулся самолет и, несмотря на свое полуобморочное состояние, понял, что резких движений делать нельзя. Он поднял голову и прямо перед собой увидел нечто ужасное...

Только лобовое стекло кабины отделяло его от какого-то зубастого чудовища, которое, пытаясь удержаться на носу самолета, скребло когтями капот. Оно чем-то напоминало ящерицу, но его размеры и неповоротливость не шли ни в какое сравнение с подвижностью маленьких существ, которых Саймону случалось видеть в своем прежнем мире. К тому же, отвращение вызывали бородавки и струпья, сплошь покрывавшие тело этой твари. Время от времени животное замирало и в упор смотрело на Саймона белесыми глазами.

Саймон медленно повернул голову и обнаружил, что дверь кабины открыта, — по-видимому, при падении она сорвалась с защелки и съехала вперед. Ящеру достаточно совсем чуть-чуть проползти вдоль корпуса, и он влезет в кабину... Саймон потихоньку вытащил из кобуры оружие, и вдруг вспомнил, что с ним летели женщины. Он осторожно попытался изменить положение тела, чтобы оглядеться, самолет немедленно покачнулся, ящер зашипел и оставил на разбитом стекле жирный плевок.

Лоиса, сидящая за его спиной, не подавала никаких звуков. Саймон покосился на Альдис. Та сидела с закрытыми глазами, стиснув в руках талисман, ее напряженная поза говорила о крайней сосредоточенности. Когти ящера угрожающе царапали металл, а Саймон не решался еще раз дотянуться до двери: самолет балансировал на одной точке опоры, и любой перевес завалил бы его на нос.

— Альдис! — резко крикнул он, пытаясь разорвать кокон ее оцепенения. — Альдис!

Женщина никак не прореагировала, но тут Саймон услышал возле самого уха усталый шепот Лоисы:

— Она зовет их...

— Попробуй дотянуться до двери, — попросил он, не оборачиваясь.

Лоиса попыталась это сделать, но самолет тут же клюнул носом вниз, и Саймон увидел, как ужасная тварь заскользила по фюзеляжу, делая отчаянные попытки зацепиться за гладкую поверхность машины.

Перед тем, как сорваться вниз, чудовище разинуло пасть и страшно зарычало. Саймон, опасаясь, что ящер еще раз попытается добраться до них, опять подумал о том, что не мешало бы закрыть кабину.

— Лоиса, — сказал он торопливо, — переберись как можно дальше назад.

— Поняла, — ответила она. Самолет покачнулся и задрал нос.

Краем глаза Саймон заметил какую-то возню. Лоиса не ограничилась тем, о чем он ее попросил и, обхватив за плечи Альдис, потащила ее за собой. Саймон, изловчившись, дотянулся было до дверцы, и все же не успел ее закрыть — самолет опять завалился носом вниз.

Машину раскачивало взад-вперед, и каждый толчок угрожал перевернуть ее, но Альдис, вырываясь из рук Лоисы, вряд ли понимала вообще хоть что-то, кроме того, что ее схватили и держат. Саймону ничего другого не оставалось, как дотянуться и стукнуть ее по голове. Женщина сразу обмякла, выпустив из рук талисман.

— Она мертва? — спросила Лоиса, выбираясь из-под неподвижного тела.

— Ну что ты, конечно, нет, — ответил Саймон. — Но пока не будет нам мешать. Помоги мне.

Вдвоем они оттащили Альдис еще дальше в глубь кабины. Самолет принял более устойчивое положение, и у Саймона появилась возможность осмотреться, хотя он ни на секунду не терял из поля зрения проем двери, держа наготове оружие.

Полузатопленные мертвые деревья, озерца, подернутые ряской, и хилая растительность — ничего

подобного раньше ему не доводилось видеть. Он понятия не имел, где они находятся, и как очутились здесь. Удручающее впечатление усиливало зловоние болота. Дышать было трудно, и головная боль не прекращалась.

— Куда мы попали? — нарушила молчание Лоиса.

— Не знаю, — ответил Саймон. Однако, что-то мелькнуло в его памяти. Топь... Ветер полощет седые космы мха на ветвях сухого дерева. Шуршит тростник... Саймон усиленно пытался вспомнить... Да, несомненно, что-то такое уже было... Болото, туман... Но, может быть, это картины из того, прошлого мира?

Наконец, к нему окончательно вернулась память, и он вновь увидел себя прежнего, увидел того Саймона Трегарта, который вышел дождливым утром из-под каменных ворот на поросшее мхом болото. А потом он встретил колдунью, и они вдвоем убегали от ализонских охотников, и где-то в таком же вот месте остановились, когда женщина просила убежища, но им отказали. Да, очевидно, так и есть — самолет угодил в Торovy Топи, и они попали в страну, из которой никто не возвращался. Впрочем, не совсем так, одному человеку это удалось. Саймон вспомнил историю об отце Кориса, который не только вернулся из этих загадочных мест, но привел с собой женщину, которую назвал своей женой, несмотря на то, что жители Горма были очень недовольны этим браком, не одобряя такого смешения кровей, и впоследствии отвергли наследника...

— Торovy Топи, — сдавленным голосом произнесла Лоиса, будто прочла его мысли. — Но я не пойму... Ведь Альдис звала на помощь кольдеров... А торы вообще не приемлют чужеземцев.

— Никому не ведомо, что происходит в этой стране. Кольдеры внедрились в Карстен, и надо думать, не только туда. Ведь уже известно, что лишь древняя раса противостоит их тлетворному духу и распознает его проявления, потому-то кольдеры так ненавидят и боятся людей древней расы. А в этих болотах, возможно, ничто не мешает им хозяйничать.

— Альдис звала их. Они придут — и найдут нас...

— Меня это тоже беспокоит, — ответил Саймон.

Конечно, нужно было уходить отсюда немедленно, но кругом — топь, и удастся ли им выбраться из нее? По крайней мере, попытаться они должны, ибо это хоть какой-то шанс избежать плена кольдеров. Саймон присматривался к стволам упавших деревьев, прикидывая, смогут ли они одолеть трясину, перебираясь по ним.

— Куда двинемся? — спросила Лоиса.

Саймон понимал, что идти в неизвестном направлении — большая глупость, но каждая частичка его сознания противилась тому, чтобы оставаться здесь и оказаться вскоре жертвой черных сил, к которым зывала Альдис. Он расстегнул пояс с предательской бляшкой и отбросил его в сторону — сейчас ему понадобится лишь клинок да самострел. Он взглянул на Лоису на ней одежда для верховой езды, но на поясе нет даже ножа.

— Не знаю, куда, — запоздало ответил ей Саймон. — Пойдем куда-нибудь подальше от этого места, и как можно быстрее.

— Да, конечно, — согласилась Лоиса. Она осторожно, стараясь не задеть Альдис, пробралась к двери. — А как быть с ней?

— Пусть остается.

Саймон выглянул из кабины. Машина угодил на крошечный островок земли, и трава вокруг нее была примята, так что можно было не опасаться внезапного нападения какого-нибудь чудовища, вроде того ящера. Он спрыгнул вниз, сапоги погрузились в мягкую почву, но вода не выступила. Протянув Лоисе руки, он помог ей выбраться из самолета и подтолкнул к хвосту машины.

— Нам в ту сторону...

Изо всех сил Саймон толкнул дверь, она, наконец, поддалась и закрылась на замок — пусть Альдис и подвластна кольдерам, но он не мог позволить себе оставить женщину на растерзание мерзким тварям...

С трех сторон островок окружала заводь, затянутая зеленой ряской, а там, где ее не было,

открывались окна бурой воды. Выбраться отсюда можно было только по топлякам, конечно, если они не прогнили насквозь.

Саймон взял себе самострел, отдав Лоисе клинок.

— Не ступай на бревна, пока я их не проверю, — предупредил он.

— Хорошо. Сам будь осторожен...

На его лице появилось подобие улыбки.

— Непременно воспользуюсь твоим советом.

Саймон ухватился за сук дерева, которое лежало поблизости в осоке и, держась за него, прыгнул на ближайшее бревно. Оно просело под ним не так уж сильно, но вода забулькала пузырьками газа — такого зловонного, что Саймон закашлялся.

Продолжая кашлять, он добрался по топлякам до нагромождения корневищ, где решил передохнуть, поскольку нервное напряжение сковывало мышцы, и каждое движение по скользким бревнам давалось с трудом. Когда Саймон перебрался через завал корней и снова нашел твердую опору, он был почти без сил, и остановился вновь, поджидая Лоису, которая, с плотно сжатыми губами и сосредоточенным лицом, пробиралась по проложенному им пути.

Казалось, они бесконечно будут вот так перескакивать с бревна на бревно; дважды уже Саймон оглядывался назад, уверенный, что они преодолели приличное расстояние, но каждый раз обнаруживал самолет совсем неподалеку. Наконец, он совершил очередной прыжок и вновь ощутил под ногами твердую почву какого-то островка. Саймон протянул руку Лоисе, которая тоже чуть держалась на ногах. Усевшись на траву, оба начали растирать икры дрожащими от усталости руками.

— Саймон...

Лоиса смотрела на грязную воду и водила языком по губам.

— Эту воду... пить нельзя? — Конечно, она и сама об этом знала, но с надеждой во взгляде ждала ответа. У Саймона тоже пересохло во рту, и он уже задавался вопросом, как долго еще они смогут бороться с искушением, ведь рано или поздно жажда заставит их пригоршнями черпать эту отраву.

— Нельзя, — твердо ответил он. — Вода гнилая. Потерпи, может мы найдем по пути ягоды или какой-нибудь родник.

— Саймон... — Лоиса перевела взгляд на тропу, по которой они добрались сюда. — Эти деревья...

— Что? — спросил он рассеянно.

— Посмотри, как они стоят! Они ведь росли не беспорядочно, не как в лесу!.. — ее голос оживился. — Разве ты не видишь? Посмотри, и те, которые упали...

Он проследил за ее взглядом и отметил про себя, что Лоиса права: и упавшие деревья, и те, что пока еще стояли, обозначали собой две параллельные линии, уходящие вдаль.

— Как ты думаешь, это — старая дорога? — Лоиса вскочила на ноги. — Тогда она должна вывести нас куда-то!

Саймон понимал, что надежды очень мало, но все-таки решил проверить это предположение, поскольку выбирать им было не из чего и следовало использовать любую возможность, чтобы уйти подальше от ужасного болота. Обследовав островок, он уже через минуту убедился в правильности догадки, когда вышел на место, где трава лежала не сплошным покровом, но пробивалась кустиками из расщелин между каменными плитами. Лоиса, не отстававшая от него ни на шаг, с удовольствием притопнула ногой по каменной плите, на которой стояла, и засмеялась.

— Мы вышли на дорогу, Саймон!

«Но у всякой дороги два конца, — подумал он, — что, если мы ошиблись направлением, и она уведет нас в глубь страны торов?»

Они довольно быстро пересекли островок и снова оказались перед топью, по другую сторону которой стояла заметно покосившаяся каменная колонна. Ее верх был опутан лозой, и побеги вились вокруг лица, высеченного в камне.

Большой крючковатый нос, заостренный подбородок — нечеловеческое лицо.

— Вольт! — воскликнул Саймон.

Точно так же выглядело лицо мумии, на которую они наткнулись в той пещере над морем. Корис говорил тогда, что Вольт — это легенда: полубог, полудемон, последний представитель исчезнувшей расы, доживший до того времени, которое породило обычных людей. И вот, оказывается, когда-то в этих местах жили люди, которые знали Вольта настолько хорошо, что смогли изваять его.

Лоиса смотрела на колонну и улыбалась.

— Тебе довелось видеть Вольта. Корис рассказывал мне о той встрече с Древнейшим, когда он попросил у Вольта топор. Уже давно дух Древнейшего оставил здешние места, но мне кажется, что эта колонна — доброе предзнаменование для нас. По крайней мере, мы можем быть уверены, что дорога не кончается.

И все же, перед ними лежало болото. Саймон нашел толстый сук и, обломав с него ветки, сделал посох, чтобы прощупывать дно. Пробивая небольшой слой ила, палка упиралась в камень. Мощеная дорога продолжалась, но он не спешил радоваться, осторожно пробираясь вперед шаг за шагом, и лишь немного погодя сделал Лоисе знак следовать за ним.

Возле колонны с изображением Вольта дорога снова обозначилась для глаза, и по мере того, как они шли по ней, полоса твердого покрова все расширялась, и Саймон решил, что они вышли, наконец, из болота, и значит, встречи с торами можно больше не опасаться.

— А здесь когда-то жили. — Лоиса указала на остатки древних каменных стен, которые виднелись сквозь заросли колючего кустарника. Саймон подумал, что при необходимости это место может послужить неплохим укрытием: кусты вокруг развалин разрослись очень густо, и вряд ли какая-нибудь тварь смогла бы пробраться через них; к тому же, прячась в зарослях, они имели возможность наблюдать за дорогой, оставаясь при этом незамеченными.

Древний тракт, который до этого шел прямо, стал забирать вправо. Саймон остановил Лоису за локоть. Каменные плиты, что во множестве встречались им по пути, разбросанные возле дороги как попало, здесь были уложены в аккуратную невысокую стену. За оградой виднелись какие-то растения, усеянные лиловыми цветами, за которыми, судя по всему, ухаживали.

— Это локвусы, — объяснила Лоиса. — В Эскарпе их выращивают для ткацкого дела. Цветы скоро превратятся в шарики с шелковистыми нитями внутри — вот из них-то и ткут полотно.

— Посмотри-ка! — воскликнула она, шагнув к стене и указывая на небольшую нишу, где стояла какая-то грубо обработанная фигурка. Но едва Саймон пригляделся и увидел орлиный нос на лице деревянного идола, он понял: засеявший это поле оставил Вольта охранять его.

Вдруг Саймон насторожился, заметив хорошо утоптанную тропу, уходящую вправо от старой дороги и теряющуюся из виду за изгородью.

— Идем отсюда! — сказал он, быстро отходя от ограды.

Теперь было очевидным, что они ошиблись, выбрав это направление — дорога завела их глубоко во владения торов, но и возвращаться по ней назад было бы безумием — вновь оказаться вблизи самолета, значило добровольно отдать себя в руки врага.

Лоиса тоже все поняла.

— Но дорога идет дальше... — сказала она почти шепотом.

Они снова двинулись вперед по старому тракту; возделанных и огороженных полянок больше не встречалось, исчезли даже развалины, и вдоль дороги тянулись лишь непроходимые заросли. Все говорило о том, что жители Тора нечасто бывают в этих местах.

Жажда, давно мучившая их, стала просто невыносимой. Саймон увидел, что Лоиса уже чуть бредет, а когда она покачнулась, он обхватил ее рукой за плечи и поддерживал, помогая идти дальше.

Они оба шатались от усталости, когда добрались до конца дороги — каменной дамбы, круто уходящей в трясины. Лоиса со стоном опустилась на землю, словно у нее подкосились ноги, и Саймон больше не пытался ее удержать, глядя перед собой остановившимся взглядом.

ДЖЕЛИТА ДАЕТ О СЕБЕ ЗНАТЬ

— Я не могу больше идти... — чуть слышно проговорила Лоиса, — отчаяние лишило ее последних сил.

Саймон едва ли был в лучшем состоянии, но все-таки не позволял себе расслабляться, понимая, что если он рухнет сейчас рядом с ней, то уж никакая сила не подымет их с этого места.

Он наклонился, чтобы помочь Лоисе подняться, и в тот же миг на дорогу посыпались какие-то шары, которые, лопаясь, рассеивали вокруг себя белую пыль.

Саймон попятился, увлекая за собой Лоису, тотчас вскочившую на ноги, но было уже поздно — полупрозрачная пелена окружила их.

Держа в одной руке заряженный самострел, он другой привлек к себе Лоису, готовый стрелять в первого показавшегося противника. Но никого, по-прежнему, не было видно, а какой смысл разряжать оружие в облако пыли?..

— Что это? — хрипло спросила Лоиса.

— Не пойму, — бросил он.

Саймон почему-то знал, что не следует даже пытаться пройти сквозь туманное облако. Однако, рано или поздно кто-то все равно явится проверить капкан, и вот тогда настанет его черед...

Тем временем туманная завеса начала вдруг двигаться по кругу — все быстрее и быстрее, и этот белый вихрь не позволял увидеть того, что происходило за его пределами.

— Саймон, кажется, идут... — Лоиса чуть отступила от него, держа в руке нож.

— Похоже...

И в то же мгновение их лишили возможности сопротивляться: раздался еще один хлопок, и последний шар лопнул совсем рядом, но отскочить им, окруженным кольцом тумана, было уже некуда. И хотя из этого шара не вырвалось, как из других, похожей на дым белой струйки пыли, Лоиса и Саймон упали, выронив оружие из рук, и затихли.

Ничего подобного Саймон раньше не испытывал. Он был лишен возможности дышать, весь его организм до боли жаждал глотка воздуха. Саймон открыл глаза и увидел рядом с собой чашу, источавшую едкий дым. Он отвернулся от сосуда и с удивлением обнаружил, что свободно дышит.

В комнате стоял полумрак — свет поступал в нее непонятно откуда. На голых каменных плитах не было никаких ламп, но вверху, под самым потолком, стены хаотично мерцали, будто по ним ползали колонии светлячков. Саймон повернул голову и осмотрелся.

Рядом с ложем на стуле сидел небольшого роста человек, широкий в плечах. Фигура его была почти уродливой: руки — слишком длинные, ноги — слишком короткие. Зато черты лица были удивительно правильными.

Тор встал со стула, и Саймон подумал, что он совсем молод — его движения были по-юношески угловаты. Одет он был почти так же, как жители Эсткарпа, но поверх одежды поблескивали металлические пластинки, похожие на чешую.

Двигаясь легко и грациозно, юноша пересек комнату и проговорил что-то на непонятном языке, цвиркающие звуки которого не были похожи на обычную человеческую речь. Взглянув еще раз на Саймона, юноша исчез.

Саймону казалось, что комната покачивается, но он все-таки поднялся и сел, опираясь на руки. Кроме стула и ложа в комнате ничего не было. Невысокий потолок состоял из двух наклонных плит и массивной балки. Светящиеся пятна, на первый взгляд, располагались беспорядочно, но вскоре Саймон с удивлением заметил, как одно пятно отделилось от двух других и переползло немного в сторону к пятну-одиночке.

Стены были сырые и холодные, но болотного запаха здесь не чувствовалось. Саймон осторожно встал и, несмотря на то, что свет от ползающих пятен был тусклым, внимательно осмотрел все четыре стены — ни в одной из них не было проема. Как же тор ушел из комнаты?

Размышляя над этой загадкой, Саймон услышал позади себя какой-то звук, и так резко обернулся, что чуть не потерял равновесие. У дальнего края ложа стояла невысокая женщина — с более складной фигурой, чем у исчезнувшего юноши, но, без сомнения, той же расы.

На ней было платье с блестками. Пышные волосы, прихваченные у висков серебряными заколками, падали ей на плечи, но не закрывали лица и глаз.

Женщина принесла поднос с едой и поставила его на ложе, после чего посмотрела на Саймона.

— Ешь. — Это было не приглашение, а приказ.

Саймон придвинул к себе поднос. Но ему не столько хотелось есть, сколько рассмотреть необычную женщину. В тусклом неверном свете комнаты можно было ошибиться, но Саймон все же решил, что она немолода. Впрочем, он судил о ее возрасте не по каким-то внешним признакам — их вовсе не было, но женщина излучала невидимую силу, говорившую о ее зрелости и уме. Наверняка, здесь с ней считались.

Саймон взял обеими руками кружку и, поднося к губам, отметил, что изготовлена она из дерева — тщательно отполированная поверхность была приятна на ощупь. Сделав глоток, он почувствовал горьковатый привкус — в воду было что-то добавлено, и скорее всего не вино, а какой-то настой трав. Распробовав напиток, Саймон нашел его восхитительным.

На подносе — тоже деревянном и полированном — лежали кубики какой-то еды, похожей на сыр. Вкус этого «сыра» был непривычным, но Саймон с удовольствием ел его, запивая напитком. Женщина молча наблюдала за ним, и во всей ее позе чувствовалась такая отчужденность, словно она из жалости принесла пищу человеку, которого совсем бы не хотела здесь видеть. Саймону стало неуютно.

Он доел последний кубик и, встав, поклонился молчаливой наблюдательнице с той учтивостью, с какой раскланивался с колдуньями.

— Спасибо, госпожа.

Она как будто не собиралась уходить. Женщина обошла ложе и, приблизившись к стене, оказалась под скоплением ползающих пятен. Саймон заметил, как они, прекратив свое хаотическое движение, собрались у нее над головой.

— Ты из Эсткарпа. — Это прозвучало как утверждение и в то же время, как вопрос, словно женщина в последний момент усомнилась в своем предположении.

— Я служу Эсткарпу, но не принадлежу к древней расе. — Саймон догадался, что эти сомнения вызваны его внешностью.

— Значит, из Эсткарпа... Скажи мне, кто в Эсткарпе главный воин — ты?

— Нет, я Хранитель Границы. А маршал и сенешаль Эсткарпа — Корис с Горма.

— Корис с Горма? Что он за человек?

— Это могучий воин и верный друг, но это и тот, кто с детства оказался изгоем.

— Как случилось, что владыка Горма стал служить колдуньям?

— Корис никогда им не был. После того, как его отец умер, мачеха, желая объявить правителем собственного сына, призвала на помощь кольдеров, и ему пришлось бежать с Горма. Так он очутился в Эсткарпе. А теперь ему не нужен Горм, потому что под властью кольдеров Горм стал мертвым, да к тому же Корис никогда не знал там счастья.

— Вот как? Но почему? Хильдер, насколько мне известно, был справедливым владыкой...

— Быть может, только его последователи не давали Корису забыть, что он — чужой... — Саймон замялся, пытаясь найти нужные слова. Мать Кориса была родом из этой страны, и стоящая перед ними женщина могла оказаться сенешалю родней.

Она выручила его, задав вопрос совсем на другую тему.

— Эта девушка, с которой вас вместе задержали — кто она тебе?

— Мне она друг — мы не раз вместе были в бою. Но могу добавить, что помолвлена она с Корисом, который сейчас всюду ее разыскивает.

«Если родством сенешаля с людьми Тора можно как-то воспользоваться, это необходимо сделать хотя бы ради спасения Лоисы», — подумал Саймон.

— Говорят, она герцогиня Карстена, а Карстен враждует с колдуньями?

Похоже, что в Торовы Топи, несмотря на столь строгую изолированность от внешнего мира, проникают все его новости.

— Это длинная история...

— У нас есть время, — сказала она. — Я бы хотела ее послушать.

Определенно, это был приказ. Саймон, избегая лишних подробностей, начал с рассказа о брачном договоре, заключенном на топоре якобы в пользу Лоисы в стенах верленского замка, и постепенно перешел к последующим событиям. Но когда он поведал о кораблекрушении и о том, как Корис, он и еще двое спасшихся гвардейцев взобрались по береговым скалам наверх и оказались в склепе Вольта, где Корис принял из рук давно усопшего топор, женщина, внимательно слушавшая Саймона, остановила его и принялась расспрашивать обо всех мельчайших подробностях этого события.

— Так значит, он владеет Топором Вольта, — сказала она наконец. — Над этим стоит подумать...

Саймон был поражен — только что она была здесь, и вдруг исчезла. Он шагнул на то место, где мгновением раньше стояла женщина, все осмотрел, но не обнаружил ничего необычного — тот же каменный пол под ногами, как и всюду вокруг. Но женщина будто провалилась сквозь него.

Уж не наваждение ли это? Может быть, ему все только почудилось, и здесь вообще никого не было? Или он опять столкнулся с колдовством, но магия торов несколько иная, чем магия Эсткарпа? По крайней мере, очевидно, что она доступна не только женщинам — ведь молодой тор, которого Саймон увидел, очнувшись, исчез из комнаты тоже в мгновение ока. Однако, для него самого, не владеющего тайнами колдовства, эта комната оставалась, в буквальном смысле слова, тюремной камерой.

Саймон вернулся к ложу. На нем по-прежнему стоял поднос с тарелкой и чашкой, и во всяком случае, эти вещи были вполне реальны. Тем более он не ощущал ни голода, ни жажды, а это тоже не могло быть просто плодом воображения.

Итак, его взяли в плен, заточили в этой комнате, но накормили и пока ничем не угрожали. Оружие у него отобрали, однако, этого и следовало ожидать. Интересно, чего ждать дальше от этих обитателей болот, ведь они с Лоисой оказались в их владениях по воле случая. Саймон знал, что торы не терпят никакого проникновения на свою территорию. Но неужели они настолько фанатичны, что даже вынужденное появление на болотах расценят как опасное вторжение?

Да и для всех ли закрыты границы Торových Топей? Саймон вспомнил Альдис, сжимавшую обеими руками талисман кольдеров и погруженную в безмолвную мольбу о помощи. Кажется, она не сомневалась в том, что ее услышат, так не значит ли это, что кольдеры запустили свои щупальца и в страну торов?

Кольдеры. Колдуньи Эсткарпа распознают присутствие кольдеров по странной пустоте, с которой сталкивается их Сила. Но ведь Саймон тоже не раз чувствовал присутствие кольдеров, как угрозу некоего злого начала. Что, если и сейчас ему удастся это?

Саймон переставил поднос на стул, лег на спину, закрыл глаза и предоставил своим мыслям полную свободу. Он и прежде обладал даром предвидения, хотя этот дар проявлялся и кстати, и некстати, и на него нельзя было надеяться. Но Саймон был уверен, что за время пребывания в Эсткарпе эта его способность значительно развилась. Первой пришла в голову мысль о Джелите, и он ощутил знакомую боль. Джелита дважды чертила между ними знак Силы, и каждый раз он вспыхивал, что, вероятно, и позволило ей причислить Саймона к своим...

И хотя сейчас Саймон пытался уловить дух Кольдера, но его мысли снова и снова возвращались к

Джелите — она зримо являлась ему в памяти. Джелита, убегающая от ализонских охотников с их гончими псами... Джелита, одетая в кольчугу и шлем, спешащая в Сулькар... Джелита, спускающая на воду игрушечные кораблики, которые, немного погодя, превратились в мощную флотилию... Джелита, выдающая себя за предсказательницу, умеющую приготовить приворотное зелье. Он, находясь вдали, слышит ее зов о помощи и спешит на выручку. В какую жуткую мегеру преобразилась она тогда, чтобы выбраться из Карса!.. И, наконец, Джелита, снимающая с себя талисман, называющая ему свое имя... Никогда еще, ни с какой другой женщиной не испытывал Саймон такого потрясающего ощущения полного слияния двух душ... А потом... Потом было ее возбужденное, счастливое лицо, когда Джелите открылось, что она сохранила свой Дар... И она вдруг покинула его, исчезла так же внезапно, как это умеют делать торы.

Джелита! Саймон не произнес имени вслух, то был скорее крик души: Джелита!

— Саймон!

Резко открыв глаза, он уставился в темноту. Светящиеся пятна снова как попало расплзлись по стенам.

Нет, конечно, здесь никого нет, ему показалось... Тяжело дыша, он снова закрыл глаза.

— Джелита?

— Саймон, — уверенно отозвалась она в своей обычной манере.

— Ты где-то рядом?

— Нет, я далеко от тебя.

— И в то же время — здесь, — возразил он убежденно.

— Можно считать, что так оно и есть, ведь я — это ты. И все же — где ты, Саймон?

— Где-то среди болот, у торов.

— Да, я знаю, что там упала машина, на которой ты летел. Саймон, ты больше не подчиняешься Кольдеру.

— Пояс Фалька... бляшка на нем... они так устроили...

— Все верно, это позволило им некоторое время управлять тобой, но они не сумели полностью подчинить тебя своей воле — нам удалось вмешаться. По крайней мере, ты изменил курс и не улетел к ним. Торы нам, конечно, не союзники, но все же это — не кольдеры.

— Кольдеры проникли и сюда, — отозвался Саймон. — Альдис звала их на помощь, когда мы покидали машину.

— Вот как!

— Джелита! — Он испугался, что это ее последние слова.

— Я слышу... Но если кольдеры где-то рядом...

— Я как раз пытался это выяснить, когда вдруг услышал тебя.

— Даже так? Что ж, возможно, вдвоем нам удастся сделать это лучше? Попробуй сосредоточиться на Альдис, может быть, мы узнаем, что она намерена предпринять, и близко ли те, кого она зовет.

Саймон попытался представить себе Альдис — такой, какой видел ее в последний раз, когда закрывал поврежденную дверь самолета, однако, чувствовал, что не может вызвать в памяти ясного образа. Лишь на долю мгновения в его сознании возникла странная картина: Альдис сидит в кресле, напряженно подавшись вперед, и что-то быстро говорит в пустоту. Видение тут же исчезло.

— Это препятствуют кольдеры!.. — он снова услышал Джелиту. — Я думаю, они готовятся к вторжению. Саймон, выслушай меня внимательно. Колдуньи согласны, что во мне еще сохранились крупницы Силы, но они уверены, что со временем все это исчезнет, и потому мне больше нет места в Совете. Но я знаю другое: между тобой и мной существует нечто такое, чего я пока не могу понять. Все это время, что мы не виделись, я пыталась изучить природу Силы, которая вдруг открылась мне, и убедилась

лишь в одном — без тебя я не могу управлять ею; владеть этой Силой можно только вдвоем. По-видимому, эта Сила только потому и проявила себя, что мы оказались с тобой вместе, что стали словно единым целым... Иногда Сила бушует во мне так, что становится страшно. Но сейчас у нас нет времени, чтобы постичь ее. Кольдеры готовятся нанести удар, и может случиться так, что мы не успеем вызволить тебя из Торowych Топей...

— На мне больше нет талисмана кольдеров, но, вероятно, они все еще каким-то образом могут воздействовать на меня, — предупредил Саймон. — А если все так, как ты говоришь, они, наверное, через меня попытаются влиять и на тебя?

— Не знаю. Мне еще неизвестны возможности новой Силы, и подчас мне кажется, будто я голыми руками пытаюсь что-то вылепить из пламени. Но вдвоем мы бы смогли...

Контакт с Желитой пропал — еще внезапней, чем тот, который ему удалось установить, когда они хотели выяснить намерения Альдис.

— Желита! — мысленно позвал он, но ответа не последовало.

КОЛЬДЕРЫ

Саймон лежал, не двигаясь. Его тело вновь было сковано, лишено движения чьей-то волей. Так же неожиданно, как и в первый раз, появилась в комнате женщина, которая приносила ему еду. Она опять стояла у дальнего края ложа и смотрела на Саймона спокойным взглядом, в котором нельзя было распознать и намека на ее отношение к нему. Кто она — друг или враг? Или просто безучастный наблюдатель?

— Они явились, — сказала она, — явились на зов их женщины.

— Кольдеры? — Саймон обнаружил, что язык у него все-таки шевелится.

— Ходячие мертвецы, которые им служат, — уточнила она. — Послушай меня, воин Эсткарпа. Мы не в ссоре с колдуньями. Между нами нет ни вражды, ни дружбы. Мы жили здесь до того, как сюда пришли люди древней расы и построили Эс и другие мрачные замки. Мы пустили здесь корни с незапамятных времен, наши предки заселяли эти места еще в ту пору, когда человек был жалкой тварью, а никаким не хозяином. Мы потомки тех людей, которых некогда Вольт собрал вместе и отделил от других, чтобы учить своей мудрости.

И мы не хотим иметь дела ни с кем из живущих за пределами Тора. Вы же явились сюда и принесли войну, которая нас не касается. Чем быстрее ты покинешь нас, тем лучше.

— Но если вы ни с кем не хотите иметь дела, тогда почему же вы благоволите кольдерам? Они ведь стремятся властвовать надо всеми в этом мире, и я думаю — торы не исключение, — возразил Саймон.

— Мы не благоволим Кольдеру, но хотим только, чтобы нас оставили в покое, и чтобы никто не переступал кромку болот. Колдуньи нам ничем не грозят, это так, однако те, которых ты называешь кольдерами, дали понять, что с нами произойдет, если мы не передадим им тебя. А потому решено — ты покинешь нас...

— Но Эсткарп защитит вас от кольдеров, — начал было Саймон, и тут же осекся, увидев ее холодную улыбку.

— Ты так думаешь? Хотя между нами и нет войны, но люди Эсткарпа боятся болот, где вершатся древние таинства и случаются странные истории. Станут ли они сражаться, чтобы защитить нас? Вряд ли. К тому же, у Эсткарпа сейчас и так недостает людей.

— Это почему же? — не удержался Саймон.

— Ализон начал войну, и Эсткарп бросил все свои силы на защиту северных границ. Словом, мы заключили сделку, более выгодную для нас.

— И я должен быть передан кольдерам. — Саймон старался, чтобы его голос звучал ровно. — А как насчет Лоисы? Ее тоже отдадут в руки врага — самого коварного из всех, каких знал этот мир?

— Самого коварного? — повторила женщина. — О-о! Память свидетельствует о том, как много было племен, достигших расцвета и затем исчезнувших. И в каждую из эпох тому или иному племени противостоял могучий враг, которого нужно было победить или которому следовало подчиниться. Что же касается девушки, то мы должны отдать и ее.

— Но она невеста Кориса! А что это значит, я думаю, здесь должны понимать. Могу, кстати, добавить — я сам был свидетелем того, как дорого заплатили Корису за возлюбленную и Верлен, и Карс. Поверьте, никакие болота не остановят того, кто крепко держит в руках Топор Вольта.

— Тем не менее, сделка заключена, — произнесла она холодно и вдруг нарисовала в воздухе рукой какой-то символ.

— Ты говоришь, этот Корис явится сюда мстить? — спросила она. — Так дорога ему эта бледная девушка?

— Для него нет никого дороже. И всякого, кто причинит ей зло, ожидает кара.

— Вот как? Но ему сейчас, кажется, не до нее. Он должен сдерживать натиск Алисона. Пройдет много дней, прежде чем у Кориса появится время подумать о чем-то другом. А может случиться и так, что он найдет окончательный ответ на все свои вопросы среди приграничных холмов.

— Все же я обещаю тебе, госпожа, что Топор Вольта сверкнет на болотах Тора, если ты сделаешь то, о чем говоришь.

— Если это сделаю я? Но я вообще не могу влиять на сделки такого рода.

— Неужели? — удивился Саймон. — А мне показалось, что с тобой здесь считаются.

Она долго молчала, пристально глядя на него.

— Раньше считались. А теперь я не имею права голоса ни на одном Совете. Я не желаю тебе зла, гвардеец, и надеюсь, ты тоже не держишь зла ни на меня, ни на кого-либо из нас. Когда мы не можем бороться, мы вынуждены подчиняться. Но я окажу тебе услугу, поскольку девушке покровительствует тот, кто был когда-то правителем Горма. Я отправлю сообщение в Эс, чтобы там знали, куда вы отсюда исчезли и почему. Сделать для вас большего не могу — я связана клятвой.

— Кольдеры прибыли сюда, чтобы забрать нас, — осторожно начал Саймон. — Каким образом?

— Они прибыли на корабле...

— Но ведь Торовы Топи не связаны с морем никакой рекой!

— Обычной рекой, — поправила она. — Вода болот уходит в подземную реку. Они нашли ее и уже не раз являлись к нам этим путем.

Подводная лодка, подземная река... Саймону было над чем подумать. Даже если обещанное послание придет в Эс без задержки, и там снарядят спасательный отряд, их с Лоисой все равно никогда не найдут.

— Если ты, госпожа, и впрямь хочешь нам помочь, отправь сообщение не в совет Эскарпа, но госпоже Джелите, — попросил Саймон.

— Она твоя жена, а значит, уже не колдунья, и не сможет помочь тебе. — Женщина испытующе взглянула Саймону в глаза.

— Тем не менее, желательно, чтобы это известие получила именно она.

— Хорошо, я обещала, и — будь по-твоему. За тобой пришли, Хранитель Границы. Если ты переживешь плен, не забывай, что Тор — древняя страна, и ее нельзя так просто обратить в прах.

— Лучше бы сказать об этом тому, у кого в руках подарок Вольта. Я не уверен, что смогу вырваться из плена, но Корис в отличие от меня свободен. Свободен и полон ненависти...

— Так пусть он направит свою ненависть на северного врага и явит дар Вольта Алисону. Странно, Хранитель Границы, ты говоришь так, как будто покоришься судьбе, но я не могу поверить в это. Ну что ж... — Она начертала какой-то знак в воздухе. — Путь открыт, ты должен идти.

То, что произошло мгновением позже, не поддавалось осмыслению: он только что находился в помещении, где не было ни дверей, ни окон, и вдруг очутился на берегу какого-то озерца с мутной и темной водой.

Неподалеку послышалось какое-то бормотание, Саймон оглянулся и увидел позади себя толпу торов. Мужчины и женщины, вышедшие на берег, держались поодаль от их группы, в которую входило пять человек.

Рядом с ним стояли торжествующая Альдис и Лоиса, напротив, вся скованная. Здесь же находилось двое торов, и, судя по внешности, явно какой-то иноземец.

Но это был не кольдер, или, во всяком случае, не такой, каких довелось Саймону видеть на Горме. Среднего роста, круглолицый и смуглокожий, он был одет в плотно облегающий тело серый комбинезон, похожий на те, которые Саймон уже видел. На голове человека не было ни серой шапочки, ни шлема с

проводами, и только серебристый диск обручем охватывал ее на уровне висков. Никакого оружия Саймон тоже не заметил, однако на сером комбинезоне красовался все тот же сложный узел из зеленоватого металла, какой был на груди у Альдис.

Торы забормотали громче, и Саймон подумал: «А было ли решение выдать нас кольдерам согласовано с большинством? Что, если он сейчас обратится к торам?» Но в этот момент один из торов, стоявший рядом с Альдис, взмахнул рукой, и раздался мелодичный звон колокольчиков, которые были нашиты вдоль рукава его куртки. Тор опустил руку, и толпа позади них притихла.

В напряженной тишине, нависшей над берегом, было отчетливо слышно, как лопаются пузыри, рожденные каким-то движением в темных водах озера. И вскоре из его мрачных глубин показалась, вся в потеках грязи, подводная лодка. Ее борта были изрыты глубокими царапинами, которые свидетельствовали о том, что плавание под землей — отнюдь не развлечение. Субмарина бесшумно приблизилась к берегу, еще через минуту открылся люк, и из него выдвинулся трап.

Альдис первой ступила на него, радостно улыбаясь. За ней одеревенелой походкой проследовала Лоиса, будто карстенка тащила ее за собой на веревочке. Следующим шел Саймон, и тело тоже не слушалось его, только мозг лихорадочно работал, словно протестуя против насилия.

Он шагнул вперед, подчиняясь чужой воле, лишившей его способности сопротивляться, ухватился за поручни трапа, спустился вниз и следом за Лоисой прошел в небольшое и совершенно пустое помещение. За ними медленно закрылась дверь, и только после этого Саймон почувствовал, что опять может двигаться свободно, а не по чьему-то принуждению.

У Лоисы подкосились ноги, но он успел подхватить ее и усадил на металлический пол, а затем почти сразу почувствовал под ногами сильнейшую вибрацию — подводный корабль отправлялся в путь.

— Саймон, — тяжело дыша промолвила Лоиса, — куда они нас везут?

Он решил сказать ей правду, пусть уж лучше будет готова к тому, что их ждет.

— Туда, — сказал он, — где мы намеревались побывать при других обстоятельствах. Думаю, что конечный пункт путешествия — база кольдеров.

— Да это же где-то далеко за морем...

— В том-то и дело. — Саймон откинулся спиной на переборку и задумался. И так, они безоружны. Более того — подвластны кольдерам, которые управляют каждым их движением. Неужели они обречены и нет никакой возможности спастись?

— Никто не узнает, где мы... И Корис тоже... — промолвила Лоиса, думая о своем.

— У Кориса сейчас забот по горло и кроме нас, — заметил Саймон. — Они, видишь ли, обо всем позаботились. — Он в нескольких словах рассказал Лоисе о нападении Алисона.

— Кольдеры вознамерились натравить на Эсткарп всех соседей, чтобы мелкими изнуряющими войнами ослабить страну.

— Обычная их тактика, — вставила Лоиса. — Пусть дерутся другие, а мы побудем в стороне.

— И относительно нас с тобой у них свои планы, — добавил Саймон.

— Что?!

— По праву замужества ты теперь герцогиня Карстена, а потому — фигура, достойная внимания в их хитрой игре. А я — Хранитель Границы, и меня они могут использовать как заложника, или... — У него не хватило духу высказать более логичное предположение.

— Или рассчитывают сделать из тебя кольдера, чтобы ты служил их целям в Эсткарпе, — договорила Лоиса. — Но знаешь, Саймон, у нас все-таки остается один способ не допустить этого: мы можем покончить с собой...

Саймон вздрогнул.

— Только в крайнем случае, — помедлив, ответил он и опять задумался.

База кольдеров... Они давно хотели узнать о ее местонахождении, так как все понимали, что сколько ни отсекай щупальца чудовища, пока цела голова — покоя не будет никому. Но мир велик, а в Эсткарпе не имели представления даже о том, в каком направлении искать гнездо чужеродцев. Кольдеры пользовались подводными кораблями, и поэтому сулькарцам никак не удавалось выследить их.

Но, допустим, ему удастся проследить курс субмарины, допустим — получится... Хотя наверняка часть кораблей сулькарцев брошена сейчас к побережью Алисона, где внезапными набегами, тактика которых давно отработана, изматывает силы противника. Впрочем, для того, что он задумал, и не требуется весь флот. Если несколько кораблей выйдут в море по курсу подводной лодки и доберутся до базы кольдеров, то их боевые команды смогут навязать врагу, в его же крепости, отвлекающий бой и тем самым сковать действия противника до тех пор, пока Эсткарп не подтянет туда свои ударные силы.

— У тебя появился какой-то план? — спросила Лоиса, затаив дыхание.

— Не то, чтобы план, — пробормотал он, — задумка только. Но понимаешь...

В этом-то «но» и заключалась вся сложность — необходимо было проследить курс подводного корабля. Если бы ему удалось достичь такого же мысленного контакта, как тот, неожиданно возникший между ним и Джелитой, когда он находился в поселении торов! Не разделит ли их безнадежно какой-нибудь барьер, которыми кольдеры научились окружать себя для защиты от колдовства Эсткарпа?

— Слушай... — Саймон начал излагать свой замысел, скорее для того, чтобы поразмышлять вслух. Лоиса с горячностью схватила его за руку.

— Прошу тебя, попробуй побыстрее связаться с Джелитой, пока нас не увезли слишком далеко! Попробуй прямо сейчас!

Она была права — нужно поторопиться. Саймон закрыл глаза, откинул голову назад и сосредоточил мысли на Джелите. У него не было ни малейшего понятия, как ему выйти на контакт с нею, и он, полагаясь только на волю и воображение, постарался представить Джелиту рядом с собой.

— Я слышу тебя, — отозвалась она.

У Саймона сильно забилося сердце.

— Нас... увозят на корабле кольдеров... Должно быть, на их базу... Ты можешь последовать за нами?

Но получить ответа он не успел, поскольку в эту минуту корабль сильно тряхнуло, затем накренило, и Саймона потащило по полу вдоль переборки, а Лоису швырнуло на него сверху. Двигатели работали так, что лодку трясло, как в лихорадке.

— Что это? — испуганно прошептала Лоиса.

Последовал толчок, еще один, усилилась вибрация корпуса, и Саймон догадался — что-то удерживает подводный корабль на месте. Ему сразу вспомнились страшные борозды на обшивке лодки, которые он заметил, когда она всплыла на поверхность еще там, на болоте. Похоже, плавание по подземной реке и в самом деле не самый комфортабельный вид путешествия. Должно быть, судно уткнулось носом в берег и застряло. Саймон высказал это предположение Лоисе.

— И что же, мы здесь останемся навсегда?! — она широко раскрыла глаза.

— Я думаю, капитан субмарины должен иметь опыт в подобных переделках, — успокоил он ее. — Кольдерам не впервой идти этим путем, во всяком случае, так мне сказали в поселении торов. «Но любая катастрофа всегда бывает в первый раз», — добавил Саймон мысленно. Он поймал себя на том, что напрягает свою волю в ритм раскачивания лодки, как бы побуждая ее сдвинуться с места. Вот так история! Выходит, он сейчас заодно с кольдерами!.. Они, должно быть, включили двигатели на задний ход и пытаются вытащить корабль из ловушки. Лодку бросало из стороны в сторону, и пленники летали из угла в угол по гладкому полу каюты.

Наконец, после очередного сильного толчка жуткая вибрация прекратилась, и они услышали ровное гудение двигателей: корабль снова лег на курс.

— Интересно, далеко ли мы от моря?

Саймон тоже думал об этом. Он не знал, где сейчас Джелита, и сколько времени понадобится ей, чтобы найти в Эсе подходящий для погони корабль. Конечно, ей необходимо будет и самой находиться на борту, чтобы, поддерживая мысленный контакт с ним, давать судну нужный курс. Но если кольдеры обнаружат одинокий корабль, плывущий следом за их подводной лодкой, они, с их мощным оружием, в два счета разделаются с суденышком сулькарцев. Было безрассудством подстрекать Джелиту на то, чтобы она последовала за ним. Он не будет больше искать контакта с ней — пусть думает, что у него это не получается.

Но едва он принял это решение, как услышал Джелиту.

— Это не безумие, Саймон. Мы ведь еще не знаем пределов той силы, которой наделены в нашем единстве. Помни, я следую за тобой! Главное — найти их паучье гнездо, а уж там мы его очистим!

ТА, КОТОРАЯ НЕ ЖДЕТ

Комната была длинной и темной — лишь через приоткрытые ставни окна в нее проникал скудный солнечный свет, отраженный от беспокойной поверхности моря. В душе женщины, сидящей у стола, тоже было беспокойно, как и на море, хотя внешне это никак не проявлялось. Она была в кожаных штанах и такой же рубашке, поверх которой поблескивала кольчуга. На столе, у правой руки женщины, лежал шлем и рядом стояла высокая клетка, в которой сидел на жердочке белый сокол, такой же настороженный, как и его хозяйка. Пальцы женщины крутили небольшой свиток из бересты.

Колдунья? Взгляд капитана сулькарского рейдера остановился на женщине, едва он переступил порог. В порту его разыскал какой-то воин и попросил прийти в эту таверну, но зачем — не сказал.

Он присмотрелся к женщине внимательнее и решил, что она все же не колдунья, поскольку у нее нет Камня Силы. Он отдал ей честь, чуть сократив жест, как если бы приветствовал своего собрата.

— Котий Стимир. Пожаловал по твоему вызову, Мудрейшая. — Моряк умышленно обратился так, чтобы увидеть ее реакцию.

— Я — Джелита Трегарт, — отозвалась она, ничего больше не добавив. — Мне известно, капитан, что ты собираешься выйти в патрульное плавание.

— В рейдерское плавание, госпожа, — поправил он. — К берегам Алисона.

Сокол передвинулся по жердочке, глядя блестящими глазами на моряка, и у капитана возникло ощущение, что птице не менее интересно знать, что он скажет, чем ее хозяйке.

— В рейдерское... — повторила Джелита. — Я приехала сюда, капитан, чтобы предложить тебе кое-что другое. И хочу предупредить сразу — это не принесет тебе выгоды, но только подвергнет опасности и гораздо большей, нежели набег на Ализон.

Джелита разглядывала морехода. Как и большинство сулькарцев, он был высокого роста, широк в плечах и светловолос. Его уверенная манера держаться говорила о том, что он, несмотря на свою молодость, познал удачу и верит, что она будет сопутствовать ему и дальше. Джелита спешила, но ее выбор не был случайным. То, что она услышала о Стимире в порту, заставило ее предпочесть его всем другим капитанам, корабли которых стояли сейчас на рейде в устье реки Эс.

Чем отличались сулькарцы, так это тягой к приключениям и пренебрежительным отношением к любым опасностям. Жажда приключений пересиливала в них порой стремление к собственной выгоде и богатой добыче. В силу этой склонности многие сулькарцы становились первопроходцами и открывателями дальних морей, и именно на это рассчитывала Джелита, решив обратиться к Сtimiру за помощью.

— Что же ты хочешь предложить, госпожа?

— Помоги мне найти базу кольдеров, — сказала она напрямик. Нехватка времени заставляла говорить без обиняков.

Он посмотрел на нее долгим взглядом, затем пробормотал:

— Уже несколько лет мы пытаемся найти ее, госпожа. Вы же говорите так уверенно, будто у вас есть карта, где нанесена эта база.

— У меня нет карты, и все же я знаю, как ее найти. Но все дело во времени, а его осталось очень, очень мало.

«Не мешало бы подумать и о расстоянии», — упрекнула она себя мысленно. Что, если Саймон окажется слишком далеко, и она не сможет из-за этого установить с ним контакт?

Она по-прежнему крутила в пальцах берестовый свиток, присланный из Тора — это послание дало ей возможность говорить с Верховной Владычицей так, как она считала нужным.

Ее скрытое беспокойство, должно быть, передалось птице. Сокол расправил крылья и резко крикнул.

— Я вижу, госпожа, ты уверена в своих силах, — сказал Стимир уступчиво. — Вот только... — Он опустил глаза и поводил пальцем по кромке стола... — Вот только...

Когда он снова встретился взглядом с Джелитой, она заметила в нем настороженность.

— Ходят слухи, госпожа, что кольдеры повреждают людям разум и засылают к нам обратно наших бывших друзей, чтобы и других завлечь в свою ловушку.

Джелита кивнула.

— Да, все верно, капитан, и хорошо, что ты помнишь об этой опасности. Но я принадлежу к древней расе, и была колдуньей. Ты должен знать, что зараза кольдеров не поражает подобных мне.

— Была колдуньей?.. — переспросил моряк, ожидая, по-видимому, объяснений.

— Тебе хотелось бы знать, капитан, почему — была? — Она заставила себя ответить ему, потому что вопрос задел ее за живое. — Дело в том, что теперь я жена Хранителя Границы. Приходилось ли тебе, капитан, слышать о чужестранце, который возглавлял штурм Сиппара, о Саймоне Трегарте?

— Как же, как же! — возбужденно ответил Стимир. — О нем знают многие. Так значит, ты, госпожа, была в Сулькаре, когда там произошла последняя битва? Ты воевала с кольдерами и хорошо знаешь их повадки? Говори, госпожа, что нужно делать.

Джелита коротко пересказала ему то, что продумала заранее. Капитан Стимир был поражен.

— И ты считаешь, госпожа, что все это выполнимо?

— Я сама отправлюсь с вами и готова ответить за свои слова.

— Найти логово Кольдера и привести туда флот!.. Такой подвиг достоин того, чтобы о нем сложили песни... Но будет ли флот?

— Непременно. Однако отслеживать кольдеров должен только один корабль. Мы не знаем, каким оружием оснащен их подводный корабль, не знаем и того, как быстро они могут обнаружить погоню. Возможно, если кольдеры заметят одиночный корабль, к тому же, достаточно далеко от себя, то это не вызовет у них особых подозрений. Другое дело — целый флот, его они наверняка в свое логово не поведут.

— Я с этим полностью согласен, госпожа, — кивнул моряк. — Но как мы вызовем флотилию, если даже найдем базу?

— А вот как. — Джелита коснулась рукой клетки. — Эта птица возвращается к хозяину, куда бы ее ни увезли. С ней можно переслать любую весть. Я уже договорилась с теми, кто командует флотом. Корабли будут ждать наготове в море, и как только птица принесет весть, они направятся к базе кольдеров. Однако, теперь все зависит от времени. Если подводный корабль выйдет в море намного раньше нас, я не уверена, что смогу установить контакт с мужем.

— Эта река, вытекающая из Торových Топей... — задумчиво проговорил капитан. Было ясно, что он пытается представить себе карту побережья. — Должно быть, это Энкер, у нас на севере. Направляясь якобы к Ализону, мы могли бы достичь этого места, не вызывая лишнего интереса.

— Как скоро мы можем отплыть?

— Хоть сейчас, госпожа. Припасы на борту, команда в полном составе — мы собирались идти на Ализон.

— Наш рейс может оказаться более долгим, чем тот, к которому вы готовились. Я думаю, ваши запасы — для каботажного плавания, и они невелики.

— Да, это верно. Но на рейде сейчас стоит «Невеста», корабль только что пришел с юга, на нем продовольствие для армии. Если у вас есть полномочия, мы могли бы взять с него часть груза, чтобы пополнить наши запасы. Это не займет много времени.

— У меня есть такие полномочия. Давайте действовать.

Колдуньи, быть может, и не верили, что Джелита сохранила свои колдовские способности, но пока не отказывали ей в помощи. Как бы там ни было, Джелита доказала им — кое на что она еще способна: ведь смогла же она с помощью ястреба сбить Саймона с пути, когда он летел на самолете, подчиненный воле кольдеров. Злой дух кольдеров сгинет, лишь когда будет поражен в самое сердце. И если она и Саймон найдут это сердце, колдуньи обеспечат им полную поддержку.

Капитан Стимир не бросал слов на ветер. Еще задолго до наступления сумерек его «Волнорез» направился к чернеющему на горизонте Горму, чтобы, миновав его, выйти в открытое море. А Джелита скоро убедилась, что не ошиблась, выбрав из четырех кораблей, стоявших в гавани, небольшое, зато быстроходное судно Сtimiра.

— Похоже, капитан, тебя манят далекие моря, — заметила Джелита, стоя рядом с ним у румпеля.

— Да, госпожа. Я давно собирался отправиться подальше на север. Но тут разразилась война с кольдерами... Раз мне довелось побывать в одной северной деревушке... Станные там живут люди: низкорослые и смуглолицые. Говорят — не разберешь как, будто языком щелкают. Но уж какие меха я видел у них на обмен: серебристые, с длинным ворсом и удивительно мягкие. Когда мы порасспросили местных, откуда такой замечательный товар, они кое-как объяснили, что его привозят раз в год люди, живущие еще севернее, чем они. Посмотрите-ка, эти северяне поставляют не только меха..

Он снял с запястья браслет и протянул его Джелите. Она покрутила браслет в руках, внимательно рассматривая, и отметила, что сделан он из золота, но металл был светлее обычного. Вообще, все говорило о том, что изделие старинное: резной узор браслета был сильно затерт, но весьма изысканный рисунок еще сохранился, и глядя на него, Джелита не сомневалась, что в руках у нее предмет, принадлежащий какой-то развитой цивилизации, только вот какой — она не знала.

— Я выторговал эту вещицу два года назад в той деревеньке. И мне смогли объяснить лишь одно — что ее привезли дикие люди с севера. — Стимир коснулся пальцем двух мест на браслете. — Вот звезды, почти стерлись, но видны. Точно такие же встречаются на старинных изделиях моих предков.

— Ты хочешь сказать, что кто-то из твоего народа несколько веков назад ушел в те края?

— Может так, а может — иначе. В наших песнях поется о холодной снежной стране, где люди сражались с чудовищами, рожденными тьмой.

Джелита вдруг подумала о том, как появился в Эсткарге Саймон, и как проникло в этот мир зло, имя которому — кольдеры. А эти сулькарцы, всегда беспокойные, избравшие своим домом море, без страха целыми семьями уходящие в плавание, — не явились ли и они в этот мир через какие-нибудь ворота, которые теперь вновь пытаются отыскать, движимые смутной тоской? Она вернула Сtimiру браслет.

— Поиск вечных ценностей, капитан? Пусть судьба дарует нам долгие годы, чтобы утолить жажду наших сердец...

— Прекрасно сказано, госпожа... Должен заметить, что мы приближаемся к устью Энкера. Не пора ли начинать охоту за подводным кораблем?

— Да, конечно.

Она направилась вниз, в маленькую каюту, предоставленную в ее распоряжение, и легла на койку. Было душно, кольчуга сковывала дыхание, и, несмотря на это, Джелита уже отрешилась от всего. Она старалась вызвать в сознании устойчивый образ Саймона, но это почему-то не удавалось: Джелита видела его то одним, то другим и никак не могла сосредоточиться.

Отклика не было... Джелита растерялась, так как рассчитывала, что сможет установить контакт с Саймоном в любую минуту. Она открыла глаза и уставилась в переборку каюты. «Волнорез» быстро шел вперед, мерно раскачиваясь с носа на корму, и Джелите подумалось, что, может быть, это движение мешает ей сосредоточиться?

— Саймон! — она настойчиво продолжала взывать к нему. Много лет, осваивая искусство колдовства, Джелита пользовалась камнем, который помогал направить дарованную ей Силу. Неужели, лишившись талисмана, она уже ни на что не способна?

Как она поверила в себя в то утро, когда услышала зов Лоисы! Движимая желанием вернуться к Наделенным Силой, она отправилась в Эс — и натолкнулась на глухую стену непонимания. Но это не сломило ее, и Джелита, отринутая колдуньями, начала сама осваивать Дар, который ей открылся. Как только ей стало известно, что Саймон ведет себя непонятным образом, она догадалась, что он попал под власть кольдеров, и решила прибегнуть к помощи этой своей новой Силы, несмотря на то, что еще недостаточно изучила ее. И получилось же! Самолет, которым управлял Саймон, сошел с начального курса вопреки воле кольдеров и упал где-то в Торовых Топях. Потом она не раз пыталась вызвать эту Силу вновь, но безуспешно. Неужели колдуны были правы, уверяя ее, что это всего лишь отголосок прежних способностей, которые скоро покинут ее навсегда?

Саймон. Джелита снова подумала о нем, уже просто так, не концентрируя воли, и незаметно перешла к размышлениям о себе самой. Она рассталась с колдовством ради того, чтобы стать Саймону женой, и тогда ей казалось, будто в их супружестве — высший смысл бытия. Так почему же она, снова почувствовав в себе Силу, покинула Саймона? Почему помчалась в Эс к Верховной Владычице, чтобы заявить, что, даже став замужней женщиной, она все еще сохранила колдовской Дар? А когда ей не поверили, она вообще заставила себя забыть о муже, и думала только о том, как доказать колдуньям, что они неправы, будто Саймон для нее больше ничего не значил. Неужели — только Сила, только — Дар, везде и всюду и превыше всего. А то, что пробудил в ней Саймон, оказалось лишь мимолетной тенью, каким-то необычным переживанием, заставившим ее отречься на время от строгого образа жизни, но не задевшим ее слишком глубоко?..

Джелите стало страшно. Она опять попыталась представить себе Саймона: вот он стоит с высоко поднятой головой; суровое лицо, так редко озаряемое улыбкой; глаза... в них столько тепла...

Она мотнула головой на жесткой подушке. Что сейчас двигало ею? Боязнь потерять Саймона или искушение проверить свою колдовскую Силу?

— Саймон! — Это был не просто зов, но крик, полный отчаяния, душевной боли и страха.

— Джелита... — слабо, едва уловимо, откликнулся он, и все же у нее сразу отлегло от души.

— Я следую за тобой, — произнесла она мысленно.

— Не могу сказать, где мы сейчас, — ответил Саймон. — Кое-как удастся поддерживать контакт с тобой...

В этом и была вся сложность: неустойчивая связь между ними вот-вот могла прерваться. Если бы ее можно было как-то усилить... В колдовстве для усиления часто использовали эффект общего желания. Но ведь сейчас их только двое, и... Почему двое, где-то там, рядом с Саймоном — Лоиса, а значит нужно сделать все, чтобы она мыслью присоединилась к ним. Получится ли? Наследница Верлена была совсем лишена колдовских способностей, она не могла освоить простейших приемов, которым пыталась обучить ее Джелита.

Однако, в Карсе Лоиса подвергалась перевоплощению, и это говорило о том, что она все-таки поддается действию Силы и может, по крайней мере, воспринять ее и откликнуться.

Ничего не ответив Саймону, Джелита направила волю на то, чтобы создать в воображении зримый образ Лоисы — какой она видела ее несколько недель назад в Эсе. Ей удалось это, и она позвала:

— Лоиса!

Перед ее глазами возникла на мгновение странная картина: стена, часть пола и на нем — сгорбившийся человек... Саймон! Она увидела его глазами Лоисы!

Нет, Джелите нужно было совсем другое. Что толку от этого одностороннего контакта, ведь сейчас необходимо усилить связь, а не просто установить наблюдение. Джелита снова попыталась позвать Лоису, и на этот раз, уловив слабый отклик, продолжала все настойчивей взывать к ней, пока не почувствовала, что контакт закрепился. Теперь Саймон...

Так, обращаясь попеременно то к ней, то к Саймону, Джелита добивалась все более устойчивой связи с ними, и вскоре смогла определить то, что было сейчас самым важным — направление, в котором находились они относительно их корабля.

Джелита выбралась из каюты и, держась за поручни, поднялась на палубу. Корабль шел вперед на всех парусах, легко рассекая взывавшиеся волны. Небо было мрачным, и только у самого горизонта его озаряли еще красные отсветы зашедшего солнца.

Ветер трепал Джелите волосы, швырял брызги в лицо, и у нее сбилось дыхание, пока она добралась до кормы, где двое рулевых удерживали судно на курсе, а капитан Стимир стоял рядом с ними, наблюдая за непогодой.

— Наш курс... — Корабль неожиданно завалился на борт, и Джелита чуть не упала, но, вцепившись в плечо капитана, удержалась на ногах. — Нам нужно плыть туда...

Она была уверена в правильности направления и могла задать его с точностью до половины румба. Стимир испытующе посмотрел на нее, будто ждал, что она еще что-то добавит, а затем кивнул и отдал необходимые распоряжения.

«Волнорез» начал быстро разворачиваться влево, ложась на нужный курс. Взяв поправку на волну и ветер, капитан уводил корабль от темной полосы берега в открытое море. Где-то под всей этой толщей воды шла подводная лодка, и Джелита знала, что до тех пор, пока она сможет поддерживать связь с Лоисой и Саймоном — их корабль не собьется с курса.

Соленые брызги окатывали ее с ног до головы, но она не уходила с палубы. Тяжелые тучи закрыли последние отсветы заката. Давно исчезла за кормой полоска берега. Джелита ничего не знала о море и беспокоилась о том, что буйство ветра и волн заставит их изменить направление, и тогда они потеряют след подводной лодки. Стараясь перекричать рев ветра, она поделилась этими опасениями с капитаном.

— Да, начинается шторм, — прокричал он в ответ. — Нам приходилось бывать и не в таких переделках, но с курса мы не сбивались! В том, что не раз проверено, можно не сомневаться. Не волнуйтесь, госпожа.

Но Джелита не могла заставить себя спуститься вниз. В быстро густеющих сумерках она продолжала стоять на палубе, надеясь почувствовать то, что нельзя ни увидеть, ни услышать.

ГНЕЗДО КОЛЬДЕРОВ

В тесной камере подводного корабля терялось ощущение времени. Саймон лежал на узкой откидной койке, но мозг его оставался настроенным на контакт с Джелитой и Лоисой, которая находилась сейчас в каком-то другом отсеке.

Он так и не видел тех, чьим пленником оказался. Вскоре после отплытия к ним пожаловала Альдис и увела Лоису. Саймон еще раз обследовал каюту и обнаружил кое-какие «удобства»: койку, которая откидывалась от стены, и выдвижной ящик в другой стене, в котором время от времени появлялась еда.

Меню не отличалось разнообразием. Всякий раз он находил в ящике безвкусные галеты и банку какой-то жидкости; того и другого ровно столько, чтобы слегка утолить голод и жажду. Кроме этого пайка, который выдавали, вероятно, в определенные часы, ничто больше не напоминало о течении времени. Саймону удалось немного поспать, пока Лоиса поддерживала связь с Джелитой. Он знал, что Лоиса находится сейчас в каюте Альдис, но надеялся, что та оставит девушку в покое, обманутая ее внешним безразличием ко всему.

Пищу давали уже восьмой раз, и хотя Саймон вел этот счет, он по-прежнему не знал, сколько часов или дней провел в неизменно светящихся стенах каюты. Возможно, его кормили дважды в день, а может быть, только раз — он не имел об этом ни малейшего понятия. Для него мучительнее всего было бесконечное ожидание: Саймон, как человек действия, и всегда-то переносил его с трудом. Однажды ему уже довелось испытать такую муку, когда он, еще в прежнем мире, год сидел в тюрьме. Но тогда он знал, что отбывает наказание за чужие грехи, и время, по крайней мере, уходило на обдумывание планов мести тем, из-за кого он оказался в неволе.

А сейчас его ждала впереди полная неизвестность. Он, можно сказать, даже ничего не знал о враге, ведь вся информация, которую он имел — всего лишь какой-то фрагмент из памяти главаря кольдеров на Горме, фрагмент, странным образом передавшийся ему, когда противник дергался в предсмертной агонии. Кольдеры бегут, отстреливаются, они намерены покинуть свой мир, где почему-то не могут больше существовать. Вот и все, что он увидел тогда...

Так же, как и он, кольдеры нашли свои Ворота и проникли через них в этот мир, где цивилизация древней расы переживала упадок, а ее люди избрали своим последним пристанищем Эсткарп. По соседству с древней страной обосновались Ализон и Карстен, которые потеснили древнюю расу, но в силу суеверного страха перед колдуньями не смели идти на них войной — пока не объявились кольдеры.

И если с кольдерами не будет покончено, Ализон и Карстен ждет участь Горма: рано или поздно их жителей превратят в одержимых. Кольдеры уже и сейчас, используя страх этих людей перед колдовством Эсткарпа, направляют их действия, разжигая вражду и ненависть, уже сейчас восполняют нехватку живой силы за их счет.

Кто же они — кольдеры? Их цивилизация имела развитую технологию и основывалась на науке — об этом свидетельствовало все, что Саймон видел на Горме. А судя по тому, что их войско состояло только из людей этого мира, которых они, взяв в плен, превращали в одержимых, самих кольдеров было здесь не так уж много. И теперь, когда они лишились Горма и покинули Иль...

Покинули Иль?.. Саймон невольно открыл глаза — откуда ему это известно? Почему он так уверен, что единственный оплот кольдеров на побережье ими оставлен? Непонятно, каким образом, но он знал об этом наверняка.

Тогда что же — кольдеры стягивают сейчас все силы для защиты своей базы? На Горме было найдено пять мертвых кольдеров, и все они погибли не от меча; глядя на них, можно было подумать, что каждый прервал свою жизнь волевым усилием. Но ведь их было всего пятеро. Неужели потеря пятерых нанесла такой ущерб кольдерам, что они решили стянуть все силы в одно место?

Сотни одержимых нашли смерть на Горме. Кроме этих воинов, бездумно выполняющих любой

приказ, кольдеры имеют не менее опасных слуг, вроде Фалька и Альдис, которые отнюдь не лишены рассудка, но при этом полностью подвластны воле хозяев. И только никого из людей древней расы кольдеры не могут заставить служить себе. Но если их невозможно подчинить, их нужно уничтожить!

Саймон снова подивился столь категоричному выводу и подумал о том, что это скорее даже не его мысль, а утверждение, словно услышанное им из уст кольдера.

Услышанное? А в самом-то деле, нет ли между кольдерами особой формы общения, подобной той, которая связывала его сейчас с Джелитой и Лоисой? Эта мысль потрясла Саймона, и он поспешил нащупать контакт с Джелитой, чтобы предупредить ее о возможной опасности.

— Связь со мной прерви, — ответила она. — Курс подводного корабля мы уже знаем. Вызывай меня только в крайнем случае!

Ее последние слова эхом звучали в его мозгу до тех пор, пока он не обратил внимание на то, что вибрация от двигателей, с которой он уже свыкся, стала намного слабей, будто скорость лодки уменьшилась. Не прибыла ли она в место назначения?

Саймон сел на койке лицом к двери. Конечно, при нем нет оружия, но он имеет кое-какой опыт рукопашного боя. Только вряд ли кольдеры будут драться с ним один на один, скорей уж опять просто-напросто лишат его возможности двигаться.

И он оказался прав. Стоило открыться двери, как он сразу почувствовал, что тело неподвластно ему. Ведомый вновь чьей-то силой, он вышел в узкий коридор.

Там стояли двое. Взглянув им в глаза, Саймон содрогнулся: это были одержимые — мертвецы во плоти, лишенные души роботы, рабочая сила кольдеров. Один из них, светловолосый и статный, похож был на сулькарца, а другой принадлежал к той желтокожей расе, что и офицер, забравший Саймона на борт.

Они не дотронулись до Саймона, молча стояли и ждали, когда он выйдет, устремив на него безжизненные взгляды. Затем один повернулся и пошел по коридору, другой посторонился, пропуская Саймона вперед, и двинулся вслед за ним. Так, конвоируемый ими, он поднялся по трапу и оказался на палубе подводной лодки.

Над ними возвышался гранитный свод; судно медленно приближалось к каменному пирсу. Эта гавань была устроена точно так же, как и та, которую он видел под цитаделью Сиппара. По-прежнему управляемый чужой волей, Саймон спустился на берег по узкому трапу.

По причалу сновали полуголые рабы — они молча передвигали ящики с грузом, освобождая для чего-то место. Казалось, каждый точно знал, что именно он должен делать и как.

Саймон так и не услышал ни одного слова, не заметил ни одного взгляда в свою сторону, пока шагал по пирсу между конвоирами совершенно деревянной походкой. К причалу были пришвартованы еще две подводные лодки, и Саймон, заметив, что они высоко сидят на воде, решил, что очевидно с них-то и разгрузили ящики. Не значило ли это, что корабли пришли сюда недавно и надолго?

Впереди показался туннель, рядом с ним виднелась лестница, вырубленная в скале, к которой его и повели. Поднявшись ступеней на пять, они очутились перед кабиной лифта.

Поднимались на лифте недолго, и когда вышли в коридор, Саймон увидел все те же, что и в Сиппаре, серые стены с металлическим отблеском, и в них — очертания дверных проемов. Они миновали шесть дверей, по три на каждой стороне коридора, пока подошли к двери, открытой настежь.

На Горме Саймону пришлось познакомиться с центром управления кольдеров, и сейчас он ожидал увидеть точно такой же зал, и такого же кольдера в шлеме с проводами, сидящего за столом-пультом.

Но помещение, куда они вошли, оказалось совсем не большим. Какие-то хитроумные светильники на потолке излучали резкий свет, но у Саймона не было охоты рассматривать их. Никакого ковра под ногами он не обнаружил, и тем не менее, слегка пружинящий пол гасил шум шагов. В центре комнаты стояли вплотную друг к другу три кресла, и в среднем сидел кольдер.

Конвоиры остались за дверью, но та же сила, что вела его сюда, заставила Саймона сделать еще несколько шагов навстречу чужеземцу. Похожая на униформу одежда кольдера была такого же серого цвета, как и стены вокруг, и только его мертвенно бледное лицо выделялось пятном на фоне этого серого однообразия. Голову офицера плотно облегла шапочка, и Саймону почему-то подумалось, что он, вероятно, лысый.

— Наконец-то ты здесь, — произнес кольдер, ужасно искажая слова, но Саймон все-таки разобрал их. Правда, смысл реплики его слегка озадачил — создавалось впечатление, будто встретились не противники, а партнеры, заключившие сделку, которую нужно было окончательно согласовать. Из осторожности Саймон решил пока молчать — пусть сначала кольдер раскроет свою игру.

— Тебя прислали торы? — в вопросе послышалось замешательство. — Но ведь ты из другого мира. — Кольдер разглядывал Саймона. — Кто ты? — Недоверие сменилось откровенной враждебностью.

— Саймон Трегарт.

Офицер продолжал пристально изучать его лицо.

— Ты не принадлежишь ни к одному из местных племен, — заключил он.

— Не принадлежу.

— Значит, ты пришел сюда невесть откуда? Я спрашиваю тебя — кто ты?

— Я человек из иного мира и времени. — Саймон не видел смысла скрывать правду.

— Из какого мира и какого времени? — резко спросил кольдер.

Саймон не мог позволить себе просто пожать плечами, поэтому сказал:

— Из мира, в котором я раньше жил. Я не знаю, как он соотносится с этим миром. Мне открылись Ворота, и я шагнул сюда.

— Зачем ты это сделал?

— Чтобы уйти от врагов, — ответил Саймон. «Точно так же, как ты и тебе подобные», — добавил он про себя.

— Была война?

— Была, но кончилась, — уточнил Саймон. — А я — солдат. Но в мирное время солдаты не нужны. У меня были личные враги.

— Был солдатом... — повторил кольдер, все так же пристально разглядывая Саймона. — А теперь ты воюешь на стороне колдуний?

— Ратное дело — моя профессия. Да, я служу им.

— Но ведь они дикари, а ты цивилизованный человек. Нет ничего удивительного, что ты попал к нам. Между нами есть сходство. Мы тоже воины. Наша прошлая война принесла нам не только поражение, но и победу. Вот мы здесь, и у нас есть все, чтобы завоевать этот мир. Подумай об этом, чужестранец. Варвары не смогут противостоять нашей мощи. И такому человеку, как ты... — кольдер сделал паузу, а затем медленно произнес, — лучше быть вместе с нами.

— И поэтому я у вас в плену, — вставил Саймон.

— Да. Но ты можешь стать свободным, если захочешь, Саймон Трегарт, Хранитель Границы. — Выражение его лица не изменилось, но в голосе послышалась ирония.

— Где сейчас твоя жена-колдунья, Трегарт? Вернулась к подругам? Ей понадобилось совсем немного времени, чтобы понять, что ты ей совершенно не нужен, не так ли? О, нам все известно... Трегарт, мы можем сделать тебя одержимым, если захотим. Но мы даем тебе возможность выбирать. Ты ничем не обязан ни ведьмам Эсткарпа, ни дикарям, которыми они крутят, как хотят. Разве поступок твоей жены не доказал тебе, что они не способны на верность и преданность? Ведь им же нельзя верить. Мы говорим тебе: присоединяйся к нам, помогай нам в нашем деле — и Эсткарп будет у твоих ног. Можешь заключить с нами какую угодно сделку. Оставайся Хранителем Границы, если нравится, служи народу Эсткарпа, пока

тебе не будет приказано поступать иначе.

— А если я не соглашусь?

— Жаль, если человека с такими способностями мы не сможем использовать должным образом. Но для того, кто не хочет быть с нами, у нас всегда найдется работа, где нужна сильная спина и крепкие руки. Ты же знаешь, на что мы способны. Твои мышцы тебе сейчас не подчиняются, ты не сделаешь ни шага, пока мы тебе не позволим. А ведь мы можем сделать так, что ты и дышать будешь по нашей воле.

Внезапно Саймону сдавило грудь. Он открыл рот, судорожно пытаясь вздохнуть, не смог, и его охватил смертельный ужас. Это длилось недолго, но страх остался в нем и после того, как его освободили от невидимых тисков. Он ничуть не сомневался, что именно так с ним и поступят, если не добьются согласия иным способом.

Саймон, наконец, сделал вдох.

— Но почему — сделка?

— Потому, что работа по принуждению не гарантирует преданности. Если бы мы силой заставили тебя работать на нас, нам пришлось бы постоянно следить за тобой, проверять каждый твой шаг. Такой человек нам не нужен. Согласись быть нашим сторонником добровольно, и ты будешь свободен...

— В установленных вами пределах, — вставил Саймон.

— Именно так. И не надейся, что ты можешь согласиться только для вида. В тебе произойдет необратимая перемена, хотя ты сохранишь свой ум, внешность и характер, а также те наклонности и стремления, которые не будут противоречить нашим взглядам. Ты не превратишься в безмозглого и безвольного раба, как те, которых ты называешь одержимыми.

— Я должен сделать выбор сейчас?

Кольдер ответил не сразу. Лицо его снова стало непроницаемым.

— Нет... не обязательно.

Он не подал Саймону никакого знака, но тот, подчиняясь силе, которая им правила, повернулся и послушно вышел. Конвоиров не было, да они и не требовались. Саймон не видел никакой возможности вырваться на свободу. К тому же он хорошо помнил, что из-за малейшей вольности рискует лишиться дыхания.

Саймон побрел по коридору и вошел в лифт; тот немедленно пополз вверх, но вскоре остановился, и дверь открылась. Он шагнул в небольшой зал и оказался перед открытой дверью, ведущей в другую комнату. Войдя в нее, Саймон почувствовал, что вновь владеет своим телом, и тут же стремительно обернулся, но дверь уже закрылась за ним, и он понял, что нечего даже и пытаться открыть ее.

Здесь не было резкого искусственного освещения, как в нижней комнате, но два узких длинных оконца пропускали дневной свет. Саймон подошел к ближайшему из них и выглянул: внизу уходила вдаль кромка крутого скалистого берега. Судя по всему, он находился в какой-то высокой башне, в узкие оконца которой невозможно было просунуть даже головы, чтобы осмотреть стены. Возможно, она была такой же, как башни замка Иль.

Саймон подошел к другому окну и увидел скалистую местность, лишенную какой бы то ни было растительности. Кругом, сколько видел глаз, высились островерхие скалы, обточенные ветрами, да лежали ровные, как стол, каменистые пространства, изрезанные расселинами. Такой мрачной картины он, пожалуй, нигде не встречал.

Послышалось, будто где-то неподалеку работает двигатель. Саймон подался вперед, насколько мог, и действительно увидел машину на гусеницах, похожую на вездеход. Кроша гусеницами камни и прессуя их, машина ползла со скоростью человека, бегущего трусцой. Она двигалась по утрамбованной колее, и Саймон заключил из этого, что машина была здесь не единственной, либо следовала этим путем не в первый раз.

Тягач был доверху нагружен. Держась за стягивающие груз лямки, по его бортам висели четверо — рабы, судя по лохмотьям, которые были на них. Саймон проводил тягач взглядом, пока тот совсем не

скрылся из вида. Только после этого он повернулся, чтобы осмотреть место своего заточения.

Все тот же серый, унылый цвет, такая же, как в каюте, откидная койка и сплошные дверцы шкафов в стенах, целый ряд. Он дернул за одну, и перед ним появился столик. Другая обеспечивала доступ к санитарным удобствам, опять так же, как на подводной лодке. Все остальные дверцы были закрыты. Это тщательно продуманное однообразие вызывало тоску и отупение; похоже, что его противник не гнушается никакими средствами для достижения своей цели.

В одном Саймон был уверен: он на базе кольдеров, и вероятно, находится сейчас под их наблюдением. Его не зря освободили от пут — хотят выяснить, как он воспользуется предоставленной ему свободой. Неужели они знают, что он не одинок? Неужели намереваются воспользоваться им как приманкой, чтобы завлечь в ловушку Джелиту?

Вероятно, кольдеры готовы на все, лишь бы заполучить в свои руки одну из колдуний, по крайней мере Саймон был уверен, что они не остановятся ни перед чем. И на какое-то мгновение ему показалось, что все, абсолютно все, что случилось с ним с того момента, как Джелита дала о себе знать, было подстроено кольдерами. А почему бы и нет?

Но пока кольдеры полагались на свою технику, на свои машины и обходились без колдовской Силы. В таком случае, есть ли у них способ обнаружить ту невидимую паутину, которую плели он, Джелита и Лоиса? Если он попытается сейчас вызвать Джелиту на контакт — не будет ли это роковой ошибкой? Не выдаст ли он ее? Он обещал ей дать знать, когда прибудет на базу, и сообщить о том, что требуется для нанесения удара по гнезду кольдеров. Но сколько времени нужно для того, чтобы флот Эскарпа оказался здесь? И способны ли мечи, топоры или даже колдовская Сила противостоять тому оружию, которое кольдеры сосредоточили здесь, и которого, возможно, не было ни на Горме, ни в крепости Иль? Так что же делать — продолжать молчать или попытаться установить контакт?

Опять шум за окном. Возвращался тягач, но, вероятно, это была другая машина, поскольку она шла порожняком, и вряд ли за такое короткое время ее успели бы разгрузить.

Вызвать Джелиту, или нет? Он пошел к койке, лег и сосредоточился. Риск, конечно, очень велик, но медлить больше нельзя, и если он может послать сообщение, то это нужно сделать сейчас же.

ОРУЖИЕ КОЛДУНЬИ

Джелите и раньше приходилось путешествовать на кораблях сулькарцев — но никогда она еще не бывала в открытом море. Равнодушное безмолвие морского простора угнетало ее. Только сознание того, что она не утратила своей колдовской Силы, было ей поддержкой. Перед колдуньями благоговели — они могли управлять силами природы. Да, находясь на суше, они были способны вызвать бурю, туман или просто наваждение — чтобы подействовать на кого-то. Но море — это стихия, наделенная необоримой силой, и чем дальше «Волнорез» уходил в морскую даль, тем растерянной чувствовала себя Джелита.

Переданное Саймоном предупреждение о том, что кольдеры могут следить за их мысленным контактом, странным образом успокоило ее. Ей проще иметь дело с кольдерами, кем бы они там ни были, чем чувствовать свою беспомощность перед морской стихией.

— Ни на одной карте не отмечено суши в этих местах. — Капитан Стимир рассматривал развернутые свитки.

— Что же, наши корабли никогда не бывали здесь? — спросила Джелита.

Капитан Стимир поводил ногтем по карте, которая лежала поверх других, потом крикнул через плечо:

— Позовите Джокула!

Появился сгорбленный старик с морщинистым лицом, иссушенным солеными ветрами. Он шел, припадая на одну ногу, и Джелита заметила, что правая нога у него короче левой.

— Джокул, — Стимир широченной ладонью разгладил карту, — где мы находимся?

— Мертвое море, капитан. Мореходы его избегают.

Стимир нахмурился и посмотрел на паруса, будто они могли добавить что-то к словам старика, а тот, переступив с ноги на ногу, втянул носом воздух, и махнул рукой в сторону воды:

— Водоросли.

Широкая буровато-красная полоса, стелясь по поверхности моря, гасила волны. Джелита глянула вдаль: у горизонта виднелось сплошное пятно такого же цвета.

— Что это? — обратилась она к капитану.

— Отплавались. — Его кулак опустился на карту. — Гадость, из-за которой все сторонятся этих мест. — Капитан повернулся к Джелите. — Если ты настаиваешь на том, чтобы держаться прежнего курса, госпожа, то я даже не знаю, как быть. — Он озадаченно развел руками.

— Да что же это такое?

— Водоросли, госпожа; в этих теплых водах они размножаются во множестве, и нам давно известны — порой их прибывало к нашим берегам после штормов. Только в последние годы они разрослись уж слишком обильно, и к тому же выяснилось, что эти водоросли приносят смерть.

— Смерть? Каким образом?

Стимир пожал плечами.

— Мы сами толком не знаем, госпожа. Но стоит их, например, коснуться рукой — и сразу появляется ожог, а потом краснота распространяется по всему телу, и человек, будто сгорая в огне, умирает. По-видимому, в водорослях какой-то яд, и туда, где они растут, наши корабли не заходят.

— Но водоросли на воде, а мы на судне, и я не пойму...

— Как только корабль подходит к ним, — вмешался Джокул, — они словно прилипают к нему и начинают ползти вверх по бортам на палубу. Но раньше такого не было, госпожа, только в последние годы так...

— В последние годы?.. — повторила Джелита. — С тех пор, как не стало покоя от кольдеров?

— Кольдеры? — Стимир озадаченно посмотрел на бурюю полосу. — Кольдеры и водоросли — какая между ними может быть связь?

— Корабли кольдеров ходят под водой, — ответила Джелита. — Для кольдеров нет лучшего способа защититься от вторжения свою базу, чем посеять поверх воды язву, разящую всех, кто пытается добраться до них.

Капитан повернулся к Джокулу.

— А что там, в той стороне?

— Несколько пустынных островов, — ответил старик. — На них ничего нет, даже птиц мало.

— Пустынные острова? Обозначены ли они на карте, капитан?

Стимир снова расправил свиток.

— Да, госпожа. Но путь к ним закрыт навсегда — из-за водорослей. Начало их — вот эти полосы на воде. Полосы переходят в пятна — как те, которые на горизонте. Дальше скопления водорослей становятся все плотней и превращаются в плавучие острова. Раньше такого не наблюдали. Были, конечно, островки из водорослей — но не столь большие. Когда-то здесь даже промыслом занимались — крабов ловили. Но теперь никто не рискует... Посмотрите на эту красноту — будто рана кровоточит... Будто знак смерти..

— А как узнали, что они смертельно опасны?

— Однажды отсюда течением вынесло дрейфовавший корабль с умирающей командой. На судне, которое пришло им на помощь, тоже умерло пять человек — все они ненароком коснулись водорослей, никто же не предполагал... Вот так и узнали, госпожа. Если кольдеры и в самом деле окружили свою крепость такой защитой, то нам до них не добраться.

Плавучие водоросли... Джелита не могла усомниться в словах моряков, ведь сулькарцы отлично знают море, да и никогда не говорят попусту. Водоросли... Но Джелита уже не смотрела на кроваво-красную полосу на воде. Держась руками за голову, она стояла с закрытыми глазами, слегка покачиваясь. Ее настойчиво звал Саймон, находящийся сейчас в крепости кольдеров, там, за этой плавучей смертью...

— Саймон, — откликнулась она, — нас разделяет опасность.

— Остановись! Не рискуй.

И все. Какая-то завеса между ними. Глухая стена, которую она не могла пробить, несмотря на отчаянные усилия. Безусловно, это преграда, созданная кольдерами, так неужели они знают о связи? Или это предосторожность со стороны Саймона? Саймон!!!

Джелите казалось, что она до боли в горле выкрикивает его имя, но, открыв глаза, она увидела, что Стимир все так же спокоен.

— База кольдеров, определенно, находится там, — сказала она глухим голосом, указывая на горизонт в сторону буро-красного пятна. — И они, вероятно, уже знают, что мы их выследили...

— Капитан! Водоросли! — крикнул марсовый матрос с грот-мачты.

Неподалеку на волнах покачивалось несколько красных полос, которые буквально тянулись к кораблю, словно щупальца какого-то отвратительного существа. Стимир тотчас же начал громко выкрикивать команды, разворачивая «Волнорез», а Джелита бросилась к клетке с птицей, стоявшей на палубе возле мачты.

Белый сокол, чувствуя, что его собираются выпустить на волю, встрепнулся и громко заклекотал; Джелита открыла дверцу и подставила птице согнутую в локте руку, куда та и перебралась, обхватив ее своими мощными когтями. К правой лапе сокола был прикреплен небольшой патрон, внутри которого находился хитро устроенный механизм. Джелита сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться и сосредоточиться — в том, что ей предстояло сделать, нельзя было допустить ни малейшей ошибки. Она нащупала ногтем небольшое углубление в патроне, где была крошечная кнопка, и стала нажимать на нее

то долго, то коротко, в определенном порядке. Во время полета птицы это новое устройство, придуманное сокольничьими, само отметит и запомнит направление и дальность полета, но что касается сообщения о водорослях, то его нужно было закодировать, чем Джелита и занималась.

Сделав это, она пошла с птицей на корму, что-то тихо ей наговаривая. Сокольничьи не раскрывали своих секретов никому, даже союзникам, поэтому Джелита не могла бы сказать наверняка, что птица понимает ее слова, но во всяком случае, она твердо знала, что ученый сокол — сейчас единственная возможность сообщить об опасности.

— Лети прямо, лети быстро. — Она провела пальцем по голове сокола, который смотрел на нее умным глазом. — Твой час, птица!

Пронзительно крикнув, сокол взмыл вверх, описал круг над кораблем и, как стрела, помчался в сторону давно исчезнувшей из виду земли. Джелита снова бросила взгляд на море. Гигантские мочала водорослей уже окружили корабль, подтягиваясь к нему все ближе, и в этом их движении было что-то угрожающе неестественное, Джелита была больше чем уверена, что сами по себе плавучие водоросли не могли бы двигаться столь быстро и целенаправленно. О, если бы ей сейчас талисман! Ведь с помощью колдовского камня можно не только вызывать наваждения; в случае крайней необходимости она могла бы получить непосредственный доступ к Силе и творить настоящие чудеса.

Однако камня у нее не было, а то, чем она могла сейчас воспользоваться, — совсем иная сила, новая и еще мало знакомая ей, и вряд ли на нее стоит очень полагаться. Джелита наблюдала за водорослями и пыталась что-нибудь придумать. Вода давала этой нечисти жизнь и служила ей опорой. Джелита поймала себя на том, что тихонько твердит заклинание, известное ей с детства и, быть может, для детей и придуманное, чтобы учить их знанию о том, что лежит в основе всех перемен.

— Воздух и земля, вода и пламя...

Пламя — извечная противоположность воды. Огонь испаряет воду, вода гасит огонь. Пламя... пламя, пламя — как пульс, стучало у нее в мозгу. Джелите было знакомо это ощущение — верный признак того, что заклинание вот-вот сработает. Но почему — пламя? Как может огонь быть ответом на ее вопрос? Неужели с его помощью...

— Капитан! — позвала она Сtimiра. Тот хмуро оглянулся, всем видом показывая, что лучше бы она ему сейчас не мешала.

— Есть ли на корабле масло, чтобы гасить волны в шторм?

Капитан посмотрел на Джелиту с таким снисхождением, словно она была не в своем уме, но она продолжала говорить, не обращая на это внимания.

— Как ты думаешь, капитан, можно ли зажечь водоросли?

— Зажечь? На воде? — Стимир на мгновение растерялся. — Использовать масло, чтобы устроить пожар на море? — Он лихорадочно соображал. — Не знаю, госпожа, загорятся ли водоросли, но попробовать можно. — Он крикнул: — Алавин, Джокул! Три мешка с маслом — на палубу!

Три кожаных мешка с густым маслом, вываренным из стеблей лангмара, припасенные в трюме на случай шторма, вынесли на палубу. Стимир сам надрезал мешки, их на веревках спустили за борт и масло стремительно растеклось по поверхности воды.

Масляное пятно увеличивалось, а тем временем один из матросов забрался на ванты, взяв с собой самострел, который был заряжен особыми воспламеняющимися иглами — такими пользовались в морских сражениях, когда нужно было поджечь вражеский корабль.

Люди на судне не спускали глаз с масляного пятна, которое уже замедлило движение водорослей — они словно вязли в нем, утрачивая свой буро-красный цвет. Наконец, матрос начал стрелять, и в пределах пятна то здесь, то там вспыхивали языки пламени.

Над горящими водорослями за клубился удушливый дым, и вскоре все люди на корабле закашлялись, поскольку ветер нес этот жуткий чад прямо на них, а пламя все усиливалось и с ревом рвалось к небу.

Стимир засмеялся:

— Хорошо горит!

Но загорятся ли водоросли, не пропитанные маслом? От всего этого фейерверка будет мало проку, если огонь не перекинется на те их скопления, что закрывают путь к логову кольдеров.

Ах, если бы только при ней был колдовской камень! Джелита напряглась, стараясь вызвать в себе таинственную Силу, что-то зашептала, сложив ладони так, будто держала в них талисман, а потом тихонько запела.

Никто не понимал, почему колдовские камни помогают осуществиться тому, что рождено волей и разумом. Если когда-то эта тайна и была известна людям, то она давно утрачена. Сохранились лишь правила обработки и «подгонки» камней к тем, кому было суждено носить их, быть может, до конца жизни. Учили только тому, как ими пользоваться, но почему они действовали так, а не иначе, и кто первый обнаружил их действие — никто не знал.

Ничего не обозначали и слова старинных заклинаний, которые она сейчас произносила нараспев. Джелита знала только, что они помогут разбудить всю дремлющую в ней Силу, а затем высвободить ее, направив куда надо. И хотя у Джелиты не было колдовского камня, она вела себя так, как если бы держала его в ладонях.

Никого и ничего не существовало для нее сейчас — ни капитана, ни команды, ни корабля, хотя ее и не окутывал дым от воскурения волшебных трав и смол. Всю волю Джелита сосредоточила на том, чтобы заставить пламя, горящее на воде, разрастись и распространиться дальше.

Языки пламени поднимались все выше, клонясь в ту сторону, где водорослей было больше всего. Монотонное пение Джелиты было подобно рокоту далекой грозы. Должно быть, за борт вылили уже все масло, какое было на судне, а не только те три мешка. Люди стояли на палубе и, открыв рты, глядели на огненную бурю, бушующую за кормой.

Раздался чудовищный грохот. Джелита окаменела, голос ее дрогнул, но лишь на мгновение. Там оружие кольдеров! Огонь уничтожает смертоносные устройства, разбросанные в гуще водорослей! Она снова сосредоточила волю, заставляя пламя распространяться все дальше и дальше в сторону кольдеров.

Взрывы теперь раздавались один за другим, непрерывно, и уже полгоризонта было в огне. Нестерпимый жар достигал стоявших на палубе людей, они задыхались от удушья и кашляли. Джелита, по-прежнему не замечая ничего вокруг, продолжала петь заклинания, нацеливая всю свою волю на уничтожение плавучей смерти. И водоросли сгорали дотла, только пепел оставался на воде. Джелита торжествовала, ее переполняла неудержимая радость, но она знала, как опасно предаваться этим чувствам, и старалась их заглушить.

Не осталось больше кровавых полос на воде. Теперь пламя уничтожало вдали острова хищных водорослей.

Кончился день и наступила ночь, а на горизонте все полыхало зарево пожара. Джелита, стоявшая у борта, издала какой-то странный звук, а затем медленно начала оседать, но Стимир быстро подскочил к ней и, поддерживая, не дал упасть. Один из матросов бросился вниз и вскоре принес ей чашу вина из походных припасов. Вино было некрепкое и кисловатое, но Джелита, у которой давно пересохло в горле, пила его с жадностью, и немного придя в себя, улыбнулась капитану.

— Похоже, огонь начисто выжег всю эту гадость, — сказала она устало.

— Это было настоящее, величайшее чудо, госпожа! — ответил сулькарец с искренним восхищением.

— Ты прав, капитан, называя это чудом. Масло и огонь положили ему начало, и только воля осуществила его. А ведь... — Джелита раскрыла ладони и с удивлением уставилась на них. — А ведь у меня не было камня! Не было! — Она хотела сделать шаг — и пошатнулась, словно человек, вставший с постели после долгой изнурительной болезни.

Капитан помог ей спуститься в каюту. От усталости Джелиту била дрожь, и насколько она помнила, такого с ней еще никогда не бывало. Но прежде чем погрузиться в забытие, она схватила капитана за руку...

— Мы плывем дальше?

Он внимательно посмотрел на нее.

— Очевидно, это был первый круг их обороны. Быть может, нас ждет что-нибудь пострашней. Но после того, что я видел... Да, госпожа, мы плывем дальше.

— В случае необходимости позови меня, капитан.

Он улыбнулся.

— Не беспокойся, госпожа. Мы еще раз можем воспользоваться тем же оружием — у нас осталось несколько мешков масла.

Он ушел, и она, глубоко вздохнув, откинулась на подушку — слишком утомленная, чтобы поразмыслить над той Силой, которая проявилась в ней, и порадовалась ей. Она думала, что ее способность общаться с Саймоном — это нечто неизмеримо большее, что-то такое, чему еще предстоит раскрыться. Джелита потянулась всем своим уставшим телом и с улыбкой на губах уснула.

ТО ЖЕ КОЛДОВСТВО

Саймон стоял у окна, обращенного к морю, в своей комнате-камере. На береговые скалы давно опустилась ночь, но на горизонте колыхался огненный занавес. Пламя стеной поднималось до самого неба, будто море чем-то питало этот огонь. Всем своим существом Саймон жаждал действия. Он знал, что где-то за стеной огня — Джелита, хотя между ними давно уже не было мысленной связи. Последний ее зов, воспринятый им, казался ничем иным, как криком о помощи. Вероятно, этот огненный барьер — очередная хитрость кольдеров: ведь все корабли сулькарцев построены из дерева, и, следовательно, для них он непреодолим.

Однако Саймон не мог понять странного оживления, царившего там внизу, у береговых скал. На берегу стояли и глазели на далекий огненный занавес роботы кольдеров. А в какой-то момент Саймон заметил среди них даже одного кольдера — серый, обтягивающий тело костюм, на голове шапочка. Неужели происходящее на море столь важно, что хозяин решил посмотреть на все своими глазами, не полагаясь на сообщения подчиненных?

Да и на самом острове поднялась какая-то суматоха. Все больше и больше тягачей выползло на каменистую пустошь; их зажженные фары освещали склоны, вырывая из мрака наиболее безопасный путь через каменные завалы. Далеко-далеко в той стороне, куда уползали тягачи, и где, вероятно, заканчивалось плато, на небе виднелись отсветы еще какого-то скопления огней.

Кольдеры явно очень спешили. Но с чего бы? Флотилия Эскарпа не могла еще выйти в море, а какого-либо другого флота, способного угрожать крепости, поблизости не могло быть. К тому же огненная завеса на подходах к острову кого угодно остановит. Тогда из-за чего вся эта беготня? Никто не навевался к Саймону с тех пор, как его заперли здесь. Он мог только наблюдать и ждать. Вся эта суматошная возня кольдеров навела его на мысль, что они торопятся закончить что-то; казалось, будто время поджигает, и они... А может быть, там в глубине острова — их Ворота? Уж не собираются ли они вернуться в свой собственный мир? Но зачем? Насколько он понял, кольдеры хотят владеть именно этим миром и намерены, при всей их малочисленности, завоевать его с помощью какого-то сверхоружия. Быть может, они хотят пополнить свои ряды, набрав рекрутов с той стороны Ворот? Или заполучить оттуда новое оружие?

Но ведь кольдеры были изгнаны из своего мира, так отважатся ли они вернуться в него? Вряд ли. Скорей всего, они попытаются привлечь оттуда себе подобных.

Он прикоснулся лбом к холодной стене и попытался вызвать Джелиту. Его желание узнать о ней было столь же сильным, как и желание действовать. Но он снова натолкнулся на устроенный кольдерами заслон.

Лоиса! Ведь она где-то здесь, в этой громадной крепости! Надо сосредоточиться на ней. Лоиса!..

— Я здесь...

Отклик. Слабый, едва уловимый. Саймон сосредоточился на ней до боли в голове. Их контакт никогда не был устойчивым. Саймону казалось порой, что уловить ответ Лоисы не менее сложно, чем ловить руками дым, тут же ускользающий сквозь пальцы.

— Что с тобой?

— ...комната... скалы... — Контакт пропал, восстановился, снова пропал.

— О Джелите тебе что-нибудь известно? — спросил он без особой надежды.

— Она близко, она будет здесь. — Устойчивый контакт, и сказано уверенно.

Саймон был потрясен — откуда она узнала об этом? Он снова попробовал связаться с Джелитой, и опять безуспешно. Почему же Лоиса так уверена, что Джелита рядом?

— Как ты узнала... — начал он.

- Альдис знает, — поспешно ответила Лоиса.
- Альдис? Она-то здесь при чем? Это ловушка?
- Да!
- Но каким образом...
- Ты... и я... — Контакт с Лоисой оборвался.

Саймон отошел от окна и в который раз осмотрел комнату. Он прекрасно знал, что уйти отсюда невозможно, и все-таки решил, что нужно хоть что-то предпринять, иначе можно сойти с ума. Должен же быть какой-то выход...

Эти встроенные шкафчики, так надежно запертые... Саймон постарался запомнить все, что видел в цитадели Сиппара, и вновь увидел себя в жилой комнате, где он прятался, бежав из той ужасной лаборатории, в которой живых, но одурманенных чем-то людей, превращали в роботов. Да, все верно, в том помещении тоже были встроенные шкафчики, и он не смог открыть их.

Тут ему вспомнилось и еще одно устройство кольдеров, сначала принятое воинами Эсткарпа за чудо — лифт! Стоило войти в кабину и представить нужный этаж, как дверь открывалась именно там, где нужно, словно лифт работал по мысленному приказу. А что, если разум распоряжался всеми механизмами на Горме? Саймон словно воочию увидел главного кольдера в шлеме с проводами, смерть которого повлекла за собой падение Сиппара, — не заставлял ли он силой мысли служить многие и многие механизмы крепости? Очень может быть.

Затем Саймон подумал, что Сила колдуний Эсткарпа — тоже разум, и что только с его мощью, а не с помощью каких-либо машин, от которых так зависели кольдеры, колдуны распоряжались стихиями. А это значит, что колдуны все-таки сильнее кольдеров...

Саймон сжал кулаки. До сих пор он считал, что не может сражаться с кольдерами, поскольку безоружен. Однако, если и их сила — разум, значит, он не так уж беспомощен перед ними. Но ему еще не приходилось пользоваться мыслью как оружием, хотя Джелита и даже сама Верховная Владычица признавали за ним способность владеть силой разума. Может, он и обладал чем-то таким, но это не шло ни в какое сравнение с тем, на что были способны колдуны. У него и опыта-то никакого не было, и никогда он этому не учился...

Саймон перевел взгляд со своих совершенно бесполезных сейчас кулаков на дверцы в стенах. Возможно ничего не получится, возможно, он напрасно будет напрягать свои разум и волю, но должен же он сделать хоть что-то!

Саймон сосредоточился на одной из дверок, мысленно принуждая ее открыться. Если в ней есть какой-то механизм, который отвечает на мысленное воздействие то он заставит его сработать. Саймон вспомнил обычный замок, какими пользовались в его прежнем мире, и представил, что происходит с его механизмом, когда он открывается. Может быть, замки кольдеров нельзя даже сравнивать с теми, о которых он вспомнил, и тогда все его усилия ни к чему не приведут? Но и при этой мысли Саймон не отступился, а его желание открыть замок разгорелось до такой степени, что у него закружилась голова, и ему пришлось сесть. Он настойчиво продолжал смотреть на дверцу, продолжая верить, что механизм замка не устоит перед его волей.

Саймон уже дрожал от мысленного напряжения, когда дверца сдвинулась в сторону, и его взгляду открылась внутренность шкафчика. Какое-то время он продолжал сидеть неподвижно, словно не мог поверить своим глазам, затем на коленях добрался до стены и ощупал дверцу. Нет, это не галлюцинация — он действительно открыл ее!

То, что находилось в шкафчике, не давало ему ни средств к побегу, ни оружия: там лежала стопка небольших круглых коробок, в которых хранились металлические ленты, скрученные в бобины. «Какие-то записи», — подумал Саймон. Сейчас его больше интересовало устройство замка. Лежа на спине, он осмотрел и ощупал запирающий механизм.

Немного погодя он уселся перед второй дверцей, сосредоточился и открыл ее без особого труда. В шкафу, уложенная в прозрачный мешок, лежала униформа кольдера.

К сожалению, костюм оказался Саймону слишком мал, но выбирать было не из чего. Куртка страшно жала в плечах, брюки чуть прикрывали ноги ниже колен, и все-таки Саймон рассчитывал, что униформа сослужит ему добрую службу. Теперь нужно справиться с замком входной двери. Если он устроен так же, как в дверцах шкафов...

Облаченный в униформу кольдеров, Саймон стоял перед последним препятствием. За окнами была сплошная темень, но от стен исходило неяркое свечение. Саймон думал о замке, представляя механизм в мельчайших подробностях.

Откройся! Откройся же!

Послышался щелчок. Дверь не откатилась в сторону, как у шкафов, но когда Саймон толкнул ее, она отъехала в стену.

В тесном чужом одеянии Саймон выглянул в коридор, затем вышел в него и прислушался.

Пользуясь лифтом, Саймон мог бы спуститься вниз, но как раз там сейчас полно народу, ему же необходимо было выбраться из стен крепости. Но ведь где-то здесь еще и Лоиса? Как же ему найти ее? Он не решался наладить мысленный контакт с Лоисой, помня о том, что рядом с ней находится Альдис.

В коридоре было еще четыре двери. Не исключено, что кольдеры держат своих пленников недалеко одного от другого. Саймон припомнил слова Лоисы: «...комната... скалы...» Очень может быть, что окна ее комнаты обращены в сторону скал, которые находятся в глубине острова. Его комната выходила одним окном на море, другим — на скалы; и значит, вот эти две комнаты, слева по коридору, обращены окнами только на скалы.

Саймон подошел к первой двери, толкнул ее, и она легко сдвинулась в сторону; он быстро шагнул к следующей, тоже попытался ее открыть и не смог — дверь была заперта. Конечно, это еще не означало, что именно в этом помещении он найдет Лоису, и все-таки Саймон сосредоточился на замке.

Теперь в нем окрепла уверенность в себе — он больше не чувствовал себя узником. Правда, кольдеры могут своей волей сковать его тело, но возможно, он и этому уже способен противостоять? Вот только нет пока желания проверять это.

Ему удалось открыть замок со второй попытки, и осторожно отодвинув ее, он заглянул в комнату. Лоиса стояла спиной к нему и, положив руки на подоконник, глядела в ночь. Она казалась совсем маленькой и беззащитной.

Саймон мог видеть лишь часть комнаты, и поэтому не был уверен, что Лоиса одна. Он попробовал применить открывшуюся ему Силу — стал мысленно приказывать ей обернуться. Поворачиваясь, она негромко вскрикнула — удивленная, что тело ее не слушается, а затем, увидев Саймона, закрыла лицо руками и прижалась спиной к стене.

Пораженный ее реакцией, Саймон шагнул вперед и в этот момент вспомнил о своем наряде — должно быть, она приняла его за кольдера.

— Лоиса, — позвал Саймон шепотом, стаскивая с головы серую шапочку.

Лоиса вся дрожала от страха, но услышав его шепот, все же отняла от лица руки и взглянула на него с удивлением. Не говоря ни слова, она бросилась к Саймону, как бросаются в надежное убежище, и вцепилась в его серый костюм. Ее глаза были широко раскрыты, а губы плотно сомкнуты, будто она сдерживалась, чтобы не закричать.

— Идем! — Саймон обнял ее рукой за плечи и вывел в коридор. Другой рукой он закрыл за собой дверь и стал лихорадочно думать, куда им теперь направиться. У него не было никакого представления о плане крепости. Он знал в нем только два коридора — этот, где они сейчас стояли, и еще один, внизу, ведущий к комнате, в которой с ним разговаривал кольдер-офицер. На нижних этажах этого гнезда нечисти сейчас суета: готовят грузы и роботов для переброски в глубь острова, и появляться там им нельзя, так как его неуклюжая маскировка под кольдера сразу выдаст их. Другое дело — причал. Рабы не обратили на него внимания, когда он сошел с борта подводной лодки, возможно и сейчас они будут столь же безразличны? И неплохо бы знать, есть ли на причале какой-нибудь другой выход?

— Альдис!.. — Лоиса схватила его за руку.

— Что — Альдис? — Они стояли в лифте, но Саймон не решался направить кабину вниз.

— Она узнает, что я сбежала...

— Каким образом?

Лоиса взглянула на него в упор.

— Талисман кольдеров. С его помощью она знает о каждом моем шаге, о любом намерении; она знает все о Джелите, потому что следила за мной, когда я с тобой общалась. Мне не скрыть от нее мыслей!

Саймон не стал подвергать сомнению слова Лоисы, ибо по своему опыту знал, что такое возможно. Но чтобы заставить лифт работать, нужно решить, куда им направиться. И тут он понял, что остается только один выход — пойти на риск. Если Лоиса права, и погоня за ними начнется немедленно, лучше первым затеять драку.

Саймон вызвал у себя в воображении коридор, в конце которого было помещение, где он встречался с высокопоставленным кольдером. Дверь лифта задвинулась, и кабина поползла вниз.

— Ты давно разговаривала с Джелитой? — спросил Саймон. — Где она сейчас?

Лоиса покачала головой.

— Нет, не знаю, где она. Но Джелита зачем-то нужна кольдерам, — узнав, что она следует за нами, они весьма обрадовались; к тому же, их ничуть не пугал одиночный корабль сулькарцев. А потом что-то случилось с системой их защиты, они придумали новый план, и я видела, как Альдис была довольна. Она даже мне сказала, что все идет, как надо. Но я не могу понять — отчего они все как с цепи сорвались, ведь Джелита больше не колдунья?

— Не такая колдунья, как раньше, — поправил Саймон. — Вряд ли она смогла бы поддерживать контакт с нами, если бы вовсе была лишена Силы, — это то же колдовство, Лоиса.

Но сможет ли колдовская Сила — его и Джелиты — противостоять силе Кольдера?

Слабое шуршание, и дверь открылась. Они очутились в том самом коридоре, о котором Саймон подумал, но только успели сделать несколько шагов, как оба вновь почувствовали себя деревянными куклами, которые беспомощно идут туда, куда их ведет чужая воля.

«Беспомощные ли? — усомнился Саймон. — А может быть, это не совсем так? Ведь расправился же он с дверьми — там, наверху. Да, ему сейчас навязывали свою волю кольдеры, но почему бы не попробовать избавиться и от этих оков?»

Дверь была открыта, и Саймон с Лоисой предстали перед двумя кольдерами. Один из них — офицер, с которым Саймон уже встречался, а другой — в шлеме с проводами, сидели в креслах. Второй, казалось, полностью был поглощен своими мыслями и, закрыв глаза, совершенно отрешился от всего. Здесь же находились еще двое вооруженных охранников и немного в стороне — Альдис, которая широко открытыми глазами смотрела на пленников. Чувствовалось, что она чем-то сильно возбуждена.

Первым заговорил кольдер-офицер.

— Похоже, Хранитель Границы, ты оказался гораздо способней, чем мы ожидали, и обладаешь некоторыми качествами, которых мы не учли. Возможно, для тебя было бы лучше, если бы ты был их лишен. А сейчас тебе придется все-таки помочь нам. Мы узнали, что твоя жена-колдунья вовсе не покинула тебя, а спешит к тебе на выручку — как и подобает верной супруге. Это же замечательно: Джелита из Эсткарпа и нас тоже очень интересует, у нас уже и планы есть относительно ее... Кстати, пожалуй, пора приступать к их осуществлению.

Саймон продолжал подчиняться воле кольдера, понимая, что время действовать еще не пришло. Они с Лоисой повернулись к двери, двое конвоиров встали по бокам от них, а за ними, судя по шуршанию платья, следовала Альдис. Пока они шли по коридору, Саймон думал, что с ними идут и оба кольдера. Но когда все остановилось у лифта, он обнаружил, что их сопровождает только офицер, с которым он разговаривал, а тот, в шлеме с проводами, остался в зале.

Кабина лифта медленно ползла вниз. По-прежнему оставаясь в оковах чужой воли, Саймон исподволь собирал, концентрировал в себе Силу, настраиваясь не только сбросить с себя оцепенение, но и вступить в противоборство с врагом. К тому моменту, когда они спустились вниз и вышли на причал, он готов был уже дать выход кипевшей в нем энергии, но решил сдержаться до поры.

Рабов нигде не было видно, и только, словно брошенные, у причала покачивались четыре подводные лодки. Их провели через всю подземную гавань к расселине в скале, по краю которой были высечены ступени. Они взбирались по ним до тех пор, пока не оказались под открытым небом, усеянным звездами.

Саймон с охранниками по бокам шел впереди, за ним — Лоиса и Альдис, кольдер-офицер замыкал шествие. Огонь, красной полосой пылавший на горизонте, погас, но клубы дыма еще закрывали то одну, то другую звезду в ночном небе. Они очутились на пустынном берегу и еще какое-то время брели меж каменных глыб, пока им не приказали остановиться. Саймон и Лоиса переглянулись. Охранников рядом не было, но он чувствовал их присутствие где-то в темноте, за спиной, и не торопился.

— Разберись с девицей, — приказал офицер карстенке.

Саймон услышал, как Лоиса вскрикнула от боли и ужаса. Что-то вроде мысленного приказа коснулось и его сознания, но в этот момент он сам нанес мощный удар — направленный не на Альдис и не на офицера, а на кольдера в шлеме с проводами, оставшемся в замке. Всю ту силу, благодаря которой он высвободился из заточения, он вновь собрал воедино и метнул, как копье, в сознание кольдера.

Сразу, как и ожидал, Саймон почувствовал сопротивление противника, и все-таки атака оказалась столь неожиданной, что ему удалось миновать все заслоны: растерянность... ярость... страх... и спешная запоздалая контратака. К этому времени Саймон уже успел сломить волю врага, и тут же он освободился от невидимых пут, но продолжал стоять, как ни в чем не бывало, делая вид, что его тело по-прежнему сковано, и он не может шевельнуть ни рукой, ни ногой без приказа кольдеров.

ВОРОТА

Какое-то темное пятно на воде, тень среди теней, приближалось к берегу. Саймон услышал плеск весел и решил, что подходит корабельная шлюпка, посланная в разведку. Вскоре можно было уже различить силуэты людей, сидящих в ней, и Саймону показалось, что там, среди них — Джелита.

Лоиса, до этого стоявшая рядом с ним как вкопанная, медленно повернулась и пошла к воде, словно собиралась поприветствовать прибывших на остров. Саймону не нужно было всматриваться в темноту, шестое чувство подсказывало ему, где затаился враг. Издав боевой клич сулькарцев, он бросился на кольдера.

Саймон сбил офицера с ног, но тут же убедился, что хоть кольдеры и используют в сражениях одержимых, они и сами умеют отчаянно драться, когда нужно спасти свою жизнь. Внезапным броском Саймон рассчитывал послать кольдера в нокаут, но тот сумел увернуться и навязал ему борьбу. Но все-таки его прыжок застал кольдера врасплох, и Саймон в полной мере воспользовался этим.

Он не знал, что происходит на берегу, поскольку все его внимание было поглощено борьбой с самым опасным противником. Наконец, тело офицера обмякло, однако Саймон продолжал держать кольдера за горло, опасаясь, что это просто трюк, и едва он ослабит хватку, тот снова начнет борьбу.

— Саймон! — услышал он сквозь стук крови в барабанных перепонках. Все еще сжимая кольдера за горло, он обернулся на голос:

— Я здесь!

Она шла к нему по камням, и он отчетливо видел ее силуэт, как и силуэты тех, кто следовал за нею — люди были спокойны, значит, с конвоирами тоже покончено. Приблизившись, Джелита наклонилась и положила ему на плечо руку. Ничего большего ему сейчас и не требовалось.

— Он мертв, — сказала Джелита, и Саймон, отбросив от себя тело кольдера, встал. Он притянул жену к себе за локти — хотя ему не терпелось сжать ее в объятиях и убедиться, что все это не сон. Она тихо засмеялась — тем счастливым смехом, который изредка дарила ему раньше.

— Ты мой муж — отважный воин и колдун впридачу, — шепнула она, чтобы никто, кроме них, этого не услышал.

— А ты моя жена — колдунья, которую опасно злить, — ответил он шуткой.

— Ну, а теперь, отдав друг другу должное, — сказала она весело, — вернемся к действительности. Здесь и в самом деле база кольдеров, Саймон?

— Лучше скажи, сколько с тобой людей? — Саймон сразу перешел к делу, не ответив на ее вопрос.

— Войском это никак не назовешь, Хранитель Границы. Здесь лишь двое сулькарцев, которые привезли меня, да и тех я обещала отослать обратно на корабль.

— Двое?! — удивился Саймон. — Но ведь на корабле — команда...

— О команде забудь. Мы не можем положиться на эту горстку людей, пока не прибудет наш флот. А что необходимо сделать сейчас? — спросила она так, будто готовилась повести в атаку отряд защитников границы.

— Да-а, пустяки... — протянул Саймон. Умиление, вызванное ее наивностью, сменилось иронией. — Отобрать крепость у кольдеров и познакомиться с их Воротами.

— Госпожа!.. — послышался негромкий, но требовательный окрик со стороны берега.

И не успели они откликнуться, как ослепительный луч полоснул по воде, прочертив след, клубящийся паром.

— Назад! — Саймон схватил Джелиту за плечи и бросился с ней к нагромождению глыб, за которые и

толкнул ее так, что она упала на колени.

— Не двигайся! — крикнул он и побежал к берегу.

Он различил там шлюпку, вытащенную на кромку прибоя, и рядом — неподвижное тело.

— Быстро в укрытие! Лоиса!

— Я здесь, Саймон, — слышался ее голос. — Что это?

— Какая-то кольдеровская дьявольщина. Иди ко мне!

Но ему самому пришлось наощупь пробираться к ней. Он взял ее за руку и потащил за собой, слыша, как следом за ними бежит кто-то еще.

Когда все собрались там, где их ждала Джелита, Саймон обнаружил, что их шестеро: сулькарцы привели с собой кого-то еще, но сейчас все стояли, повернувшись лицом к бухте, и заворуженно наблюдали, как мощный луч света бороздит поверхность моря, оставляя на ней клубы пара. На берегу полыхала корабельная шлюпка, да так, словно была облита маслом, и Саймон слышал пару крепких сулькарских ругательств.

— Саймон, они скоро будут здесь! — уже в который раз сказала Джелита.

Он тоже почувствовал приближение врага. Нужно было немедленно убираться отсюда, только вот куда? «Конечно, чем дальше от крепости, тем лучше», — подумал Саймон и не заметил, как сказал это вслух.

— Верно, капитан, — отозвался один из сулькарцев. — Но все-таки — куда?

Пояса на Саймоне не было, тогда он стянул с себя куртку и бросил ее сулькарцу.

— Держи! Сними с себя пояс, а твой напарник пусть воспользуется этим. В темноте нам лучше идти в связке. У вас есть оружие?

— Кортики да самострелы, капитан, — мы ведь моряки.

Саймон едва не рассмеялся: холодное оружие против арсенала кольдеров! Оставалось надеяться только на скалы да на темень, скрывающую их.

Они двинулись в путь: Джелита в паре с Саймоном, Лоиса с одним из сулькарцев, за ними — Альдис, тоже с сулькарцем. Руки ей связали. Она ни с кем не разговаривала, только двигалась, как ей приказывали. Саймон вообще был против того, чтобы она шла с ними, но Джелита настояла на этом, сказав, что Альдис им может пригодиться.

В темноте, пробираясь среди каменных глыб, они, конечно, не могли продвигаться быстро, и все же ушли достаточно далеко от бухты и пылающей шлюпки, когда их настигли лучи, как кнуты стегающие по скалам и означающие только одно: их ищут. Все время Саймон старался держать людей под прикрытием скал, и, как выяснилось в ближайшие минуты, не напрасно. Им посчастливилось оказаться в расселине, когда ослепительный луч веером прошелся над их головами.

Беглецы упали ничком на землю, но спинами ощутили жар, хотя луч прошел высоко над ними: сначала он двигался из стороны в сторону, затем остановился и, наконец, пропал. Вероятно, кольдеры решили, что беглецов испепелило их беспощадное оружие.

Саймон понимал, что дальше двигаться им можно только в одном направлении, а именно — в сторону плато, куда уходили вездеходы, за которыми он наблюдал из окна. Он был уверен, что в ту сторону кольдеры ни за что не направят смертельный луч, и если бы беглецам удалось достичь этой зоны, их бы, по крайней мере, не смогли уничтожить огнем.

— Ворота... Ты считаешь, что они находятся там? — спросила Джелита.

— У меня достаточно оснований для подобного предположения. Мне даже кажется, что кольдеры либо уже пользуются Воротами, либо готовятся к этому. Но верно одно — по какой-то причине им необходимо связаться со своим миром.

— Должно быть, у Ворот собралось много воинов, — заметил один из сулькарцев.

— Возможно, — ответил Саймон. — Правда, их не меньше и в крепости, но я бы предпочел драться на открытом месте.

Сулькарец хохотнул.

— Да, на открытом месте драться лучше! Инглин, я думаю, нынешнюю ночь придется отметить засечкой на мече.

— На твоём мече, Сигрод, хватает насечек, — ответил ему товарищ. — А что, Капитан, эта дама так и будет с нами?

— Да! — ответила Джелита вместо Саймона. — Она нам нужна. Для чего — пока не знаю, но чувствую — пригодится.

В таких случаях Саймон полностью полагался на интуицию Джелиты. Альдис даже не дрогнула, когда смертельный луч скользнул у них над головами. Находилась ли она в шоке или же была хорошо знакома с оружием своих повелителей и ждала, когда беглецов настигнет кара, — Саймон не мог сказать. Но он чувствовал себя неуютно из-за того, что при ней все еще талисман кольдеров.

— Может, лучше отобрать у нее талисман? — спросил он.

— Ни в коем случае! — возразила Джелита. — Я чувствую, что это ключ, который откроет нам какие-то двери, но им должна пользоваться только Альдис и никто другой.

Так в одной связке они продолжали идти, не пренебрегая ни малейшим укрытием, встречающимся на пути. Саймон буквально прощупывал в темноте каждый шаг, и потому их продвижение было мучительно медленным.

Время от времени они останавливались, чтобы передохнуть, и тогда особенно сильно давали о себе знать ушибы и ссадины, которыми дорога среди камней не обделила никого. На рассвете слышались какие-то звуки...

Распластавшись среди камней, они наблюдали за тем, как по краю ущелья ползет тяжело нагруженная машина, освещая фарами дорогу среди камней. Саймон облегченно вздохнул — больше всего он опасался того, что они заблудились, а теперь, увидев вездеход, был уверен, что они совсем близко к цели.

Машина порожняком возвращалась в крепость за очередным грузом припасов. Саймон сглотнул. Воду и пищу на этом голом острове можно было найти только в крепости кольдеров. Ему давно уже очень хотелось пить, да и другим, наверное, тоже. Пять человек и пленница впридачу — против всей технической мощи кольдеров... Может, проще было ринуться в крепость?

— Проще, но не лучше! — Ответ Джелиты был словно продолжением его мыслей, и до него не сразу дошло, что это ее слова.

Он взглянул на жену. Она лежала рядом, почти касаясь его плечом, в кольчуге и шлеме с кольчужным шарфом, закрывающим ее шею и подбородок. Джелита спокойно встретила его взгляд.

— Подозреваешь, что я опять читаю твои мысли? — спросила она. — Не совсем так. Просто, мы с тобой думаем об одном. Ведь сейчас речь идет не только о нашей безопасности, сейчас важнее всего...

— Ворота!..

— Ворота, — подтвердила она. — Ты считаешь, что кольдеры намерены черпать из того, другого мира, как из колодца, силу, которая поможет им завоевать наш мир? Я тоже так думаю. А это значит, что мы должны лишить их этой возможности.

— Но многое зависит от природы Ворот...

Те Ворота, через которые прошел Саймон в этот мир, были нехитры: бесформенный камень, помещенный между грубо обработанными каменными плитами, образующими арку. Всего-то нужно было сесть на этот камень в определенный час, чтобы, спустя мгновение, оказаться в ином мире. Хранитель Ворот рассказал немало историй о них, пока Саймон коротал ночь в его доме. Он объяснил, что камни

Ворот каким-то образом читают мысли человека, доверившего им свою судьбу, и открывают перед ним тот мир, которому он соответствует как нельзя лучше.

Ворота, через которые кольдеры проникли в этот мир, чтобы осквернить его, были, явно, иного рода. Саймон совершенно не представлял себе, как они впятером сумеют закрыть их. Но он понимал, что Джелита права — необходимо хотя бы попытаться сделать это.

Они крадучись продвигались дальше, пользуясь время от времени колеей, наезженной тягачами. Один из сулькарцев взобрался по стене, окружавшей плато, наверх и ушел в разведку. Все остальные спрятались в расселине, чтобы немного вздремнуть. Только Альдис осталась сидеть, уставясь перед собой невидящими глазами и сжимая связанными руками висящий на шее талисман, будто он придавал ей сил.

Еще недавно она была на редкость красивой женщиной, и вот — постарела на глазах; осунулась, резко обозначились скулы, глаза совсем ввалились. Ее золотистые волосы спутались и смотрелись сейчас каким-то нелепым париком, который водрузили на голову старухи. С того момента, как они отправились в путь, она ни разу ни на ком не задержала взгляда, производя впечатление одержимой, но Саймон знал, что женщина просто ушла в себя и сейчас подспудно собирает всю свою силу, чтобы затем мгновенно нанести удар, если это потребуется.

А потому, несмотря на все ее внешнее спокойствие, за ней необходимо было постоянно наблюдать. Охранять Альдис вызвалась Лоиса, и Саймон понимал, что она, должно быть, получит удовольствие от того, что они с Альдис поменялись ролями: теперь Лоиса приказывала, Альдис — подчинялась.

Саймон лежал с закрытыми глазами, но не мог уснуть. Он потратил столько сил — и в замке кольдеров, и в схватке на берегу; казалось бы, у него их не осталось, но он чувствовал, как энергия бурлит в нем. Ему не давала покоя стоящая перед ним задача, и он подыскивал ключи к ее решению. Конечно, он больше привык к оружию, которое можно держать в руках, и поэтому пробудившаяся в нем способность сражаться силой воли тревожила его ум. Он открыл глаза и встретил взгляд Джелиты, лежащей рядом — она смотрела на него и улыбалась.

Впервые он подумал о том, что они вновь обрели друг друга. Тот невидимый барьер, возникший между ними, та стена отчуждения, которая казалась ему непреодолимой, вдруг исчезла. Да и была ли она? Может быть, этот барьер — только плод его воображения?

Она не коснулась его рукой, только молча смотрела в глаза, но он вдруг ощутил волну такого тепла и такой нежности, каких никогда еще не испытывал, хотя ему казалось, что он сполна познал все, что могло быть между ними. И он поддался этому ласкающему теплу и успокоился, хотя и не позволил себе совершенно расслабиться.

Послышался шорох, Саймон вскочил на ноги и глянул вдоль края расселины. Сверху спрыгнул Сигрод, снял с себя шлем и вытер рукавом вспотевшее лицо.

— Они все там, их много, целый лагерь. Большинство — одержимые. Они строят... — Сулькарец нахмурил брови, пытаясь подыскать слова, чтобы объяснить, что он видел. — Они поставили столбы... — Сигрод поводит вверх-вниз указательным пальцем. — А на них положили... — он провел рукой горизонтально, — поперечину. И то, и другое — из металла зеленого цвета.

Лоиса стремительно поднялась и отдернула в сторону руку Альдис, которой та прикрывала талисман кольдеров.

— Из такого?

Сигрод наклонился и внимательно осмотрел замысловатый узел.

— Точно. Там из такого металла сделаны огромные ворота, несколько человек в ряд могут пройти между столбами.

— И даже гусеничная машина проедет, — вставил Саймон.

— Да. Только непонятно, зачем они нужны, эти ворота. Пустынное место, вокруг же ничего нет.

— Как если бы этого места избегали, — заметила Джелита.

Ворота из зеленого металла — средоточие неведомой силы... Саймон принял решение.

— Вы, — кивнул он сулькарцам, — останетесь здесь с госпожой Лоисой. Если мы не вернемся к концу дня, пробирайтесь обратно к берегу. Может быть, сумеете вернуться на корабль.

В их глазах он увидел протест, но вслух они не посмели ему возразить. Джелита улыбнулась и, поднявшись, тронула Альдис за плечо.

Хотя их контакт этим и ограничился, Альдис поднялась и пошла вперед. Джелита последовала за ней, а Саймон жестом попрощался с сулькарцами и повернулся к Лоисе.

— Пусть тебя больше не коснется зло, — сказал он. — Желаю тебе удачи.

Она посмотрела на него долгим взглядом и кивнула.

— И тебе — удачи...

Они ушли, не оглядываясь, отправляясь в долгий путь по краю плато, чтобы подойти к лагерю кольдеров с юга. Солнце уже припекало вовсю, еще немного и плато превратится в жаровню, а им так далеко до места. До какого места — до Ворот? Саймон чувствовал, что Ворота — это только начало.

ВЗОРВАННЫЙ МИР

Солнце стояло высоко. Как и предвидел Саймон, они изнывали от жары, окруженные со всех сторон раскаленным камнем. Он сделал себе тюрбан из куртки, но и это не слишком защищало голову от жарких лучей — у Саймона стучало в висках. Он долго рассматривал сооружение кольдеров и думал о том, что вот и здесь как будто нет ничего необычного, как не было ничего необычного за Воротами, к которым его подвел когда-то Петроний. И перед Воротами из зеленоватого металла, и за ними — все та же каменистая пустошь. По-видимому, и эти Ворота выполняли свое назначение лишь в определенное время суток. Кроме того, Саймон пришел к заключению, что строительство Ворот завершено, ибо возле них никого не было.

— Саймон!..

Джелита и Альдис прятались от солнца под выступом скалы: никакого другого убежища от палящих лучей поблизости найти не удалось. Альдис, не обращая ни на кого внимания, напряженно смотрела на Ворота сквозь завесу раскаленного воздуха, обеими руками сжимая талисман. В ее глазах пылал такой огонь, будто она нашла, наконец, предмет своих вожеланий, и сейчас стоит только протянуть руку, чтобы завладеть им. Она сделала шаг, еще один и пошла вперед — все быстрее и быстрее. Саймон хотел было встать у нее на пути, но Джелита жестом остановила его. Оказавшись на открытом месте, Альдис бросилась бежать, и ее изодранное платье развевалось по ветру. Джелита и Саймон бросились ей вдогонку.

Они были ближе к Воротам, чем те, кто находился в лагере, к тому же какой-то отрезок пути могли пробежать незамеченными, поскольку тягачи и стена из ящиков отделяли их от кольдеров.

Сомнений не оставалось: Альдис мчалась к Воротам. И хотя совсем недавно она едва волочила ноги, спотыкаясь и задерживая их, сейчас куда делась ее усталость — она бежала к Воротам с невероятной скоростью.

В лагере слышались крики, но Саймон даже не оглянулся: они выбежали на ровную площадку, Альдис неслась по ней, как на крыльях, и у Саймона мелькнуло опасение, что им не удастся ее догнать, хотя Джелита, можно сказать, наступала ей на пятки. Дрожащая в потоках знойного воздуха, на них надвигалась громада Ворот.

Джелита сделала отчаянный рывок и сумела, нагнав Альдис, ухватиться за подол ее платья. Платье, уже порванное во многих местах, стало расползаться по швам, но Джелита не выпускала его из рук, удерживая Альдис, которая изо всех сил рвалась к Воротам. Задыхаясь от бега, к женщинам подоспел Саймон — у него подкашивались ноги и бешено колотилось сердце.

В этот момент что-то с треском разорвалось у них над головами — их начали обстреливать. Здесь, на открытом месте, их бы мгновенно перестреляли, и укрыться можно было только за стойкой Ворот. Не долго думая, Саймон сгреб женщин в охапку и потащил их за Ворота...

В одно мгновение сияющий день сменился тьмой ночи. Ощущение, что он вторгается в мир, где людям нет места, продолжалось считанные секунды, но эти мгновения показались Саймону вечностью.

Он очнулся во мраке. Вокруг была вода, потоки воды: он лежал в воде, и по телу хлестали струи дождя. В ночном небе сверкали ослепительные молнии. Джелита лежала рядом.

Вода струилась вдоль их тел и заливала им лица, будто они лежали на дне высохшего ручья, который ожил вновь, напившись потоками ливня. Нечаянно Саймон глотнул воды, и у него перехватило дыхание. С большим трудом он поднялся на ноги, поднял Джелиту, и они сделали несколько шагов. Джелита что-то крикнула ему, но раскаты грома заглушили ее слова, и только после вспышки молнии Саймон увидел Альдис, лежащую поперек ручья. Он нагнулся и взвалил бесчувственное тело себе на плечи: глаза Альдис были закрыты, голова моталась из стороны в сторону, и он решил, что женщина мертва.

Они забрались в какое-то узкое ущелье с крутыми склонами, но вода преследовала их и здесь — ущелье быстро наполнялось грязным потоком. Похоже, ливень был таким мощным и продолжался так долго, что вызвал наводнение. Саймон взобрался по склону ущелья, чтобы отыскать хоть какую-то

более-менее сухую площадку, и благодаря этому обнаружил тропинку, ведущую вверх. Когда они поднялись по ней, Джелита впереди, и следом — он с Альдис на руках, то совсем лишились сил, и едва выбравшись на кромку склона, рухнули на землю, задыхаясь от изнеможения.

Придя в себя, Саймон приподнял голову и увидел, что обе женщины лежат, не двигаясь. Все таким же темным было небо, не прекращался ливень. Неподалеку вырисовывалась, как будто, какая-то скала, и Саймон решил, что там можно поискать укрытие от дождя. Он слегка потряс Джелиту за плечо, и та приподняла голову.

— Идем, — сказал Саймон.

С трудом приподнявшись на руках, Джелита встала на колени, а затем с его помощью — на ноги, и он отвел ее в укрытие.

И только после того, как Саймон вернулся с Альдис и осмотрелся, он понял, что они находятся не в пещере под скалой, а в полуразрушенном здании. Вспышки молний позволяли лишь мельком разглядеть руины: в дальнем конце их пристанища и в стене и в кровле зияли бреши; между плитками пола кое-где пробивалась трава, и несмотря на то, что грозовой ветер гулял по этим развалинам, воздух здесь был затхлый, пахло плесенью.

Соблюдая осторожность, Саймон побрел в сторону развороченной стены, спотыкаясь и едва не падая. Неожиданно под ногами раздался треск, будто он что-то раздавил, и Саймон заметил слабую вспышку. Присев, он начал ощупывать все вокруг, и сначала ему попалась под руки покрытая слизью тряпка, которая тут же расползлась, и он брезгливо вытер руки о траву. Затем он нащупал длинный металлический стержень, и подняв его, направился обратно к двери, где был хоть и очень слабый, но все же какой-то свет. Осмотрев находку, он решил, что это, скорее всего, оружие. То, что он держал в руках, отдаленно напоминало ружье: есть ствол, есть и подобие приклада, только в отличие от ружья, к которому он привык еще в том мире, где родился — это казалось почти невесомым.

Джелита коснулась рукой лба Альдис.

— Она мертва? — спросил Саймон.

— Нет, должно быть, ударилась головой при падении. Так ты полагаешь, отсюда к нам когда-то пришли кольдеры? — В ее голосе не слышалось испуга, только интерес.

— Наверное...

В одном Саймон был уверен: им не стоит удаляться от того места, где они оказались, пройдя Ворота. Если они заблудятся, то уж, очевидно, никогда не смогут вернуться в свой прежний мир.

— Хотела бы я знать, есть ли по эту сторону Ворот какой-нибудь знак, который бы помог определить, где они? — Джелита, как всегда, прочла его мысли. — Если кольдеры проникают сюда и возвращаются обратно, у них должен быть какой-нибудь ориентир.

Гроза выдохлась и затихала где-то вдаль. Ночная мгла, поглотившая их в тот момент, когда они прошли через Ворота, сменилась серыми предрассветными сумерками. Саймон внимательно осматривался, тщательно изучая местность, и, конечно же, не нашел ничего похожего на каменистую пустыню по ту сторону Ворот. Напротив, всюду он видел признаки кипевшей здесь когда-то жизни, которая, казалось, была разрушена в одно мгновение. То, что Саймон принял поначалу за одиночные скалы на той стороне ущелья, на самом деле являлось остовами частично разрушенных зданий.

Да, эта картина была Саймону знакома; нечто подобное он видел, когда союзные армии победоносно шли по территории Германии. И здесь, по-видимому, тоже была война или же разразилась какая-то катастрофа. Но это произошло так давно, что руины уже заросли травой и кустами.

Солнце еще не показалось, но было светло. Саймон разглядывал остатки строений, словно вмерзшие в шлак, и ему грезился кошмар его собственного мира. Что здесь было? Атомная война? Присмотревшись, Саймон решил, что это маловероятно — после взрыва атомной бомбы таких развалин не осталось бы — уцелевшие здания возвышались среди руин, как монументы.

— Саймон! — прошептала Джелита.

Ее предупреждение было излишним, он и сам заметил сквозь брешь в стене какое-то движение. К ним приближалось что-то большое, похожее на дерево. Рука Джелиты потянулась к поясу, на котором по-прежнему висели меч и кинжал. Саймон крутил в руках оружие, которое нашел среди обломков.

Он опять подивился сходству своей находки с ружьем, но его смутило очень узкое выходное отверстие в ствола. Для чего предназначалась, все-таки, эта трубка? Саймон прицелился, как если бы собирался выстрелить, и, не обнаружив у «ружья» никакого курка, нажал на кнопку, не предполагая даже, что из этого получится.

Двигающееся дерево, по которому он целился, вдруг задрожало, стряхнув с листьев капли дождя, затем его ветви повисли, скрючились и опалились на глазах, ствол подкосился, и оно рухнуло на землю. И хотя не было никакой вспышки, никакого звука, результат «выстрела» был очевиден. Саймон не мог поверить тому, что увидел.

— Там еще какие-то твари! — воскликнула Джелита, глядя вверх дерева, сгоревшего без дыма.

Саймон не видел ничего подозрительного, но все острее чувствовал надвигающуюся опасность. Джелита дотронулась до его руки, сжимавшей ружье-бластер.

— Будь начеку.

Она начала что-то приглушенно бормотать, и вскоре Саймон заметил невдалеке три движущихся пятна — маскировочные накидки скрывали тех, кто приближался к ним. Бормотанье Джелиты становилось все громче. Саймону довелось однажды наблюдать, как таким же способом она выманила из засады кольдеров. Не это ли она пытается сделать и сейчас?

Саймон приготовился отразить нападение.

Те, кто к ним подкрадывался, сбросили накидки и выбежали на открытое место — один из-за стены, другой из-за куста, третий из-за груды мусора. Существа напоминали людей, только уж очень они были тощие — кожа да кости; безволосые головы на тонких шеях походили на черепа, а дистрофические тельца едва были прикрыты рваным тряпьем.

Саймон вскинул бластер и повел им из стороны в сторону, будто автоматной очередью встречая бегущую к ним троицу. Две-три секунды он пребывал в растерянности, думая, что заряда бластера хватило только на единственный выстрел по дереву, но тут же убедился, что это не так: нападавшие вдруг задержались и повалились на землю с нечеловеческими воплями. Саймона передернуло, а Джелита стояла бледная, как смерть. Он обнял ее за плечи и притянул к себе, успокаивая.

— Смотрите-ка!.. — неожиданно раздался голос Альдис, которая бесшумно приблизилась к ним. Она смотрела на убитых с отвратительной улыбкой. Похоже, зрелище доставляло ей удовольствие.

— Они еще не вымерли... Последний гарнизон!.. — она не обращала внимания ни на Джелиту, ни на Саймона, словно их не было рядом.

Джелита высвободилась из-под руки Саймона.

— Кто они? — спросила она требовательно.

Альдис даже головы не повернула, продолжая разглядывать убитых с прежней улыбкой.

— Их оставили удерживать последний барьер, хотя они, конечно, не знали об этом. Глупцы — они верили, что их вожди вернутся, умножив силу, чтобы помочь им. Но у вождей были свои заботы, — Альдис засмеялась. — Вот будет для них сюрприз! Они не предполагали, что эти глупцы продержатся так долго.

Откуда Альдис все это знает? Она не могла принадлежать по рождению к кольдерам, ведь среди них нет женщин. И все-таки Саймон не сомневался — карстенке известно, что здесь происходит.

— Саймон, их становится все больше, — встревоженно шепнула Джелита.

Саймон не замечал никакого движения на открытом пространстве перед ними, но чувство опасности не покидало его. Джелита не сводила глаз с ущелья.

— Да, они собираются, но не для того, чтобы идти против нас, — Альдис истерично рассмеялась... — Они ждут... Они так давно ждут... А те явятся сюда и станут охотиться за нами! — она снова зашлась в

пугающем, безумном смехе.

И все-таки в ее словах был определенный смысл — она права хотя бы в том, что кольдеры, появившись, наверняка продолжат преследование. Но знают ли кольдеры о том, что их поджидают здесь дистрофические создания, брошенные когда-то ими на произвол судьбы?

Саймон посмотрел в сторону ущелья. Покинув убежище, они могут стать жертвой этих агрессивных тварей. Но оставаясь здесь, невозможно узнать, как вернуться через Ворота в свой мир — с самого начала Саймона мучило опасение, что путь назад вообще закрыт.

Совсем рядом с их убежищем, на краю ущелья, высился фундамент какой-то разрушенной конструкции, и Саймон подумал, что, укрываясь за ним, можно спокойно наблюдать и за ущельем, и за Воротами. Перекинув бластер из одной руки в другую, Саймон схватил Альдис за локоть и повлек в сторону каменного блока. Джелита последовала за ними.

То, что в грозу Саймону показалось руслом ручья, было на деле мощеной дорогой, наполовину заваленной обломками, по которой все еще бежал поток грязной воды. Над дорогой, несколько правее того места, где они только что прятались, возвышались, примыкая к стенам ущелья, две колонны из зеленоватого металла.

— Ворота, — сказал Саймон.

— И их защитники, — добавила Джелита полупшепотом.

Ходячие скелеты сновали, как муравьи, по дну ущелья. Несмотря на то, что с виду в них не осталось ничего человеческого, они явно были наделены интеллектом, судя по тому, как хитро устраивали засаду. У некоторых в руках было такое же оружие, как у Саймона.

— Смотри, появились! — воскликнула Джелита.

Ничего не произошло с Воротами, только вдруг рядом с ними, словно из воздуха, возникло несколько человек. Это были воины-одержимые. Построившись шеренгой, они двинулись вперед. За первыми последовали другие, и вскоре из ниоткуда явился целый отряд воинов. Они уже прошли порядочное расстояние по ущелью, но засада пока ничем себя не выдавала. Тем временем, в Воротах показалась, словно из-за невидимого занавеса, носовая часть гусеничного тягача, а потом и вся машина; вел ее одержимый, но рядом с ним сидел кольдер.

Мрачное, тяжелое предчувствие охватило Саймона.

— Как все дышит злобой и ненавистью! — прошептала Джелита. — Какая жажда мести!..

— Да, они жаждут мести, — подтвердила Альдис, — но пока выжидают. Они научились ждать, они только этим и жили.

Еще одна машина выползла из Ворот. В кабине, защищенной прозрачным куполом, помимо одержимых находилось двое кольдеров. На одном из них был шлем с проводами.

Саймону показалось, что воздух настолько насыщен флюидами зла, что оно вот-вот проявится зримо, как туман. Однако, укрывшиеся в засаде до сих пор не обнаруживали своего присутствия. Из Ворот, вслед за вторым тягачом, появилось еще несколько человек — рабы-одержимые, рабочая сила кольдеров.

Внезапно ущелье наполнилось громоподобным рокотом. Казалось, в нем разбушевалась сила, порожденная стихией, но никак не разумом. В потоках этой силы воины-одержимые дергались, как марионетки, падали на землю и корчились в предсмертных муках.

В узком ущелье почти невозможно было развернуться, и все же та машина, в которой сидело двое офицеров, дала задний ход и развернулась, давя гусеницами рабов-одержимых, следовавших за ней. Неожиданно водитель тягача дернулся и исчез из вида, вероятно, упав на пол кабины, но машина продолжала двигаться, хотя не так ровно, как раньше. Наконец, она наехала на грудку обломков, медленно завалилась на бок и застыла в таком положении.

Кольдер в шлеме с проводами не пошевелился, даже не открыл глаз — очевидно, только его воля и управляла машиной, оставшейся без водителя. Возможно, она служила также защитным барьером для его напарника, который, в то время как вокруг гибли одержимые, оставался невредим.

— Они добились своего, — Альдис нервно хихикнула. — Они поймали того, у кого находится ключ к Воротам.

«Сущие демоны!» — думал Саймон, глядя на то, как дистрофичные существа ринулись к завалившейся машине, не помышляя уже ни о какой осторожности, и столпились вокруг прозрачного купола.

Вдруг с диким визгом все это скопище скелетов разлетелось в стороны — кто со сломанной рукой, кто с ожогами. Но сразу на смену покалеченным вокруг тягача собрались другие, и так продолжалось до тех пор, пока не появилось двое демонов, которые притащили с собой цепь, сложенную петлей. Они трижды бросали петлю на машину, прежде чем она легла на прозрачный колпак так, как было нужно. По цепи с треском побежали искры, и купол раскрошился. Демоны влезли в кабину и набросились на тех, кто в ней находился.

Джелита закрыла глаза рукой. Ей приходилось видеть ужасные сцены резни в Карстене, когда древняя раса была объявлена вне закона, но зрелище этой расправы было совершенно невыносимым.

Кольдер в шлеме с проводами уже лежал на костлявых руках безумцев, по-прежнему с закрытыми глазами. Демоны сбегались во всего ущелья, выстраиваясь в колонну за теми, кто держал пленного; у многих из них были бластеры — либо свои, либо убитых одержимых.

Демоны, возглавляющие колонну, двинулись к Воротам, неся кольдера в шлеме на руках.

Саймон вздрогнул, увидев, как первый из них шагнул между зеленоватыми колоннами Ворот и исчез. «Сначала кольдеры, теперь эти твари», — подумал он.

Какое зло принесут они в мир, который Саймон уже привык считать своим?

— Ветерок переходит в ветер, — отозвалась Джелита на его мысли. — Нам же суждено выдержать бурю.

КОЛЬДЕРЫ В ОСАДЕ

В ущелье остались только мертвые. Сколько демонов ушло из него через Ворота — пятьдесят, сто? Саймон не считал, но решил, что не больше сотни. Вряд ли они могут представлять серьезную угрозу для кольдеров, так прочно обосновавшихся по ту сторону Ворот.

Но все же кольдерам сейчас не до того, чтобы помнить еще и о беглецах — необходимо было воспользоваться таким моментом.

— Возвращаемся! — сказал Саймон.

И тут они снова услышали жутковатый смех Альдис — карстенка, оглядываясь, удалялась от них по краю ущелья. Она настолько исхудала, что была похожа на дистрофичных обитателей этого мира; от бывшей красоты не осталось и следа.

— И как же вы вернетесь? — крикнула она. — Ключа у вас нет, а плечом эту дверь не выбить. Как вернешься обратно ты, Хранитель Границы, и ты, госпожа колдунья?

Она убегала в сторону пустыря.

— Ее надо догнать! — Джелита потянула за собой Саймона. — Талисман кольдеров — это ключ, ключ, с которым можно пройти через Ворота!

Саймон пустился вдогонку за Альдис. Бластер, хоть и легкий, мешал бежать через кусты, но Саймон не решался бросить его. В поросших бурьяном развалинах некогда крупного поселения спрятаться от погони не составляло никакого труда... Саймон с Джелитой выбежали на открытое место и в растерянности остановились.

— Где она? — спросил он так, будто Джелита обязана была это знать. — Не важно, далеко или поблизости, скажи только — в какой стороне, — Саймон понимал, что бездумная погоня не даст результата. В этом лабиринте из разрушенных стен можно бесконечно играть в прятки.

Джелита прикрыла глаза руками и постояла так некоторое время, пока успокоилось дыхание. Саймон не знал, что она сейчас предпримет, но полностью доверился ей и ждал. Медленно-медленно Джелита повернулась и отняла руки от лица.

— Там!

— Как ты определила?

— Там завеса кольдеров, а у Альдис их талисман.

Очень тонкая ниточка, но другой у них нет. Саймон кивнул, давая понять, что полагается на ее чутье. Они двинулись вперед по тропинке, ведущей к руинам, которые виднелись в стороне от ущелья. Саймон на ходу надламывал ветки, чтобы найти дорогу обратно.

Они выбежали на мощеную площадь, окруженную зданиями, разрушенными лишь частично и потому сохранившими свой начальный облик. Их строителям, очевидно, было чуждо чувство красоты, как ее понимали в том мире, где Саймон когда-то жил. В каждом из этих строений было множество закутков, и Альдис могла найти там себе надежное убежище.

— Где же она? — снова спросил Саймон.

Джелита оперлась о парапет, который окружал площадь. Она тяжело дышала, под глазами обозначились темные круги. Хотя они во время ливня собрали воды и вдоволь напились, но давно не ели, и силы их были на исходе. Джелита сокрушенно покачала головой.

— Я не знаю... это ушло от меня... — она готова была зарыдать.

Саймон обнял ее, привлек к себе, и Джелита прильнула к нему, благодарная за поддержку и силу, что исходила от него.

— Послушай, — сказал он тихо, — а что, если ты попробуешь выманить ее из развалин заклинаниями... ну, как тех троих?..

— Ничего другого не остается. Мы должны это сделать... должны... — хрипло сказала она.

— И мы сделаем это! Джелита, вспомни Карс, вспомни перевоплощение. Ты прибегла тогда к моей помощи, может и сейчас я смогу помочь тебе?

Она слабо улыбнулась и, повернувшись к нему спиной, прислонилась затылком к его груди. Затем она крепко сжала его пальцы в своих руках и принялась напевать заклинания — сначала тихо, почти не открывая рта, а потом все громче и громче. Саймон почувствовал, как из него, струясь по плечам, рукам и ладоням, переходит в ее руки поток энергии, и это движение было столь сильным, столь ощутимым, что ему стоило немалого труда оставаться неподвижным.

Окружающий мир и монотонное пение Джелиты слились как будто в единое целое: Саймон больше не замечал ни каменных груд, ни бурьяна: все это словно растворилось в каком-то серебристом мерцании...

Но вот пение, в ритм которому пульсировала его кровь, прекратилось, Саймон снова обнаружил себя в разрушенном городе и заметил какое-то движение в тени развалин. Присмотревшись, он понял, что через площадь, опираясь на руки, к ним ползет Альдис. Она даже не пыталась подняться, и, еще немного продвинувшись вперед, вдруг упала ничком, и больше не подавала признаков жизни. Джелита отпустила руку Саймона и подбежала к ней.

— Она мертва...

Саймон повернул обмякшее тело карстенки на спину, и Джелита невольно вскрикнула — на лице Альдис не было ни царапинки, но на груди, там, где когда-то висел талисман, теперь зияла кровавая рана. Саймон взял руку Альдис и с большим усилием разжал истерзанные пальцы, чтобы достать из ее кулака то, с чем она и мертвая, казалось, не желала расставаться. По-видимому, кто-то из демонов пытался вырвать у Альдис талисман, но безуспешно — замысловатый узел кольдеров был для нее дороже жизни.

— Идем, — сказал Саймон, поднявшись на ноги и скользнув взглядом по оконным проемам руин.

Джелита наклонилась и, вытащив из-под Альдис оторвавшийся лоскут платья, накрыла им рану на груди карстенки и ее лицо, а затем начертила в воздухе над остывающим телом какой-то знак.

После этого они пустились обратно к ущелью бегом. Саймон оглядывался, опасаясь, что их станет преследовать демон, убивший Альдис — теперь казалось несомненным, что она навлекла на себя смерть, владея талисманом кольдеров.

Однако, им посчастливилось добраться до ущелья беспрепятственно. Вечерело. Уже стали длинными тени.

Спустившись в ущелье, Джелита и Саймон направились к тягачу, перегородившему дорогу. Ступая по потрескавшимся плитам дороги, они приближались к Воротам, которые мрачно чернели в надвигающихся сумерках. Саймон шел впереди, подняв руку с талисманом кольдеров, а Джелита следовала за ним вплотную, положив руки ему на плечи.

Проведет ли талисман их через Ворота? Ведь сюда они прошли вместе с Альдис, а демонам потребовался кольдер, чтобы пройти через них. Саймон торопился. Он не имел понятия, что должно произойти, но не удивился, почувствовав, что бляшка в его руке становится все холодней и холодней. Вслед за этим у него возникло ощущение, подобное тому, которое Саймон испытывал, когда кольдеры создавали барьер его мысленному контакту с Джелитой. А вдруг талисман служит только кольдерам? Однако, Альдис не принадлежала кольдерам по крови, а бляшка служила ей...

Еще шаг, и они оказались между колонн. Мир перестал существовать: Саймона опять закружило в каком-то вихре и швырнуло в небытие...

Очнувшись, Саймон обнаружил, что лежит на камнях, все еще теплых от дневного зноя. Рядом — Джелита. Он приподнялся и сел.

Солнце еще не зашло и можно было осмотреться. По всей видимости, здесь недавно прошел бой:

черные полосы гари многократно перекрещивали площадку, на которой стояли Ворота; кругом лежали трупы.

Саймон встал и помог подняться Джелите, затем снова осмотрелся, но не заметил нигде никакого движения — здесь остались только мертвые.

Осмотревшись, Саймон решил, не теряя времени, нанести сокрушительный удар кольдерам, а заодно и тем, кого они привели за собой в этот мир.

Он навел бластер на основание ближайшей колонны и нажал на кнопку. Ничего не произошло, и у Саймона мелькнула мысль, что либо оружие разрядилось, либо зеленоватый металл не поддается действию невидимого луча. И вдруг из того места, куда он направил бластер, с треском посыпались искры. Они змейкой побежали вверх по колонне, перекинулись на поперечную балку, с которой перешли на другую колонну, и устремились по ней вниз. Искрение становилось все ярче.

Саймон вскрикнул и выронил бластер — рука!.. Что с его рукой?

Талисман кольдеров, который он держал зажатым в кулаке, выпал из ладони, оставив на ней кровавый ожог. Бляшка, тоже искрясь, покатилась к Воротам и взорвалась под ними с ослепительной вспышкой. В тот же миг Ворота исчезли, от них не осталось и следа.

Саймон и Джелита побрели туда, где прежде был лагерь кольдеров. Там, рядом с тягачами, тоже валялось несколько трупов. Саймон рухнул на землю возле одной из машин, прижимая к груди обожженную руку. Он ощущал только боль — почти невыносимую, вызывающую дурноту, не позволяющую ни о чем думать.

Потом боль приутихла. А может быть, он только притерпелся к ней, как привыкает человек ко всему, что длится слишком долго...

Затем он почувствовал на губах влагу — ему кто-то давал пить, и он с жадностью стал глотать воду. Саймон не знал, долго ли находился без сознания, но когда он пришел в себя, над каменистым плато был вечер. Голова Саймона покоилась на коленях у Джелиты.

— Проснись, нам нельзя больше оставаться здесь, — пыталась она разбудить его окончательно.

Как хорошо было просто лежать, никуда не спеша; боль в руке притупилась, Саймон попробовал шевельнуть пальцами и почувствовал, что рука перевязана. «Ладно, хоть левая», — подумал он в полудреме.

— Проснись, Саймон! — уже не уговаривала, а почти приказывала Джелита. Она тихонько потрясла его голову, потом ее рука скользнула под плечи Саймона, и она попыталась приподнять его, но он воспротивился.

— Нужно уходить отсюда! — Джелита наклонилась и прижалась к нему щекой. — Сюда кто-то приближается!

Саймон, наконец, осознал, где находится, и резко сел. Затем, опираясь на гусеницу тягача, он встал на ноги, и подумал, что неплохо бы воспользоваться машиной, но усомнился — сможет ли разобраться с управлением. Выпрямившись, Саймон с удивлением обнаружил, что не так уж плохо держится на ногах. Спотыкаясь о рытвины, оставленные гусеницами тягачей, они двинулись вперед.

— Кто приближается — кольдеры? — спросил он Джелиту.

— Думаю, нет...

— Те — другие?

— Похоже. Неужели ты сам не чувствуешь?

Саймон откровенно признался, что вообще ничего не чувствует в этих мерзких сумерках... Впервые за многие часы он вспомнил о тех, кого они оставили среди скал, когда ушли навстречу своим невероятным приключениям.

— А где Лоиса и сультарцы? Ты можешь что-нибудь сказать?

— Я пыталась узнать это, но что-то мешает мне, Саймон. То не могу пробить завесу кольдеров, то вдруг она исчезает, и сразу же появляется в другом месте. Кажется, кольдеры отчаянно сражаются, а те, кто с ними одной крови, пользуются в этой борьбе всем, чем владеют — и оружием, и тайными силами. Демоны, явившиеся в наш мир из-за Ворот, живы и полны ненависти. Нам незачем ввязываться в эту борьбу: кольдеры сражаются с теми, кто по крови тоже кольдеры. Такая война нашему миру неведома.

К Саймону понемногу возвращались силы. В лагере кольдеров Джелита нашла кое-какие продукты. Она сказала об этом как бы между прочим, но он-то мог представить себе, чего она там насмотрелась. Он осторожно обнял Джелиту забинтованной рукой. Ему было хорошо и спокойно от того, что он может идти вот так, рядом с нею, соприкасаясь душой и телом.

Они как раз огибали скалу, приближаясь к тому месту, где оставили Лоису и сулькарцев, когда услышали, как сверху по откосу прямо на них катится камень. Саймон оттолкнул Джелиту в сторону и прислушался, готовясь отразить нападение. Хотя бластер он бросил у Ворот, но Джелита отдала ему кинжал.

В ночной тишине кто-то прошептал пароль — боевой клич сулькарцев.

Саймон ответил.

С откоса скатилось еще несколько камней, а вслед за ними, с проворством человека, привыкшего лазать по вантам, кто-то спрыгнул вниз.

— Сигрод, — назвал сулькарец. — Мы видели, Капитан, как вы вернулись сюда, будто возникнув из ничего. Только тут в горах появились какие-то демоны, они уничтожают все на своем пути, и поэтому мы не решились выйти вам навстречу. Инглин нашел надежное укрытие, и они с Лоисой ждут нас там, пойдёмте, я провожу.

— А что здесь произошло?

Сигрод засмеялся.

— Чего только не было, Капитан! Эти самые кольдеры прошли через Ворота и исчезли — будто растворились у нас на глазах! А потом... потом наступила Ночь Демонов. Из Ворот явились сюда сущие скелеты и обрушились на лагерь кольдеров; я клянусь небом и землей, это сущая правда, они стали убивать одержимых — без всякого оружия, только взглядом. Колдовство, госпожа, — сулькарец взглянул на Джелиту, — такое, о каком я никогда не слыхивал.

Они уничтожили всех, кто находился в лагере, зато кольдеры, которые были в горах, направили на них лучи смерти — те самые, которыми они пытались сжечь нас, когда мы уходили от берега. И эти лучи, как кнут, хлестали по скалам и сжигали этих демонов. И еще, госпожа, твой сокол доставил донесение по назначению. Я поднимался на скалы и видел паруса в море!

Саймон тут же взял на себя роль старшего офицера.

— Наши корабли могут попасть под смертельные лучи кольдеров, — высказал он опасение. — Надо как-то предупредить об этом тех, кто командует флотом. Но как? А может быть, кольдеры в схватке с пришельцами утратят бдительность, и не направят огненное оружие против врага, появившегося со стороны моря? Впрочем, о демонах тоже забывать не следует. Никто не знает, что можно ожидать от этого нового противника. — Саймону было над чем подумать.

Сигрод привел их к пещере, где прятались Инглин и Лоиса, и там, собравшись все вместе, они стали решать, как действовать дальше.

— Берег можно захватить без особого труда, — высказался Инглин. — Лично я чувствую себя уютней, когда рядом море. Мне кажется, нам незачем забираться в глубь острова — огненный кнут не хлещет больше по скалам. За все это время я видел здесь только нескольких пришельцев, этих мешков с костями, которые бродили поблизости, будто что-то искали.

— Может, они начали осаду крепости кольдеров? — предположил Саймон. — В таком случае, выйдя к берегу, мы с ними столкнемся. — Он задумался. Флот — на подходе к острову, но за него можно не опасаться. Сулькарцы не дураки, они не бросятся сломя голову на штурм цитадели кольдеров, так как

знают, что враг коварен и может устроить ловушку. Однако, сейчас есть возможность покончить со злом раз и навсегда, и этим шансом следует воспользоваться.

Саймон понимал, что кольдеры не сумеют соорудить еще одни Ворота, к тому же их силы сосредоточены на отражении атаки существ из их собственного прошлого. Пути для отступления у них нет. Значит, пора решаться на штурм, а для этого, конечно, необходимо знать, что происходит на берегу, у стен крепости.

— Нужен разведчик... — начал было Саймон, но Джелита не дала ему договорить.

— Мы должны идти туда все вместе, — сказала она. — Просто потому, что сейчас самое лучшее для нас — выйти к морю.

Они отправились к берегу по тропе, которую разведали сулькарцы, пока вместе с Лоисой ждали возвращения Саймона и Джелиты. Идти по камням было очень трудно. Но сумерки еще не сгустились, и они продвигались вперед довольно быстро. Дважды они останавливались для передышки, а Саймон тем временем забирался на скалы, надеясь увидеть корабли. Однако, он так и не обнаружил их, и когда обмолвился об этом, Сигрод только усмехнулся.

— Они идут вдоль самого берега, это трюк, который служил нам не раз: флот разделился на две части, и одни корабли пенили вокруг острова на север, другие — на юг, искать место высадки.

У Саймона отлегло от души, слова моряка его ободрили. И хотя с кораблями, ушедшими на север, уже нельзя было связаться, но тем из них, что ушли на юг, в том же направлении, в котором продвигался их небольшой отряд, можно было подать сигнал с берега. Сделать это вызвался Инглин.

РАЗГРОМ

— Эти стены, Капитан, нельзя сокрушить одним усилием воли... — Сигрод лежал рядом с Саймоном на плоской вершине скалы и смотрел вниз.

Там, у крепости кольдеров, царило оживление. Демоны, явившиеся сюда через Ворота, собрались у ее стен, и по-видимому не думали уходить. Но Саймону казалось, что в случае продолжительной осады все преимущества будут на стороне кольдеров, засевших в крепости. Осаждавшие не имели никаких припасов, и надеяться им было не на что — кругом одни голые камни. Быть может, они рассчитывали в случае неудачи уйти обратно в свой мир? Но и Ворот уже нет...

«Сокрушить стены усилием воли...» — эти слова Сигрода засели у Саймона в голове. С того момента, как он оказался на острове, Саймон видел всего-навсего четырех кольдеров — двоих в замке и двоих на тягаче, попавшем в засаду по ту сторону Ворот. Из этих четверых двое — уже мертвы. Что касается оставшихся, то с одним из них, с тем, что в шлеме с проводами, Саймон не так давно вступал в борьбу и победил. Если этот кольдер жив, нужно попытаться заставить его служить им. Только бы удалось нащупать этого кольдера, только бы... Саймон жестом велел Сигроду возвращаться туда, где они оставили Джелиту и Лоису.

Спустившись следом, он поделился со всеми своим намерением.

— Значит те, в шлемах, управляют остальными? — удивился Сигрод.

— Да, и не только людьми, но, как мне кажется, и механизмами — тоже. Не зря же демоны захватили с собой из-за Ворот одного такого кольдера. Вероятно, иначе им было не пройти в этот мир.

— Однако, их присутствие не помогло им проникнуть в крепость, — заметила Джелита.

— А может быть, тот кольдер убит в стычке у Ворот? — предположила Лоиса.

— А другого, с которым тебе пришлось сразиться, — продолжила Джелита, — ты хочешь заставить служить твоей воле?

— Не моей, — поправил Саймон, — нашей.

— Чтобы он открыл Ворота крепости демонам? — иронично спросил Сигрод. — Но если они туда войдут, орешек так и останется нерасколотым. Они ведь тоже кольдеры, не так ли, Капитан? Какой смысл менять одних кольдеров на других?

— Смысла нет, — согласился Саймон. — Что ж, будем ждать, когда Инглин приведет отряд.

«В этой войне с кольдерами постоянно приходится ждать, — подумал Саймон. — Самое тяжелое бремя для воина». Он повернулся и лег на спину, глядя в ночное небо, затянутое тучами.

— Капитан, я заступаю на вахту, — Сигрод собирался снова залезть на скалу. Саймон буркнул что-то в знак согласия и погрузился в размышления о предстоящем штурме. Ему было ясно, что исход дела зависит от многих и многих случайностей. А нельзя ли силой воли воздействовать на игру случая? Что, если в колдовских рассказах из его собственного мира есть доля истины? Что, если и в самом деле Силой можно наслать на врага невезение?

Он ощутил у себя на лбу чью-то руку, разглаживающую его спутанные и слипшиеся от пота волосы.

— Саймон... — Джелита умела произносить его имя так, что оно звучало нежной музыкой, на которую тотчас отзывались сокровенные струны его существа. Только Саймон, и ничего больше...

Он взял эту ласковую руку, притянул к себе, прижал к щеке, к обветренным губам. Их любовь не нуждалась в словах — она достигла той глубины, когда двое понимают друг друга, не произнося ни звука. Между ними исчезли последние следы отчужденности.

— Отдохни. — Рука Джелиты снова легла ему на лоб. Он закрыл глаза и погрузился в сон.

Ничего не изменилось за ночь. Демоны все так же толпились у крепостной стены.

— Кольдеры не пользовались ночью огненным кнутом, — заявил Сигрод.

— По-видимому, не осмелились направить это оружие на свои же стены, — ответил Саймон.

— Или оно истощилось.

— На это не стоит рассчитывать.

— Кольдеры потеряли много одержимых у Ворот, и наверное поэтому не решаются дать отпор пришельцам. Как ты думаешь, Капитан, долго еще эти скелеты будут сидеть вот так и выжидать?

Саймон пожал плечами. Дистрофичные кольдеры оставались для него полной загадкой. Он допускал, что они могут, обходясь без еды, без воды, вот так сидеть у Ворот крепости днями, а то и неделями...

— Саймон!..

Он обернулся и посмотрел вниз по склону. Джелита, запрокинув голову, глядела на него радостными глазами.

— Саймон! Наши воины приближаются!

Он еще раз взглянул на море, но не увидел ни кораблей в бухте, ни парусов на горизонте и спустился вниз. Джелита стояла, устремив взгляд на юг, будто что-то видела там.

— Сигрод!

— Да, Капитан!..

— Отправляйся навстречу и проведи их к нам кружным путем, — Саймон показал назад.

— Слушаюсь! — Сулькарец исчез меж камней. Лоиса потянула Джелиту за рукав кольчуги.

— Корис с ними?

Джелита улыбнулась.

— К сожалению, милая, я не знаю. Ничего не могу тебе сказать.

Снова ожидание. Они съели по горстке какой-то муки, которую Джелита нашла в лагере кольдеров, и запили водой из канистры, найденной там же, в тягаче. Подкрепившись, Саймон снова отправился на свой наблюдательный пост и увидел прежнюю картину: крепость казалась вымершей, осаждающие не предпринимали никаких действий, и буквально с нечеловеческим терпением ждали под стенами непонятно чего.

Вскоре после полудня появился Сигрод. За ним цепочкой шли воины. Большей частью это были сулькарцы, привыкшие к морским набегам. Среди них можно было заметить воинов в шлемах — сокольничьих. Отдельной группой держались смуглолицые воины, те, что сразу подошли к Саймону, — это были его защитники границы.

— Капитан! — Ингвальд выдернул меч из ножен и отсалютовал им. Он обвел взглядом каменную пустошь и скалы. — Подходящее место для сражения...

— Будем надеяться, — ответил Саймон.

Они собрались на военный совет: четверо сулькарских капитанов с их моряками-воинами, отряд защитников границы и сокольничьи — оказавшиеся вдали от родных гор, но все же в горах. Саймон изложил им тот единственный, как он считал, план, который может открыть перед ними Ворота последней твердыни кольдеров.

— Все это и впрямь возможно? — спросил капитан Стимир без особого удивления — сулькарец знал, на что способны колдуньи Эскарпа. Это только сокольничьи старались держаться подальше от женщин и от колдовства, суеверно боясь его и не допуская мысли, что оно тоже может служить оружием.

— Нам не остается ничего иного, кроме как попытаться сделать это, — ответил Саймон. Он взглянул на Джелиту, и та едва заметно кивнула ему.

На краю колонны, в которую сгруппировались воины, появилась женская фигура. Женщина только что подошла. На ней, как и на всех, была кольчуга и шлем, но кроме того — серый плащ поверх которого на цепочке висел дымчатый камень — символ колдовства.

Владычица прошла вперед, посмотрела на Саймона, а затем остановила взгляд на Джелите.

— Ты уверена, что сможешь это сделать? — спросила колдунья, и Саймон уловил в ее тоне насмешку.

— Да, мы сможем это сделать, — ответила Джелита. — Мы немало подобного сделали за минувшие дни, сестра.

Владычица слегка поморщилась — ей не понравилось, что Джелита назвала ее так. «Должно быть, она считает, что наша попытка ни к чему не приведет», — подумал Саймон, и желание доказать ей обратное придало ему сил.

Он вызвал в воображении картину той комнаты, где последний раз видел двух кольдеров, и зримо представил их самих. Затем Саймон сосредоточился на образе офицера-кольдера, на котором был шлем с проводами, собрал воедино всю волю, и она стала подобна невидимому лучу бластера.

Саймон начал нащупывать контакт с кольдером — и добился этого! Его опасения оказались напрасными — кольдер в шлеме с проводами был жив... Он был жив, но то, что составляло ядро его сознания, будто выгорело, осталась пустота... Воля Саймона стала заполнять эту пустоту, и он ощутил вдруг, как, протекая через него, туда же хлынул поток другой энергии — ему помогала Джелита!

Саймон не замечал больше ни скал, ни стоявших в ожидании воинов, ни Владычицы, ни — даже Джелиты. Он чувствовал только исходившую от нее силу, словно составляющую теперь часть его самого. Их единая воля вливалась в сознание кольдера и делала его послушным им, делала таким же одержимым, какими были те рабы, в которых превращали кольдеры людей, плененных на Горме, в Карстене, в Сулькаре.

Кольдер уже готов был исполнять любые приказы. Что ж, для начала пусть откроет Ворота крепости...

Перед Саймоном замелькали смутные картины: коридоры, залы... Кольдер спешил выполнить приказ. Кто-то встретился на его пути и попытался его удержать, но тут же упал замертво.

Немного погодя Саймон увидел пульт, залитый светом, со множеством экранов, кнопок, рычажков, и руки кольдера, скользящие по ним, лишаящие жизни все хитрые механизмы крепости, лишаящие ее защиты...

Внезапно наступила полная тьма. Леденящий ужас охватил Саймона, и лишь невероятным усилием воли, почти теряя сознание, он удержался по сию сторону бытия. Он снова стоял под открытым небом, среди скал. Джелита, стискивая его руки, смотрела на него широко открытыми глазами, и он прочел в ее взгляде, что она пережила тот же ужас, что и он, мгновение назад.

— Он мертв, — услышал Саймон голос Владычицы, которая не держалась больше сторонней наблюдательницей — и в ее глазах Саймон заметил то, что довелось пережить им с Джелитой в последний миг борьбы Духа. Колдунья подняла руку, салютуя им.

— Вы сделали это...

— Больше ничего не нужно? — процедил Саймон сквозь зубы.

— Э-гей! — донеслось с наблюдательного поста. — Демоны зашевелились!

Внизу и впрямь началась суматоха. В крепости открылся проход, и пришельцы устремились в него, как муравьи. Половина полчища уже проникла по ту сторону крепостной стены, как вдруг щит Ворот рухнул вниз, придавив к земле пару тварей. Подбежавшие вслед за ними демоны направили на щит бластеры, и он начал коробиться, а затем разлетелся на куски.

— В атаку! — взмахнув мечом, крикнул один из капитанов, и воины с криками ринулись вниз по откосу.

Но вторжение в цитадель кольдеров оказалось не простым делом — это было больше похоже на охоту, чем на битву. Какое-то дьявольское оружие косило и людей, и пришельцев в тесных коридорах

замка. Но вдруг бойня прекратилась, словно сердце замка кольдеров дало сбой. А когда Саймон с отрядом своих воинов ворвался в центральный зал крепости, это сердце перестало биться совсем: шестеро кольдеров, находящихся там, мгновенно расстались с жизнью, а вместе с ними утратил жизнь и пульт.

Но тут началась новая битва, поскольку пришельцы, явившиеся из-за Ворот, повернули свое оружие против воинов Эсткарпа. Люди древней расы гибли, но и их мечи сеяли смерть...

Над скалами, над крепостью бушевала гроза, когда в стенах замка наступила, наконец, тишина. Люди, до отчаяния уставшие убивать, ошеломленные гибелью друзей и близких, еще не успевшие поверить, что они рассекли своими мечами сердце Кольдера — один за другим входили в зал, в середине которого возвышался огромный пульт.

— Кольдер мертв! — Стимир подбросил свой топор, и, поймав его за рукоять, очертил в воздухе сверкающий круг.

— Да, Кольдер мертв, — как эхо прозвучал голос Джелиты, вошедшей вместе с Владычицей и Лоисой в зал вслед за воинами. — Кольдер мертв, но зло, которое он посеял, все еще живо, и могут появиться те, кто попытается воспользоваться вот этим, — она кивнула на пульт.

— Этого не произойдет! — колдунья сняла с шеи дымчатый камень и направила его в сторону пульта. — Призываю тебя, сестра, уничтожить и это!

Нервный румянец тронул бледные щеки Джелиты. Она подошла к Владычице и встала рядом с ней, сосредоточив взгляд на камне. Свет, исходивший от стен, стал меркнуть. По всему пульту побежали искры, и в тишине раздались резкие хлопки первых взрывов, за ними — другие, и еще, и еще... Над пультом поднялись струйки дыма, запахло горелой изоляцией; на блоках начали плавиться кожухи...

«Должно быть, этот пульт служил кольдерам не только для управления сложными машинами, — подумал Саймон. — Он мог служить им и для связи с другими рассадниками зла, разбросанными по планете».

Эту мысль Саймон высказал капитанам кораблей, когда они собрались после штурма крепости.

— Паутина-таки осталась, — мрачно произнесла Владычица, сидевшая немного поодаль. — Паутина, сотканная кольдерами из ненависти, зависти, жадности... В Карстене сейчас беспорядки, и пока карстенцам не до Эсткарпа. Но это, очевидно, ненадолго.

— Да, ненадолго, — отозвался Саймон. — Появится новый вождь и станет призывать, во имя каких-нибудь благих целей, напасть на соседей...

— А об Ализоне известно хоть что-нибудь? — впервые подала голос Лоиса. — Как идет война с Ализоном?

— Сенешаль разбушевался там, как пожар на вересковой пустоши. Мы не ожидали, что он достигнет таких успехов. Но мы, все-таки, не сможем ни удержать Ализон, ни покорить Карстен. Людям Эсткарпа это и не нужно. Мы хотим лишь, чтобы наш народ спокойно доживал свой век, ибо знаем — для нас настал вечер, и утра уже не будет. И если враг навяжет нам жестокую войну, мы будем сражаться до смертельного исхода.

— Не обязательно все должно произойти именно так, — возразил Саймон.

Владычица пристально посмотрела на него, перевела взгляд на Джелиту, Лоису, Ингвальда, на сулькарцев, и улыбнулась.

— Я вижу, в ваших силах воспрепятствовать этому. Возможно, древний Эсткарп стал тем полем, на котором поднимутся ростки новой жизни — сейчас времена перемен. Кольдеры могли уничтожить мир, но, победив их, мы восстановили покой. Одно я скажу вам, братья: вы совершили подвиг, о котором будут слагаться песни...

— С кольдерами покончено! — воскликнул Ингвальд.

— Покончено, — согласился Саймон. — Но, как только что сказала Мудрейшая, нас ждут другие сражения, которые мы обязаны выиграть.

Он протянул Джелите руку, и она откликнулась на его движение. В этот миг Саймон был далек от мыслей о судьбе Эсткарпа.

